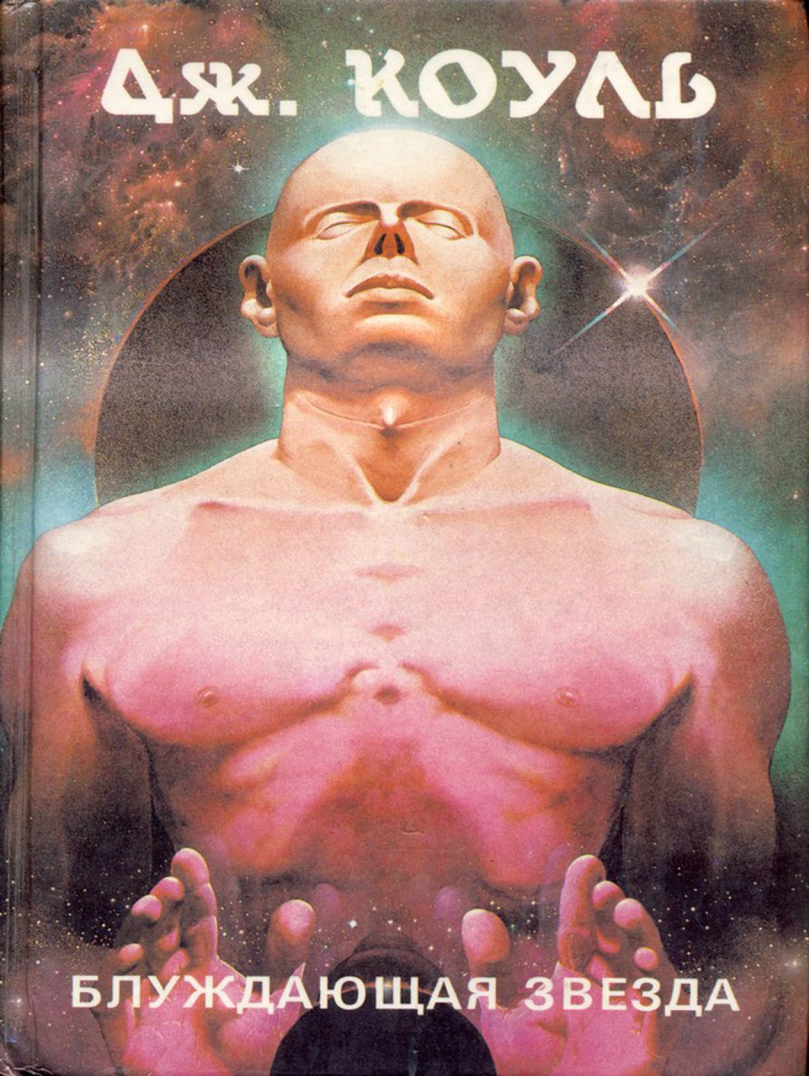
Дж. КОУЛЬ



БЛУЖДАЮЩАЯ ЗВЕЗДА

Блуждающая звезда (сборник)

Дмитрий Владимирович Колосов

Аннотация
Дж. Коуль. Блуждающая звезда (сборник)
Последний гладиатор
Рассказы
Ловушка для Космического негодяя
Блуждающая звезда
Человек был…
Выбор Макгроуна
Ангел
Орфей обернется
Пожелание смерти
Фонарщик
Девушка синего леса
Невероятная и поучительная история о курице и яйце

Аннотация

В книгу вошла повесть «Последний гладиатор» и рассказы — «Ловушка для Космического негодяя», «Блуждающая звезда», «Фонарщик» и другие, написанные в философско-мистическом стиле и заставляющие читателя задуматься о многих насущных проблемах.

Дж. Коуль
Блуждающая звезда (сборник)

Последний гладиатор

Переход был наполнен вонью и грохотом. Ослепительные мелтановые импульсы с визгом пронзали переборки, выжигая неровные звездообразные пробоины, из которых сочился едкий пластик. Все, что могло плавиться — плавилось, все, что могло гореть — горело, наполняя синтезированный воздух клубами удушливого дыма.

Взи–и-у! Взи–и-у! Взи–и-у! Пронзив тремя импульсами кишкообразный отросток перехода, откуда летели в ответ зеленоватые мелтановые молнии, гладиатор Керл Вельхоум набрал полную грудь воздуха и нырнул в облако пара, хлеставшего из перебитой системы терморегуляции. Здесь не было видно ни зги, поэтому надлежало быть осторожным. Ведь тиммеры, использовавшиеся на кораблях в качестве защитников, видели мир в инфракрасном диапазоне, и водяной пар не был для них помехой.

Импульс разорвал стену в дюйме от плеча Керла, обдав его горячими брызгами. Гладиатор стремительно присел на колено и дважды выстрелил. Сверкнула яркая вспышка, а спустя

мгновение донесся оглушительный звук взрыва. Все вместе это означало, что тиммер, стрелявший в Керла Вельхоума, уничтожен, и отвоевано еще несколько футов пути. Сколько именно, Керл не знал, за извилистым поворотом его мог подстерегать очередной тиммер. Кашляя и ежесекундно вытирая слезящиеся от дыма глаза, гладиатор побежал вперед.

Керл Вельхоум в совершенстве владел всеми видами оружия, но главным его козырем была стремительная реакция. Именно она помогала Керлу выходить победителем из множества поединков, именно она не раз выручала его, когда уже казалось, что гибель неминуема. Реакция спасла ему жизнь и в этот раз. Керл вырвался из облака пара и бросился ничком на пол. Считалось, что никто — ни человек, ни киборг — не в состоянии увернуться от мелтанового импульса. Что ж, верно, так оно и было. Но гладиатор Керл Вельхоум умел это делать. Недаром он считался лучшим гладиатором, недаром он был последним.

Великий Мастер Эрн Торландер по прозвищу Галл как–то сказал ему после очередного урока:

— Керл Алинс, ты совершенная машина убийства. И дело не в том, что ты прекрасно владеешь

чоппером, синхронизированными гранатами и отравленным ножом. Я знаю парней, которые умеют делать это лучше тебя. Но никто не может столь совершенно уходить от опасности. Когда я стреляю в тебя, ты словно растворяешься в воздухе, чтобы в следующий миг появиться вновь и вернуть мне выстрел. И как у тебя это только получается?

— Не знаю, — ответил Керл Вельхоум. И он был вполне искренен. Но и знай Керл этот секрет, он не раскрыл бы его Галлу. Ведь через три сомметанских месяца им предстояло драться на турнире в Эль–Коарне. На этом турнире Керл убил Мастера Эрна Торландера, как убил многих других, заслужив почетное прозвище Вельхоум, что на языке планеты Тменд означало — Несущий смерть.

Керл не имел четкого представления, как все это происходит, он знал лишь, что ему удается каким–то образом расчленять время, рассекая его на крохотные отрезки, чередуемые с паузами. Всё вокруг, как это и положено, существовало лишь в эти отрезки, Керл ухитрялся занимать также и паузы.

Когда он вырвался из удушливого облака и вдруг увидел пред собой серую шеренгу тимме-

ров, сознание привычно разложило время. Керл оттолкнулся от пола и прыгнул вперед, выбрасывая перед собой руки, сжимавшие рукоять оружия. Полет был плавным, глаза Керла привычно ощупывали сонные пока дула чопперов, что были встроены в нефелитовые корпуса роботов–защитников. Но вот серые глаза гладиатора чуть дрогнули, фиксируя, как из продолговатых трубок вырывается цепочка тонких зеленых лучей, каждый из которых способен перерезать пополам трехдюймовый стальной лист. Глаза дрогнули, но лишь самую малость, скорей подчиняясь традиции, но не необходимости, так как Керл знал, что импульсы не попадут в него. Он медленно опускался на пол, а они еще медленнее устремлялись к тому месту, где мгновение назад была грудь гладиатора. Еще находясь в падении, Керл начал стрелять. Импульсы летели из раскаленного ствола чоппера и в тот миг, когда он катился на животе по гладкому зеленоватому покрытию, которым был устлан переход. Керл перестал нажимать на курок, лишь убедившись, что все его враги мертвы.

Мгновение он лежал неподвижно, ощущая, как бешено стучит сердце, а время обретает обычную скорость, затем поднялся и обежал взглядом по-

верженных тиммеров. Все пять защитников были выведены из строя. Их чопперы были расплавлены, а на исковерканных панелях управления изредка мигали суматошные огоньки. Ни один из роботов так и не успел сделать второго выстрела. Керл всегда считал, что тиммер не боец, а сплошное недоразумение. Дим Ремдус, наживший огромное состояние на производстве этих боевых роботов, сконструировал их в соответствии с параметрами человека. Они обладали точно такой же реакцией, были не слишком быстры и весьма уязвимы. Тиммеры были созданы как защита от иррационалистов, они не могли конкурировать с космическими гладиаторами. Подобно обычному человеку они вначале анализировали ситуацию, в то время как для того, чтобы выжить, необходимо было незамедлительно действовать. Поэтому–то они не успели дать второй залп.

Как не успел выстрелить и человек. Керл движением ноги перевернул убитого на спину. Лицо, искаженное болью, показалось смутно знакомым. Так и есть — Оланн Ола'м. Он некогда ходил в учениках у Керла, а потом, уловив, куда дует ветер, переметнулся к паци. Он был весьма способным учеником, и из него мог бы получиться неплохой гладиатор. Сытая и спокойная жизнь

на Соммете лишила его былой сноровки.

Керл поднял с пола чоппер убитого и сунул его в один из контейнеров, которые были во множестве разбросаны по поверхности гимпиора. Запасное оружие было нелишним, так как мелтановый накопитель в чоппере Керла должен был вот–вот израсходовать энергию. Присев за шеренгой мертвых тиммеров, чьи покрытые нефелитовой броней тела служили великолепной защитой от внезапного нападения, гладиатор извлек небольшой модусный планшет, на котором была изображена точная схема корабля.

«ИНФЕРНО» — лидер типа КЛ-14.

Боб Муларс, ярый иррационалист из Лербены, уверял, что в переводе с древнеземного, «инферно» означает пламя.

Однако терролог Квинт Курций, словам которого Керл был более склонен верить, сказал, что словом «инферно» на Древней Земле обозначали место, где древние предки паци мучили тех, кто не согласен с их бредовыми идеями.

— Инферно не существовало в действительности, — добавил Квинт, почесывая прыщавый нос. — Оно существовало в воображении каждого земного народа. Британцы называли его «хелл», германцы — «хель», китайцы — «диюй», будди-

сты — «нарака», русские — «ад». Это место, где воздается наказание за совершенные людьми грехи.

Трудно судить, были ли белонняне столь греховны, но «Инферно» стал адом для Белонны, как «Хорроу» ужасом для Катанра, а «Смерть» — гибелью для Армагаски.

«Инферно» явился на Белонну во время трехсезонного турнира на первенство Синей короны. Местные жители приняли его за купца с Шиллы. Каково же было их изумление, когда однажды утром из трюмов псевдокупца посыпались, словно горох, десантники Пацифиса, облаченные в белые с золотым шитьем мундиры и прозванные потому херувимами, вслед за которыми потянулись длинные колонны чоппингов и тиммеров.

Это был типичный пиратский рейд, подобный тем, что совершали древнеземные корсары вроде Дрейка или Моргана. С помощью натасканных на людей к'гатов были схвачены тысячи иррационалистов, которых погрузили в трюмы спустившихся с орбиты вспомогательных крейсеров. Среди пленников оказался и Керл, застигнутый врасплох во время традиционной утренней разминки. Имея при себе лишь отравленный нож, гладиатор не смог долго сопротивляться против

целой бригады херувимов, державших на стальных поводках злобно воющих к'гатов.

Захватив пленников, паци вернулись на корабли, которые тут же поднялись на орбиту и залили поверхность Белонны жидким огнем. Погибло более четырехсот тысяч колонистов, живших в сорока семи городах и шестиста двадцати трех метабазах. Лишь немногие успели скрыться в подземных бункерах. При этом было общеизвестно, что только восемь процентов жителей Белонны признают себя иррационалистами.

Керла отделили от прочих пленников и поместили не в одном из переполненных трюмов крейсеров, а в тюремном каземате заполненного солдатами и боевыми роботами «Инферно». Его стерегли строже, чем главаря космических пиратов Черноухого Билли, имевшего имплантированное черное ухо и репутацию скверного шутника. Обычно Черноухий Билли развлекался тем, что замуровывал своих пленников в стеклянные призмы и выбрасывал их в открытый космос. Некоторые из несчастных жили по несколько дней, постепенно сходя с ума от одиночества и ужаса перед бесконечностью космической бездны. Позднее его поймали, судили, приговорили к казни на электрическом стуле, но Билли поспе-

шил раскаяться и записаться в активные паци. Суд счел возможным помиловать его. После этого Билли долго строил из себя праведника, но как только власти ослабили контроль за ним, проник на военный крейсер, перебил охрану и увел корабль в неизвестность. Его так и не нашли, но судя по тому, что вновь стали исчезать яхты и грузовозы, Черноухий Билли занялся прежним ремеслом. Так вот, Черноухого Билли охраняли десять стражников. За Керлом следили двадцать пять херувимов и несколько тиммеров. Этим меры предосторожности не ограничивались. Модуль, в который поместили гладиатора, был изготовлен из нескольких слоев прочнейшего нефелита, путь в него преграждали три пневматические двери из того же сплава. Подобные пятидюймовые двери, по слухам, были лишь в Форт–Нисе, где хранился запас кредитов Пацифиса. Пищу пленнику подавали через специальный изолированный конвертор. Отбросы удалялись посредством автономного утилизатора. Великого гладиатора Керла Вельхоума готовили для показательного процесса на Соммете, и поэтому были приняты все надлежащие меры, чтобы доставить его на место целым и невредимым.

И все же он сумел бежать из своего каземата.

Ведь недаром он прошел школу выживания у самого Люка Зубарта — маленького невзрачного человечка с фантастически умными руками. Теперь Люк был большой шишкой в Совете Пацифиса и должен был судить своего бывшего товарища.

С помощью нехитрого трюка Керл отключил камеры наблюдения. О неполадках немедленно сообщили командующему карательной экспедицией адмиралу А. Торбински, и тот послал в каземат астротехников под охраной вооруженных херувимов, а перед тем приказал пустить через вентиляционные шахты усыпляющий газ.

Пятнадцать закованных в бронедоспехи воинов с опаской шагнули через порог каземата, в котором сидел Керл Несущий смерть. Они так и остались навечно лежать на серебристых нефелитовых плитах, сраженные беспощадной рукой гладиатора. Затем Керл расправился с оставшимися охранниками и ринулся по бесконечным переходам к сердцу корабля — к навигационному центру.

Он миновал три уровня из семи, прежде чем была объявлена общая тревога. Следующие два Керл преодолел с боем, уничтожив несколько десятков тиммеров, херувимов и астротехников.

Оставалось еще два уровня, на первом из которых его должны были ждать херувимы с к'гатами, а на последнем, если он, конечно, до него доберется, переходы будут перекрыты киборгами.

Керл неожиданно для самого себя расхохотался. Все это напоминало незамысловатую электронную игру, где игрока по мере продвижения вперед поджидают все более и более серьезные противники. Сначала были тиммеры и херувимы, затем к'гаты и киборги–онги. Дешевка! Словно в школе для начинающих.

Гладиатор обернулся на едва различимый шорох, донесшийся справа, и выстрелил. Херувим беззвучно осел на пол, а Керл продолжал изучать, схему корабля.

Думай, Керл! Думай!

Чем ближе к навигационной рубке, тем количество переходов все сокращалось, а значит, перекрыть их было значительно проще. Сквозь плотный огонь чопперов и завесу синхронизирующих гранат не пройти даже Керлу Вельхоуму. Этот вариант мало подходил.

Думай, Керл! Думай!

Можно было вернуться назад и попробовать подняться по воздушной шахте. Теперь, когда он начал пробиваться через переходы, охрана

вряд ли ожидает нападения с той стороны. Но возвратиться на первый уровень, где находились воздухоочистители, было не так–то просто. Пути отхода наверняка отрезаны тиммерами и херувимами.

Думай, Керл! Думай!

Был еще один путь, который наверняка никто не охранял. Система охлаждения энергетической установки. Огромные трубы, пронизывающие корабль сверху донизу. По этим трубам, защищенным свинцовой и керамической оболочками, струился вбдяной пар, охлаждавший раскаленное чрево реактора. Нагнетаемый мощным компрессором, который был расположен прямо под навигационной рубкой, он ледяной волной опускался вниз и поднимался обратно, нагретый до температуры кипения. Уже одно это, казалось, исключало всякую возможность передвижения по трубе без специального снаряжения. Кроме того, пар, охлаждавший реактор, был радиоактивен. Попав в подобную среду, человек получал смертельную дозу облучения в считанные мгновения. Лишь самоубийце или сумасшедшему могла придти в голову мысль воспользоваться системой охлаждения. Самоубийце или сумасшедшему, а еще — гладиатору.

За то, чтобы остановиться на этом варианте, выступало и то обстоятельство, что тюремщики не удосужились отнять у Керла гимпиор, его вторую кожу — специальный доспех, которые изготавливались для гладиаторов кузнецами–иррационалистами из Лека — центрального города изумрудной планеты Катанр. Ныне Лек больше не существовал, исчезнув вместе с изумрудной планетой.

Гимпиор был изготовлен по принципу доспехов древнеземных воинов со странным именем — савроматы. Это они некогда изобрели полукольчугу–полупанцирь из разрезанных на узкие дольки копыт животных, схожих с сомметанскими рибефалами. Доспех из этих костяных чешуек отражал удары лучше, чем медная броня или кольчуга, сделанная из железных колец. Оружейники Катанра переняли опыт древних воинов. Только пластины они отливали из специального кремнесплава, который был невесомо легок и отражал не только сталь, но и мелтановый импульс. Правда, пластины эти были хрупки и не могли выдержать нескольких ударов мечом или нефелитовым ножом. Чтобы предотвратить их преждевременное разрушение, доспех обшивали поверху шершавой кожей морских анаконд,

обитавших в морях Ламета. Эта кожа была очень прочна и водонепроницаема. Изнутри доспех простегивали тремя слоями пемса, стойкого как к жаре, так и к холоду. Имея на совесть сделанный гимпиор, можно было смело разгуливать по ледяным пустыням Близнецовых планет и купаться в огненном источнике у Терзентского Везувия. Вот только от радиации он не спасал.

Из–за поворота показались два тиммера, вооруженные пневмоогнеметами. Узкие языки пламени устремились к Керлу. Гладиатор упал ничком на пол, дождался, когда смрадный пластиковый дым вознесется к потолку, и, почти не целясь, расстрелял обоих защитников. С последним выстрелом на пол упал энергетический накопитель, и Керл, отбросив ставшее бесполезным оружие в сторону, выдернул из–за пояса второй чоппер.

То, что паци пустили в ход огнеметы, свидетельствовало о том, что они начали переходить к активным действиям. Из–за переборки доносился вой к'гатов. Керл не испытывал желания схватиться с этими рептилеобразными монстрами, передвигающимися намного быстрее человека и защищенными превосходной кожаной броней. За свою жизнь он истребил не один десяток

к'гатов на аренах Белонны или Армагаски, но он всегда бился против них один на один, а на этот раз ему придется иметь дело сразу с несколькими хорошо обученными тварями.

Гладиатор размышлял лишь долю мгновения. Если он примет бой в этом переходе, ему удастся продержаться час, от силы два — до тех пор, пока паци не пустят в ход киборгов. Не слишком долгий срок, чтобы успеть насладиться жизнью. Если он рискнет пробраться наверх по трубе охлаждения, то проживет лишь считанные мгновения. Но тогда ему удастся отыграться не только на к'гатах или киборгах, но и на их хозяевах — паци. Керл Вельхоум ценил свою жизнь лишь потому, что она дает ему возможность сражаться с врагами и убивать их. Теперь ему предстояло умереть, и он желал отметить свой уход роскошным погребальным костром. Да будет так! Сняв с пояса мертвого Оланна Ола'ма гранату, гладиатор освободил ее от синхронизатора и засунул под остов одного из тиммеров. После этого он ползком добрался до трубы охлаждения. Несколькими выверенными импульсами Керл сбил сначала керамическую, а затем свинцовую заслонку и заполз в трехфутовый шлюз. Время от времени систему охлаждения осматривали астротехники, облаченные в спе-

циальные костюмы. Именно для этой цели были устроены переходные шлюзы, одним из которых намеревался воспользоваться Керл.

Какое–то время он сидел неподвижно, глубокими вдохами вентилируя легкие. Ему надлежало проползти по вертикальной трубе около восьмидесяти футов, и все это на одном дыхании. Малейшее судорожное движение ртом влекло мгновенную смерть — раскаленный пар выел бы легкие. Поэтому Керл не спешил отправиться в свое последнее путешествие, хотя вот–вот должна была начаться атака. Он хотел подготовиться как следует.

— Ну что ж, — наконец сказал он сам себе. — Пора!

Керл одел похожий на шлем капюшон, скрывший сразу и голову, и лицо, и сделал глубокий, какой только смог, вдох. В тот же миг заслонка, отделявшая переходной шлюз от трубы, разделилась на восемь трапециевидных лепестков, и обжигающее облако пара поглотило гладиатора. Взорвалась болью кожа на ничем не защищенных кистях рук, горячие влажные струйки просочились сквозь щели маски. Керл поспешно шагнул в трубу и, цепляясь за скобы, полез вверх. С каждым движением боль становилась все

невыносимей. Сильнее всего страдали руки. Они покрылись волдырями, затем кожа на ладонях стала трескаться и прилипать к раскаленным скобам. Вскоре подушечки пальцев превратились в комки обгорелого мяса. Раскаленное пятно ожога охватило шею и начало медленно ползти вниз, воспламеняя грудь и живот. Керл опасался за глаза. Пока они еще были целы. По крайней мере, гладиатору хотелось так думать. Пытка огнем продолжалась целую вечность. Керл потерял счет времени и благословлял боль, которая мешала ему забыться и сделать столь лакомый вдох.

Он добрался до конца трубы и упал в распахнувшееся чрево шлюза. И даже нашел в себе силы дождаться, пока пар, что проник вместе с ним, не остынет. Лишь теперь он позволил себе вдохнуть и тут же закашлялся. А затем Керла вырвало. Кровью и мокротой из пораженного радиацией желудка. Острая боль в изъязвленном горле напомнила, что надо спешить. Стиснув от боли зубы, Керл медленно провел обваренными пальцами по магнитному клапану контейнера и извлек чоппер. Затем он откинул на спину ненужный больше капюшон. Глаза засвербило от рези, и тут же хлынули спасительные слезы. Когда они омыли зрачки и скатились по щекам,

Керл обнаружил, что видит. Хуже, чем прежде, но видит.

Тщательно прицелившись, он расплавил замок свинцовой двери, затем та же участь постигла и керамическую. Приоткрыв ее, Керл осторожно высунул голову. В переходе никого не было. Пронзительно мигали аварийные лампы, издалека доносился вой к'гатов. Керл попытался усмехнуться обожженными губами, что ему удалось не очень, и сжал синхронизатор. В тот же миг он почувствовал легкий толчок, а через несколько мгновений долетело глухое эхо взрыва. Отлично! Это должно было хоть немного сбить врагов с толку.

Гладиатор выбрался из трубы, медленно, ощущая боль в каждой клетке умирающего тела, поднялся на ноги и двинулся по направлению к навигационной рубке.

Он добрался до цели без особых помех, лишь однажды наткнувшись на паци. Это был здоровенный бородатый астромеханик с зеленым голубем на нашивках. Изуродованные пальцы Керла сомкнулись на шее врага прежде, чем тот успел крикнуть. Все остальное было несложно.

Навигационная рубка на кораблях, подобных «Инферно», всегда тщательно охранялась. В по-

следнее время вошло в моду выставлять караулы из киборгов. Керла это вполне устраивало. Конечно, киборги имели великолепную реакцию, но было бы куда хуже, если бы вместо них оказались херувимы с к'гатами, обладавшими помимо реакции еще и отменным нюхом.

Киборгов–онгов следовало убивать выстрелом в голову. И желательно одним выстрелом, потому что второго они просто не давали сделать. Несмотря на обожженные руки, Керл успел выстрелить трижды; ответный импульс сбил его с ног, но и падая, гладиатор ухитрился попасть обидчику промеж заполненных жидким гелием глаз.

Подниматься было тяжело. Разрывало болью желудок, гулко бухало сердце, Керл почти не чувствовал левую ногу. Его время неумолимо подходило к концу. Стиснув зубы, гладиатор подковылял к двери. Он не знал кода магнитного замка, но зато прекрасно разбирался в подобных механизмах. Нужно было уколоть мелтановой иглой между скрытыми в глубине двери розовым и зеленым проводками, что Керл и сделал. Импульс замкнул контакты в единую цепь, дверь поползла в сторону, давая Керлу пройти.

Чоппер весело плясал в его руке, выплевывая

смертельные струи. Импульсы сразили адмирала А. Торбински, астрокапитана Рейна и трех астронавигаторов. Штурман успел выхватить свое оружие, и Керл с наслаждением размазал его по пульту. Затем он подошел к аварийному щиту, разбил стекло и рёзко рванул вниз красный рубильник. В тот же миг все двери на «Инферно» с лязгом сомкнулись, рассекая корабль на сто сорок два изолированных отсека.

Лицо гладиатора ощерилось страшной гримасой, которая должна была выражать счастье. При этом его распухший язык выдавил два передних зуба, Керл тупо посмотрел на окрашенные розовой пеной комочки, упавшие у его ног. Он уже не чувствовал боли. Боль ушла, уступая место Смерти.

Смерть! Она предстала пред Керлом во всем своем омерзительном обличье. Прежде он считал, что Смерть похожа обликом на гладиатора. В доспехах — черных и обязательно залитых кровью. На деле Смерть оказалась омерзительной старухой, из которой были выпиты все жизненные соки. Увядшие щеки ее были покрыты глубокими морщинами, с всклокоченных волос падала жирная перхоть, а глаза были усталы и пусты. Во рту у старухи было всего два зуба — те самые, что

выпали из прогнивших десен Керла. Гладиатор расхохотался, и Смерть обрела еще один резец.

— Подвинься! — приказал ей Керл. Он привык быть на ты со Смертью, и она уважала его за это. Смерть отошла в сторону, позволяя гладиатору пройти к капитанскому креслу. Тяжело передвигая непослушные ноги, Керл дотащился до него и упал на синтепоновую подушку. Сердце, пронзенное мириадами нейтронов, отбивало сумасшедший ритм. Подняв вверх обваренные руки, Керл подобно пианисту уронил их на клавиши компьютера. На дисплее появились ровные строчки.

ЗАПРОС: Ближайшая звезда.

ОТВЕТ: Терта Лукреции, по универсальной классификации СКР–Х11.

ЗАПРОС: Расстояние.

ОТВЕТ: Три световых минуты.

ИМПУЛЬС К ДЕЙСТВИЮ: Курс на звезду.

ВОПРОС–ДУБЛЬ: Повторите приказ.

Занервничал, скотина! — прокомментировал Керл реакцию компьютера и отстучал:

ИМПУЛЬС К ДЕЙСТВИЮ: Курс на звезду.

ВОПРОС–ДУБЛЬ: Цель.

ПОЯСНЕНИЕ: Корабль поражен опасным вирусом. Для обеспечения безопасности Пацифиса

необходимо уничтожить корабль.

ТРЕБОВАНИЕ: Отдайте приказ по инструкции № 108.

Пальцы уже не слушались. Прилагая неимоверные усилия, Керл отстучал:

ИМПУЛЬС К ДЕЙСТВИЮ: Согласно инструкции № 108. В связи с чрезвычайной ситуацией, угрожающей существованию Пацифиса, приказываю направить корабль на звезду СКР–Х11 и уничтожить его.

ОТВЕТ: Приказ принят. Приступаю к исполнению.

Едва живой Керл откинулся на спинку кресла. Спустя мгновение он почувствовал, как корабль дрогнул, и созвездие Меченосцев переместилось в левую часть обзорного иллюминатора. Он добился своего.

Добился!

И Керл запел. Из обезображенного распухшего рта летели хриплые бессвязные звуки. Он пел Луч зеленой звезды — гимн космических гладиаторов, написанный некогда его другом Пейном Урроу.

Луч зеленой звезды мое сердце пронзил,
Обжигая его, словно взгляд твоих

глаз…

Он пел и мечтал прожить три минуты. Всего три минуты! И увидеть, как мир растворяется в огненном облаке звезды с таким поэтическим названием — Терта Лукреции.

Но Смерть не даровала ему такую милость. Верно, потому, что он слишком долго избегал ее. Керл умер, когда до назначенного срока оставалось лишь десять секунд. И наступила тьма.

А в нефелитовую дверь рубки стреляли из чоппероров.

Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один!!! И наступила тьма…

Почему–то его сон всегда обрывался именно на этом месте, не дожив всего десять секунд до победы. Керлу захотелось заплакать, но он не стал этого делать. Он не мог этого сделать — парализованные слезные железы были сухи, словно ручьи Калертинского нагорья. А кроме того, он знал, что стоит векам дрогнуть, она почувствует это и начнет гладить его по голове. Гладиатор ненавидел ласковые прикосновения ее рук, они мешали его сердцу ожесточиться.

И все же она заметила, что Керлу хочется плакать.

Мягкая ладонь опустилась на голову и ласково погладила жесткий ежик волос. Керл попытался стиснуть челюсти, но не смог. Он позабыл о том, что уже никогда не сможет стиснуть челюсти!

— Проснулся? Вот и хорошо. Сейчас умоемся, а потом будем завтракать. Я подумала, что тебе надоела стряпня, которую готовит тензер, и сама сварила гайонику с подливой из настоящего банана. Ведь ты любишь бананы?

Веки Керла чуть дрогнули, что означало: да, люблю.

— Вот и хорошо.

Влажная губка обняла лицо, пощекотала под подбородком, коснулась шрама за ухом. Целая гамма непередаваемых ощущений. Прежде он и не подозревал, что обычное прикосновение может подарить целый мир. Он много о чем не подозревал.

Затем она вытерла лицо Керла салфеткой и расчесала чуть влажные волосы, а в довершение поцеловала его в губы. Он в сотый раз пожалел, что не видит ее серых глаз, умеющих быть ласковыми и беспощадными. Когда–то он целовал эти глаза, а затем смотрел в них, ожидая смерти. Но смерть не пришла. Как жаль, что она не пришла.

— Ну вот, а теперь позавтракаем.

Сильные руки подняли тело Керла и придали ему сидячее положение, подсунув под спину упругий валик. Затем Керл почувствовал, что в его рот входит пластиковый шпатель, размыкающий сначала губы, а затем и намертво стиснутые челюсти. Язык слабо уловил прикосновение жидкой массы. Керл не чувствовал вкуса пищи, но знал, что ест гайонику с бананом. Она никогда не обманывала его. Керл любил банан и, хотя не мог насладиться его чуть вязким прикосновением, ему все равно было приятно.

Удивительно, но глотать он не разучился. Это при том, что у него было парализовано все тело вплоть до самой мельчайшей мышцы. Челюсти не двигались, и поэтому Керл мог есть лишь жидкую пищу; возникало странное ощущение, когда она медленно скользила из пищевода в желудок. Кишечник не действовал, и все то, что не усваивалось организмом, точнее, остатками организма Керла, выводилось через катетер, вшитый вместо двенадцатиперстной кишки и выходивший наружу у основания ребер. Впрочем, потребности Керла были невелики. Много ли надо тому, у кого действуют лишь сердце, желудок, легкие, часть печени да мозг. Да еще крохотная часть нервных рецепторов, благодаря которым он может слы-

шать и ощущать прикосновения.

Ему нужно было совсем немного. Керл с трудом сглатывал мягкую кашицу, и ласковый голос проникал в его мозг, а мягкие руки вытирали его губы.

— Вот молодец! Как мы сегодня хорошо кушаем! Не капризничаем…

Керл мысленно усмехнулся. Капризничаем! Интересно посмотреть, как бы это он сумел капризничать. Отказался глотать пищу? Паци стали бы кормить его с помощью зонда или внутривенных вливаний. Уж больно хотелось им явить всему миру побежденного Керла Вельхоума, Керла, Несущего смерть.

Она закончила кормить Керла и поменяла сосуд, присоединенный к катетеру. Она ушла, но затем вернулась вновь, подсела к Керлу, расстегнула рубашку на его груди и начала гладить покрытую шрамами кожу. Прикосновения были приятны, они возбуждали. Она ласково шептала, касаясь губами лица Керла. Теплое влажное дыхание ласкало щеки и волевой подбородок с неглубокой ямочкой посередине. В такие мгновения Керлу страстно хотелось, чтобы его губы ожили и впились в сладкий рот этой женщины, а сердце билось намного быстрее.

Она могла сидеть так часами. И Керл спрашивал себя: чего она добивается? Остатки ли это нежного женского чувства или она просто жалеет его? Как странно — жалеть, причинив невыносимую боль. Быть может, в ней рождалась любовь, схожая с материнской — любовь к слабому, беззащитному, нуждающемуся в ней существу. А может быть, это была какая–то нездоровая похоть? Керл много раздумывал над этим, но не мог найти ответа. Но Керлу хотелось думать. Ему ничего не оставалось кроме того, как думать.

Он много думал. И не только над этим. Он много думал, и это помогало не сойти с ума.

А еще он вспоминал…

Керл был редким гостем на Соммете. А если и появлялся, то обычно под чужим именем, хотя сомметяне и не объявляли его вне закона, как это сделали на Тменде, Граннме, Океаниде и еще четырех планетах Пацифиса. Сомметяне были отъявленными паци, а Керл не доверял паци, в какие бы одежды они ни рядились.

В тот раз он позволил катанрянину Лайту Пазонсу уговорить себя. Лайт не был его другом — у Керла, как и у любого другого гладиатора, не было друзей. Но он относился к числу приятелей, с которыми Керл мог расслабиться и пропустить

стаканчик–другой транзиосторианского вина. Лайт не имел при себе отравленного ножа и не был способен воткнуть его в спину.

Лайт и терролог Квинт Курций отправлялись на Соммету, где должны были состояться пышные торжества по поводу трехсотлетнего юбилея Пацифистской Лиги. Керл как раз накануне выиграл турнир в Старом Плимуте. Он убил пятерых гладиаторов, среди них знаменитого Андрея Андреева, известного более как Отравленный Коготь, и заработал восемь тысяч двойных кредитов. Часть этих денег он собирался вложить в домик на полудикой планетке Элвера, а остальные прокутить. Тут–то и подвернулся Лайт со своим предложением.

Поначалу Керл не хотел лететь на Соммету. В Радужном поясе было немало злачных местечек, куда более привлекательных, чем пуританские бордели в цитадели Пацифиса, но Лайт уломал его.

Они отправились в путь на прогулочной яхте, взятой напрокат у толстяка Маркуса Визбата, владельца сети магазинов в Тараме. Перед тем, как выйти на орбиту, Керл тщательно осмотрел судно. Интуиция не подвела его. В каюте, которая по жребию досталась Лайту, он нашел

цветочный горшок, на поверку оказавшийся пикринной бомбой с синхронизирующим механизмом. Где–нибудь около Фалтеи, где полно метеоритных потоков, этот горшок должен был превратиться в плазменное облако, которое прожгло б небольшую дыру в феррообшивке. На Соммету прибыл бы гроб с тремя замороженными трупами, а несчастье приписали б на счет метеорита, случайно проскользнувшего мимо защитного экрана. Керл ясно представил себе кричащие заголовки информационных сообщений: «Великий Керл Вельхоум проиграл в схватке с метеоритом!», «Бесславная кончина Несущего смерть!» Усмехнувшись, Керл заменил синхронизирующий взрыватель, упаковал горшок в красивую коробку и послал ее «Господину Маркусу Визбату с добрыми пожеланиями». По чистой случайности коробка взорвалась в руках толстяка в тот миг, когда он принимал поздравления и подарки по поводу открытия нового супермаркета на Авеню Кактусов. Керл следил за этой церемонией по сферовизору и охнул в один голос с Лайтом и Квинтом Курцием. Синхронизатор он прицепил к золотому шнуру, который в шутку именовал ожерельем людоеда. Теперь на нем висели шестьдесят два инкрустированных

замысловатой пластиковой вязью кружочка.

Путешествие до Сомметы удалось на славу. На всем пути им повстречался лишь один метеоритный поток, да и то трясло не более двух часов. Все системы корабля работали отлично, так что следить за ними нужды не было. Приятели поглощали пиво и древний напиток ойву. Лайт и Керл играли в шашки, а Квинт Курций развлекал их занимательными историями. Керл, в частности, узнал от него немало интересного про древнеземных гладиаторов. Он здорово удивился, когда Квинт сказал, что чопперами когда–то именовали грубо обтесанные камни, используемые дикими людьми, а уж потом это название по неведомой прихоти приклеилось к мелтановым излучателям. Квинт Курций рассказал им про Цезаря и про короля Генриха IV.

На исходе восьмого дня яхта приземлилась к космопорту Таама, главного мегаполиса Сомметы и столицы Пацифиса. Квинт и Лайт прошли таможню под своими именами, у Керла были документы на имя Джеймса Лакрицки, коммивояжера из Пояса астероидов. Космотаможенник скользнул по нему безразличным взглядом, сверив стоявший перед ним оригинал с фотографией на дисплее компьютера. На лице сомметянина

не проявилось ни одной эмоции, но Керл был уверен, что тот узнал его. Трудно не узнать Керла Вельхоума, величайшего гладиатора Вселенной, чьи портреты периодически появлялись в сводках Галактических новостей.

Керла мало волновало то, что его узнали. Фальшивое удостоверение личности не считалось в Содружестве большим преступлением, если только его обладатель не совершил действительно чего–нибудь тяжкого. Самым серьезным преступлением здесь считалось убийство, но между Пацифисом и Лигой Свободных Планет существовала договоренность, что смерть на гладиаторском ринге не считается убийством. Восемь планет Пацифиса признавали это соглашение с оговорками. Керл никогда не появлялся на этих планетах.

Ничего противозаконного не было и в том, что Керл имел при себе целый арсенал. В случае недоразумения с таможней он мог предъявить целых пять специальных разрешений, выданных ему правительствами Катанра, Белонны, Армагаски, Лербены и Толимиса. Поэтому он, не скрываясь, пронес с собой и чоппер, и синхронизированные гранаты, хотя последние были запрещены на Соммете.

Он вышел из здания космопорта добропорядочным гражданином Содружества, будучи при этом абсолютно уверен, что Служба Порядка Пацифиса уже известила всех заинтересованных лиц, что на Соммету прибыл гладиатор Керл Вельхоум.

Приятели остановились в «Короне принцев Тишета». Набор удобств не слишком соответствовал звучному названию отеля, не было даже самого банального скеротинта, зато на стенах были развешены аляповатые салфеточки, на которых были вышиты заповеди Пацифиса. Керл отнесся к этому факту философски. Ему, особенно в начале карьеры, случалось, приходилось иметь куда худшее жилье.

Очутившись в номере, все трое с облегчением скинули насквозь пропотевшие комбинезоны и по очереди приняли душ. Первым вышел Квинт Курций, тут же облачившийся в полупрозрачное трико, поверх которого он накинул шелковый плащ золотистого цвета, особенно любимого иррационалистами. Гладиатор остался верен гимпиору.

— Ты не устал от своей брони? — поинтересовался терролог, наблюдар, как Керл поправляет контейнеры у пояса. Гладиатор покачал головой.

— Нет. Я настолько привык к этой одежке, что

без нее мне становится не по себе. Я чувствую себя уязвимым, словно младенец. Кроме того, мы на планете Пацифиса, а я верен принципу — никогда не оголяй зад там, где живут паци. — Заметив, что брови Квинта удивленно поползли вверх, Керл поспешно добавил:

— Я вовсе не имею в виду их противоестественные сексуальные наклонности, просто паци — большие любители стрелять в спину.

— Ты ошибаешься. Убийство противоречит морали Пацифиса.

Керл позволил себе улыбнуться.

— Как же! Как же! Заповедь третья. Я много слышал об этом, но еще чаще убеждался в обратном. Никогда не стоит оголять зад там, где живут паци!

Щелкая пневматическими застежками, гладиатор распихал по многочисленным контейнерам оружие и разного рода приспособления, которые могли пригодиться в непредвиденной ситуации. Слева — там, где ровно стучит сердце, — устроился чоппер, справа, в специальной обойме, упокоились три синхронизирующие гранаты, в контейнерах на поясе разместились нож, керамическая удавка, связка электронных отмычек, микрокомпьютер, баллончик с парализатором,

радиоулавливатель, несколько энергетических жучков, пакет с трехдневным питательным рационом.

Квинт, для которого подобное представление было в новинку, заметил:

— Ты собираешься, словно на войну.

— Для меня всегда война.

— Полагаешь, на тебя могут напасть?

Гладиатор на мгновение задумался, затем отрицательно покачал головой.

— Нет. Нет, не думаю.

— Зачем же тогда все это?

— Оставь его в покое, Квинт, — вмешался в разговор Лайт Пазонс, только что вышедший из душа. — Он гладиатор, человек, совершенно не похожий на прочих. Он думает иначе, чем мы. Он действует по–другому. Он думает и действует, как гладиатор.

Керл хлопнул приятеля по плечу.

— Все верно, Лайт. — Затем он внимательно посмотрел на Квинта Курция. — У меня когда–то был друг. Его звали Гэм. Настоящий друг. Мы были знакомы с ним много лет, и я привык к нему настолько, что не опасался повернуться спиной. Однажды он выстрелил мне в спину…

Не договорив, Керл умолк. Он накинул на

плечи блестящий плащ и закрепил его таким образом, чтобы неровные очертания чоппера и гранат, проступавшие через кожу гимпиора, не слишком бросались в глаза, но с другой стороны, чтобы при необходимости можно было быстро извлечь оружие. Квинт внимательно следил за его действиями, Лайт стоял у сферозеркала и подравнивал усы.

— И что стало с этим Гэмом? — вдруг негромко спросил Квинт Курций.

— Нам пора идти, — сказал Керл, не отвечая на вопрос. — Я чертовски проголодался, а кроме того, хочу снять себе на вечер какую–нибудь пухленькую пацифисточку.

Он повернулся к двери, краем глаза уловив в зеркале отражение Лайта, делавшего Квинту Курцию какие–то знаки. Порою Лайт был невыносимо тактичен.

Лифт неторопливо повез их на крышу 19–этажной «Короны», где под стеклянным куполом находился ресторан, в котором, по уверению рекламных проспектов, во множестве разложенных в номере, можно было отведать настоящих устриц. Уставясь в серый пластик кабины, Керл сказал, и слова его были едва слышны в негромком посвисте пневматических валов:

— Его звали Гэм. Он выстрелил мне в спину, но мгновением раньше я успел броситься на землю. — Лифт остановился и гостеприимно распахнул двери. Керл вышел первым, оставляя за собой слова: — Второго выстрела он сделать не успел. Я воткнул ему в горло нож…

Они сидели на открытой террасе, любуясь закатом одного из трех сомметанских солнц. И ели настоящих устриц. Неважно, что каждая из них обошлась в три двойных кредита. Керл угощал.

— Жизнь коротка, — говорил он, без особого удовольствия высасывая полупрозрачную слизистую массу. — Кому, как не мне, знать это. Поэтому спешите насладиться ею.

— Именно так рассуждали эпикурейцы, — заметил Квинт, старательно изображавший блаженство — притворное по мнению Керла.

— Кто это такие? — поинтересовался гладиатор.

Они жили на Древней Земле. Примерно тогда же, что и гладиаторы. Эпикурейцы говорили, что жизнь существует лишь для того, чтобы наслаждаться. Эпикуреец по имени Сенека однажды заметил в письме своему другу: «Все у нас, Луцилий, чужое, одно лишь время наше. Только время, ускользающее и текучее, дала нам

во владение природа, и не будь глуп — трать его во благо себе».

— Что ж, не лишено здравого смысла, — заметил Керл.

Издав короткий смешок, Квинт облизал губы.

— Император Нерон приказал Сенеке вскрыть себе вены.

— И он послушался?

— Да.

— Странные люди. Я не понимаю их.

— Они, верно, тоже не поняли б нас.

Когда зашло последнее солнце, приятели покинули ресторан и направились к Дворцу Трех Добродетелей, на гигантской площади перед которым должны были состояться торжества, ради которых они прибыли на Соммету.

Улицы были заполнены путниками, спешащими на празднество. Людской поток заключил Керла и катанрян в свои объятия и неспешно повлек вперед. Людским его, правда, можно было назвать с определенными оговорками. Помимо гуманоидов земного типа, схожих обличьем с древнеземлянами, в толпе можно было встретить еще с десяток разновидностей разумных существ.

Чаще всего попадались геренги — плод генети-

ческого смешения землян с дикими гуманоидами планеты Гера. У геренгов была синеватая кожа и заостренные, покрытые шерстью уши; на месте носа красовалась трехкамерная перепонка, придававшая этим гуманоидам весьма свирепый вид. Но на деле геренги были добродушнейшими ребятами. Они умели вкалывать, а потому у них водились кредиты, которые они щедро тратили. Геренги были желанными гостями как в Пацифисе, так и на Свободных планетах.

Чуть реже встречались селениты — так прозвали обитателей астероидов и всякого рода малых планеток. Жизнь в условиях слабой гравитации привела к постепенной мутации этих потомков землян. Селениты все как один были высоки ростом и хрупкого сложения. Они более чем на голову возвышались над прочей толпой, вызывая неудовольствие Керла. Он недолюбливал селенитов, выделявшихся своим коварством даже среди паци. Передвигались селениты с трудом — сказывалась значительная гравитация Сомметы.

То и дело попадались кафры — обитатели насыщенной ультрафиолетом Чегеры. Кафры были иссиня–черного цвета, на зависть поджары и широкоплечи. Их женщины были неистощимы в любовных ласках. Керл целый год содержал

любовницу–кафрку.

Пару раз промелькнули бочкообразные трумпы, а на одном из перекрестков, где в живой поток вливались ручейки с боковых улочек, Керл почувствовал прикосновение чешуйчатой кожи лизавра — разумного ящера с планеты Ооо. Керл невольно вздрогнул — не от того, что испытывал чувство отвращения к лизаврам, хотя в какой–то степени оно и существовало. Просто как–то на турнире в Тамбисе он уложил двух гладиаторов–лизавров. Они умерли в страшных конвульсиях, а из их ран сочилась зеленоватая, отвратительно пахнущая жидкость. Керлу было неприятно вспоминать этот эпизод.

Лизавр, почувствовавший конвульсивное движение человека, внимательно посмотрел на него. Болотные, с желтыми точками посередине глаза ящера встретились с голубыми глазами Керла. Лизавр узнал гладиатора и поспешил удалиться в сторону. Бешено работая локтеобразными отростками, напоминавшими диковинные наросты на древних доспехах, виденные Керлом в Музее Лиги, он продирался сквозь толпу; идущие то и дело наступали ему на хвост, и тогда лизавр громко шипел. Керл следил за ящером до тех пор, пока тот не скрылся из виду.

Еще попадались ткеры и кабанги, а по воздуху плыли крылатые полукошечки–полусобачки буммы. Одна из них долго висела над Керлом и корчила уморительные рожицы. Вероятно, бумма видела гладиатора по сферовизору.

Зажатые тисками толпы, приятели вступили в Исторический центр мегаполиса. Здесь преобладали строения в стиле Космомодерна — много куполов и шпилей, длинные причудливые аркады, волнистые стены. Повсюду были установлены радиофоны, сообщавшие, какие развлечения ожидают сомметанцев и их гостей в эту праздничную ночь.

Когда они достигли Дворца, уже стемнело и в небе зажглись тысячи огненных шаров, заливших дома и медленно движущихся людей блеклым светом. Шары эти по случаю торжества были размещены таким образом, что составляли различные фигурные композиции — пяти– и шестиконечные звезды, круги, змейки, овалы с точечкой посередине, свастики, ромбы. Над покатой крышей Дворца несколько сотен шаров образовывали контур голубя. По карнизу тянулась бесконечная светящаяся цепочка из трех слов — МИР–РАЗУМ–ПРОГРЕСС. Слова эти были написаны на Универсале, а также восьмидесяти

четырех природных языках Содружества.

Вместе со всеми Керл и его спутники — несколько раз их разлучали и лишь перед самым Дворцом им удалось встретиться вновь — прошли сквозь мраморную арку и очутились на огромной площади, служившей местом торжественных собраний. Площадь была окружена со всех сторон трапециевидными зданиями, в стену одного из них была встроена громадная трибуна, предназначавшаяся для почетных гостей. Незримая черта делила трибуну надвое. Одну часть, значительно большую, занимали представители Пацифиса, другую — посланцы Лиги Свободных Планет. Трибуна была заполнена лишь наполовину, официальные лица продолжали прибывать по подземному конвертору из правительственного квартала Сомметы.

Керл, Лайт и Квинт Курций заняли назначенные им судьбой и толпой места и начали ждать. Начало церемонии затягивалось, кое–кто из собравшихся начали проявлять признаки нетерпения, ворча или переругиваясь с соседями. Стали раздаваться отдельные крики — таким образом выражали свое недовольство иррационалисты, во множестве пришедшие поглазеть на празднество паци.

Атмосфера накалялась не только в переносном, но и в прямом смысле. Сотни тысяч легких со свистом пожирали кислород, и вскоре стало трудно дышать. Тогда были включены огромные компрессоры, установленные под площадью. Они начали нагнетать свежий воздух, разметывая полы ярких плащей.

Гладиатор внимательно разглядывал публику, с тревогой отмечая, что напряжение растет. Уже слышались вызывающие голоса, кое–кто из спорщиков пытался пустить в ход кулаки. Создавалось впечатление, что готовится провокация. Это косвенно подтверждало обилие порядов — агентов Службы Порядка. Целая компания их терлась вокруг Керла, а один даже попытался ненароком припасть к его груди, чтобы удостовериться, взял ли гладиатор с собой чоппер. Керл аккуратно отстранил наглеца, а затем незаметно для окружающих ударил его коленом. Поряд охнул, согнулся и надолго потерял интерес к объекту.

Керл ухмыльнулся и, поспешно повернувшись, Завел разговор с соседом справа.

— Полно народу. Наверно, интересно будет, а?

Сомметянин был весьма наивен. Он признал в Керле иррационалиста, но не обратил ни малей-

шего внимания на то, что вокруг них толкутся агенты Службы Порядка. Как и большинство паци, он был не прочь поругать местные порядки — естественно, вполголоса. Доверительно подмигнув Керлу, сомметянин сказал:

— Да ну! Пустая болтовня. Зато на выходе с площади всем будут давать по жетону на бесплатную выпивку и по двойному кредиту.

Гладиатор понимающе кивнул головой, мысленно посочувствовав разоткровенничавшемуся дурачку, который отныне попал под колпак Службы Порядка.

Торжество началось с получасовым опозданием. Налицо был весь Конклав Пацифиса, в том числе и одиннадцать непримиримых. Из представителей Свободных Планет не прибыли посланцы Катанра и Белонны.

Речь держал Секретарь Совета Пацифиса, он же президент Содружества, д–р Вольф Бермлер, сын сомметанского магната Нола Бермлера, которому принадлежала добрая треть Сомметы. Словам д–ра Бермлера внимали более двухсот тысяч слушателей, до отказа заполнивших площадь перед Дворцом Трех Добродетелей, и около девятисот миллионов граждан Содружества, прильнувших к экранам своих сферовизоров.

Д–р Бермлер держался уверенно, недаром он провел на трибуне большую часть своей жизни. Из встроенных в пол радиофонов летели глухие слова.

— Граждане Пацифиса и вы, уважаемые гости со Свободных Планет. Целых три столетия прошло с того знаменательного дня, когда жители Сомметы, Океаниды и Дирбита положили конец кровавым распрям и основали союз, который позднее был назван Пацифисом. В сомметанских анналах есть яркие свидетельства тому, как сам факт образования Пацифиса внес панику в ряды воинственных генералов, хотя в военном отношении Пацифис не представлял для них сколь–нибудь значительной угрозы. Но сила Пацифиса заключалась не в количестве книлтических установок или крейсеров с мономолекулярными ракетами, а в идеях, которые он проповедовал, идеях мира, межгалактического разоружения и разумного подхода к решению спорных проблем. Пацифисты поставили на первое место не корыстные интересы отдельных лиц или небольших групп, а общечеловеческие ценности. Эти идеи проникали в сердца людей, и ряды сторонников мира, которых в соответствии с древнеземной традицией стали

именовать пацифистами, крепли изо дня в день. И это закономерно. Ведь в душе каждого человека заложено органическое отвращение к убийству, разрушению, дисгармонии — любому действу, выходящему за рамки разумных нравственных императивов. К тому же граждане Содружества имели много примеров того, к каким катастрофам приводят войны. Взять хотя бы историю Древней Земли. Нашествия кочевников истребили великую греко–римскую цивилизацию, так называемая Тридцатилетняя война и многочисленные эпидемии, вызванные ею, сократили население материка Европа почти втрое. Во время войны, вошедшей в земную историю как вторая мировая, погиб каждый десятый житель планеты Земля. И, наконец, третья мировая война, развязанная религиозными фанатиками Запада и Востока. Она стоила жизни двенадцати миллиардам землян, а сама Земля превратилась в обугленный комок материи. Запрещение мономолекулярных видов оружия не повлекло…

Квинт Курций толкнул Керла локтем в бок.

— Здорово!

— Что?

— Я говорю, здорово чешет. Но как бы выразились древние — сказано хорошо, но это уже

было сказано раньше. Эту речь сочинил для него Геродот, самая светлая голова среди террологов–сомметян.

— Геродот — это имя? — спросил Керл, удивившись такому странному созвучию.

— Что–то вроде прозвища. Так звали одного древнего ученого.

— А… — протянул гладиатор, краем глаза отмечая, что поряды начинают проявлять подозрительную активность.

— …этим было сделано, — тряхнув копной бесцветных волос, закончил фразу д–р Бермлер. — Летели годы, и пацифистское движение набирало силу. К Пацифису присоединялись все новые и новые планеты Содружества. Напомню, что ныне членами Пацифиса являются сорок девять планет. Мы добились огромных успехов в деле установления мира и гармонии. По требованию Пацифиса запрещено применение мономолекулярного и книлтического оружия, строго ограничена численность военно–космических сил планет, не входящих в Пацифис. Мы выступаем за полное запрещение всех видов оружия, за прекращение бессмысленных убийств, которым рукоплещут жадные до кровавых зрелищ жители так называемых Свободных Планет. Пора

всем понять, что разумные существа не должны совершать действий, которые не укладываются в рамки разумного сосуществования. Иррационалисты должны пересмотреть свои взгляды и признать десять заповедей Пацифиса. Я… — Что–то негромко щелкнуло, и звук исчез. Д–р Бермлер продолжал говорить, но слов не было слышно. Он беспомощно хлопал губами, отчего становился похожим на старую, белесую, выброшенную на утопающий в ядовитом воздухе берег рыбу. Это было смешно, но Керлу становилось страшно. Предчувствия никогда не обманывали его, так случилось и в этот раз.

Видно, кому–то очень хотелось, чтобы торжества были сорваны. Сразу во многих местах вспыхнули потасовки, неподалеку раздался истошный вопль:

— Бей иррационалистов!

— Уходим! — Керл толкнул сначала Лайта, затем Квинта Курция. В тот же миг он стремительно присел, чувствуя, что какой–то предмет летит сзади в его голову. Тяжелый кулак лишь скользнул по упрямому ершику волос Керла. В следующий миг его обладатель — здоровенный детина–паци, под комбинезоном которого отчетливо проступали контуры чоппера — завизжал

от боли. Керл неуловимым движением сломал ему руку.

Вот здесь–то и пригодился арсенал, захваченный гладиатором. Негромко разорвались две кассеты, наполненные слезоточивым газом. Часть толпы шарахнулась влево, другая — вправо, образуя узкий коридор, в который и устремился Керл, таща за собой ошеломленных катанрян. Впрочем, покинуть площадь желали не только они. Огромная масса людей, не ожидавших подобного развития событий, устремилась к трем аркам, через которые можно было попасть на улицы. Как ни старался Керл держаться вместе с приятелями, они все же потеряли друг друга. Обезумевшие от ужаса люди толкали и избивали преграждавших им путь. Уже включили радиофоны, чей–то голос призывал остановиться и образумиться. Но никто не прислушивался к этим увещеваниям. Люди рвались вперед, сбивая с ног и топча упавших. Керл несколько раз наступал на мягкое. Дико кричали те, кто пытались найти спасение у стен окружавших площадь зданий. Монолитная масса толпы сдавливала их, окрашивая мрамор в красный цвет. Многие стреляли из чопперов. Мелтановые струи летели со всех сторон, вонзаясь в стены, раскалывая светящиеся шары.

Большинство импульсов были зеленого цвета, из чего можно было сделать вывод, что стреляют главным образом паци — иррационалисты предпочитали заряжать свои чопперы окисленным мелтаном, дававшим красный выброс.

Одна из мелтановых струек ужалила плечо Керла. Попади она чуть выше, и тело гладиатора топтали бы уже тысячи ног. Доспех выручил и на этот раз. К своей досаде Керл не успел разглядеть стрелявшего.

Расталкивая неповоротливых паци, гладиатор наконец вырвался на простор улицы. Если не считать ожога на плече, отдавленных ног и сорванного в толчее плаща, он почти не пострадал. Забравшись на невысокую балюстраду, Керл наблюдал за бегущими, надеясь выхватить из толпы Лайта и Квинта Курция. Но оба катанрянина словно сквозь землю провалились. Оставалось надеяться, что их не растоптали и не убили шальным импульсом.

Тем временем люди, выбравшиеся с площади, не думали успокаиваться. Сквозь громкий гул голосов доносились крики о помощи, сверкали вспышки импульсов, затем грохнул ослепительно яркий взрыв плазменной гранаты. К месту волнений стали подтягиваться силы Порядка

Пацифиса. На центральных улицах появились бронированные талиптеры с тремя мигающими кругами на башнях. Издалека доносился угрожающий вой к'гатов. Судя по всему, поряды намеревались принять решительные меры. Будут искать козлов отпущения и ими, естественно, окажутся иррационалисты.

Керл ждал приятелей до тех пор, пока площадь не стали охватывать густые цепи херувимов. Тогда он покинул свой наблюдательный пункт и растворился в ночи…

Это случилось уже под утро. Уставший и довольный собою Керл возвращался в «Корону принцев Тишета». Ночные события ничуть не спутали его планов, и он осуществил свою мечту — нашел роскошную белокурую сомметанскую шлюху. Именно о такой Керл грезил, отправляясь на Соммету. Остаток ночи пролетел незаметно. Шлюха была в восторге от мужской силы странно одетого инопланетника. Керл тоже был вполне удовлетворен своей подружкой. Лишь немного мешали сирены, которые всю ночь выли в центре города.

Под утро гладиатор и сомметанская шлюха Лиззи расстались весьма довольные друг другом. Керл дал ночной бабочке триста двойных кре-

дитов, что раз в двадцать превышало обычную таксу за подобного рода услуги.

Лиззи жила на окраине Таама. Пассажирских талиптеров в столь раннее утро не встречалось, и Керлу пришлось возвращаться в отель пешком. Он брел по прямым авеню и проспектам города. Покрытые цементопластом тротуары были пустынны и отвратительно чисты. Похоже, их вылизывали с помощью массажных щеток. Ближе к центру стали встречаться косвенные свидетельства ночного буйства. На пластиковых окнах и стенах домов виднелись следы от камней, а кое–где и рваные дыры, выжженные мелтановыми импульсами. Талиптеры, оставленные беспечными хозяевами на обочинах, также не были оставлены без внимания. Зубчатые диски были искрошены, на крышах и пневматических дверцах были выцарапаны грубые слова. Здесь тоже пускались в ход чопперы, а один из талиптеров был разнесен в клочья гранатой. Иногда попадались лужицы засохшей крови. Судя по солидному размеру некоторых из них, кому–то пришлось здесь худо. Но ни убитых, ни раненых не было. Очевидно, их успели увезти.

Керл был уже недалеко от отеля, когда на одном из перекрестков наткнулся на группу танцую-

щих молодых людей. Звучала негромкая музыка, девушки прижимались к парням, словно желая слиться с ними в единое целое. Пары плыли в диковинном танце, переступая через обломки камня и кровавые лужи. Ритм их движений околдовывал томлением, тягучим сладострастием.

— Пам–рам–пари–бом–пам–рам…

Гладиатор остановился, завороженный этим зрелищем. Внезапно одна из девушек оставила своего партнера и подошла к Керлу. Движения ее были медлительны и грациозны, словно у дикой кошки, готовой хищно встрепенуться при малейшем подозрительном шорохе. Не говоря ни слова, девушка положила тонкие руки на плечи Керла и повела его за собой. Шаг влево и чуть назад, шаг вперед и чуть вправо. Пам–рам–пари–бом–пам–рам. Прежде Керл редко отваживался танцевать, опасаясь, что будет выглядеть неуклюжим, но сейчас он переступал в такт ее ногам и чувствовал, что у него все получается. Девушка прижалась щекой к груди гладиатора, и ему вдруг страстно захотелось погладить эту щеку, бархатистую кожу которой он ощущал даже сквозь тройную броню гимпиора. И еще Керлу захотелось запеть. И он запел. Негромко. Единственную песню, которую знал.

Позабыл я о том, что когда–то любил.

И забыть я мечтаю, о чем грежу сейчас.

У этой песни были другой такт и иная музыка, но Керл сумел приспособить их к медленному плавному танцу.

Девушка оторвала лицо от груди гладиатора и подняла пушистые ресницы. У нее были странные глаза. Чуть раскосые, как у одной ее подружки Лин, отца которой почему–то все звали Мандарином, но не черные, а светло–серые. Чуть с голубым отливом, отчего они напоминали холодный металл обшивки кораблей. Лицо ее было прекрасно и капельку капризно, а на виске билась тоненькая, похожая на синий лучик, жилка.

— Красивая песня, — шепнула девушка. Керл кивнул, соглашаясь. — Ты придумал ее сам?

— Нет. Не я. Его убили.

Керл не стал говорить, что гладиатора Пейна Урроу, сочинившего эти слова, он убил сам в честном поединке.

— Ведь тебя зовут Керл?

— Да… — после некоторой заминки ответил гладиатор.

— Я знаю твое имя. Ты сильный и красивый как бог.

Керл не уважал богов, но сравнение ему понравилось.

— Да, — прошептал он. — А как зовут тебя?

Незнакомка улыбнулась и глазами поманила Керла к себе. Он нагнулся к лицу девушки. Она прикоснулась губами к небритой щеке, словно целуя, и шепнула:

— Вельхаум Керл.

Затем она впилась в его губы, и Керл позабыл обо всем на свете. Лишь теплые губы, гибкий и сильный язычок и плавные движения ног — пам–рам–пари–бом–пам–рам.

Когда же способность к восприятию вернулась, Керл обнаружил, что находится посреди усыпанной окровавленными камнями дороги. Он медленно переступал ногами, а его руки были чуть приподняты, словно обнимая сладострастную талию. Прекрасная девушка исчезла, оставив лишь имя — Вельхаум Керл.

Что означает — Несущая смерть Керлу.

Несущая смерть…

Пам–рам–пари–бом–пам–рам. В умирающие звуки мелодии ворвался шелест крадущихся ног. Керл стряхнул с себя остатки оцепенения и

огляделся. Со всех сторон к нему приближались агенты Службы Порядка…

Чоппер оказался в руке гладиатора раньше, чем тот успел о чем–либо подумать. Поряды также вскинули свое оружие, но за их спиною не было долгих лет упорных тренировок и сотен боев против опаснейших воинов. Восемь паци пали замертво, сраженные импульсами в голову, остальные бросились наутек. Керл же не получил ни одного попадания. Теперь следовало позаботиться о том, чтобы поскорее смотаться с Сомметы. Не медля ни секунды, Керл бросился к отелю. На ходу он расстегнул один из контейнеров и извлек радиофон. Едва прилетев на Соммету, Керл настроил его на волну Службы Порядка, код которой расшифровал, подключившись к терминалу космопорта. Теперь он, по крайней мере, мог знать, что намеревается предпринять противник.

Едва гладиатор вставил радиофон в ухо, как тот заверещал целым хором голосов.

— Его видели на авеню Эйнштейна. Затем он свернул…

— Я веду его. Он бежит по бульвару Золензор к центру. Видимо…

— Внимание! Внимание! Объявляется всеоб-

щая облава. Объект — гладиатор Керл Вельхоум. Вооружен и чрезвычайно…

Керл резко повернул направо, нырнул под арку и очутился в небольшом переулке из серых куполов, мода на которые прошла лет тридцать назад. Радиофон тут же завопил:

— Он исчез из виду! Возможно, свернул на улицу Правды или…

— Вызывайте махолеты!

— Внимание! В центр города направляются три поисковые бригады с к'гатами.

Агентами группы Ди-20 занят номер, в котором остановился Керл Вельхоум. Задержан один из его попутчиков, именующий себя Квинтом Курцием. Личность задержанного…

Керл перескочил через бетонопластиковую решетку и очутился в небольшом парке. Он не знал, где находится, но интуиция помогала ему определить примерное направление. Парк был безлюден. Скрытый от посторонних глаз буйной порослью сомметанских кустодревов, Керл позволил себе расслабиться и чуть замедлить шаг. Радиофон разрывался от воплей.

— Мы потеряли его!

— На Грант–авеню не замечен.

— Всеобщая облава…

— К’гаты прибыли к местам дислокации.

— Срочно прочесать парки Вирланера и ракеты № 2…

Спасибо за подсказку! Керл сориентировался по двум уже взошедшим солнцам и свернул с тропинки в густые заросли. Острые колючки цеплялись за шершавую кожу гимпиора, то и дело путь Керлу преграждали полусгнившие скользкие стволы гигантского растения Таума. Чтобы преодолеть эту преграду, приходилось затрачивать немалые усилия. Но вот деревья стали редеть, и Керл увидел здоровенный монумент — каменного бородача в костюме астронавта. Это был памятник Мику Виланеру, знаменитому паци, добившемуся присоединения к Пацифису сразу трех планет. О способах, какими он действовал, сомметяне предпочитали не распространяться, а жители Феррадо, Жилма и Грагерраунда при упоминании имени Виланера обычно вздрагивали. Керл видел верхнюю половину монумента Попрошайки (таково было неофициальное прозвище каменного Виланера, стоявшего с протянутой ладонью кверху рукой) из окна своего номера. Теперь он окончательно сориентировался.

Отсюда уже можно было увидеть обрамленную

прозрачными галереями крышу отеля. До него было не более двух тысяч футов. Но эти футы наверняка контролировались целой армией порядов, а вход в «Корону», как узнал Керл с помощью радиофона, блокировала бригада херувимов с к'гатами. Гладиатор представил себе розовомордых парней, разгуливающих по зеркальному фойе отеля и убеждающих встревоженных постояльцев, что повода для беспокойства нет. Нечего было даже думать о том, чтобы попасть в отель этим путем. Керл решил действовать иначе.

Он перелез через очередную решетку и углубился в сплетение старых улочек постдазовой застройки, когда были в моде строения с пышными фасадами, множеством ложных колонн и гиппоровых куполов, вычурными беседками и прочей архитектурной дребеденью. Обнаружить гладиатора среди этих каменных нагромождений было весьма непросто, к тому же он раздобыл неяркий плащ, спрятав от любопытных глаз слишком приметный гимпиор. Бывший обладатель плаща вдохнул парализующего газа и отдыхал в сточной канаве.

С помощью этих нехитрых уловок Керлу удалось подобраться к тыльной стене отеля. Вырезав с помощью чоппера пластиковое окно на нижнем

этаже, Керл проник в один из номеров, слегка потревожив находившуюся там влюбленную парочку. Девушка была прехорошенькая, и гладиатор улыбнулся ей, выпуская синеватую струю паралитика. По аварийной лестнице Керл попал на четвертый этаж, а затем без особого труда проник в номер 417, находящийся, как он не без основания предположил, точно над 317–м, в котором остановились гости с Катанра Лайт Пазонс, Квинт Курций и некий Джеймс Лакрицки, который на поверку оказался знаменитым гладиатором Керлом Вельхоумом.

Запирая за собой дверь, Керл поблагодарил судьбу, что еще существуют старые добрые гостиницы стиля Терра с захламленными аварийными лестницами, обычными электронными замками и без надоедливых роботов–сканнеров, подглядывающих за постояльцами из каждого угла. Смешно — еще вчера вечером он клял этот отель за то, что в нем нет сферотинта и прочих новомодных мерзостей, но сегодня он был готов объясниться ему в любви — я люблю тебя, отель «Корона принцев Тишета»!

Радиофон продолжал надрываться.

— Исчез!

— Исчез!!!

Неподалеку от парка Виланера обнаружен парализованный и ограбленный человек.

— Обыскать!

— Пункт один, как дела у вас?

— Ждем.

— Блокированы все подступы. Наши люди у входа, просматриваются все этажи, пять специальных агентов охраняют номер, в котором остановился…

Керл рассмеялся и вынул радиофон из уха. Его трескотня порядком надоела гладиатору. Всего пять человек. Ай–яй–яй, как неосторожно! Керл быстро прикинул в уме. В их номере пять комнат, душ и утилизатор. Значит, паци не могли блокировать все помещения, а скорей всего ждут его в примыкающей к входной двери гостиной. По крайней мере, им должно было быть не до того, чтобы сидеть в утилизаторе.

Керл пожелал себе, чтобы все именно так и оказалось, после чего вытащил алмазный резак и контейнер с универсальным клеем.

Подобным штучкам его научил Табучи–Мадучи, уверявший, что состоял в отряде космических диверсантов директории Ансы. Некогда этот отряд доставлял множество хлопот Пацифису, уничтожая крейсера, захватывая карговые суда,

взрывая пацифистские опорные базы на атоллах Желтой туманности, которую Анса относила к своей зоне влияния. Но в один из дней эскадры Пацифиса внезапным ударом разгромили флотилию директории и захватили непокорную планету. Большинство диверсантов сумели скрыться и избежали ожидавшей их казни. Они укрылись на Свободных планетах. Кое–кто сменил род деятельности, другие продолжали заниматься старым ремеслом. Ведь специалисты подобного рода нужны везде и всегда. Табучи–Мадучи осел на Армагаске. Толстый и добродушный, большой любитель пива, он казался совершенно безобидным, а меж тем он знал, как убить человека одним прикосновением пальца. Керл научился у него этому и многому другому. Сейчас пришло время воспользоваться кое–какими приемами из арсенала космических диверсантов.

Первым делом Керл проверил, достаточно ли крепка балка у основания утилизатора. Затем он извлек небольшую присоску, смазал ее клеем и прилепил к пластику пола. Через ушко присоски был продет тонкий, но чрезвычайно прочный медно–керамический шнур, один конец которого Керл привязал к трубе, а второй обмотал вокруг запястья.

Тоненько, едва слышно завизжал алмазный резак. Твердая рука Керла вела его по пластиковому перекрытию, очерчивая почти идеальную окружность полутора футов в диаметре. Данную работу гораздо быстрее можно было сделать с помощью чоппера, но в этом случае паци могли услышать звук импульсов или учуять вонь горящего пластика. Поэтому гладиатор предпочел использовать алмазный резак.

Вся работа отняла не более минуты. Вскоре аккуратно выпиленный кусок пластика дернулся и провалился на несколько дюймов вниз, шнур сдавил запястье. Непонятно, зачем Керл заглянул в образовавшуюся щель. Естественно, в утилизаторе 317–го номера никого не было, иначе в том месте, где разместилась задница Керла, была бы уже не одна дыра от импульса.

Плавно разматывая шнур, гладиатор опустил выпиленную пластину вниз, а спустя мгновение последовал за ней. Очутившись внизу, Керл затаил дыхание и прислушался. Из гостиной долетали негромкие голоса. Тогда гладиатор извлек чоппер, и началась потеха.

Дверь утилизатора с грохотом отскочила в сторону. Не говоря ни слова, Керл начал стрелять. Трое агентов рухнули мгновенно, четвертый

попытался прикрыться, словно щитом, Квинтом Курцием, но Керл прострелил ему сначала руку, а когда тот, заорав от боли, оставил терролога в покое, и голову.

— Где? — спросил он беззвучно, поднимая вверх один палец. Квинт был ошеломлен случившимся, но нашел в себе силы кивнуть в сторону одной из дверей. И тут же раздались выстрелы. Это перетрусивший паци пытался сразить Керла посланными наугад импульсами.

— Идиот! — завопил Керл, подражая выговору сомметанцев. — Своих перестреляешь. Помоги лучше скрутить его!

Агент клюнул на нехитрую уловку, и через мгновение его череп разлетелся вдребезги.

Покончив с порядами, Керл кинулся к входной двери и привалил ее контейнером для одежды. Этот солидных размеров ящик был сделан в стиле «Пионеры космоса», его массивные бронзовые бока были покрыты изображениями жарких схваток колонистов с фантастическими чудовищами. Теперь проникнуть в номер из коридора было непросто.

Стены вибрировали от множества мелтановых импульсов, когда Керл, кряхтя, втягивал Квинта Курция в утилизатор, из которого начал

успешную пока операцию. Квинт был, ой, как тяжелехонек, видно, слишком любил синтетические бифштексы.

Давая ему время отдышаться и придти в себя, Керл быстро объяснял:

— Сейчас же дуй в космопорт и садись на корабль. Документы у тебя при себе?

— Да. Они лишь сняли код и тут же вернули.

Керл осклабился.

— Болваны! Надеюсь, за тобой не числится никаких грешков и у них не найдется повода задержать тебя на Соммете. Скажешь таможенникам, что спешишь на… — Керл на мгновение замялся. — Куда угодно! Придумаешь. И что у тебя нет времени ждать меня и Лайта. А где, кстати, Лайт?

Квинт Курций пожал плечами.

— Я не видел с тех пор, как выбрался с площади.

— Ладно, будем надеяться, что цел. — Керл не был сентиментален и не собирался предаваться скорби по поводу возможной гибели приятеля. — Деньги у него есть. Если объявится, доберется на пассажирском лайнере. А ты, значит, садись на яхту и немедленно взлетай.

— А как же ты?

— За меня не беспокойся. Я выкручусь.

Снизу донеслись яростные вопли. Это паци ворвались в номер и обнаружили, что пленник исчез, а их товарищи мертвы.

— Ходу! — велел Керл.

Они выскочили в коридор, и в тот же миг пальцы гладиатора сжали синхронизатор. Отель покачнулся от мощного взрыва. Керл бросил вторую гранату в открытые двери лифта и отправил его вниз. Через мгновение эта граната разорвется в холле, и тогда начнется паника. Керл решил выбираться из «Короны» тем же путем, что и проник сюда. Увлекая за собой Квинта, он бросился по коридору к аварийному выходу. Однако здесь их ожидала небольшая неприятность — по лестнице бегом поднимался отряд херувимов с рвущимися с цепей к'гатами. Прежде чем паци успели опомниться, Керл швырнул им под ноги последнюю гранату и сжал одновременно оба синхронизатора.

Пол взбрыкнул и начал проваливаться. Схватив приятеля за руку, гладиатор поволок его вниз прямо по валявшимся на ступенях трупам. Квинта рвало, отовсюду доносились крики о помощи и стоны. В холле ошалевшие от страха паци палили куда попало из чопперов. С верхних этажей

доносился грохот. Старый отель не выдержал взрывов синхронизированных гранат и начал разваливаться.

Охраны у входа уже не было; она частью погибла от взрыва, частью разбежалась. Беглецы без особых проблем выбрались на улицу. Керл втолкнул перепачканного зеленой блевотиной терролога в талиптер, владелец которого глазел на извергающий дым и пламя отель, и что есть сил заорал:

— В космопорт!

Сомметянин вздрогнул и повернул голову. Чоппер в руке Керла оказался достаточно убедительным доводом, чтобы паци, не прекословя, захлопнул пневматическую дверцу и рванул свою колымагу с места.

Только теперь гладиатор позволил себе обернуться и посмотреть, что же происходит там, откуда они только что выбрались.

Отель разваливался подобно карточному домику. От фасада его отпадали огромные куски камня, бетона и пластика, с грохотом обрушивавшиеся на перегороженную исковерканными талиптерами улицу. Изнутри здания доносился ужасный треск. Время от времени из отеля выскакивали ошалевшие постояльцы. Если везло, они добе-

гали невредимыми до оцепления, где их тут же задерживали и подвергали проверке. От многих удача отворачивалась. На глазах Керла огромная глыба размазала по цементопласту женщину с грудным младенцем. Гладиатор пожал плечами и пошел прочь. За его спиной раздался грохот — это все девятнадцать этажей отеля рухнули вниз, погребая под обломками сотни людей. Керл не обернулся. Он перевидал на своем веку немало куда более сокрушительных катастроф.

До космопорта он добрался быстрее, чем Квинт Курций. Для этого ему потребовалось лишь остановить на ближайшем углу талиптер, вырубить сидевшего в нем сомметянина и, сломя голову, гнать по взбудораженным авеню и проспектам Таама, не обращая внимания на угрожающие сирены дорожных роботов.

Взлетные площадки охранялись достаточно примитивно. Подступы к ним преграждала дёсятифутовая бетонная ограда с натянутыми поверх нее высоковольтными проводами да барьер из сканирующих лучей. Керл преодолел оба препятствия с помощью летастата — нехитрого устройства, которое имел при себе каждый опытный гладиатор. В контейнере на спине был спрятан мешок из тонкого непроницаемого

пластика, соединенный баллончиком с жидким гелием. Достаточно было сломать перемычку предохранительного клапана — и газ начинал поступать в емкость. Керл так и сделал, а через мгновение взвился в воздух. Старательно загребая руками — в этот миг он был похож на тощую летающую лягушку с огромным горбом на спине — гладиатор пролетел сначала над сканирующим барьером, а затем, поднявшись чуть выше, и над бетонной оградой. После этого Керл стравил гелий, опустился на землю, избавился от ненужного больше летастата и, приняв скучающий вид, направился к яхте.

Как он и подозревал, болваны–паци даже не побеспокоились о том, чтобы выставить около нее охрану. Вскоре Керл сидел в рубке и терпеливо ждал, когда объявится Квинт Курций. Вот наконец он вышел из переходного модуля, и отчаянно жестикулируя, направился к яхте. За ним следовали таможенники и не менее десятка порядов. Керл подозревал, что паци перед отлетом непременно обыщут яхту, и позаботился о достаточно надежном укрытии. Если хочешь хорошо спрятаться, прячься там, где тебя никто не будет искать. Достав пару ремней с магнитными присосками, Керл повис словно вампир над

дверью в каюту Лайта.

Едва он успел немного освоиться в новом положении, как вся компания завалила внутрь. Паци, как и следовало ожидать, перевернули яхту вверх дном, заглянув даже в очко утилизатора, но поднять глаза вверх они так и не догадались. Керл слышал, как один из них что–то втолковывает Квинту, но тот был непоколебим. Он орал, почему–то фальцетом:

— Я опаздываю на симпозиум террологов в Тернабе. Это моя яхта. Она записана на мое имя. Я законопослушный гражданин Содружества. Я буду жаловаться в Совет Пацифиса!

В конце концов поряд сдался и оставил Квинта в покое. Керл слышал, как по трапу протопало множество ног, затем трап въехал внутрь корабля, а внешний люк, сочно причмокнув компрессорами, захлопнулся.

Стало тихо. Лишь из–за переборки доносилось негромкое сопение рассерженного Квинта Курция, да щелкала, оживая, система обеспечения. Время шло. Квинт тянул с отлетом, а Керл не рисковал спуститься вниз, будучи уверен, что паци наверняка нашпиговали корабль подслушивающими устройствами и едва услышат его голос, немедленно блокируют яхту магнитным полем и

попытаются захватить Керла. У гладиатора начали затекать ноги, когда терролог наконец решил, что больше ждать бессмысленно. Глухо взревели двигатели, и яхта стремительно взвилась вверх, заставляя Керла беспокоиться за надежность магнитных присосок.

Квинт разинул рот, когда Керл Вельхоум как ни в чем не бывало вошел в рубку, на ходу оторвав от переборки похожего на крохотную черную таблетку «жучка». Терролог пребывал в изумленном состоянии достаточно долго, чтобы Керл избавил рубку от еще двух опасных «насекомых», тут же испепелив их плазменной горелкой. Наконец Квинт с лязгом сомкнул челюсти, шмыгнул носом и выдавил:

— Но как?!

— Что — как? — прикинулся непонимающим Керл.

— Как ты здесь очутился?

— Мы, космические гладиаторы, умеем проникать даже на корабль, рассекающий волны космоса.

— Позволь мне усомниться, — заявил Квинт, но в голосе его не было уверенности.

Керл расхохотался.

— Ну ладно, я пошутил. — Он вкратце расска-

зал, как проник на яхту и обвел вокруг пальца искавших его паци.

— Ловко! — восхитился Квинт.

— Пустяки. — Керл сказал так отнюдь не из желания покрасоваться. Просто ему случалось проделывать куда более сложные трюки.

Гладиатор сел в кресло рядом с Квинтом, его пальцы забегали по клавишам бортового компьютера.

— А теперь давай побыстрее уберемся отсюда. Паци уже знают, что я на борту, и могут попытаться перехватить яхту.

— А откуда они могли узнать?

Керл незаметно вздохнул. Что ни говори, Квинт Курций знал много занимательных историй, но в остальном он был совершеннейшим ребенком. Керл протянул руку и снял с плеча терролога очередного «жучка».

— Видишь? — Гладиатор продемонстрировал свою находку. — Это подслушивающее устройство. Пока таможенники заговаривали тебе зубы, поряды распихали множество подобных штучек по всему кораблю. Так что сейчас они слушают нас.

— Вот сволочи! — констатировал Квинт Курций.

Керл кивнул головой в знак согласия. Совместными усилиями они ввели в компьютер новую программу, направив яхту в Пояс розовых астероидов. Это несколько удлиняло путь к Катанру, зато теперь они обходили стороной Тменд и Латинон, где яхту вполне могли подстерегать сторожевые корветы Пацифиса.

Остаток дня приятели посвятили сбору подслушивающих «жучков». Урожай был обилен. Керл нашел двадцать шесть штук, а Квинт — пять. Приплюсовав к этому числу четырех «жучков», найденных в самом начале полета, и исходя из здравого смысла и любви агентов–паци к ровным числам, Керл предположил:

Пятнадцать «жучков» мы проглядеть не могли. Скорей всего их осталось пять. Ладно, плюнем на это дело. Чертовы паци могли прилепить их куда угодно. Когда прилетим на Катанр, я обыщу яхту с л–детектором. А впрочем, можно вернуть ее и так. Старина Маркус, я думаю, не будет в претензии.

Квинт хихикнул, и они отправились пить пиво.

Пиво было превосходное, марки ЛЛЛ — «Лотос–ландыш–лилия», — ввезенное контрабандой с Тменда.

Это пиво производилось по специальному заказу селенитов, обитавших на Красных астероидах, и было упаковано особым образом. Так как на большинстве астероидов сила гравитации отсутствовала совсем, а на остальных была очень мала, потребление там пива, как и прочих напитков, было связано с определенными трудностями. Конструкторы ЛЛЛ разработали специальную питьевую трубочку, снабженную двумя клапанами. Оболочка упаковки протыкалась заостренным концом этой трубочки, после чего можно было спокойно тянуть пиво, не опасаясь, что стоит зазеваться — и оно покинет емкость, раскрасив каюту тысячами мыльно сверкающих шариков. С гравитацией на яхте все было в порядке, но Керл предпочитал пиво ЛЛЛ еще и потому, что в него добавляли экстракты цветов, в изобилии росших на Тменде. Эти экстракты придавали пиву своеобразный привкус, пришедшийся по нраву гладиатору.

Приятели расположились в каюте Керла и принялись праздновать успешное бегство с Сомметы. Квинт довольно быстро окосел, а Керла хмель отчего–то не брал. Перед его глазами стояла девушка, с которой он танцевал этим утром. Керл отчетливо видел серые искрящиеся зрачки,

чувствовал прикосновение нежных губ, обонял аромат бархатистой кожи. И такое странное имя — Вельхаум Керл. Несущая смерть…

Керл не верил, что можно умереть от любви.

Но прекрасное лицо незнакомки стояло у него перед глазами.

Гладиатор потряс головой, словно отгоняя наваждение, и единым глотком втянул в себя содержимое целой упаковки.

— Эй, Квинт, расскажи что–нибудь.

— А что? — не очень внятно поинтересовался непривычно молчаливый Квинт. Керл пожал плечами. — Хочешь, расскажу о странных обычаях племен, именовавших себя кельтами. Они жили давным–давно на Древней Земле.

— Да ну их! Надоело слушать про Землю. Расскажи лучше, как все это начиналось.

— Что все?

— Пацифис, Свободные Планеты, Содружество.

— Но тогда все равно придется начать с истории Земли.

Проткнув трубочкой очередную упаковку, гладиатор устроился поудобнее в покрытом синтетическим мехом кресле.

— Ладно, валяй!

Квинт Курций был из породы тех грамотеев,

которые более всего в жизни любят продемонстрировать свою ученость. Керл в глубине души слегка презирал их. Эти грамотеи много знали, но их знания не могли пригодиться в жизни, а значит, были бесполезны. Но все же Керл порой был не прочь послушать их раскрашенные в яркие цвета рассказы.

— Современная история началась с двух событий. Главным из них был выход человека за пределы планеты, положивший начало покорению космического пространства. Первым астронавтом был русский по имени Гагарин.

— Знаю, знаю. Ему поставлен огромный памятник в Новой Москве на Пунагрисе.

— Верно. — Люк присосался к трубочке и сделал пару глотков. — Другим событием, коренным образом изменившим развитие Древней Земли, было открытие ядерных процессов. Первое стало благом для Земли, второе — причиной ее гибели.

Потребовалось целое столетие, прежде чем люди сумели достичь земного солнца. И лишь с изобретением ортонных двигателей и ти–компьютеров они смогли отправиться в другие системы. В течение нескольких десятков лет было открыто более пятидесяти пригодных для жизни планет, началась так называемая Малая

колонизация.

Освоение космического пространства шло успешно, а тем временем Древнюю Землю раздирали противоречия. Это может показаться невероятным, но земляне, хотя и достигли весьма высокого уровня развития, продолжали верить в так называемых богов. Ты, верно, знаешь, что это такое. — Керл причмокнул губами и кивнул. — Так вот, богов этих становилось все больше и больше, и между приверженцами различных верований то и дело вспыхивали конфликты. Поначалу противоборство сводилось к информационной и психологической войне, но со временем земляне стали все чаще прибегать к оружию. Дело осложнялось еще и тем, что две древнеземные супердержавы, так называемый Западно–Христианский Союз и Всеамериканское содружество, которые до этого, угрожая мономолекулярным оружием, предотвращали крупные конфликты, ослабли из–за внутренних междоусобиц, развязанных сторонниками различных богов.

Вначале война вспыхнула в части Земли, именовавшейся Ближним Востоком, постепенно в нее втянулись все крупные государства, но ни одно из них долгое время не решалось применить

мономолекулярное оружие. Боевые действия велись не один год; все это время Землю покидали сотни космических лайнеров, заполненных людьми, ищущими спасения от ужасов войны на других планетах. Это была так называемая Большая колонизация.

Теперь колонизация велась не так хаотично, как прежде. Стремясь обеспечить себе надежный тыл за пределами Земли, древнеземные государства вели планомерное заселение планет лишь своими колонистами. Таким образом, за пределами Земли постепенно образовались планетарные блоки, враждебные друг другу. Так, четырнадцать планет поддерживали Всеамериканское содружество, восемь — Великую Россию. По четыре собственных планеты имели Западно-Христианский Союз, Японо–Корея, Бразильская конфедерация и Северо–африканский тон–блок.

Печально, но именно в космосе было впервые применено термоядерное оружие. Русские переселенцы с планеты Волга подвергли мономолекулярной атаке базы на Хонсю и Сомикоре, заселенные японо–корейскими колонистами. Яки нанесли ответный удар по Великой России на Земле, использовав только что изобретенное книлтическое оружие. В результате на четвертой

части земной поверхности было уничтожено все живое.

Затем началась всеобщая катастрофа. Мусульмане обстреляли мономолекулярными ракетами города Западно-Христианского Союза. Всеамериканское содружество исчезло в огне термоядерных взрывов, устроенных фанатиками–террористами всех двадцати четырех вероисповеданий, официально признанных во Всеаме. В один из дней, когда небо уже было сплошь покрыто слоем радиоактивных багровых облаков, было объявлено о сошествии на Землю Будды, Магомета, Христа, Ахурамазды, Тигантры, Атфотуса, Сатаны и множества других божеств и пророков. Проповедники возвестили о том, что наступил день всеобщего суда. Это был последний день Земли. Как только стартовали космические корабли, увозившие на своем борту уцелевших президентов, королей и пророков одиннадцати ведущих церквей, взорвались громадные ядерные арсеналы в Нью–Мичигане, Туремчибо, австралийском Буллу. Грандиозные взрывы разорвали планетарную кору, открыв путь кипящей магме, воздух наполнился раскаленными газами, в небе зародились черные вихри. Почти вся органическая материя мгновенно погибла. Уцелели

лишь некоторые простейшие микроорганизмы, но и они подверглись сильным мутациям и впоследствии вымерли. Так погибла Земля…

Квинт Курций отбросил прилипшую к влажному лбу прядь волос и перевел дух. Он так увлекся рассказом, что совершенно позабыл о пиве. Керл, напротив, методично уничтожал упаковку за упаковкой.

Стержень, связывавший планеты в единое целое, был уничтожен. Отныне они оказались предоставлены сами себе. Это привело к новому всплеску насилия. Правительства большинства планет оказались, правда, достаточно благоразумны, чтобы не допустить на свою территорию бежавших с Земли пророков, но войны тем не менее продолжались. Это были уже не религиозные, а скорее планетарно–национальные войны.

Памятуя о той страшной участи, что постигла Землю, колонисты, не сговариваясь, отказались от использования в межпланетных войнах мономолекулярного оружия. Упорствовали лишь Магриб, заселенный фанатиками–мусульманами, да Планета десяти богов, на которой обосновались бежавшие с Земли пророки. Они продолжали применять термоядерное оружие, в частности, против Тменда, Посьерры и Белонны.

Тогда главы восьми самых сильных государств встретились на Соммете и заключили договор об образовании Планетарного Содружества. Затем они организовали совместную экспедицию сначала против Планеты десяти пророков, а затем против Магриба. Все живое на этих планетах было уничтожено. Как только исчезли два основных виновника межпланетных раздоров, войны стали постепенно затихать.

— Бермлер приписал эту заслугу Пацифису, — заметил Керл.

Квинт Курций махнул рукой.

— Какой там еще Пацифис! Когда Соммета, Гранима и Океанида заключили между собой тройной договор, войны уже почти не велись. Иногда возникали мелкие конфликты из–за спорных территорий, но, как правило, они быстро улаживались мирным путем. Пацифис был образован вовсе не за тем, чтобы искоренить войны. Его основатели преследовали совсем иную цель. И Соммета, и Гранима, и Океания да со времен Малой цивилизации были самыми влиятельными планетами в Содружестве, но постепенно их начали оттеснять на второй план Белонна с ее богатейшими природными ресурсами, предприимчивая Гера, заселенная Яками

Хонсю и Посьерра. Встревоженные падением своего влияния сомметяне предложили океанцам и граннмянам сделку, которая позволяла этим трем планетам занять главенствующее место в Содружестве. Вскоре после возникновения Тройного союза к нему присоединились еще восемь планет, находившихся в зависимости от Сомметы и Гранимы. Новое образование стали именовать Пацифистской Лигой. С тех пор началась безудержная экспансия Пацифиса. Через пятьдесят универсальных лет в него входила уже двадцать одна планета, через сто — тридцать четыре. Пацифисты вернулись к старым методам и стали решать возникающие конфликты силой. Войска Пацифиса оккупировали Близнецовые планеты, Толимис и Жилм. Тогда восемнадцать планет во главе с Белонной подписали договоры о взаимопомощи и объединились в Лигу Свободных Планет, провозгласив себя приверженцами иррационального мировоззрения, основы которого были разработаны лербенцем Казимиром Моком. Если пацифисты ставили на первое место мир и благополучие общества, иррационалисты признавали главенство интересов человека. И таким этот мир…

— Пам–рам–пари–бом–пари–рам.

Керл очнулся словно от неясного толчка. Накануне усталость взяла свое, и он уснул, так и не дослушав до конца рассказ Квинта Курция. Гладиатор глубоко вздохнул и окончательно вернулся из сна в реальность. Гимпиор влажно прилип к телу, голова болела. Немудрено, накануне он здорово перебрал. Но отчего–то стучало сердце… Керл задумался: что же могло взволновать его?

— Чепуха какая–то! — С этими словами Керл отправился в утилизатор, но на полпути передумал и, сам не понимая почему, повернул в сторону рубки. Повинуясь желанию человека, наступившего на контрольную пластину, дверь с ровным гулом раскололась на три части, давая Керлу войти. На первый взгляд все было нормально. Неспешно перемигивались лампочки на пульте управления, за обзорным экраном жирно блестела черная пустота, наполненная мириадами блесток–звезд. Но… Керл озадаченно прищурился, его лоб пересекла суровая морщина. Судя по очертаниям созвездий, корабль сбился с курса и шел в направлении Ожерелья Тонгиона. Сбой в компьютере? Быть может, паци успели покопаться в нем? И что это за странные точки мелькают на экране радара?

Гладиатор быстро сел в кресло и потребовал

от компьютера дать определение космических объектов, стремительно приближающихся к яхте. Через несколько мгновений на дисплее высветился ответ.

Опознавательные сигналы кораблей военного флота планеты Тменд. Лидер «Торжество Пацифиса-3» и корветы номер семнадцать, одиннадцать… — На дисплее появлялись все новые строки, но Керл уже не вникал в их смысл. Быстро нажимая клавиши, он вводил новый курс — поворот все вдруг и на полной скорости к Белонне, куда тмендские корабли не рискнут сунуться. Пальцы гладиатора стремительно летали по клавиатуре, по спине текли ручейки холодного пота.

Внезапно Керл почувствовал, что в его затылок уперлось что–то твердое.

— Сиди спокойно, Керл. И не делай резких движений.

Это был голос Квинта Курция, но как не похожи были эти с холодной отчетливостью сказанные слова на бессвязные торопливые фразы, вылетавшие из уст терролога прежде. В этом голосе были властность и торжество.

— Ты глупец. Неужели ты думал, что Пацифис позволит тебе уйти безнаказанным? Мы давно охотимся за тобой, гладиатор Керл Вельхоум.

— Но ты же катанрянин! — выдавил Керл сквозь зубы.

— Да, я катанрянин, принявший идеи Пацифиса.

— Вчера ты говорил совсем другое.

— Хороший актер должен уметь сыграть любую роль.

— А ты, значит, считаешь себя хорошим актером?

— Да, — подтвердил Квинт Курций и добавил: — Тебя будут судить на Соммете как опасного преступника!

Керл знал, что переполненный самодовольством человек в конце подобной выспренной фразы обычно немного задирает голову вверх, словно любуясь собой, и что в такие мгновения он обычно теряет бдительность.

Резко осев в кресле с расчетом, чтобы голова оказалась прикрыта бронированной спинкой, Керл выбросил правую руку вверх. Грянул выстрел. Импульс прошел над головой Керла и растворился в защитном экране. Пальцы гладиатора поймали запястье Квинта Курция, последовал резкий рывок. Терролог с воплем перелетел через кресло и врезался в сферомониторы, расположенные над пультом управления.

Керл скинул мертвое тело вниз и брезгливо отер пальцы о штаны. Возня с мерзавцем отняла слишком много времени, и теперь он не мог ускользнуть от быстроходных корветов, уже взявших яхту в клещи.

Они хотят судить его на Соммете. Керл расхохотался. Пусть его судьей будет Космос. А заодно и их, если повезет!

Корабли Пацифиса стремительно приближались. Гладиатор какое–то время следил за тем, как ярко–зеленые точки неуклонно подползают к черному кружку в центре экрана локатора. Затем он сходил в каюту и взял пару упаковок пива. Больше выпить он вряд ли успеет.

Вскоре вражеские корабли подошли столь близко, что стали видны невооруженным глазом. В обзорном экране мелькнул похожий на стремительную каплю фрегат — всего их было пять, — затем показался огромный лидер. Керл впервые видел подобного монстра столь близко.

Космический броненосец потрясал своими размерами и причудливостью очертаний. По его громадному телу были разбросаны сотни различных надстроек — кубы, сферы, модули, похожие на гигантские металлические кристаллы. Все это казалось хаотическим нагромождением,

порождением буйной фантазии, но Керл знал, что каждая из надстроек имеет свое назначение и располагается в данном месте строго в соответствии с десятками всевозможных требований.

Вскоре громада тмендского корабля закрыла весь обзорный экран. Мощное силовое поле, созданное магнитными излучателями, замедлило ход яхты и заставило ее следовать курсом, параллельным курсу лидера. Глухо щелкнули захваты. Гладиатор открыл вторую упаковку пива. ЛЛЛ сегодня было особенно вкусно.

Он потягивал прохладную кисловатую жидкость мелкими глоточками, наблюдая за тем, как одна из призм на тулове лидера раскололась надвое, открывая нутро огромного ангара. Керл живо представил себе, как завывают вакуумные насосы, спеша втянуть в себя остатки драгоценного воздуха. Прошло еще несколько мгновений, и захваты потянули плененную яхту к махине лидера.

Бездонная чернота космоса сменилась серостью тюремных стен. Керл медленно плыл мимо забранных прозрачным пластиком галерей, за которыми стояли сотни паци. Их разделяло всего несколько десятков футов, и Керл отчетливо видел ухмыляющиеся физиономии врагов. Они

тоже видели его и торжествующе поднимали вверх указательный палец. Гладиатор с удовольствием представил, как их ликование исчезает в раскаленном облаке взрыва.

Пора! Керл нажал на большую черную кнопку, приткнувшуюся на самом краю панели. Брызнул пластиковыми осколками предохранительный футляр, и на свет появился алый с тремя синими полосками стержень. Гладиаторы называли его «Последним другом». Стоит надавить на этот столбик пальцем — и через десять секунд сработает механизм самоуничтожения, и яхта превратится в огромный ослепительно яркий цветок, энергия которого раскидает на сотни световых дней исковерканные модули «Торжества Пацифиса».

Керл положил указательный палец на «Последнего друга» и… Подобная оплошность случилась с ним впервые в жизни. Прежде Керл всегда неуклонно следовал правилу — убедись в смерти своего врага. Теперь эта оплошность стоила ему — не жизни, с жизнью он уже простился — она стоила ему роскошного погребального костра, который уже не вспыхнет в космической ночи, и великолепной легенды о красивой смерти Керла Вельхоума, которую уже не споют космические

бродяги–карвы.

Импульс, посланный внезапно ожившим Квинтом Курцием, пробил Керлу затылок. Рука судорожно дернулась и упала, так и не выполнив своей последней миссии. Но инерция мелтанового удара бросила гладиатора на пульт — прямо на «Последнего друга»; то, что не успела сделать рука Несущего смерть, сделала его окровавленная голова.

«Последний друг» с глухим звоном скрылся в недрах тревожно завывшей панели.

И пошел отсчет времени.

Десять, девять, восемь, семь, шесть…

Квинт Курций визжал, широко открывая рот.

…пять, четыре, три, два, один…!

И был взрыв. Взрыв, ослепительная вспышка которого была замечена астронаблюдателями четырнадцати планет Содружества. Прощальный салют в честь гладиатора Керла Вельхоума.

Но Керл не дожил до взрыва десять мгновений…

Он лежал и прислушивался к гулким ударам сердца. В горле ворочался липкий ком. Керлу хотелось плакать. И предательски дрожали ресницы.

Она была как всегда рядом. Керл в который раз

поразился этой ее способности. Казалось, она вообще не спала. Впрочем, вполне возможно, она могла себе это позволить.

И вот его лицо вновь ощущало прикосновение нежных рук, а слух обволакивала патока ласковых слов.

— Ты великолепно сегодня выглядишь. Хорошо спал?

Керл кивнул ресницами. Ей вовсе незачем знать, какие сны он видит. Иначе она отберет и сны. А сны — единственное, что у него осталось.

Сегодня был день генеральной уборки. Сильные руки раздели Керла, затем он почувствовал, что его тело поднимается в воздух, плывет и плавно опускается в теплую жидкость. Она пузырилась мелкими комочками воздуха, а по поверхности плавали мягкие хлопья, издававшие вкусный запах. Неудачно нахмурив брови, Керл попытался вспомнить, где он встречал этот тонкий с серебристыми прожилками аромат. Серебристые прожилки и бело–голубые лепестки. Конечно же, это ландыш. Его обожала малышка Кэрол, с которой он развлекался пару лет назад. Ее отец Том Гровн был редчайшим экземпляром — гладиатор, счастливо доживший до старости. Правда, Том провел не так уж много боев, но сам факт, что он

дожил до сорока и был торжественно препровожден на отдых, свидетельствовал о невероятном везении. Керл познакомился с ним, когда бывшему гладиатору было уже под семьдесят. Том прошел два курса гипноомоложения и выглядел молодцом. Реакция его оставалась вполне приличной, а стрелял он не хуже Керла. Керл вполне серьезно посоветовал отставному гладиатору вернуться на арену. Гильдия переживала не лучшие времена. Хороших гладиаторов осталось мало, а приток молодежи уменьшился. К тому же новички, еще толком ничему не научившиеся, спешили делать деньги и обычно гибли в первом же поединке. Том обратил это предложение в шутку. Затем они пили сладковатое везуанское пиво. Том вспоминал былое, а Керл вежливо слушал, думая о своем. Несмотря на свою грозную славу, Керл Вельхоум не рассчитывал дожить до старости и уйти под торжественные звуки Гренадского оркестра, сжимая в потной руке сертификат на пожизненную пенсию от Гильдии. Он слишком много дрался и рано или поздно его должны были убить. А если судьба даже дарует ему шанс дожить до сорока — срока, определенного правилами Гильдии, Керл подозревал, что он вряд ли сможет расстаться с ареной. Жизнь без

постоянного риска казалась ему слишком пресной. Керл рассеянно слушал болтовню отставного гладиатора и из вежливости кивал головой. А затем пришла Кэрол. Она была премиленькой и вызывала желание, а когда Керл узнал, что она замужем за бригадиром–паци, ему захотелось ее еще больше. Их имена удивительно красиво звучали вместе — Керл–Кэрол. Заполучить ее в свою постель, как и предполагал Керл, оказалось совсем несложно. Мало какая женщина могла устоять перед Керлом Вельхоумом — загадочным, страшно–обаятельным. Имя Несущий смерть действовало безотказно, но даже зовись Керл иначе и не будь его репутация столь привлекательна для женщин, он все равно имел бы у них успех. Женщины находили этого высокого шатена с голубыми глазами и твердыми, чуть асимметричными чертами лица, неотразимо обаятельным. Ах, малышка Кэрол! Она была очаровательна, а ее кожа пахла ландышем. Ее муж знал, что они встречаются, но боялся пикнуть.

Керл вздохнул и едва не подавился пеной. Это не осталось незамеченным, и сильные руки приподняли голову Керла, водрузив ее на упругий пластиковый валик.

Керл лежал и чувствовал, как невесомая пыль

оставляет поры полумертвой кожи. Временами ему казалось, что вместе с пылью отстает и эпидермис. Слой за слоем. Скоро кожа отпадет совсем, и обнажатся покрытые полупрозрачной пленкой мышцы. А затем и они начнут распадаться. Тоненькими длинными волокнами — пока не останутся лишь белые кости. Интересно, сколько времени потребуется, чтобы наполненная щелочью вода растворила скелет? Лишь череп будет лежать на пластиковом валике и ухмыляться.

— Бедный Йорик!

Интересно, откуда выплыла эта странная фраза? Керл чуть пошевелил плотно сжатыми губами, пытаясь повторить:

— Бедный Йорик!

— Сделать похолоднее?

Он не ответил. Откуда она знает, что Керл любит холодную воду? Раньше он всегда мылся лишь ледяной водой и презирал шампуни, жидкое мыло, разного рода губки, щеточки и аквамассажеры. Откуда она все это знает? Чувствует? Или, может быть, вызубрила наизусть досье на гладиатора Керла Вельхоума?

Должно быть, он неважно выглядит. Тело исхудало и покрылось синими пролежнями; атрофированные руки и ноги напоминают ко-

рявые сучья погруженного в липкий ил дерева. Неважно.

В первый раз ему было очень неприятно, когда она положила его тело в ванну. Беспомощный, лишенный одежды, уродливо–неподвижный, доступный чужим взорам. Он и прежде редко раздевался, тем более на людях, проводя большую часть жизни под броней гимпиора. Очутившись в ванне, которую заливали яркие лучи света — он чувствовал их кожей, — Керлу захотелось спрятаться или хотя бы перевернуться на живот. Но он знал, что не сможет сделать этого. Гораздо проще было умереть, но и это было недоступно. Она зорко следила за тем, чтобы Керл не захлебнулся. Вскрыть бы себе вены, подобно этому, как его… О ком рассказывал Квинт Курций.

Старина Квинт! Славную недельку они провели тогда на Соммете. Керл мысленно улыбнулся, вспомнив кривые рожи порядов, когда на его удостоверении ставили выездную визу. Он не доставил им удовольствия скомпрометировать себя и не поддался ни на одну их провокацию. Паци лишь осталось пожелать Керлу доброго пути. А он послал им воздушный поцелуй. Это было великолепно!

Она словно почувствовала, что Керлу хочется

лечь на живот. Руки приподняли негнущееся тело и перевернули его. Голова вновь оказалась на мягком валике. Где–то у самого носа плескала вода. Если бы Керл мог высунуть язык, то, верно, дотянулся б до нее. Что–то шершавое и мягкое одновременно принялось тереть спину.

Это было приятно, и Керлу захотелось зажмуриться. Как жмурится кошка, когда ей чешут за ухом. Теплая волна пробилась сквозь кожу в омертвелые мускулы. Керл попробовал пошевелиться. Нет, только показалось. А как бы было великолепно, если бы его тело вдруг ожило, он встал и сомкнул пальцы на тонкой шее.

Гладиатор Керл Вельхоум.

Шея обычно тоненько хрустит, если ее сильно сдавить пальцами. И тут же становится скользкой от крови.

Интересно, успела бы она удивиться?

Интересно, смог бы он сомкнуть пальцы?

Шершавое коснулось пяток. Стало чуть щекотно. Затем мягкие руки обработали пальцы ног, вычищая несуществующую грязь.

Тело Керла вернулось в исходное положение. Шершавое коснулось груди, живота, (малыш, ты не слишком привлекательно смотришься!), ног. Точно так же делала Гэй с Оргуски, подобравшая

его, раненного, у своего дома. Керл тогда был еще молокососом и по собственной глупости имел неприятную встречу с ночным патрулем. Он не помнил точно, сколько президентских леопардов он уложил и как сумел уйти от погони. Гэй подобрала его, спрятала и долго лечила. Скорей считала, что лечила. На Керле обычно все заживало, как на кошке. Он мог уже на третий день покинуть ее дом, но на него была объявлена охота, и гладиатор счел, что лучше отсидеться. Гэй точно так же купала его, медленно ведя рукой от иссеченной синеватыми венами шеи к ногам. Где–то на полпути она обычно возбуждалась и, не снимая халата, лезла в воду. Тяжелая ткань набухала и неохотно пропускала руки Керла к округлым бедрам.

Она начала теребить его шевелюру. Волосы пока жили, но Керл подозревал, что скоро они начнут выпадать. Облысев, его голова будет смотреться весьма уродливо.

Зажурчала, убегая, вода. Керл был извлечен из ванны и помещен в сушильню. Горячие струи приятно обжигали тело, теплыми язычками проникая в самые крохотные щели. Это смутно напомнило Керлу его безумное путешествие по Огненной пустыне в Мераске. Это было давно,

когда он был горяч и неумен. Как–то Керл поспорил, что пересечет пустыню в Мераске — самое страшное место на планетах Содружества. Пари равнялось десяти тысячам кредитов. Керлу было известно, что пройти надо всего шестнадцать миль, что температура здесь достигает семидесяти градусов по Цельсию. Он знал обо всем этом, но не предполагал, что значит семьдесят по Цельсию. Он не предполагал, что значит шестнадцать миль, когда воздух напоминает расплавленный кисель, вязко обжигающий рот и трахею. Условия пари были жесткими, и он должен был идти без сопровождения гиппера. Если бы Керл упал, то так бы там и остался. Керлу захотелось упасть уже после первой мили. Но он стиснул зубы покрепче — тогда он еще мог это сделать — и шел. Каждый глоток воздуха был невообразимой пыткой, лицо и обнаженные кисти рук горели так, словно на них капали кислоту.

Он пришел к роднику, где его ждали, через десять часов. Лицо и руки были багрового цвета, одежда превратилась в пропитанный солью панцирь. Отправляясь на эту веселую прогулку, он весил двести десять фунтов, когда же его взвесили в госпитале — всего сто пятьдесят. Местный док сказал, что организм обезвожен до такой сте-

пени, что Керлу не выкарабкаться. Организм был и впрямь порядком обезвожен — когда по ноге Керла стучали пальцами, раздавался глухой стук, словно от соприкосновения с доской. В остальном доктор ошибся. Керл не только выжил, но через семь дней покинул госпиталь, дав зарок никогда не впутываться в подобные авантюры. Весь его выигрыш ушел на лечение. Через месяц на турнире в Лондоне он убил пятерых противников.

Кожа ощутила легкое прикосновение материи. Керла облачили в чистые брюки и куртку. Затем он почувствовал, что вновь летит по воздуху, поддерживаемый ее руками. Неужели она столь сильна? Если так, то Керл проявил большую оплошность, недооценив ее. А скорей всего, он здорово потерял в весе. Не меньше сорока фунтов. Скоро его придется помещать под капельницу.

А пока она кормила своего пленника с ложечки, заверяя, что сегодня он ест клубничный мусс. Керл не чувствовал вкуса, но ему хотелось верить, что это правда. Еще он не отказался бы от бокала хорошего пива, но она не предлагала ему пиво, а попросить об этом Керл не мог. Не мог…

На Новой России в свое время пользовалась популярностью водка «Витязь Илья», на этикетке которой был изображен здоровенный бородатый

тип с увесистой дубиной в руке. Кто такой витязь и кто такой Илья, никто толком объяснить не мог, но валила эта штука с ног подобно дубине этикеточного бородача.

Керл никогда не пил перед боем ничего, кроме сока, зато Диг Фейстерс глотал стакан за стаканом. Завтра им предстояло драться. Сначала парой против команды из шести новичков, а затем, если оба уцелеют, и не получат серьезных ран, друг против друга.

Они сидели в баре «Гибель трусливых паци» и обсуждали план предстоящего поединка. Говорил больше Дик, а Керл потягивал свой сок и разглядывал раскрашенный под мореный дуб потолок. Ему было наплевать, какие ловушки могул придумать шесть молодых недоумков, которым по сценарию отводилась роль добычи. Это были статисты, обреченные на смерть, а в лучшем для них случае на увечье. Мысли Керла куда больше занимал возможный поединок с Дигом Фейстерсом, которого он безусловно уважал хотя бы потому, что Диг был лет на пять старше его и имел на своем счету больше сотни побед, а кроме того, Керла восхищала поразительная способность Дига восстанавливать силы. Фейстерс мог дотемна тренироваться на стадиуме, а

затем всю ночь поглощать крепчайшие коктейли и заниматься любовью сразу с несколькими шлюхами. Наутро же он выглядел бодрым и свежим, словно целые сутки пронежился в постели. Прежде им приходилось драться вместе лишь раз. Это было на Армагаске. Тогда они работали вчетвером с Розовым Полем и еще одним парнем, имени которого Керл не помнил. Против них сражались восемь гладиаторов–кафров — сильная, спаянная команда, выигравшая не один бой. Керл убил четверых, Диг — троих. Розовый Поль был ранен в самом начале поединка, но все же сумел выпустить кишки одному кафру. Парень, имени которого Керл не помнил, не успел сделать ни одного выстрела. Верно, потому Керл и не запомнил его имя. Диг показал себя тогда великолепным бойцом, и Керлу не хотелось встречаться с ним в очном поединке. Не то чтоб он опасался Дига — Керл знал, что дерется лучше, — просто Фейстерс был превосходным гладиатором, каких осталось совсем немного. Если погибнет и он, могут настать времена, когда Керлу будет не с кем померяться силой.

Диг проглотил шестой стаканчик и потребовал еще один.

— Тебе не кажется, что уже достаточно?

— Брось, Керл! Не будь занудой.

— Как знаешь, Дигги. Но я бы на твоем месте остановился.

— А я бы на своем ни за что. Скажи лучше, ты слышал что–нибудь о гладиаторах–паци?

Керл пожал плечами.

— Макс Терраунд говорил мне, что на турнире в Нервегуте пожелали принять участие двое парней, не входящих в Гильдию. Правилами это не запрещено, поэтому тургер поставил против них пару новичков. Ставки, говорят, были весьма высоки. Дилетанты дрались хорошо и победили, хотя и были ранены. После того, как они получили деньги и смотались, прошел слух, что одного из этих парней видели в Атлантик–Мехико и будто он вел себя как отъявленный паци.

Диг пригубил своего «Илью», шлепнул стаканчик на стойку и, проведя пальцем по щеточке усов, заявил:

— Выходит, эти паци наплевали на все свои принципы ради того, чтобы заработать быстрые деньги.

— Выходит, что так. А может быть, Совет Пацифиса затеял какую–то игру.

— Хотел бы я оторвать яйца какому–нибудь паци! Ты не знаешь случайно, на турнире не будут

участвовать какие–нибудь дилетанты?

Керл с усмешкой посмотрел на Дига.

— Тебе мало неприятностей, приключившихся с тобой в Баграсе?

Диг продемонстрировал искусственную челюсть, одарив Керла белозубой улыбкой. Баграсские похождения относились к числу самых приятных его воспоминаний. Празднуя свой успех на турнире в Ладенте, Диг разошелся во взглядах с местными паци. Спор перерос в потасовку, в которой баграссцам пришлось несладко. Корогеры, местные стражи порядка, попытались успокоить драчуна. Сначала Диг беседовал с ними кулаками, затем раззадорился и извлек чоппер. Он перебил корогеров всех до единого, после чего ухитрился благополучно покинуть планету. Нелишне упомянуть, что вскоре местный парламент принял закон, запрещавший гладиаторам посещать Баграс. Диг как раз собирался поведать о том, как ловко он расправился с паци, но Керл не был расположен выслушивать эту историю вновь. Он поднялся с табурета и расплатился за свой сок.

— Завтра рано вставать. Пойдем отдыхать.

— Ты иди. Я тебя догоню.

— Как знаешь.

Диг так и не догнал Керла. Скорей всего, он заказал восьмой стаканчик и принялся рассказывать кабатчику о своих похождениях на Баграсе.

Наутро Диг Фейстерс выглядел как всегда великолепно. Было шесть часов по местному циклу. Керл и Диг стояли на отгороженной невысоким барьером площадке по правую сторону от сфероэкрана, на котором стремительно мелькали цифры ставок. Расклад был сегодня пять к одному в их пользу. В случае очного поединка Керла Вельхоума ценили вдвое выше, чем Дига Фейстерса.

Неподалеку от Керла и его напарника стояли шесть гладиаторов–новичков. Они старались выглядеть воинственно, но на деле были явно смущены направленными на них сферокамерами. Керл, позевывая, — перед боем его обычно одолевала судорожная зевота — рассматривал своих противников. По виду они были ничего себе — атлетичные, настороженные, со взрывными мышцами. Их мощные торсы были буквально увешаны оружием; создавалось впечатление, что эти парни собираются воевать с целой армией.

Начало поединка затягивалось. Где–то пропадал один из тургеров — судей, которые с помощью мониторов следили за соблюдением правил. Толпа, собравшаяся на Площади игр, постепенно

заводилась. Болельщики то тянули бесконечное «пель–пель», то начинали скандировать имена любимых гладиаторов, нетерпеливо поглядывая на матовые пластины сфероэкранов. Ставки на Керла и Дига выросли до шести к одному.

Наконец последний тургер прибыл. Делая вид, что не замечает недружелюбных взглядов зрителей, он проскочил мимо гладиаторов и исчез в контрольном модуле. Вскоре оттуда появился глашатай, пригласивший внутрь сначала новичков, а затем Керла и Дига.

Началась обычная процедура оформления поединка. Гладиаторы заполнили типовые формуляры, гласившие, что данные лица намерены совершить самоубийство при помощи граждан Содружества — далее перечислялись имена — и не имеют претензий к своим противникам. Затем следовало указать того, кому завещается имущество. Керл вписал в эту графу свою тетку Силву, хотя не был уверен, что она до сих пор жива. В крайнем случае пятьюстами кредитами, что остались на его счету, воспользуется правительство Белонны.

Когда все бумажные формальности были улажены, тургеры сообщили условия поединка. Право назначать зону было отдано, как всегда,

«добыче». Новички, как и предполагал Керл, выбрали каменные джунгли. Неопытные бойцы всегда предпочитали драться именно в этой зоне, полагая, что здесь у них будет больше шансов сразить своих противников. Они рассчитывали не на свою реакцию или владение оружием, а на слепую случайность, которая позволит сразить противника из–за угла. Это было большой ошибкой с их стороны, так как Керл и Диг знали Каменные джунгли Тореммы словно свои пять пальцев. На месте этих желторотиков Керл избрал бы пустыню или озеро, где можно было использовать преимущество в плотности огня. Но давать подобные советы своим противникам он, естественно, не собирался. Судя по нарочито кислому выражению лица Дига, Каменные джунгли его тоже вполне устраивали.

С оружием никаких проблем не возникло. Шестеро выбрали категорию А. Это означало, что гладиаторы могут использовать все виды современного оружия, кроме психотропов и паралитических газов. Новички могли бы поставить своих противников в весьма затруднительное положение, избери они для поединка категории Д или Р. Керл давным–давно не дрался на мечах и неважно орудовал воздушной петлей.

По требованию тургеров Керл перечислил оружие, какое он намеревался взять с собой: многозарядный мелтановый чоппер, пять синхронизированных гранат, отравленный нож, два метательных диска, керамическую жилу. Диг ограничился двумя чопперами — он любил стрелять сразу с двух рук — и гранатами. Оба гладиатора были облачены в доспехи. На Керле был гимпиор, Диг затянулся в новомодный нивитановый комбинезон.

Затем им дали ознакомиться со списком оружия, которым располагали противники. Новцчки вооружились ракетометами и ультразвуковыми пистолетами, у каждого было по два чоппера, по десять гранат, отравленные ножи, летающие кольца и диски, кинетические дротики и прочая, эффектная с виду, но малодейственная дребедень. Лишь один из них по имени Мел Чолсон был вооружен как подобает настоящему гладиатору — чоппером, гранатами и двумя метательными ножами. Похоже, это был парень с мозгами, из него мог получиться неплохой гладиатор. Керл дал себе слово, что попытается отключить его, но не будет убивать.

Пока новички занимали позиции для боя, один из тургеров, знавший Керла добрый десяток лет,

принес свежезаваренный элтанированный кофе. Считалось, что он улучшает реакцию. Диг осушил свою чашку до дна, Керл чуть пригубил из вежливости.

— Поосторожней, ребята! — пожелал на прощание тургер–дуайен Пуг Пьопоф. Несмотря на то, что смерть Керла и Дига принесла бы лично ему солидные деньги, он предпочитал, чтобы проиграли их соперники, иначе следующий турнир, в котором не будет бойцов класса Вельхоума или Фейстерса, даст мизерные сборы.

— Как всегда, дуайен! — ответил Диг наигранно–веселым голосом. — Не беспокойся. Посуди сам, чем нам могут грозить эти сопливые идиоты, которые, как мне показалось, собрались начать небольшую космическую войну.

Керл хмыкнул и хлопнул напарника по плечу. Диг мыслил точно так же, как и он.

Пуг Пьопоф позволил себе улыбнуться.

— Мне тоже показалось, что они взяли слишком много всяких ненужных штучек, но я не стал их отговаривать.

— Все верно, дуайен. Пусть побегают да попотеют, а когда высунут языки, мы возьмем их за задницу.

Тургеры дружно заржали и проводили гладиа-

торов до выхода из контрольного модуля.

Зрители приветствовали бойцов криком и свистом. Стоявший на возвышении глашатай быстро затараторил:

— Господа и дамы! Дамы и господа! Вы имеете возможность лицезреть двух великих парней — Керла Вельхоума, на счету которо–го–а-а, страшно выговорить, двести восемнадцать побед, и не менее известного Дига Фейстерса, вышедшего победителем в ста девяти поединках! — Зрители заорали изо всех сил. Керл невольно усмехнулся, подметив, что его лицевой счет ровно вдвое больше счета Дига. — Сегодня нас ждет потрясающий бой. Шестеро молодых волков против двух матерых тигров. Шестеро или двое? Делайте ваши ставки, господа и дамы. Пока соотношение семь к одному в пользу Дига и Керла. Делайте ваши ставки, и вы не только насладитесь невиданным зрелищем, но и сможете заработать деньги!

Сопровождаемые визгливым голосом глашатая и воплями зрителей гладиаторы миновали полосу безопасности, разграничивавшую Площадь игр и боевые зоны, и двинулись по узкой дороге, которая вела в Каменные джунгли.

Арена в Торемме издавна считалась одной из самых лучших. Она была заложена еще в эпо-

ху Активной Экспансии Пацифиса и состояла поначалу из трех зон — пустыни, озера и ледяного каньона. Все зоны были оборудованы с максимальным соответствием природным аналогам, в них даже поддерживался искусственный микроклимат, и получили хорошие отзывы гладиаторов. Предложение построить четвертую зону — часть мегаполиса, что существовали на Древней Земле, поначалу вызвало недоумение, но президенту Новой России Биму Картману, страстному поклоннику всего древнеземного, удалось добиться одобрения своего проекта Думой. Деньги на строительство были изысканы, а колоссальная энергия Бима позволила закончить его в рекордно короткие сроки.

В результате поучился целый квартал древнеземного города, прозванный Земным Киевом. Все было сделано точно по рекомендациям лучших специалистов–террологов. Строители возвели почти две сотни массивных коробок из бетона, кирпича и камня, были прорыты дренажные системы и разного рода подземные коммуникации, улицы застелены настоящим асфальтом. Так как на большинстве планет Содружества асфальт из–за своей токсичности, недолговечности и дороговизны уже не применялся, его пришлось

специально завозить с консервативной Демары.

Строители постарались на славу, возводя этот город–призрак. Помимо зданий и коммуникаций они соорудили множество подземных бункеров, каменных осыпей, грозящих вот–вот обвалиться карнизов и стен. Было сделано все, чтобы игра получилась как можно более интересной. И надо сказать, новороссам удалось достичь задуманного. Турнир на Торемме стал самым популярным. За его ходом напрямую следили пятьдесят тысяч зрителей, делавших ставки. Еще сто миллионов наблюдали за играми по сферовизору. Для этой цели в Каменных джунглях было установлено невиданное число сферокамер — целых 1800! Они были вмонтированы в стены, полы, потолки, пролеты, арки, каменные тумбы, установленные посреди захламленных дворов. Камеры подавали сигнал на пульт контрольного модуля, компьютер отбирал шесть наиболее интересных изображений и репродуцировал их на сфероэкраны, донося таким образом это увлекательное зрелище до всех граждан Свободных Планет.

Тем временем Керл и Диг достигли крайнего дома, представлявшего собой бетонный приземистый пакгауз с гремя десятками окон–бойниц. В подобном сооружении можно было сдерживать

натиск целой армии.

На прошлом турнире Кира и Буйли встретили прямо здесь, — негромко заметил Диг Фейстерс. Керл молча кивнул, соглашаясь. Обычно новички не особо напрягали фантазию в изобретении коварных ловушек. Они опасались впустить своих более опытных противников в центр города и встречали их прямо на окраине, уверенные, что в этом случае им по крайней мере не ударят в спину.

Не говоря больше ни слова, оба гладиатора вставили в правое ухо крохотные шарики радиофонов, соединенные с трубкой речевика, и разделились. Керл двинулся вправо, Диг — влево.

Все вышло именно так, как они и предполагали. Не успел Керл сделать и двадцати шагов, как в одном из окон что–то мелькнуло. Гладиатор растянулся в прыжке и втиснулся в небольшую расселину между двумя плитами. Где–то на задворках сознания возникла четкая картина, как в этот миг взрывается дружным воплем толпа на Площади игр и верещит, глотая слова, глашатай.

Над головой Керла пронеслась горячая волна, и тут же раздался взрыв. Спору нет, пьезоракета — неплохое оружие, но ее слишком непросто

послать точно в цель. Здесь же, на открытом месте, им следовало использовать ультразвуковые пистолеты. Если бы вместо ракеты был послан ультраимпульс, Керл бы сейчас рвался собственными кишками.

Неподалеку был полузасыпанный ров, и Керл быстро переполз туда. Грохнул еще один взрыв. Затем раздался оглушительный вой. Новички все же догадались пустить в ход ультразвуковик. Теперь Керлу даже не стоило думать о том, чтобы приподнять голову. Прижимаясь как можно плотнее к влажной земле, он пополз туда, где, по его расчетам, должен был находиться люк, через который можно было попасть в подземные коммуникации.

Новички наверняка потратили немало времени на изучение Каменных джунглей, но все равно они знали их много хуже Керла, сражавшегося здесь уже в двенадцатый раз. Люк оказался на месте. Гладиатор очистил его от мусора и осторожно приоткрыл. В радиофоне раздался голос Дига.

— Ты цел?

Керл приблизил к губам речевик.

— Да, все нормально. Только что увернулся от двух ракет и ультразвука. Как у тебя?

— Похоже, они намереваются зажать меня в

доме с лестницей. Помнишь такой?

— Да! — Еще бы Керлу не помнить, он однажды едва не подорвался там на гранате, поставленной Длинным Реем.

Слева грохнули две ракеты. Керл вжался в землю. Диг завопил в радиофон:

— Я ползу туда! Они не оставили мне другого выхода. Меня ведут сразу трое. Боюсь, что еще кто–то поджидает меня в самом доме.

— Иду к тебе на помощь через подземный коридор. Выйду у небоскреба Ниринга. Поберегись синхронизированных гранат.

— Ладно.

В радиофоне щелкнуло, и связь прекратилась. Не теряя ни секунды, Керл спрыгнул на дно подземного колодца, нацепил на глаза очки с шелоновыми стеклами, которые позволяли видеть в темноте, и побежал вперед. Это был очень опасный участок. Здесь Керл был уязвим абсолютно для любого оружия, будь то чоппер, ультразвуковой излучатель или синхронизированная граната. Но новички, очевидно, не знали об этом ходе.

Вскоре подземный коридор разделился на несколько ответвлений. Керл выбрал то, что вело к восьмиэтажному бетонному зданию, прозван-

ному небоскребом Ниринга по имени гладиатора, обожавшего устраивать засады именно в этом месте. Керл торопился, но в меру. Важно было появиться на поверхности, не сбив дыхания. Пару раз ему попадались здоровенные крысогасы, запущенные в зону для пущего сходства с древнеземным Киевом. Это были препротивнейшие твари, способные вцепиться в ногу, и Керл, не задумываясь, пустил в ход чоппер. У самой цели его ожидала неприятная неожиданность. Выход из тоннеля был завален. Возможно, обвал произошел сам по себе, возможно, это было дело рук земных техников, пожелавших усложнить задачу гладиаторов. Керл не утруждал себя долгими размышлениями.

— Диг, как у тебя?

— Жарко. Слегка зацепили ногу. Я, кажется, тоже попал в одного из них. Ракеты…

В радиофоне грохнуло. Стоило надеяться, что Диг еще жив. Стоило. Гладиатор достал из контейнера гранату, сунул ее под люк и, отбежав на приличное расстояние, сжал синхронизатор. Раздался оглушительный взрыв, Керла засыпало каменной трухой. Кашляя и отплевываясь, гладиатор поднялся с земли и бросился к образовавшемуся проему. Теперь его появление не

будет для противников неожиданностью.

Так и вышло. Наверху его встретили залпы чопперов.

Уворачиваясь от них, Керл на бегу извлек еще одну гранату, швырнул ее вперед и тут же сжал синхронизатор. В воздухе вырос столб брызжущего осколками пламени. Стрелявших разметало в разные стороны. Один остался неподвижен, второй пополз к углу дома, пытаясь скрыться. Керл прикончил его аккуратным выстрелом в голову.

В тот же миг он почувствовал, что его присутствие в этом месте крайне нежелательно. Керл привык полагаться на свою интуицию и потому со всех ног устремился к кирпичному строению с вывеской «Хлеб». Тотчас же сзади прогремел оглушительный взрыв, горячо толкнувший в спину.

Керл юркнул в дверь «Хлеба», пересек захламленное помещение и выпрыгнул в окно с противоположной стороны. Едва он успел это проделать, как строение содрогнулось и развалилось на части.

Это означало, что новички нашпиговали гранатами все близлежащие здания. Керл был вынужден признать, что они не столь глупы, как показалось вначале.

Сейчас его оставили в покое, должно быть,

решив, что он погиб от взрыва гранаты. Теперь противники намеревались покончить с Дигом Фейстерсом. Загнав гладиатора в одну из кирпичных четырехэтажек, новички лупили по зданию из ракетометов и чопперов.

Дигу наверняка приходилось туго, но Керл не торопился к нему на помощь. Необходимо было точно оценить ситуацию и выяснить, где находятся противники. Это заняло не слишком много времени. По траектории и количеству выстрелов Керл определил, что двое новичков засели в свежевыкрашенном здании почты, а один стреляет из дома напротив. Диг не отвечал на выстрелы, но Керл был уверен, что его напарник жив. Диг Фейстерс умел выжидать.

Первым делом Керл решил позаботиться о парочке, что засела на почте. Не боясь показаться чересчур осторожным, он ползком подобрался к окну и заглянул внутрь. Двое молодых парней лежали у противоположной стены и увлеченно расстреливали дом, в котором прятался Диг, изо всех видов оружия, не исключая и кинетические дротики, совершенно бесполезные в данной ситуации. Они явно играли на публику, то и дело косясь в сторону камеры, которая фиксировала их бесплодные потуги.

Еще одна камера в этот миг поймала в объектив Керла, и толпа на Площади игр, верно, ревела от восторга, наблюдая за тем, как Керл достает из контейнера две гранаты, освобождает их от синхронизаторов, перевешивается через подоконник и толкает черные шарики в сторону ничего не подозревающих врагов. Через мгновение и камера, и два молодых гладиатора растворились в огненном облаке взрывов.

Это была хорошая работа. Теперь следовало связаться с Дигом.

— Диг, ты меня слышишь?

— Ага! — Судя по голосу, рот Дига был забит грязью. — Куда ты пропал?

— Да никуда. Я тут, рядом. Только что поднял в воздух двух ребят, сидевших на почте.

Диг радостно закудахтал.

— Отлично!

— Ты не очень внятно говоришь. Тебе что, здорово досталось?

— Немного. Контузило и пара царапин. Серьезных попаданий нет.

— Тогда нечего там рассиживаться. Выбирайся из своей норы и вали ко мне. Я за углом желтого дома.

— Иду.

Прошло несколько мгновений, и в одном из окон нижнего этажа показалась физиономия Дига Фейстерса. Керл призывно махнул напарнику рукой. Вскоре Диг сидел рядом с ним.

— «Илья» выходит! — Керл похлопал гладиатора по бурно вздымающейся и опадающей спине.

— Да нет. Надышался какой–то пакости. Похоже, эти умники тайком прихватили с собой гранаты с паралитиком, не занеся их в протокол.

— Подадим протест.

— На кого? — Диг засмеялся–закашлялся. — На покойников?

Какое–то время они сидели молча, глядя прямо в черный зрачок нацеленной на них сферокамеры. Затем Диг спросил:

— Сколько ты уложил?

— Четверых. А ты?

— Двоих.

Керл покачал головой.

— Кто–то из нас ошибается. Один из парней обстреливал твое логово с другой стороны. Если только ты его не ухлопал.

— Нет, я сидел, не высовывая носа.

— Значит, один жив наверняка. Придется его искать.

— Разделимся?

— Лучше пойдем вместе, — сказал Керл после краткого раздумия. — А то ненароком еще перестреляем друг друга. Давай пойдем по косой дуге через Музей и Фонотеку. Он сейчас напуган и сам выскочит на нас.

— Согласен.

Они вернулись чуть назад, выбрались на центральное авеню и рысцой побежали через Каменные джунгли. Когда они миновали небоскреб Ниринга, Керл указал на два неподвижных тела.

— Вот мои первые. Еще двое сгорели на почте.

— Значит, это мой, — сказал Диг.

Вскоре они добрались до невысокого забора, сплошь покрытого яркими щитами. Знаки со стороны зоны предупреждали, что гладиатору нельзя пересекать эту границу, в противоположную сторону глазели белые черепа на алом фоне.

— Пошли к школе. Он наверняка спрятался там, — сказал Диг.

Керл кивнул, соглашаясь. Школа была идеальным местом для засады.

Это П–образное здание состояло из доброй сотни помещений, соединенных узкими извилистыми коридорами. Еще здесь были полутемные подвалы и очень неприятный захламленный чердак, где Керла однажды едва не подстрелили.

Диг зашел в школу, а Керл остался снаружи на тот случай, если шестой избрал иную тактику — не затаился, а непрерывно перемещается по зоне. Керлу уже приходилось сталкиваться с подобными «бегунами».

Диг осматривал этаж за этажом, периодически сообщая напарнику, где находится. Когда по расчетам Керла Фейстерс должен был добраться до чердака, грохнул взрыв. Керл уже мчался по обшарпанному холлу, и в этот миг в радиофоне послышался слегка сконфуженный голос:

— Все в порядке. Это был здоровенный крысогас.

В школе шестого не оказалось. Не было его и в соседних строениях. Посовещавшись, гладиаторы решили обратиться к коллегии тургеров. Дуайен выслушал их и ответил:

— По правилам я не могу сообщить вам, где он, так как это противоречит нашим обязательствам по отношению к гладиаторам. Но так как в Кодексе Гильдии есть пункт, запрещающий затягивать игру, я вправе дать вам подсказку.

Тот, кого вы ищете, находится в данный момент примерно в тысяче футах к северо–востоку от вас. И сдается мне, он пытается выйти из игры, так как начал уничтожать сферокамеры.

— Мы спасем имущество муниципалитета Тореммы, — с легкой усмешкой заметил Керл, после чего отключил связь. — Дядюшка Пуг–Пуг дал нам наводку. Шестой в районе Серых домов.

Вскоре они были на месте, но приступать к розыскам не спешили. Шестой был напуган, а значит, мог запросто затаиться.

— Надо заставить его раскрыть себя, — сказал Керл. — Ты неплохо поработал в школе. Теперь моя очередь.

Керл должен был стать приманкой. Сунув чоппер в нагрудный контейнер так, чтобы его рукоять высовывалась наружу, он беспечной походкой двинулся по улице вдоль цепочки одинаковых бетонных пятиэтажек, прозванных Серыми домами. Диг наблюдал за товарищем издалека, стараясь не попасться на глаза шестому. Противник должен был поверить, что Керл здесь один, без напарника, и настроен более чем беспечно.

Керл медленно ступал по выщербленному асфальту, каждой клеточкой ощущая, что вот–вот последует выстрел. Только бы этот идиот не воспользовался ультразвуковым излучателем. Гимпиор был бессилен против ультразвука. Шаг, еще шаг, еще. Гладиатор искоса поглядывал в

черные провалы окон. Как их, однако, много, а еще есть и подвальные отдушины. Тут даже не надо целиться. Достаточно положить излучатель перед собой и нажать на спуск.

Он миновал четыре здания, оставалось еще три. Если дуайен не солгал — хотя зачем ему лгать? — шестой должен прятаться где–то здесь. Внезапно внимательный взгляд Керла засек разбитую импульсом сферокамеру. Это доказывало, что шестой недавно был здесь. Был… А скорее всего и остался. Следовало подтолкнуть его на решительные действия. Керл сжал кулак, в котором был синхронизатор. Издалека донесся грохот взрыва. Это сработала граната, оставленная ими у небоскреба Ниринга. Пусть шестой думает, что кто–то из его партнеров еще сражается. А Керл один. И тогда…

Матушка Алинс родила Керла по меньшей мере в двух рубашках. Шестой намеревался пустить в ход ультразвуковик, но нечаянно задел рукой камень, лежавший на подоконнике. Этим движением он выдал себя. Керл заметил своего противника за мгновение до выстрела и бросился под защиту стены. Сзади него проревела ультразвуковая волна. Не целясь, Керл швырнул в одно из окон последнюю гранату. Мощный взрыв

должен был отвлечь противника и помешать ему сделать более прицельный выстрел. Так оно и вышло. Второй импульс прошел ближе от Керла, но не задел его. И все. Гладиатор запрыгнул в одно из окон. Теперь шестому было не уйти. Выход из здания был всего один, а прыгать с четвертого этажа — безумие, на которое б смогли отважиться лишь Керл Вельхоум и еще пять–шесть столь же отчаянных голов. Этот парень был явно не из их числа. Вряд ли следовало опасаться, что он попытается спуститься по веревке. Тот, кто берет с собой ракетомет и ультразвуковик, обычно забывает захватить обычную веревку.

— Керл, с тобой все в порядке? — послышался в радиофоне слегка встревоженный голос Дига.

— Лучше, чем когда–либо, — ответил гладиатор, прижимаясь спиной к холодной стене. — Поднимайся наверх. Только осторожно. Этот тип палит из ультразвуковика. Я на третьем этаже. Он — чуть выше. Придется выкуривать.

Диг не заставил себя ждать. Довольный тем, что развязка близка, он был не прочь пошутить.

— А здорово ты петлял, когда он накрыл тебя волной!

— Хотел я посмотреть, как петлял бы ты!

Оба захохотали, вгоняя затаившегося шестого в

смертную тоску.

Радиофон внезапно вякнул голосом Пуга Пьопофа.

— Поторопитесь, ребята! Зрители начинают скучать. Кстати, ставки на вас поднялись до двадцати к одному.

— Почему так мало? — удивился Диг. — По–моему, они должны быть сто к нулю.

— Мы не задержим вас долго, дуайен, — сказал Керл.

Однако шестому хотелось жить. Он устроился у входа на этаж и поливал лестницу из всех видов оружия, какие были у него под рукой. Напарники безуспешно пытались достать его импульсами, затем Диг извлек последнюю гранату. Прогремел взрыв, принесший больше вреда, нежели пользы. Рухнула вниз солидная часть лестничного пролета, каменный осколок рассек Керлу щеку.

— Поторопитесь, парни, — вновь возник в радиофоне голос Пуга. — Шестой дерется отчаянно. Тургеры подумывают о том, чтобы объявить ничью.

— И отдать этому ублюдку половину призовых денег! — возмутился Керл. — Ни за что! Дуайен, дайте нам еще десять минут.

— Хорошо. Время пошло.

— Ты с ума сошел! — зашипел Диг, дождавшись, когда Керл отключит радиофон. — Что мы сможем сделать за десять минут?! Да нам потребуется в десять раз больше, чтобы выкурить этого подонка!

— Десять минут! — отчеканил Керл. — Ты постреливай вверх. Я сейчас вернусь.

— Ты куда?

— Сейчас.

По коридору Керл добрался до самой отдаленной комнаты. Здесь он извлек из контейнера тонкий шнур с титановым цилиндриком на конце. При ударе о твердую поверхность из цилиндрика выскакивали четыре острых крючка. Подобные приспособления использовались мегарянами для охоты на жемчужных акул. Керл внес в конструкцию кое–какие изменения, слегка выпрямив зубья таким образом, что теперь они напоминали кошачий коготь. Четыре когтя — кошачья лапа. Керл и не подозревал, что изобрел давно изобретенное — приспособление, на Древней Земле именовавшееся кошкой.

Со второй попытки он забросил кошку на крышу здания. Несколько раз дернув за шнур и убедившись, что стальные когти не соскользнут с бетона, Керл оттолкнулся от окна, уперся ногами

о стену и стал медленно подниматься наверх. Вскоре беспорядочная стрельба прекратилась, и Диг Фейстерс с удивлением услышал голос Керла.

— Эй, Диг! Кончай пальбу. Поднимайся.

Через мгновение Диг был наверху.

— Ловко сработано! — восхитился он, хлопнув Керла по плечу. — Что будем делать с этим?

Под «этим» Диг подразумевал шестого, который с посиневшим лицом хлюпал остатками воздуха, пытаясь оторвать от шеи керамическую петлю.

— Лично мне он не нравится.

— Мне тоже.

— Спроси у дуайена.

— Пуг! — завопил Диг Фейстерс. — Что нам делать с этим ублюдком?

— Сами решайте, ребята. Публика, как и вы, не слишком симпатизирует ему. Но если надумаете его шлепнуть, сделайте это на улице. Здесь на этаже не работает ни одна камера.

— Хорошо, дуайен! Постараемся ради искусства.

— Пошли! — Керл потянул за собой упирающегося шестого. Не без труда преодолевая истерзанные взрывами пролеты, все трое спустились вниз. Здесь Керл освободил пленника от

петли и подтолкнул его к стене.

— Так хорошо, дуайен?

— Отличный план, ребята! Отойдите чуть вправо. Все, отлично! Можете приступать.

— Оп! — сказал Керл. Гладиаторы вскинули чопперы и изрешетили шестого импульсами.

— Лучше бы ты, парень, принял честный бой, — философским тоном заметил Диг. Он подошел к ближайшей стене и, повозившись с застежками, стал справлять естественную нужду. Керл вновь вызвал на связь контрольный модуль.

— Работа сделана, дуайен.

В ухе раздался короткий смешок.

— Не совсем, Керл.

— Как это понимать?

Ответа Керл не дождался, потому что в этот миг раздался дикий крик Дига:

— Керл, сзади!

Жизнь приучила Керла Вельхоума не дожидаться подробных объяснений. Памятуя о том, что рука стреляющего легче перемещается вправо, Керл бросил свое тело влево. Импульс ожег его плечо. Падая, Керл перевернулся на спину и выхватил чоппер, но опоздал. Диг стрелял сразу с двух рук. Мелтановые струи подбросили новичка в воздух и рвали его тело до тех пор, пока оно

не врезалось в кирпичную стену и медленно сползло вниз.

Керл поднялся на ноги.

— Вот он, шестой.

Диг медленно процедил сквозь усы застрявший в горле воздух и картинным жестом сунул чопперы в нагрудный контейнер. После этого он сложил на груди руки и оставался в позе героя все то время, пока Керл осматривал убитого.

— Это тот парень, Мел, не помню его имени полностью, который взял с собой лишь чоппер и гранаты. Я полагал, что убил его у небоскреба Ниринга, но, верно, он был лишь оглушен и оказался достаточно умным, чтобы притвориться мертвым. Ты молодец, Диг, но все же, — Керл искоса взглянул на напарника и, не выдержав, расхохотался, — застегни комбинезон. Ведь нас смотрят и дамы!

Пуг Пьопоф не дал им вдоволь посмеяться над этим казусом. Сферовремя дорого стоило, а они занимали его уже около трех часов.

— Вы победили. Теперь по условиям состязаний вы должны драться между собой, если, конечно, у кого–нибудь из вас не найдется веских причин для отказа от поединка. Победитель получает весь выигрыш плюс еще пять тысяч кредитов.

Бросаете ли вы вызов друг другу?

— Нам надо посоветоваться, — сказал Керл.

— Хорошо. У вас две минуты.

Накануне Керл не испытывал желания драться с Дигом Фейстерсом, сегодня ему не хотелось делать этого еще в большей степени. Они провели славный бой и по разу выручили друг друга. Керлу было трудно представить своего напарника в качестве мишени.

— Ты, кажется, ранен? — спросил он Дига.

— Пустяки. Пара царапин. Все вместе они не стоят раны в твоем плече.

— Там лишь ожог, — заметил Керл и замолчал. Как не хотелось Дигу брать инициативу на себя, ему все же пришлось произнести эти слова.

— Керл, мы должны драться. Они ждут этого.

— Керл невесело усмехнулся. Да, они — сто миллионов, засевшие у экранов сферовизоров — с нетерпением ждали этого. Уже давно не было поединков между гладиаторами столь высокого класса, и зрители мечтали о подобном зрелище.

— Но мы можем сказаться ранеными, и любой врач подтвердит это. Мы ведь действительно оба ранены и к тому же здорово устали.

— Керл, я буду драться. Если хочешь, ты можешь отказаться.

Наверно, это был единственный выход из данной ситуации. Никто не осмелился б обвинить Керла Вельхоума в трусости. Но…

— Керл Вельхоум никогда не отказывался принять вызов!

Диг сглотнул слюну и связался с контрольным модулем.

— Пуг, мы готовы драться!

Со стороны Площади игр донесся вой болельщиков Керл представил себе, как зрители у сферовизоров потирают руки и спешат достать из морозильных камер еще одну упаковку пива.

— Оружие? — спросил тургер.

— Выбирает Диг.

Диг Фейстерс раздумывал лишь мгновение.

— Я беру два чоппера. — Он вопросительно взглянул на Керла.

— Мне достаточно ножа и метательных дисков.

Похоже, Диг счел это оскорблением, хотя Керл не думал обижать его, он хотел лишь уравнять шансы.

— Хорошо, будь по–вашему, — согласился дуайен, — Место?

— Где вам угодно, — сказал Керл. Диг поддакнул ему.

— Тогда большой магазин. Там действуют все сферокамеры.

Керл машинально провел рукой по контейнеру, где лежали отравленный нож и метательные диски. Что ж, драка в большом магазине обещала быть захватывающей. Он взглянул на Дига.

— Пошли?

— Пойдем.

Они шагали плечом к плечу, как прежде, и ничто внешне не свидетельствовало о том, что судьба назначила одному стать убийцей другого. У большого магазина они разделились. Керл вошел в первый подъезд, Диг в четвертый.

— Дуайен, мы начали, — сказал Керл.

— Отлично. Камеры работают. Удачи!

Губы Керла растянулись в усмешку. Хорошее пожелание — удачи! Вот только кому?

Первую сотню футов Керл преодолел бегом — необходимо было выиграть побольше места для маневра. У обувной секции он остановился и прислушался. Радиофон тоненько пискнул.

— Ау, Керл!

— Я слышу тебя, Диг, — негромко ответил гладиатор.

— Напрасно ты оставил свой чоппер. Позерство тебя погубит. Я отстрелю тебе задницу!

— Побереги свою!

Керл миновал еще два отдела, дошел до лестницы и, немного подумав, поднялся на второй этаж. Если ему не изменяла память, здесь должен был располагаться отдел верхней одежды.

Он не ошибся. Две тысячи квадратных футов, сплошь заставленные стояками со множеством обветшалых одежд древнеземного стиля. Здесь было нетрудно спрятаться и устроить засаду. Так же легко можно было попасть и в засаду, устроенную Дигом. Керл медленно двинулся вдоль стеллажей, готовый при любом подозрительном шорохе броситься на пол. Зрачок сферокамеры бесстрастно фиксировал его движения.

— Эй, Диг! — позвал Керл.

Экс–напарник не отозвался.

Керл двинулся дальше мимо стопок с изъеденными крысами ремнями и полуистлевшими комбинезонами. Ожидание становилось невыносимым, тишина давила. Начиналась игра нервов. Керл проиграл первый раунд — желая хоть немного разрядить обстановку, он с грохотом обрушил на пол стеллаж, наполненный какими–то металлическими штучками, после чего немедленно перебрался в отдел с игрушками. Он затаился среди больших ярких мячей и какое–то

время сидел не дыша, ожидая, не послышатся ли осторожные шаги Дига. Но тот не клюнул на уловку противника и не бросился на шум. Диг был опытный гладиатор и понимал, чем может обернуться спешка в бою против Керла Вельхоума. Он явно не хотел стать двести двадцать третьим.

Это был поединок нервов. В нем должен был победить тот, у кого хватит терпения не обнаружить себя, и чья рука не дрогнет, нанося смертельный удар. Керл знал, что сразить Дига он должен одним ударом.

Он по–прежнему прятался в отделе игрушек. Мгновения тянулись томительно. Керл представил себе, как Диг точно так же, как он, сидит едва дыша где–нибудь в бакалейном отделе, и едва удержался от нервного смеха. Он уже хотел было вызвать Дига по радиофону, но вдруг уловил едва заметное перемещение объектива сферокамеры, переключившейся на иной объект. Механизм сферокамеры реагировал на тепло и на движение. Это могла быть крыса. Это мог быть Диг Фейстерс. Керл распростерся на полу и стал смотреть в щель между сваленными грудой уродливыми зверюшками, сделанными из ткани, насквозь пропитавшейся пылью, которая лезла в нос, вызывая нестерпимое желание чихнуть.

Вначале ничего не было видно — скорей всего Диг следовал той же тактике, что и его противник, — затем глаз уловил едва заметную тень. Диг медленно двинулся вперед, не подозревая о том, что уже проиграл бой.

Теперь от Керла Вельхоума требовалось лишь одно — быть терпеливым. Сто миллионов зрителей, затаив дыхание, следили за тем, как Диг Фейстерс медленно крадется навстречу своей смерти. Они разом вскрикнули, когда брошенный Керлом диск рассек яремную жилу. Но Диг был еще жив. Упав на колени и зажимая рану рукой, он начал расстреливать стеллажи с пластиковыми солдатиками и пустоглазыми куклами, за которыми прятался Керл Вельхоум. Прятался…

Керл появился из–за его спины, взвился в воздух и на лету ткнул в щеку Дига отравленным ножом. Смерть пришла мгновенно. Диг Фейстерс дернулся и затих. Рука, сжимавшая разрезанное горло, беспомощно повисла вдоль тела, давая выход алой крови, которая в один миг залила комбинезон и тоненькими струйками растеклась по полу.

Вынув из безвольной руки чоппер, Керл отсалютовал в потолок, осыпая себя и мертвого Дига крошками штукатурки. Затем он подошел к сфе-

рокамере и произнес:

— Великий боец Диг Фейстерс умер!

Никто не ответил ему, и тогда Керл разнес камеру вдребезги.

Засунув чоппер Дига в нагрудный контейнер, гладиатор покинул большой магазин и направился к выходу из зоны. С горьким чувством покидал он сегодня это место, где все — дома, улицы, дворы — было фальшивым. Настоящей была лишь смерть. Он шел туда, где его ожидали пятнадцать тысяч кредитов и восторг болельщиков.

А еще его ждали восемьдесят рейнджеров с Посьерры…

Подходя к Площади игр, Керл с легким недоумением отметил, что толпа не приветствует его дружным «славный парень Керл» — словами, которые стали по сути девизом иррационалистов. Болельщики угрюмо молчали, неприязненно поглядывая на окружавших их людей в черных комбинезонах, в руках которых были длинноствольные чопперы.

У контрольного модуля стояли два третбера, также выкрашенные в черный цвет. Их мощные трехствольные чоппинги были направлены на дорогу, по которой шел Керл Вельхоум.

Первым побуждением Керла было броситься

назад в Каменные джунгли, где было достаточно оружия, чтобы уложить не одну сотню молодчиков в черном. Словно предостерегая его от подобной затеи, из–за окружавшего дорогу бетонного забора поднялись вооруженные люди. Черные дула их чопперов были направлены в грудь гладиатора.

В этой ситуации ничего не мог поделать даже Керл Вельхоум. Поэтому он не сопротивлялся, когда один из солдат вытащил из нагрудного контейнера чоппер Дига, а второй забрал нож и метательный диск. Керл ласково улыбнулся им. Он желал выглядеть нахальным, а кроме того, был доволен, что они не обратили внимания на керамическую жилу, которая в его умелых руках была страшным оружием.

Затем Керл позволил отвести себя в контрольный модуль, где лежали трупы пяти тургеров и глашатая. Еще работал компьютер, давая на контрольные экраны картинку — поочередно убитых шестерых и истекшего кровью Дига Фейстерса. Один из черных вскинул чоппер и выстрелил. Кашлянув дымом, компьютер умер, изображение исчезло.

Пришельцам потребовалось совсем немного времени, чтобы убедиться, что захваченный на

выходе из зоны человек действительно тот самый Керл Вельхоум, которого жители Свободных Планет считают символом мужества и иррационального статута.

— Он–то нам и нужен, — заметил один из черных, на левом плече которого было пять золотистых звездочек. Затем он обратился к Керлу:

— Керл Вельхоум, в соответствии с полученным приказом я должен доставить тебя к космогенералу Сатгу, командующему Особым корпусом армии Посьерры.

Керл слышал это имя. Знал он и о том, что представляет собой Особый корпус армии Посьерры.

Планета Посьерра, входившая в Пацифис, пользовалась весьма своеобразной известностью. Знакомый Керла полипланетик Бо Тмей не раз говорил, что здравым смыслом не объяснить, почему Посьерра добровольно уступает Соммете лидерство в Пацифисе. В военном, да и в экономическом отношении это была самая сильная планета Содружества. Вместе с тем это была и самая закрытая планета. Мало кто из инопланетников–паци, не говоря уж о иррационалистах, мог похвастать, что гулял по силиконовым полям Посьерры. Консулат чрезвычайно неохотно выдавал разрешения на посещение планеты.

Развитая промышленность, базировавшаяся на богатой сырьевой базе, позволяла посьеррянам содержать мощную армию. Посьерра располагала семью общекосмическими корпусами, огромным флотом и Особым корпусом. Последний был своего рода дубиной Пацифиса, каравшей непокорных и устрашавшей несогласных. Насколько Керл мог судить по нашивкам на комбинезонах, он оказался в руках крылатых рейнджеров — наиболее привилегированных солдат Особого корпуса.

— Я не совсем понимаю, что здесь происходит, — обратился Керл к офицеру, объявившему о его задержании. — Насколько мне известно, я нахожусь на…

— Не ко мне! — перебил офицер Керла вполне дружелюбным тоном. — Все объяснения вам будут даны в штабе. Я лишь выполняю приказ.

Керл понял, что спорить бесполезно. Оставалось лишь подчиниться неизбежному и ждать объяснений от генерала Сатга. Гладиатор полагал, что его повезут в штаб в третбере, однако выяснилось, что посьерряне весьма ценят персону Керла Вельхоума. За ним прибыл махолет. Запястья Керла заключили в электронаручники, а в сопровождение назначили капитана и шесте-

рых парней, каждый из которых был на голову выше гладиатора.

Да, посьерряне ко всему относились серьезно. В этом Керл смог еще раз убедиться, когда махолет прибыл на место. Еще несколько часов назад здесь было виковое поле, теперь же стараниями строительных когорт на нем словно по мановению волшебной палочки возникла первоклассная военная база. Землеройные роботы вырыли глубокие рвы, выброшенная земля образовала валы, по которым были размотаны спирали Риола, насыщенные мощным электроматическим разрядом. Они грозили смертью каждому, кто приближался к ним ближе, чем на двенадцать футов. Мгновенно были собраны легкие пластиковые модули, в которых разместились штаб и различные службы. В данный момент роботы сооружали плац, чуть поодаль солдаты монтировали навесы для техники и модули–казармы.

— Вы ставите свой лагерь быстрее древнеземных римлян! — решил щегольнуть своей эрудицией Керл.

— Мы пользуемся рекомендациями Вегеция, гусита Клима Кривогузного, Клаузевица и космометодикой Карндорфа, — невозмутимо ответил

офицер–посьеррянин.

Керл прикусил язык и поспешно уставился в иллюминатор. Посьеррянин сделал вид, что не замечает смущения пленника.

Генерал Сатг проводил совещание. При появлении закованного в наручники Керла, за спиной которого встали шесть громадных рейнджеров, присутствующие в кабинете офицеры с любопытством уставились на него. Начальник конвоя подбежал к генералу и начал негромко рапортовать. Керл не слышал, о чем он говорил, но на лице Сатга появилась недовольная гримаса. Так же вполголоса — видно, в посьерранской армии не было принято прилюдно распекать подчиненных — генерал начал выговаривать офицеру, указывая взглядом то на скованные руки Керла, то на рейнджеров, с бесстрастным видом взиравших поверх головы пленника. Во время этого краткого разговора капитан не раз краснел и бледнел, Керл заметил, что он облегченно вздохнул, когда генерал Сатг кивком головы отпустил его. Капитан лично освободил руки Керла, подняв при этом брови кверху, словно говоря: ну и влетело мне из–за тебя, приятель! Затем он четко козырнул и вышел из кабинета. Охранники последовали за ним.

Возникла небольшая пауза, и Керл получил возможность осмотреться. Небольшой кабинет генерала Сатга был чист и неестественно уютен, словно его обживали не один день, и не хозяин, а хозяйка с теплыми умелыми руками. На окнах были повешены аккуратные цветные занавесочки, в одном из углов стояла кадка с огромным декоративным элиантусом с Геры. Середину кабинета занимал большой старомодный деревянный стол, за которым сидели семь офицеров посьерранской армии. Судя по обилию звездочек, все они были в чине не ниже майора, а судя по могучим фигурам, они не менее двух часов в день проводили на спортивных тренажерах.

Пока гладиатор изучал обстановку, генерал Сатг поднялся со своего места и подошел к пленнику. Ростом и сложением он походил на своих подчиненных, волосы были коротко острижены, в глазах блестела сталь. Ее глухой звон был и в голосе генерала.

— Господа, мне приятно вам сообщить, что нас удостоил посещением знаменитый гладиатор Керл Вельхоум.

Офицеры все как один встали и приветствовали Керла кивком головы. Гладиатор был озадачен. Подобного приема он никак не ожидал. Даже в

Тигуласе во время вручения ордена Космической славы к нему относились куда менее уважительно. Керл не слишком хорошо представлял, как следует вести себя в подобной ситуации. Подражая посьеррянам, он тряхнул головой и сказал:

— Мне очень приятно, — Честно говоря, он и сам не ожидал, что из его уст вылетит подобная фраза.

— Нам тоже, — сказал генерал. — Позвольте представиться — Дел Сатг, генерал, командир Особого корпуса.

— Левест Торвигий, бригадир…

Офицеры по очереди называли свои имена и козыряли, будто перед ними был не гладиатор и злобный иррационалист Керл Вельхоум, а сам Секретарь Пацифиса. Все это походило на нелепый розыгрыш, но лица посьеррян были серьезны, Керл не смог заметить даже намека на усмешку. Дождавшись, когда последний офицер назовет свое имя, генерал обратился к Керлу.

— Керла Вельхоума, очевидно, интересует, зачем он здесь оказался?

— Да, весьма интересует.

Сатг позволил себе улыбнуться.

— Что ж, сознаюсь, это моя прихоть. Я давнишний поклонник гладиатора Керла Вельхоума. Я

видел почти все его поединки, которые транслировались по сферовидению, не исключая и сегодняшний.

Подобное признание озадачило Керла еще более.

— Но, если мне не изменяет память, Совет Пацифиса запрещает пацифистам принимать передачи, транслируемые станциями Свободных Планет, в особенности гладиаторские бои.

Улыбка вновь посетила лицо генерала.

— На Древней Земле была хорошая поговорка — «Что положено Юпитеру, не положено быку». Поясняю: Юпитер — это бог…

— Не стоит. — Керл никогда не считал себя слишком вежливым. — Я немного знаком с древнеэллинской этнокультурой.

— Похвально. Приятно иметь дело не только с сильным, но и умным человеком.

— Взаимно, генерал.

— Так вот, на Посьерре военные есть Юпитер. Нам позволено многое, что запрещено прочим. Совет Пацифиса вынужден мириться с этим, так как мы нужны ему. Поэтому я имел возможность видеть поединки Керла Вельхоума и признаюсь, что считаю его самым опасным человеком в Содружестве.

— Я польщен. — Керл чувствовал себя полным идиотом. Он готовился к жестокому допросу, возможно, к смерти, а вместо этого стал участником нелепого фарса, цель которого, казалось, состояла лишь в том, чтобы наговорить друг другу как можно больше приятного. Генерал Сатг словно прочел мысли гладиатора.

— Я говорю это не за тем, чтобы сделать Керлу Вельхоуму приятное. Просто так и есть на самом деле. Среди наших привилегий есть такая — говорить то, что думаешь. Используя подвернувшуюся возможность, я решил лично познакомиться с гладиатором Керлом Вельхоумом. Потому–то он и оказался в этом кабинете.

— Мне очень приятно, генерал. — Гладиатор посмотрел в глаза Сатга, для чего ему пришлось чуть поднять голову. — Но я хотел бы высказать маленькое пожелание.

— Я слушаю.

— Не говорите обо мне в третьем лице. Когда я слышу о себе «он», мне кажется, что меня наконец–то пристрелили и вмуровали в цементопласт на площади Мира в Соммете. — Генерал засмеялся, офицеры словно по команде вежливо растянули губы. — Договоримся так: генерал Сатг симпатичен гладиатору Вельхоуму, и тот

позволяет генералу обращаться к нему на ты. — Едва закончив говорить, Керл проанализировал произнесенную фразу. То, что он сказал, было по крайней мере нелепо — захваченный в плен иррационалист позволял генералу–паци обращаться… Но Сатг не обратил внимания на этот нечаянный казус.

— Хорошо. Генерал Сатг взаимно разрешает гладиатору Вельхоуму обращаться к нему на ты и объявляет последнего своим гостем. Полагаю, господа офицеры последуют моему примеру.

Господа офицеры дружно кивнули.

Обмен любезностями был закончен. Керл решил, что пришло время поинтересоваться:

— Статус гостя означает, что я могу быть свободен, когда захочу?

— Не совсем. Не торопись, Керл Вельхоум. Всему свое время. Я и господа офицеры должны обсудить текущие вопросы. Ты можешь занять место рядом с космомайором Таромом.

Керл не помнил, кто из офицеров представлялся этим именем, но так как свободное кресло было одно, космомайором Таромом следовало считать моложавого симпатичного блондина, чрезвычайно схожего с популярным ламетянским актером Дуком Горльтоном, специализировавшимся на

ролях благородных героев.

Итак, вначале Керл из пленника превратился в гостя, а теперь ему предстояло стать участником военного совета. Изумляясь подобному повороту судьбы, Керл сел на указанное ему место. Посьерряне говорили, совершенно не смущаясь его присутствием. Из их разговоров стала ясна приблизительная картина событий.

Не было секретом, что на Новой России проживало немало сторонников Пацифиса. Вели они себя вполне прилично, и Дума не обращала на них особого внимания. Тем временем новороссские паци не сидели сложа руки. Связавшись с Советом Пацифиса, они предложили совершить государственный переворот, итогом которого стало бы вхождение Новой России в Пацифистскую Лигу. План был гениально прост и апробирован историей уже не единожды. Пацифисты должны были захватить один из населенных пунктов, объявить его самостоятельным государством и запросить помощи у Пацифиса. Все остальное делала посьерранская армия. Совет Пацифиса дал согласие, и вскоре консулат Посьерры известил жителей Содружества, что намерен провести военные маневры неподалеку от сдвоенного солнца системы Гаграу. Это было обычным делом, и ново-

росские иррационалисты ничего не заподозрили. Как только второй космофлот занял исходную позицию, мятежники приступили к осуществлению плана. Вооруженный отряд захватил крохотный городишко Д'Агуцио и объявил о создании пацифистской республики. Новоявленное государство обратилось за помощью к Пацифису, и второй космофлот немедленно блокировал Новую Россию. Три военные базы новороссов подверглись бомбардировке и были уничтожены. Отряды рейнджеров захватили Торемму, свергли Думу и арестовали правительство. Сейчас как раз решался вопрос об образовании нового кабинета, подконтрольного Совету Пацифиса. Посьерранские вояки не особенно церемонились с побежденными, тасуя состав марионеточного правительствва по своему усмотрению.

Первая фаза операции, как резюмировал Сатг, была завершена успешно. Но далее все пошло не столь гладко. Новороссы опомнились и начали оказывать сопротивление. Они славились отчаянным иррационализмом и не собирались сдаваться без боя. Почти каждый житель Новой России имел личное оружие, на законсервированных военных складах, оставшихся от прошлых войн, было в избытке вполне пригодной техники;

многие новороссы были в прошлом наемными солдатами и диверсантами, а кое–кому довелось даже попиратствовать в Сиреневой туманности. Поэтому недостатка в опытных командирах не было. На дисплеях, которые стояли перед каждым участником военного совета, ежесекундно появлялись скупые строки донесений, сообщавших о том, что отряды новороссов движутся к опорным пунктам захватчиков. По данным косморазведки, повстанцы имели на вооружении махолеты, боевые роботы и даже давным–давно не применявшиеся бробили — допотопные прообразы тритберов, вооруженные не чоппингами, а орудиями, посылавшими снаряды. Судя по слегка озадаченным лицам посьеррян, со снарядами им приходилось сталкиваться лишь на занятиях по военной истории.

— Не хватало еще, чтобы они обстреляли наш штаб какими–то снарядами! — возмущенно заметил генерал Сатг, ознакомившись с этим донесением. Он отдал ряд четких указаний, и трое офицеров, козырнув, отбыли организовывать заслоны на наиболее опасных направлениях. Еще один был назначен военным министром Новой России, а симпатичный майор Таром — комендантом Тореммы.

— Если иррационалисты вздумают сопротивляться, не миндальничайте! — велел ему Сатг.

Двух оставшихся офицеров генерал отослал под надуманными предлогами. Было очевидно, что генерал хочет остаться наедине со своим необычным гостем.

Как и все посьерряне, Сатг предпочитал напиток солдат — ром.

— Старая Гавана, — заметил он, наполняя вместительные бокалы желтоватой пахучей жидкостью. — Был такой городишко на Древней Земле. Его уничтожили мономолекулярной бомбой во второй день Религиозной войны.

Ром приятно обжег нёбо. Керл погонял его во рту и проглотил. Затем он взглянул на Сатга, который выглядел весьма озабоченным.

— Насколько я понимаю, события развиваются не совсем так, как вам хотелось бы?

Генерал суетливым движением потряс свой бокал.

— Нет, все идет, как я и предполагал. Я был уверен, что новороссы не сдадутся без боя. Но мы намного сильнее. Мы — армия, а они — вооруженный сброд. Кроме того, если события примут неблагоприятный для нас оборот, я уполномочен применить книлтическое оружие. Неподалеку

отсюда уже возведен купол, под которым монтируется излучатель.

— Вот как! — Керл удивленно вскинул брови. — Но ведь книлтическое оружие запрещено!

— В общем–то, да. Однако Особый корпус располагает одной установкой. По личному распоряжению Президента Содружества.

Гладиатор поставил свой бокал на стол. Его лицо выражало негодование.

— Я знал, что паци не слишком искренни, уверяя, что они против убийства вообще, но считал, что, по крайней мере, они отрицают массовое убийство!

— Великий древнеземной ученый Роб Оппенгеймер был пацифистом, но это не помешало ему принять активное участие в разработке мономолекулярного оружия, в котором он видел прежде всего средство для поддержания мира. Он говорил, что ради достижения мира стоит заплатить любую цену. Мы придерживаемся того же принципа. Эта планета заражена духом насилия. Пацифистские идеи оправдывают все средства, если они способствуют искоренению насилия.

— Выходит, насилие ради искоренения насилия?!

Подняв вверх указательный палец, генерал

подчеркнул:

— Разовое насилие ради искоренения вечного. Словно удалить больной зуб. Мы отрицаем иррациональный принцип, признающий право человека на обоснованное убийство. Заповедь третья гласит — убийство противоречит человеческой натуре. Гладиаторские бои, вендетта, узаконенные разборки с оружием в руках… Насилие должно быть искоренено! Так завещал первый Секретарь Пацифиса Шерм Стоурт.

— Но в этом случае вы вступаете в противоречие с самими собой. Выходит, ради того, чтобы предотвратить вероятную — я подчеркиваю, вероятную! — гибель сотни новороссов, вы готовы уничтожить многие тысячи!

— Да, но это случится лишь единожды. Мгновенно. Раз — и больше не будет никаких убийств. Никогда!

— Это логика людоеда, генерал. Ведь для тысяч погибших этот раз будет последним!

— Идея стоит жертв, дорогой мой Вельхоум! Мир нуждается в упорядочении. Все необходимо свести к определенным канонам. И мы сделаем это. Надеюсь, ты обратил внимание на солдат Особого корпуса?

— Да. — Керл усмехнулся. — Сдается мне, вы

выращиваете их в одном инкубаторе!

Генерал растянул губы в вежливой улыбке, продемонстрировав ровные, без единого изъяна, зубы.

— Хорошо сказано. Ты почти угадал. С помощью сомметанских геноинженеров мы работаем над созданием расы солдат. Пока идет первый этап программы, в ходе которого мы отбираем наиболее пригодных по своим психофизическим параметрам юношей и девушек и сводим их вместе, чтобы в будущем получить идеальных детей, из которых вырастут совершенные солдаты. Этой расе будет принадлежать будущее!

— Напоминает селекцию скота, — заметил Керл, — Впрочем, идея не нова. Нечто подобное, кажется, пытались сделать тернеладцы во время второй Рифовой войны.

— И не только они. Наместники Тернелада реанимировали генетические программы древнеземного государства, именовавшегося третьим рейхом. А еще ранее подобные опыты проводил великий полководец Александр, цари Спарты и теночтитланские инки. Но все это было на примитивном уровне. Сейчас же над генетическими программами работают лучшие умы Пацифиса. Пока мы применяем естественно–биологические

методы, но вскоре перейдем к искусственному вынашиванию перспективных зародышей в специальных инкубаторах.

— Вы уже заключили в тесные оковы пацифистских догм сознание, теперь же вы хотите подогнать под одну мерку и человеческое тело!

— А почему бы и нет? Что в этом плохого? Я не думаю, чтобы ты предпочел дурнушку красавице. Зачем же загрязнять мир уродливыми созданиями? Пусть его заселят люди, похожие на моих рейнджеров или на гладиатора Керла Вельхоума — сильные и красивые. Или я не прав?

Генерал был в чем–то прав, но Керл не думал сдаваться.

— А что станет с теми, кто слабы и некрасивы, кто страдает от телесных болезней? Вы уничтожите их?

Сатг развел руками, словно желая сказать: неужели обо мне можно так думать?

— Они вымрут сами. А если этот процесс затянется, мы немного поможем им.

— И воцарится искусственный человек!

— Нет, мы против сознания искусственного человека. Достаточно того, что существуют киборги Кромера. Наш человек будет вполне естествен, но с максимально богатыми данными и хорошей на-

следственностью. Он будет умен, могуч телом, у него будет хорошая память, сердце, легкие, зубы, ему будут неведомы неврастения, ипохондрия и слизняковые опухоли. Жизнь будет доставлять ему лишь удовольствие.

— Умен, красив, весел, хорошие зубы, — задумчиво произнес Керл. — Так это же точный портрет генерала Сатга!

Гладиатор искоса взглянул на хозяина кабинета. Тот добродушно усмехнулся.

— Нет, я рожден обычной матерью от обычного отца. Хотя могу с гордостью отметить то обстоятельство, что мои данные также заложены в банк генетической программы, как, впрочем, и данные большинства моих рейнджеров. Кстати, я давно подметил, что у инопланетников сложился определенный стереотип в отношении военных, который можно охарактеризовать тремя словами — сила, исполнительность, тупость. Возможно, так оно и есть, но только не на Посьерре. Наши военные великолепно развиты не только физически, но и умственно. Я, например, закончил университет и Космическую академию, изучал древнеземную историю, философию, психологию, космоискусство, неплохо разбираюсь. Мои любимые композиторы — Глюк и Родинович…

Керл жестко усмехнулся.

— Поклонники Глюка ни за что перерезали глотки пятерым тургерам и глашатаю на Площади игр.

— Суровая необходимость. Это был мой приказ. Новороссы должны позабыть даже само слово «гладиатор». Как только беспорядкам будет положен конец, все сферо материалы и иные документы, касающиеся гладиаторских поединков, будут изъяты, а Площадь игр уничтожена.

— Жаль, — вздохнул Керл, — это лучшая зона в Содружестве.

— Что поделать. Как говорили древние: искусство требует жертв. — Генерал заметил, что Керл не прикасается к бокалу. — Я вижу, ром не по вкусу гладиаторам. Может быть, кофе? Мы пьем настоящий, а не из элтанированной губки.

— Не откажусь.

Сатг протянул руку к пульту управления и нажал на одну из кнопок.

— Два кофе. — Генерал допил свой бокал и убрал бутылку в контейнер–морозильник. — Открою тебе один секрет, Керл. Хотя, скорей всего, это не является для тебя секретом. Мы, посьерряне, подобно вам, гладиаторам, поклоняемся силе, а не какому–то там разуму, миру и тому подобной

дребедени. Заповеди Пацифиса — не более, чем побасенки для простаков, в которые не верят даже сами простаки. Древнеземной психоаналитик Фрейд, труды которого были изъяты из информационных хранилищ по распоряжению Совета Пацифиса, справедливо заметил, что человек по сути своей есть дикий зверь, им движет страсть к насилию, стремление подчинить своей воле других людей и распоряжаться их судьбами. Человек жаждет доказать свое превосходство над прочими, потому его тянет убивать и насиловать. Когда он убивает, его охватывает наслаждение более сильное, чем от любовного слияния. Это нормально, в этом суть человека. Подобное наслаждение он должен испытывать и наблюдая за убийством. Унижая и убивая другого, человек расходует отрицательную разрушительную энергию. Это благо, даже мы признаем это. Но дело в том, что эта энергия расходуется бесцельно. А наша задача — собрать ее и направить в нужное русло, заставив служить нашим целям. Потому–то мы и требуем запретить гладиаторские бои, как крайнее проявление иррационализма, как предел бессмысленности. Хотя невозможно отрицать, что это очень увлекательное зрелище, и лично мне жаль, что придется расстаться с ним. Но со-

гласись, Керл, кому это нужно. Ведь даже смерть должна преследовать определенную цель. А те убийства, что совершают гладиаторы, лишены какого–либо смысла. За что один человек убивает другого? За деньги? Или чтобы утолить кровавую похоть испорченных нездоровых людей? Но ведь это лишено всякого смысла!

— Слушаю я тебя, генерал, и мне кажется, что передо мной два человека. Один, облаченный в мрачные одежды, со здоровым румянцем. Он жесток и циничен, но он честен. Я могу не принимать того, о чем он говорит, но он мне понятен и по–своему близок. Но стоит этому человеку обрядиться в белый комбинезон пацифроповедника, и передо мной лжец и лицемер. Причем превращение это происходит в считанные мгновения. Еще недавно я слушал честного воина–посьеррянина, и вот уже говорю с криводушным генералом — паци. И истина, которая уже почти нашла выход из сумрачного тоннеля, застревает в тенетах лживых слов. Почему вы, паци, пытаетесь найти во всем какой–либо смысл? Гладиаторские бои нравятся людям, и они готовы платить за это деньги. А я люблю драться и готов драться. И для меня не существует вопроса: зачем. А зачем в таком случае мы живем? Чтобы дышать, жрать

и пить? Тогда я живу для того, чтобы сражаться на арене, а они живут ради того, чтобы смотреть, как я сражаюсь. Если это доставляет им наслаждение, то я не вижу здесь ничего дурного. Мы не нарушаем права других граждан. Каждый, кто пожелал стать гладиатором, сделал этот выбор добровольно. Так же добровольно люди сидят у своих сферовизоров и делают ставки. Почему вам, паци, необходим во всем смысл?

Генерал Сатг поспешно накинул на плечи белую пелерину лицемерия.

— Человек должен мыслить рационально. То, что противоречит здравому смыслу и не оправдывается действительно практическими потребностями общества — бессмысленно. А значит — вредно. Это иррационализм, который рано ли поздно будет полностью искоренен. Причем вы сделаете это сами, без нашего вмешательства.

Керл хмыкнул.

— Как это произошло на Новой России!

— Да, как это произошло на Новой России, — ничуть не смущаясь, подтвердил генерал. — Благоразумные люди, составляющие большинство жителей этой планеты, наконец осознали, сколь пагубно для их общества увлечение иррационализмом, и подняли восстание против

тех, кто оправдывает убийство. Мы по вполне объяснимым причинам пришли им на помощь.

— На языке военных это называется интервенцией.

— На языке военных это называется братской помощью единоверцам, — поправил Сатг. — А вот и наш кофе!

В кабинет вошла девушка–рейнджер с подносом в руках. Керл взглянул на нее и обомлел. Припухлые губки, чуть вздернутый носик, серые искрящиеся глаза. Вне всякого сомнения, это была таинственная незнакомка, с которой Керл танцевал на Соммете и которая назвалась несуществующим именем — Вельхаум Керл. Гладиатор открыл рот, желая обратиться к той, которую он так долго и безуспешно искал, но она даже не взглянула в его сторону. Поставив поднос на стол, она четко сдвинула каблуки мягких сапожек и вышла. Военная форма была ей удивительно к лицу.

— Так вот, — генерал пригубил кофе, и по лицу его пробежала гримаса удовольствия, — мы избавляем мир от иррационализма, сглаживаем все случайные шероховатости, создавая идеально правильный многогранник. Разве это не благо? Но находятся глупцы, которые отвергают добро,

преподносимое им на блюдечке.

— А вы не задавались вопросом: а хотят ли эти глупцы жить по вашим правилам?

— А кто спрашивает их желания? — прямо заявил генерал. — Отвергать рациональное — иррационально, а значит, признается аксиоматично вредным. И, соответственно, подлежит искоренению.

После подобного объяснения Керлу расхотелось дискутировать, и он сказал:

— Генерал, ты тратишь на меня слишком много времени.

Но Сатг только вошел во вкус. В ответ на замечание Керла он махнул рукой и философски заметил:

— А что значит это время? Впрочем, может быть, ты боишься снарядов? — Генерал, медленно, отчетливо разбивая каждый слог, рассмеялся. Керл отрицательно покачал головой, и тогда Сатг продолжил: — Все эти жалкие потуги новороссов не более, чем примитивная инсургентщина. Война против них подобна гладиаторскому бою, где сильному, опытному, прекрасно вооруженному бойцу противостоит зеленый, неумелый юнец, которого нужно отшлепать. Мы, собственно говоря, и существуем ради того, чтобы учить

уму–разуму нахальных юнцов. Здесь проявляется еще одно различие между нами и вами, иррационалистами. Я слышал, ты немало учился, прежде чем вышел на арену?

— Да, — ответил Керл, слегка изумленный внезапной переменой темы разговора. — Десять лет.

— Зачем же так долго?

— Чтобы прожить еще тридцать.

— Отлично сказано! Хотя, подозреваю, ты произносишь эту фразу не в первый раз. — Керл не мог отказать генералу Сатгу в проницательности. — Так вот, все эти десять лет тебя учили те, кому предстояло в будущем сразиться с тобой. Я не ошибаюсь?

— Нет, все так и есть. — Керл все еще не понимал, куда клонит собеседник.

— А так как все, кто сражались против тебя, умерли, выходит, они готовили своего будущего убийцу или, говоря иначе, каждый из них научил тебя, как расправиться с собою.

— Выходит, так.

— Но ведь это парадокс. Лишенный всякого смысла парадокс! Разве придет нормальному человеку в голову мысль научить своего потенциального убийцу владеть оружием. Куда как предпочтительней иметь дело со слабым.

— Но тогда поединок теряет всякую привлекательность.

— Игра, за которую приходится расплачиваться собственной шкурой, — задумчиво произнес Сатг. — Русская рулетка. Я тоже игрок, но предпочитаю делать ставки не на свою жизнь, а на чужую, и желательно не рискуя при этом проиграть. Вот мы незаметно подошли к сути дела, ради которого я приказал доставить тебя в мой штаб…

— Генерал умолк, встал и подошел к окну. Какое–то время он безмолвствовал, наблюдая за тем, как строительные роботы заливают бетонопластом площадку для махолетов, затем резко повернулся к Керлу.

— Итак, перейдем к делу. Надеюсь, ты не воспринял всерьез басню о том, будто страстный поклонник мечтал познакомиться со своим кумиром Керлом Вельхоумом.

— Воспринял, — признался Керл.

— Напрасно. Я не солгал, сказав, что видел многие твои поединки и что считаю тебя очень опасным противником. Но я не рукоплещу тем, кто убивает ради убийства. Они психи и полны нездорового азарта. А вот мой приятель, Тулт Данлоэ, занимающий в настоящее время пост военного министра Посьерры, действительно

твой поклонник. Он предложил мне заключить пари…

— Ты хочешь посадить меня в одну из зон и стравить со своими толстозадыми сосунками–рейнджерами? — оживился Керл. — Давай! Я докажу, что эти люди будущего годны лишь на то, чтобы щупать девок на Соммете или Микуле.

Слова гладиатора не понравились Сатгу, в его голосе появился холод.

— Нет, для тебя это слишком просто. Я прекрасно понимаю, что в Каменных джунглях ты способен уложить сотню рейнджеров.

— Запросто, — не опасаясь показаться самоуверенным, заявил Керл.

— Поэтому условия пари будут более жесткими. Ты слышал от меня, что мы собираем книлтический излучатель. Так вот, твоя задача избавиться от охраны, которую я к тебе приставлю, выбраться из лагеря и проникнуть в купол. Если сумеешь прикоснуться к двери конверторного модуля, считай, что выиграл.

— Оружие?

— Никакого. С оружием было бы слишком просто. Лишь руки и смекалка. Могу еще пообещать тебе, что запоры в камере, в которую тебя поместят, будут не очень крепки. Я хочу проверить

сноровку моих рейнджеров, а не надежность стен.

Керл не выглядел обескураженным.

— Сколько у меня будет противников?

— Четыре охранника у входа в камеру. Ночью это число будет удвоено. Если же тебе удастся выбраться, во что, признаться, я не верю, ты будешь иметь дело с двумя когортами, прикрывающими штаб и купол, несколькими десятками тиммеров, тритберами, махолетами, линиями заграждения, минными полями, всевозможными ловушками. На все тебе дается двадцать шесть часов — полные сутки поместному циклу.

Гладиатор подумал и покачал головой.

— Это невыполнимое задание.

— Я тоже так думаю. А вот мой друг Тулт считает иначе. Он поставил на тебя тысячу двойных кредитов.

— Передай ему, что он проиграл.

— Стало быть, ты отказываешься?

— Да.

Сатг оказался на удивление покладист.

— Хорошо, я так ему и скажу. Жаль, мой друг будет разочарован. Да, — генерал сделал вид, что вспомнил нечто важное, — я забыл упомянуть, что имею приказ военного министра Посьерры

Тулта Данлоэ, который предписывает мне казнить гладиатора Керла Вельхоума.

— В чем меня обвиняют? — поинтересовался Керл.

— Ни в чем. Просто как чрезвычайно опасного преступника. Закон об Особом положении, действующий с сегодняшнего дня на Новой России, дает мне такое право. Ну как, ты по–прежнему отказываешься попытать счастья?

— Нет, последнее обстоятельство меняет дело.

— Вот и прекрасно! Мне будет приятно сообщить министру, что Керл Вельхоум принял его предложение.

— Генерал не оставил мне выбора.

— Правильно! — почти пропел Сатг.

Керл потер покрытую щетиной щеку.

— Где гарантии, что мне будет сохранена жизнь, если я выполню это задание?

— Честное слово генерала Сатга! — патетически воскликнул посьеррянин.

Керл не был склонен доверять обещаниям паци, но выбора у него не было. Оставалось лишь получить ответ на последний вопрос.

— Генерал, я хотел бы узнать еще кое о чем.

— Схему заграждений?

— Нет, с ней я как–нибудь разберусь сам. Кто

была та девушка, что приносила нам кофе?

Генерал Сатг хмыкнул.

— Ты молодец, Керл Вельхоум! Даже в такую минуту ты ухитряешься думать о девушках. Она из обслуживающего персонала. Если хочешь, я могу навести о ней справки.

— Да, хочу.

Посьеррянин нажал на кнопку вызова и сказал:

— Узнайте и доложите мне имя девушки, которая приносила нам кофе. — Генерал вопросительно посмотрел на Керла. — Если не секрет, чем она тебя так заинтересовала?

— Я видел ее на Соммете. Мы танцевали волшебный танец, а потом она исчезла. Я искал ее три дня, но так и не смог найти.

— Она не могла быть на Соммете. Служащие Особого корпуса не имеют права покидать Посьерру, если… — На лице Сатга появилась кривоватая усмешка. — Если только это не вызвано особыми обстоятельствами.

— И все же я танцевал с ней! — стоял на своем Керл.

— Сейчас узнаем.

Информационная служба у посьеррян была налажена великолепно. Прошло всего несколько

мгновений, и на пульте зажегся зеленый огонек.

— Докладывайте! — велел генерал.

— Ее имя Даймэ Ким, классификация три, сержант Особого корпуса. Желаете поговорить с ней?

— Нет.

— Нужна более подробная информация?

— Узнайте, бывала ли она на Соммете, э–э-э… — Сатг взглянул на гладиатора.

— Два года назад! — быстро подсказал Керл.

— Два года назад, — повторил генерал, адресуясь к невидимому собеседнику.

В личном деле подобный факт не зафиксирован. Прикажете допросить?

— Нет. Я доверяю своим солдатам. — Сатг отключил связь и развел руки в стороны. — Она никогда не бывала на Соммете.

Керл уже и сам начал сомневаться. Все же прошло столько времени…

— Может быть, попросить ее принести нам еще кофе, — предложил Сатг.

— Нет, не надо. Наверно, я ошибся.

— Ну, как знаешь. В таком случае тебе пора идти. Отсчет времени пошел. Удачи тебе, Керл Вельхоум.

— Спасибо, — ответил Керл, поднимаясь. — Мне

уже желали ее сегодня.

Подойдя к двери, гладиатор внезапно обернулся и спросил:

— Генерал Сатг, а что ты будешь делать, если вдруг наступит день, когда все планеты войдут в Пацифис? Ведь тогда вы лишитесь последних своих врагов.

— Ничего. — Генерал изобразил улыбку. — Мы изобретем себе новых.

Командующий Особым корпусом сдержал свое слово. Запоры в помещении, куда поместили Керла, были чисто символическими, но за дверью сидели четверо вооруженных до зубов рейнджеров, саженные плечи которых настраивали Керла на пессимистические размышления. Солдаты были поставлены в известность о том, кто их пленник, и знали, что он должен попытаться освободиться. Поэтому они держались настороже, а входили к Керлу не иначе, как вчетвером.

Керл пробыл в своей тюрьме примерно пять часов, но так ничего и не придумал. Скоро должно было стемнеть. Ночью, по словам генерала, караул удвоят. Затем наступит рассвет, солнце медленно доползет до полуденной отметки. Ровно в пятнадцать Керлу принесут обед, а через два часа его поставят к стенке. Сомневаться, что ге-

нерал исполнит свое обещание, не приходилось. Гладиатор мерял шагами узкое пространство комнаты и размышлял.

Спасительная идея пришла совершенно неожиданно. Сколь ни хороша была военная подготовка рейнджеров, инструкторы не смогли изменить их психологию, психологию паци. Если человек мертв, значит, он умер. Именно так подумали охранники, обнаружив, что Керл болтается в петле под потолком камеры. Один побежал доложить о случившемся генералу Сатгу, другой бросился за доктором. Двое оставшихся стали снимать повесившегося гладиатора. Первый из них придерживал ноги Керла, а второй полез на табурет, чтобы перерезать веревку. С таким же успехом он мог пилить пальцем титановую трубу. Солдат упрямо тупил свой нож о керамическую жилу, и в этот миг Керл открыл глаза. Рейнджер хотел завопить, но кулак гладиатора врезался в его шею, и посьеррянин рухнул с перебитым кадыком. Второму охраннику Керл разбил коленом лицо, а потом добил его, уже лежащего, ударом ножа. Он не спешил и дождался доктора и третьего охранника. Право же, познания Керла в области анатомии были ничуть не хуже, чем у космомеда, явившегося засвидетельствовать его

смерть. Тот даже не успел удивиться и рухнул навзничь с раздробленной височной костью. Рейнджера Керл удавил керамической жилой, с помощью которой так ловко изобразил повешенного.

Следовало поторопиться. Керл обыскал мертвецов, пополнив свой скромный арсенал двумя чопперами и гранатами. К его огорчению, гранаты были обычные, а не синхронизированные, иначе он оставил бы своим тюремщикам небольшой подарок.

Генерал Сатг был настолько уверен, что Керлу не удастся справиться с приставленными к нему рейнджерами, что даже не позаботился о внешней охране. Керл беспрепятственно покинул модуль, в который его поместили. Теперь следовало подумать о том, как выбраться из лагеря.

Имелись две возможности, и обе далеко не идеальные. Можно было попытаться выбраться через вал, предварительно разорвав спирали Риола гранатами или мелтановыми импульсами, но в этом случае Керл привлек бы к себе всеобщее внимание, что не входило в его планы. Кроме того, за рвом могли располагаться минные поля и ловушки, избежать которых в темноте было очень непросто. Куда предпочтительней было

покинуть лагерь через ворота, но и в этом случае беглецу пришлось бы пустить в ход оружие, что, впрочем, не гарантировало успех, так как ворота представляли собой двухсекционный ангар, разделенный прочнейшей нефелитовой перегородкой, которую было не прожечь даже плазменной струей.

В легком замешательстве Керл огляделся вокруг себя и чертыхнулся. Как он мог позабыть про махолеты! Шесть летающих машин стояли на плацу рядом с энергетическими модулями. Керл неторопливо направился к ним, и в этот миг его бегство было обнаружено.

Пронзительно завыли сирены, вечерний полумрак прошили лучи установленных по периметру лагеря прожекторов. Из жилых модулей посыпались рейнджеры, напяливая на ходу шлемы и бронедоспехи. Они орали и суетились, командиры отдавали на ходу путаные приказы. В воздухе витало напряжение, словно перед взрывом. Достаточно было поднести спичку, что Керл и сделал.

Он размахнулся и швырнул сразу две гранаты. Черные шарики взвились в воздух, чтобы через мгновение превратиться в огненные цветы. Одна из гранат угодила в стену модуля, где размеща-

лись офицеры, другая разметала скопившихся на плацу рейнджеров. Как и следовало ожидать, началось всеобщее веселье, в котором Керл был главным заводилой.

Паника соткала в воздухе зеленую мелтановую паутину. Рейнджеры палили во все стороны, Керл старательно отстреливал прожектора. Шальной импульс попал в один из энергетических контейнеров, и тот превратился в огромное огненное кольцо, испепелившее все в радиусе двухсот футов. Напрасно голос генерала Сатта, доносившийся из радиорателя, призывал рейнджеров успокоиться. Сообщение, что на территории лагеря находится сбежавший из плена гладиатор Керл Вельхоум, вызвало еще большую панику. Рейнджеры хорошо знали это имя.

Предоставив посьеррянам истреблять друг друга, Керл устроился в тени одного из махолетов и стал дожидаться, пока не появится какой–нибудь пилот. Как и всякий другой гладиатор, Керл умел управлять этими летающими машинами, но он не знал оборонительной системы лагеря, а кроме того, ему требовались более подробные сведения о куполе.

Ожидание затягивалось, и Керл избавился еще от пары гранат, дав веселью новый толчок.

Рейнджеры почему–то решили, что он прячется в одном из модулей, и буквально растворили ни в чем не повинное строение в море мелтановых импульсов. Керл ждал.

Наконец у взлетной площадки появился человек, на шлеме которого был изображен значок с двумя перекрещенными лопастями. Керл, не мешкая, схватил его за шиворот и впихнул в один из махолетов.

— Пилот?

— П–пилот, — лязгая зубами, подтвердил пойманный. Ему явно недоставало той храбрости, которая, по словам генерала Сатга, должна была переполнять каждого рейнджера.

Керл ласково улыбнулся посьеррянину.

— Тогда летим.

— Куда?

— Высадишь меня прямо на купол.

— Нельзя. Там полно тиммеров. Нас собьют. — Пилот немного успокоился, в его голосе появились нотки уверенности.

— Ну, тогда высадишь меня около купола.

— А ты меня не убьешь?

— А зачем? — вопросом на вопрос ответил Керл и добавил:

— Ведь ты не будешь делать глупости?

— Нет.

— Полетели!

— Но…

Керл решил прекратить дискуссию, в бок пилота уперся ствол чоппера. Под влиянием этого аргумента пилот поспешно поднял махолет вверх и вывел его за пределы лагеря… Хаос мечущихся прожекторов, мелтановых импульсов и пламени остался позади. Керл позволил себе расслабиться.

Воздушное путешествие было недолгим. Вскоре машина приземлилась на небольшую лужайку. До купола, смутно поблескивавшего во тьме, оставалось не менее мили.

— Эй, приятель, я же велел тебе высадить меня около купола!

— Это невозможно, — ответил пилот. — Купол окружен минным полем. Видишь вон ту штуковину? — Посьеррянин указал на бетонный куб, смутно виднеющийся неподалеку. — Это знак, что дальше идти опасно. Все это поле напичкано ритм–минами. Знаешь, что это такое?

Керл кивнул. Ему приходилось сталкиваться с подобными взрывными устройствами, реагирующими на частоту колебаний человеческого сердца. Гладиаторы со свойственным им чер-

ным юмором именовали эти мины «сердечными друзьями». Человек не мог ни безнаказанно миновать, ни обезвредить подобное устройство, для этого требовался специальный робот.

Тоненько затрещал зуммер радиофона. Керл глазами приказал пилоту включить режим переговоров.

— Если я не ошибаюсь, это Керл? — Голос принадлежал Сатгу.

— Так точно, мой генерал! — ответил гладиатор.

— Ты ловко провел моих парней и улизнул из лагеря. Посмотрим, что ты будешь делать дальше.

Довольный собой Керл рассмеялся.

— Посмотрим. А ты не боишься, Сатг, что я просто смоюсь?

— Нет. Это не в твоем стиле. Кроме того, тебе не выбраться с планеты, а здесь ты рано или поздно будешь пойман. Добраться до конверторного модуля — твой единственный шанс спасти шкуру. С тобой есть пилот?

— Да. А что?

— Передай ему, что по возвращении он будет расстрелян, а лучше пристрели его сам.

— Я так и сделаю, — сказал Керл и выстрелил

побледневшему рейнджеру в живот.

— Удачи, Керл.

— Всего хорошего, генерал.

Забрав находившиеся в махолете гранаты и ракетомет, Керл пошел в ночную тьму. Отойдя шагов на пятьдесят, он обернулся и выстрелил. Импульс попал точно в энергетический кабель, и летающая машина превратилась в комок пламени.

Остаток ночи Керл провел на ногах, пытаясь найти лазейку в обороне купола. Но проклятое минное поле исключало малейшую возможность подобраться к нему поближе. Кроме того, по периметру купола стояли тиммеры, запрограммированные на поражение любой движущейся мишени. Пару раз в темноте мелькал тонкий мелтановый луч — это роботы обстреливали поле, уловив движение какой–то мелкой зверушки. Один из импульсов попал в «сердечного друга», тот с грохотом взорвался, натолкнув Керла на определенные размышления.

Ближе к рассвету в небе тоненько зажужжали махолеты. Вполне вероятно, они охотились не за Керлом, но гладиатор не пожелал проверить это. Один из махолетов рухнул вниз оранжевой кометой, остальные исчезли. Примерно через

час, когда Керл закончил все приготовления и был готов приступить к осуществлению своего плана, послышался заунывный свист, и на поле выросли два фонтана земли. Буквально через мгновение узкий раструб на вершине купола издал отрывистый кашель. Это книлтический излучатель отвечал своим невидимым врагам. Сражение между агрессорами и новороссами началось. Это было на руку Керлу.

В посьерранской армии применялись универсальные ракеты «Контан» со съемными боеголовками. На подобной ракете можно было установить обычный, плазменный, химический или бризантный боезаряд в зависимости от того, какую цель требовалось поразить. Керл не собирался обстреливать купол, ракета была нужна ему совсем для иной цели.

Вывернув капсулу боезаряда, Керл укрепил на ее месте моток тончайшего синтетического шнура, длина которого, если верить заверениям фирмы Кротт, составляла восемьсот футов — именно настолько простиралось минное поле. Убедившись, что со шнуром все в порядке и он легко сматывается с бобины, Керл приладил ракетомет к плечу, тщательно прицелился и выстрелил. В плечо толкнуло отдачей. Приставив

руку ко лбу, чтобы защитить глаза от солнца, Керл наблюдал за кувыркающейся в воздухе ракетой до тех пор, пока она не упала на землю всего в каких–нибудь пятидесяти футах от купола. Первая часть плана была осуществлена успешно. Теперь можно было непосредственно заняться минным полем.

Сторожевые тиммеры, охранявшие периметр, были запрограммированы таким образом, что реагировали на движение, а не на инфракрасное излучение, как обычно. Людей должно было остановить минное поле, а в задачу механических защитников вменялось истребление махолетов, боевых роботов и радиоуправляемых бронемашин. Обладавшие примитивным мозгом тиммеры не видели различий между боевым устройством и металлической болванкой. Им было приказано считать врагом любой движущийся объект. Этим обстоятельством и решил воспользоваться Керл, чтобы расчистить себе путь к куполу.

Выбрав слабину, он резко дернул шнур, заставив пустотелую болванку ракеты подпрыгнуть на месте. Тиммеры мгновенно насторожились и навели дула чопперов на внезапно объявившегося врага. Керл вновь потянул за шнур, заставляя

мертвую железяку ожить. Три тиммера плюнули в мишень зеленоватыми строчками импульсов. Но враг, столь нахально вторгнувшийся во владения тиммеров, не умер и продолжал сопротивляться. В скудные мозги роботов вселилась ярость. Тиммеры вскинули свое оружие и открыли беспорядочный огонь. Быстро перебирая шнур руками, Керл начал тянуть металлического помощника к себе. Раздосадованные необъяснимой живучестью врага тиммеры перешли на автоматическую стрельбу. Длинные зеленые строчки впивались в землю вслед за ползущей болванкой. Некоторые из импульсов попадали в овальные тела мин, и те с грохотом детонировали.

Один взрыв, второй, третий. Керл вел счет уничтоженным минам и запоминал их местоположение. Вместе с тем он не забывал быстро сматывать шнур, опасаясь, как бы какой–нибудь импульс не перебил его.

Тиммеры не на шутку раззадорились. В этом они были весьма схожи со своими хозяевами–паци. Стрельбу начали три робота, теперь же к ним присоединились все те, что охраняли эту сторону периметра. За изрешеченным куском металла, стремительно убегающим к росшим на краю поля кустам, вставала огненная стена мелтана и

детонирующих мин.

Вот и все. Керл подтащил свою приманку к кубу и позволил тиммерам добивать ее.

Он насчитал двадцать четыре взрыва. Если учесть, что «сердечных друзей» по инструкции ставили на расстоянии тридцати футов друг от друга, тиммеры уничтожили почти все мины в том месте, по которому «пробежала» ракетная болванка, расчистив таким образом Керлу подход к куполу.

Потребовалось немало времени, прежде чем ретивые защитники убедились, что их враг мертв, и успокоились. Тогда гладиатор вышел из–за кустов и медленно направился к куполу. Тиммеры поработали на совесть. Выжженная импульсами трава указывала путь, которого Керл должен был строго придерживаться.

Он шел по черной перепаханной земле, пристально вглядываясь перед собой. «Сердечный друг» был бы идеальным оружием, если бы не один крохотный недостаток. Детектор, реагировавший на биение сердца, находился над поверхностью земли и при должном внимании его нетрудно было обнаружить. Керл прошел не менее половины пути, отделявшего его от купола, прежде чем заметил первую уцелевшую

мину. Гладиатор подорвал ее гранатой и двинулся дальше. Теперь следовало быть настороже и поглядывать не только под ноги, но и на периметр купола, по которому неспешно курсировали тиммеры. Как ни медленно он двигался, роботы наверняка заметили нарушителя и вот–вот должны были открыть огонь.

Мелькнул зеленый импульс. Зная, что тиммеры при первом выстреле целятся чуть ближе мишени, словно предупреждая, что дальше идти не следует, гладиатор отпрыгнул назад и затаился. Купол был всего в двухстах футах, но теперь противниками Керла были не только мины, но и тиммеры.

Стараясь не делать резких движений, чтобы не спровоцировать тиммера на выстрел, Керл прицелился и послал импульс точнехонько в осязательный центр стрелявшего в него робота. У тиммера заклинило контакты, и он принялся палить во все стороны. Несколько импульсов попали в его собратьев, вынудив их открыть ответный огонь.

Пока тиммеры разбирались между собой, Керл преодолел еще около сотни футов, уничтожив при этом несколько мин. Ему оставалось пройти совсем немного.

Тем временем нешуточный бой разгорелся с другой стороны купола. Судя по всему, новороссы взялись за своих врагов всерьез. Звуки канонады постепенно приближались. Снаряды, прежде обильно падавшие на минное поле, теперь попадали непосредственно в матовое покрытие купола. Это обстоятельство было на руку Керлу. Теперь охранявшим книлтическую установку рейнджерам было не до него, а с тиммерами гладиатор надеялся как–нибудь управиться.

В землю возле плеча вонзилась раскаленная игла импульса. Очевидно, опомнившиеся тиммеры взяли своего врага на прицел и ожидали лишь малейшего движения, чтобы обрушить на него ураган импульсов. Но Керл не собирался дарить им такую возможность. Он лежал очень долго. Лежал внешне неподвижно, но на деле постепенно принимал положение к выстрелу. Его руки и голова перемещались столь медленно, что даже тиммеры отказывались признавать это движением. Но все же Керл двигался, поднимая ракетомет. И вот его глаза уже смотрят в прорезь прицела. Из восьми тиммеров в строю оставалось пять. И все они были настороже, держа подозрительный объект под прицелом. Керл не шевелился, несмотря на то, что у него страшно

затекли руки, и в конце концов добился своего. Тиммеры ослабили внимание. Один начал охоту за очень кстати вышедшим прогуляться розовым кроликом, два других стали медленно перемещаться по площадке периметра, высматривая, не крадется ли к куполу еще какой злоумышленник. И тогда Керл нажал на боевой спуск. Ракета разнесла вдребезги двух самых бдительных роботов, наблюдавших за подозрительной точкой у края выжженной травы. Прежде чем исчезнуть в облаке пламени, тиммеры успели ответить, но ни один из пущенных ими импульсов не задел Керла.

Не успело эхо взрыва достичь земли, а Керл уже что есть сил бежал к куполу. На бегу он посылал импульсы, взорвав одну за другой три мины. В четвертую он не попал. Горячая волна дохнула в лицо, и Керл провалился в омут.

Сознание вернулось вместе с грохотом близкого разрыва. Керл сглотнул застрявший в горле комок и чуть пошевелился. Движение отдалось болью во всем теле, голова была словно налита чугуном. Застонав, Керл открыл глаза — сначала левый, затем правый. Для этого пришлось напрячь лицевые мускулы, потому что ресницы были склеены липкой массой, которая покрыва-

ла все лицо. Керл лизнул щеку и понял, что это засохшая кровь.

Над головой раздался надсадный кашель, затем издалека долетели отрывистые звуки, сменившиеся свистом. Оглушительно грохнуло, гладиатора подбросило вверх. Удар о землю вывел Керла из оцепенения. Стиснув зубы, он приподнял голову и осмотрелся. У края минного поля стояли несколько бробилей. Один из них горел, остальные выплевывали сгустки пламени, которые, воя, проносились над Керлом и с грохотом раскалывались о купол. Новороссы успели сделать еще два залпа. Потом вновь раздался механический кашель, подобный тому, что Керл слышал мгновением раньше. В тот же миг поляну, где стояли бробили, захлестнула волна огня. Когда лепестки пламени опали, взору Керла предстали черные хрупкие остовы с причудливо оплавившимися стволами и вздутыми кормовыми надстройками. Таков был результат действия книлтического оружия.

Лишь сейчас Керл вспомнил, что сидит в нескольких шагах от купола, и удивился тому, что его до сих пор не прошил импульс. Медленно, моля судьбу и удачу, чтобы тиммеры не обратили на него внимания, гладиатор повернул голову.

Роботы были мертвы. Снаряды бробилей довершили начатое Керлом. Теперь ничто не мешало гладиатору подобраться к самому куполу. Керл поднялся на ноги и, пошатываясь, побрел вперед. Перед глазами плыло. Ему здорово досталось при взрыве мины. Хотя гимпиор и защитил тело от осколков, он не смог уберечь его от ударной волны, а в результате Керл чувствовал себя так, словно по нему проехал средних размеров третбер. Но еще сильнее досталось лицу и кистям рук, израненным сотнями крохотных иголок, которыми был начинен корпус «сердечного друга». Следовало признать чудом, что не пострадали глаза.

Тридцать неверных шагов, каждый из которых был наполнен болью, Керл добрался до купола и со вздохом облегчения привалился к чуть шероховатой, теплой поверхности. Только теперь он мог в полной мере оценить это гигантское, поистине неуязвимое сооружение из нефелита, чьи стены, казалось, уходили в облака.

Прислушиваясь к стремительному бегу ускользающего от него времени, гладиатор бессильно опустился на землю. Дыхание его было прерывистым и хриплым. Щурясь, Керл взглянул на солнце. Судя по положению местного светила,

уже был полдень. В распоряжении гладиатора оставалось не более трех часов.

Вход… Вход. Вход! Вход!!!

Вход был — Керл видел его, когда изучал подходы к куполу, — но он был перекрыт массивной плитой.

Должен же быть хотя бы еще один вход!

Не сознавая, что делает, Керл лизнул окровавленный палец. Тиммеры. А что тиммеры? А то, что по правилам роботехники должны осматривать их через каждый день. Неужели они, каждый раз рискуя жизнями, пробираются мимо минного поля, чтобы потом невесть как вскарабкаться на площадку периметра? И вдобавок тут же быть подстреленными тиммерами! Нет, посьерряне не были похожи на идиотов, сознательно усложняющих себе жизнь. Керл извлек «кошку» и забросил ее на металлический обод, огораживавший периметр. Вскоре он стоял на узкой площадке меж двумя мертвыми тиммерами. Отсюда было прекрасно видно окрестности. Бой затихал. Книлтический излучатель кашлял все реже и реже. Вскоре новороссы будут окончательно разбиты, и тогда генерал Сатг всерьез примется за Керла. Но должен же быть какой–то выход! Точнее, вход. Миновав искореженные

остовы роботов, гладиатор достиг края платформы. Неужели неудача? Нет, интуиция не подвела Керла. Он стоял перед небольшой, едва заметной в сером панцире брони дверью без каких–либо признаков замка. Очевидно, открывалась она только изнутри. Сделав шаг назад, Керл поднял чоппер и выпустил пять длинных импульсов. С таким же успехом он мог пытаться пробить дверь головой. На гладкой поверхности остались лишь едва заметные оплавлины. Чтобы сокрушить эту преграду, был нужен плазмомет или мощный направленный взрыв, Керл же располагал лишь чоппером и тремя гранатами. Сам он сделать ничего не мог, оставалось лишь надеяться на оплошность врагов. Керл сел у двери и принялся ждать.

Мгновения тянулись томительно. Болело разбитое тело, ныли иссеченные осколками руки, нестерпимо чесалось покрытое кровавой коркой лицо. Вдобавок ко всему Керла начала донимать жажда, но он терпел, дожидаясь своей минуты, и дождался.

За дверью раздался едва слышный шорох. Мгновение — и Керл был на ногах. Еще одно — и он распластался на наклонной стене над дверью. Едва он успел сделать это, как бронированная

крышка с легким гулом отошла в сторону, и из чрева купола вышел рейнджер. Следом за ним появился еще один. Приставив ко лбу ладонь, защищая глаза от солнца, они осмотрели изуродованное взрывами поле, затем перенесли свое внимание на разбитых тиммеров.

Этой секции досталось больше других.

— Да. И кажется…

Что ему показалось, рейнджер объяснить не успел. Керл ударил его ножом над ухом. Его напарник вскинул чоппер, но гладиатор оказался быстрее. Спустя мгновение второй паци лежал рядом с первым, а Керл вытирал окровавленное лезвие о его куртку. Затем он скинул трупы на землю, вошел внутрь купола и закрыл за собой дверь.

Длинный извилистый ход привел гладиатора в модуль, служивший складским помещением. Здесь хранились всевозможные боеприпасы, запасные детали, разобранные тиммеры и прочая дребедень. Керл не побрезговал порыться в этом хламе и был вознагражден. Между контейнерами с пищевыми концентратами он нашел упаковку синхронизированных гранат, что было приятной неожиданностью, так как паци громогласно объявляли, что отказались от них как от негуманного

оружия. Выбросив часть ненужных ему более приспособлений, Керл заполнил освободившиеся контейнеры гранатами. Еще несколько он рассовал в штабеля боеприпасов, захватив синхронизаторы с собой. Азартная игра, затеянная генералом Сатгом, подходила к финалу. Надо признать, она увлекла Керла.

Теперь гладиатор был уверен, что выиграет. Понадеявшись на непреодолимость оборонительных систем купола, паци были чрезвычайно беспечны. Керл без особого труда миновал два контрольных поста, оставляя после себя трупы и синхронизированные гранаты. О том, что он все же ухитрился проникнуть в купол, паци догадались лишь тогда, когда Керл достиг энергореактора.

Это была важнейшая часть купола — если не сердце, то уж наверняка желудок. Именно здесь рождалась та энергия, что уничтожала бронеколонны и города новороссов. Энергореактор представлял собой большой бункер, изолированный тремя поясами защиты — сначала шел слой особо прочного керамопластика, затем двухфутовые нефелитовые плиты, за плитами располагались кремнебетонные блоки, которые гасили остатки взрывной волны.

Принцип действия книлтического оружия был весьма несложен. В энергореактор помещали нужную порцию грометола, затем его подрывали, направляя высвободившуюся энергию в специальный конвертор, который посылал силовой луч в нужном направлении. Там, куда этот луч был направлен, происходил взрыв, чья мощь равнялась девяти десятым взрывной силы грометола, загруженного в энергореактор. Радиус действия этого оружия был практически неограниченным. Книлтические лучи можно было посылать даже в другое созвездие.

Энергореактор обслуживали десять техников. К тому времени, как прозвучал сигнал тревоги, Керл убрал шестерых из них. Уже не таясь, гладиатор быстро покончил с остальными. Под надрывный вой сигнальных сирен он затребовал со склада пять максимальных порций грометола. Взрывчатка, упакованная в контейнеры из химически инертного пластика, поступала по вертикальному конвейеру, а Керл тем временем отстреливал рейнджеров, которые пытались проникнуть в энергетический модуль. Должно быть, на конверторном пульте сидели полные тупицы, раз они позволили Керлу получить почти весь затребованный грометол. Лишь последняя партия

была заблокирована и возвращена в хранилище.

В итоге Керл располагал восемью тоннами грометола, что намного превосходило критическую массу, которую мог выдержать энергореактор. Сняв синхронизаторы с двух гранат, гладиатор сунул их между контейнерами с взрывчаткой. Подумав, он положил еще одну под запасной пульт, предназначенный для аварийного выброса энергии. Теперь гладиатор мог запросто поднять купол в небо. Это было неплохой гарантией того, что генерал Сатг сдержит свое обещание.

Пришло время закончить игру. Первым делом Керл избавился от всех лишних синхронизаторов. Внутренности купола потрясли раскаты взрывов, в довершение грохнул еще один — самый мощный. Это сдетонировали мелтановые накопители, хранившиеся в складском модуле. Взрывы создали у охраны ложное впечатление, что в купол проник не один, а несколько злоумышленников. Начавшаяся паника облегчила Керлу выполнение его задачи.

Бросая перед собой гранаты, он начал пробиваться к конверторному модулю, который размещался в верхней части купола. Каждый фут был насыщен смертью. Вокруг Керла бушевал дождь мелтановых импульсов, в одном месте

он едва не напоролся на синхронизированную гранату, лишь чудом избежав гибели, в другом попал под массированный огонь тиммеров. Керл прыгал, бежал, падал, лез по каким–то трубам и скобам, уворачивался от огненных брызг, которые сыпались из пробиваемых импульсами переборок, щедро расшвыривал гранаты и тут же сжимал синхронизаторы. В конце концов он пробился к заветной двери в конверторный модуль — иначе и быть не могло! — и коснулся ее. Выстрелы смолкли словно по команде. Это могло означать лишь одно — он выиграл.

Керл толкнул дверь и вошел в просторный, тускло освещенный зал, который и был конверторным модулем. Огромное пространство помещения было совершенно пустым, если не считать массивной, опутанной множеством причудливых приборов трубы конвертора, сиротливо приткнувшейся у одной из стен.

Оглядевшись по сторонам и убедившись, что в модуле никто не прячется, Керл направился к конвертору. В этот миг отворилась неприметная дверь, и появился генерал Сатг в сопровождении десятка рейнджеров.

— Я победил, генерал! — хрипло сказал Керл.

— Да, это так, — согласился Сатг.

— Теперь ты убедился, что один гладиатор стоит сотни твоих хваленых рейнджеров! — Посьеррянин не ответил. — Теперь ты отпустишь меня?

Генерал покачал головой.

— Нет. На твоей совести жизни многих граждан Посьерры. Лично я прощаю тебе это, но Пацифис не может позволить подобной роскоши.

— Это означает, что ты не сдержишь свое слово?

— Сдержу. Тебя расстреляют. А мой друг Тулт Данлоэ будет извещен, что гладиатор Керл Вельхоум не справился с данным ему заданием. На изготовку!

Рейнджеры дружно вскинули чопперы.

— Не торопись, генерал! — Керл поднял руку и продемонстрировал пластиковый кружочек синхронизатора. — Видишь вот эту штуковину? Сейчас я сожму ее, и мы все вместе взлетим на воздух!

Сатг усмехнулся.

— Твой фокус не удался, я разгадал твой план. Рейнджеры уже осмотрели контейнеры с грометолом и извлекли из них гранаты. А сейчас идет разгрузка энергореактора. Так что можешь умереть спокойно.

Окровавленное лицо Керла превратилось в жутко улыбающуюся маску.

— Это не та граната, генерал. Эту я подсунул под резервный пульт.

— Ты блефуешь, — медленно выговорил Сатг, но Керл заметил, что генерал побледнел.

— Проверим! — сказал гладиатор и начал медленно сжимать пластиковый комочек.

— Стреляйте! — что есть сил заорал Сатг. — Стре..!

Чопперы плюнули мелтановым огнем. Не менее десяти импульсов вонзились в тело Керла, прожигая гимпиор, один угодил в голову, а еще один в руку — точно в то место, где лежал синхронизатор. Гладиатор еще не успел рухнуть, как в недрах энергетического модуля грохнул взрыв. Осколки изрешетили резервный пульт, пробив предохранительные цилиндры, и начался аварийный выброс энергии, количество которой значительно превышало критический уровень, на который был рассчитан энергореактор.

Десять стремительных мгновений.

Десять — генерал Сатг разевал рот в безмолвном крике…

Девять — рейнджеры остервенело рвали импульсами мертвое тело Керла…

Восемь — в их глазах появился ужас…

Семь — они повернулись к выходу из конверторного модуля…

Шесть — крича и толкаясь, бросились вон…

Пять — рейнджер Миклин Хардецки вскинул чоппер и прострелил голову генералу Сатгу, который загораживал ему дорогу…

Четыре — орущее месиво покатилось по узкой лестнице…

Три — гулко бились сердца…

Два — жизнь была сладка, и паци на что–то надеялись…

Один — смерть была всего в шаге, но они еще на что–то надеялись…

И прогремел взрыв, от которого содрогнулась планета. Когда гигантское облако рассеялось по горизонту, новороссы обнаружили, что купол–убийца бесследно исчез. Вместе с ним растворилась в плазменном облаке большая часть Особого корпуса Посьерры.

Это был прекрасный салют в честь гладиатора Керла Вельхоума, но Керл не увидел его. Он вновь умер на десять секунд раньше…

Десять быстролетных мгновений. Было до слез обидно, Керл попытался куснуть губу. Мягкая рука коснулась его головы.

Сейчас десять часов по сомметанскому циклу. Только что мы вошли в Систему Радуги. Через шесть дней наше путешествие будет закончено.

Шесть дней. Паци здорово спешили. «Инферно» держал крейсерскую скорость. Они торопились доставить Керла Вельхоума на Соммету, где ждет суд. И толпы паци придут поглазеть на беспомощного гладиатора. Последнего гладиатора. Сотни сытых, веселых, похожих один на другого паци. Словно розовощекие пауки, выпущенные из одной банки. Они не пьют водку — это не модно. Они не курят ганыпу — это вредно, это удел астронавтов, предпочитающих дарующий грезы наркотик тяжелым думам и онанизму. Они бегают трусцой и следят за дыханием. Они прекрасно знают свои права и ссылаются на них при каждом удобном случае. Они обожают длинные паци–проповеди и много говорят о мире. Их женщины одинаково приветливы и доброжелательны. У них мягкие руки и безвкусные губы. В постели они обычно думают лишь о том, чтобы выглядеть пристойно. Соммета, Посьерра…

У нее тоже мягкие руки. И губы — мягкие, но страстные, жгучие, словно телапотанский синий перец. Белонна… В последний раз он повстречал ее на Белонне.

— Ты меня слушаешь?

Керл чуть шевельнул ресницами.

— В Тааме тебя ждет суд. Совет Пацифиса поручил мне ознакомить тебя с приблизительным списком обвинений, которые тебе будут предъявлены.

«Почему ты занимаешься этим?» — хотел спросить Керл.

Она тут же ответила:

— Скорей всего, твоим защитником на процессе буду я.

«Ты? Палач, защищающий казненную им жертву?!» — Керл мысленно расхохотался. Она не обратила внимания на его смех и заметила, поправляя синтикоровую подушку, хотя в этом не было никакой необходимости:

— Я ведь имею юридическое образование.

— Да, эти паци со столь чистыми взорами и грязными душами много знали и много умели. Взять хотя бы Лайта Пазонса, генерала Сатга или, например, ее. Ее… Девушку с голубоватой кровью и неутомимыми мышцами. Она крутила мечом вдвое быстрее Керла и к тому же была ослепительно хороша. У него не было шансов выиграть.

— Пункты с первого по двести сорок пятый. Они идентичны. Формулировка обвинения оди-

накова. Предумышленное убийство. По законам Пацифиса по каждому из этих обвинений суд вправе приговорить тебя к пожизненному заключению. При смягчающих обстоятельствах этот срок может быть снижен до десяти лет…

Керл едва не захлебнулся от смеха, представив, как он отбывает двести сорок пять пожизненных заключений. Подарите мне двести сорок пять жизней, и я отбуду их все! А если вы еще и вернете мне мое тело, то я уйду от вас! Ведь нет такой тюрьмы, из которой не смог бы убежать гладиатор Керл Вельхоум! И поэтому:

— Если суд обнаружит отягчающие обстоятельства, тебя ожидает смерть на электрическом стуле.

Прекрасно! Говорят, что мощные электрические разряды могут пробудить омертвелые мышцы. Тогда он порвет свои оковы и встанет. И подарит своим судьям смерть, ибо обрекающие на смерть других всегда должны быть готовы умереть сами. Двести сорок пять смертей… Они хотят осудить его за убийства, которые он не совершал. Ведь это была игра. Смертельная игра, участники которой знали, на что идут. Керл был уверен: они не в обиде на него, подарившего им смерть. По крайней мере те, кого он уважал, те,

кто могли убить его. Гет Махров, Мирм Оэргаум, Эрн Торландер, стремительный, словно кошка, Андреев, гигант Джон Кэрдом по кличке Малютка, Диг Фейстерс, Фил Успински, с которым он дрался на розовом астероиде, великолепный Шер–Шер — после боя с ним Керл полгода мочился кровью, Ниринг, Форд Сейкер. Их было много. И все они умерли. Их имена стали забываться. Керл гордился победами над ними, как они, будь чуть удачливей, гордились бы победой над ним. То были ветераны Гильдии, уважительно относившиеся к смерти и друг к другу.

Барри Гилмор — он мог подарить Керлу легкую смерть, и тогда великий Вельхоум лежал бы сейчас в Пантеоне, а на его саркофаге из жирно–черного базальта красовалось бы число 244. Впрочем, Пантеона уже нет.

А она могла бы стать двести сорок шестой, но Керл сам не захотел этого.

Зачесалась левая нога. Она не заметила этого, а Керл не захотел пожаловаться. И зачем она говорит все эти глупости, перечисляя имена, давно канувшие в лету, и забавно шевеля маленькими, розовыми теплыми губками? Разве ему теперь это нужно?

Двести сорок шестая.

— Пункт двести сорок шестой — глумление над идеями Пацифиса. Наказание…

Что ж, это обвинение можно предъявить миллионам обитателей Содружества — тем, кто открыто признавали себя иррационалистами. И все они отличные ребята хотя бы уже потому, что перед тем, как выстрелить в спину, они обязательно окликнут тебя. Паци стреляли молча.

— Пункт двести сорок седьмой — причинение материального ущерба государствам Пацифиса. Далее следуют еще десять пунктов, содержащих обвинения по менее тяжким преступлениям.

«Зачем тебе это? — шепнули губы Керла. — Лучше погладь меня по голове, а то я начал забывать твою ласковую руку». Откуда–то сверху опускалась тяжелая непроницаемая пелена, окутывавшая голову и заставлявшая кровь стучать гулкими молоточками. Липкая лента отрезала Керла от мира, оставив его в полном одиночестве. Ни голоса, ни звука, словно вмурованный в черное безбрежье вакуума. Верно, так чувствуют себя приговоренные к «легкой смерти». Так паци именовали казнь, когда осужденного заключали в неуправляемую капсулу, снабжали трехдневным запасом пищи и воды и оставляли близ необитаемых астероидов. Эта казнь считалась

гуманной. Керлу не подарят подобной смерти. Ведь он Вельхоум. А Вельхоума надо не только убить, но и трижды убедиться, что он мертв.

Липкая лента проникла в рот. Керл начал задыхаться. Он хотел закричать, но не мог, хотел пошевелиться, но пальцы не слушались его. Теряя сознание, Керл выдавил лишь одно слово:

— Белонна!

— Белонна…

После того как паци прибрали к рукам Новую Россию и Лербену, Белонна стала последним прибежищем гладиаторов. Остальные Свободные Планеты уже не рисковали проводить турниры, опасаясь спровоцировать вторжение войск Пацифиса. Лишь гордая прекрасная голубоводная Белонна во всеуслышанье заявляла о своей приверженности идеям иррационализма, а ее сферотрансляторы регулярно передавали репортажи с гладиаторских турниров.

Казалось, в этом уютном мире ничего не изменилось. Малиновое солнце было по–прежнему ласково, люди приветливы и улыбчивы, улицы утопали в зелени, стеллажи торговых модулей ломились от товаров. По вечерам доносилась негромкая музыка, и до самого утра по улицам нетвердым шагом бродили гуляки, дегусти-

рующие всевозможные напитки — от старого андалусийского до модного ныне кепча.

Внешне ничего не изменилось. Но на деле все уже было не так, как прежде. Планету окутала тяжелая пелена обреченности. Пацифис одерживал верх. Об этом свидетельствовало многое — гладиаторы завершали карьеру, стремительно сокращалось число зрителей, резко упали доходы маклерских контор. Люди стали осторожней в словах, понимая, что может наступить день, когда все сказанное будет поставлено им в вину.

Тени заполнили узкие, улочки Вольтервилля. День близился к концу. Солнечный диск наполовину утонул в бездне Лазурного моря. Сплевывая шелуху сладких терратовых орешков, Керл неторопливо шагал по направлению к Дворцу Меча.

Вольтервилль был типичным городом Эпохи Становления. Ровные ряды аккуратных небольших домиков с обязательными цветниками под окнами перемежались тавернами, барами и домашними пансионами, где за умеренную плату можно было жить и столоваться хоть круглый год. Скоро Керлу, возможно, придется поселиться в одном из подобных пансионов. Завтра последний день турнира «Корона и щит», что будет дальше, никто не знает. Впервые за многие годы

не поступило ни одной заявки на проведение очередного турнира. Могло случиться так, что турнир в Вольтервилле окажется последним.

По большому счету, Керлу было наплевать на это. Жаль, конечно, расставаться с занятием гладиатора, в котором он достиг такого совершенства, но если Гильдия умрет, Керл не останется без дела. Пока есть парни, заботящиеся не о том, чтобы прожить дольше, а о том, чтобы прожить повеселее, Керл Вельхоум найдет себе занятие. И даже если эти парни вымрут, подобно мастодонтам Сягьерры, Керл рассчитывал оставить этот бренный мир последним. Закончив карьеру гладиатора, он может записаться в укротители диких сатардов на недавно открытой Кээне или стать косморазведчиком. Во Вселенной еще предостаточно мест, где требуются меткий глаз, сильная рука и железная выдержка.

Керл выбросил опустевший пакетик в утилизаторный контейнер и свернул на улицу Торландера, которая выводила прямо к Замку Меча. Торландер некогда был его учителем в фехтовании. Очень хорошим учителем. Пожалуй, даже слишком хорошим, потому что в конце концов Керл убил его в поединке на мечах. Прекрасно владевший обеими руками Торландер

решил воспользоваться этим обстоятельством и перебросил меч в левую ладонь, чтобы ошеломить Керла неожиданным выпадом. Но Керл подсел под удар и вонзил свой клинок точно в сердце противнику. Теперь Торландер лежал в Пантеоне, а так как на его счету было более сотни побед, в его честь назвали улицу в центре Вольтервилля.

Известность весьма приятная штука, но порою она раздражает. Керл не раз имел возможность убедиться в этом. Вот и сейчас он начинал злиться из–за того, что прохожие — а этим теплым вечером их было необычайно много — уделяли гладиатору слишком пристальное внимание.

Подобные издержки популярности отравляли Керлу жизнь уже лет десять — с тех пор, как он одержал свои первые победы на гладиаторских турнирах. Первое время Керл улыбался приветствующим его, затем они стали его раздражать. Порой он даже доходил до того, что изменял свою внешность; на планетах Пацифиса это, кстати, было нелишней предосторожностью от пули из–за угла. Однако на Белонне Керл никогда не прятал своего лица — это был его дом, где по–настоящему любили. Появись он на улицах Вольтервилля или Гамеса с приклеенными усами

— и это стало бы страшным оскорблением для белоннитов. Приходилось терпеть.

Но на сегодня лимит терпения был исчерпан. Керл был утомлен, к тому же ему пришлось изрядно понервничать во время утреннего поединка. Он бился против пяти гладиаторов–лербенитов, и был момент, когда противники загнали его в ловушку — каменный карьер, щедро напичканный минами и синхронизированными гранатами. Стоило Керлу запаниковать — и он, верно, остался бы в том карьере навечно, но он сумел затаиться и пересидеть, а затем выбрался наверх и перестрелял своих оппонентов. За этот поединок он получил пятнадцать тысяч. Завтрашний бой с Костоломом Барри Гилмором принесет ему в случае удачи еще двадцать. Неслыханная сумма за один поединок! Таким образом устроители пытались повысить интерес к играм. Гильдия агонизировала. Керл подумал, что мог бы неплохо истратить эти деньги. На них, к примеру, можно бы было купить небольшую яхту и отправиться в созвездие желтых карликов — любимое место отдыха богачей с Сомметы и Океаниды. По слухам, в системе Терезы вновь объявились космические корсары. В случае чего можно было попытать счастья в их компании.

Какая–то девушка слегка задела Керла плечом — наверняка чтобы обратить на себя внимание — и тут же извинилась. Вот этого ей как раз не стоило делать. Гладиатор кисло улыбнулся в ответ, машинально ощупывая взглядом ладную фигурку. Девушка была очень даже ничего себе, но, право, в этот вечер Керлу было не до женщин.

Он стоял на перекрестке и размышлял, куда податься. Идти в свои апартаменты в Замок Меча Керлу отчего–то расхотелось. Ночи на Белонне длинны, и он имел в запасе куда больше времени, чем требовалось, чтобы отдохнуть перед боем. Можно было, конечно, посидеть в баре «У Керла» — за право дать своему заведению это название Лур Пуряну отсчитал Керлу триста кредитов, — но там попадалось слишком много знакомых, каждый из которых считал своим долгом похлопать знаменитого гладиатора по плечу. Керл не испытывал желания попасть в их дружеские объятья. Еще можно было пойти в гости к Квинту Курцию, который перебрался на Белонну незадолго до того, как на его родной Катанре одержали верх паци. Квинт был хорошим приятелем, Керл сильно сблизился с ним с тех пор, как они совершили полное опасностей путешествие на Соммету, на обратном пути едва

ускользнув от кораблей тмендян. Но Квинт Курций слишком любил поговорить, а Керл в этот вечер не был склонен слушать умные речи.

— Пам–рам–пари–бом–пам–рам!

Незатейливый мотивчик, долетевший из бара напротив, заставил Керла встрепенуться. Он чем–то напоминал мелодию Луча зеленой звезды, только был немного медленнее. Где–то Керлу уже доводилось слушать эту незатейливую музыку. Пам–рам… Но где? Внезапно нога скользнула чуть вправо и назад, гладиатор широко улыбнулся, вспоминая. Выбор был сделан. Плавно, почти пританцовывая, Керл пересек улицу и вошел в мягкий полумрак бара.

Заведение было небольшим и не слишком презентабельным. Декоративная обшивка под шкуру лилового тигропарда, покрывавшая стойку, порядком облезла, пол был обшарпан, а на пластиковых столах виднелись глубокие царапины, которые при внимательном изучении складывались в замысловатые выражения примерно на двенадцати языках Содружества. Керл устроился на табурете у стойки и заказал пиво. Он сидел, опершись на локти, и прихлебывал из высокого хрустального бокала, а в голове звучал негромкий мотив. Вот музыка плавно раство-

рилась в воздухе, и тогда Керл бросил на стойку монету.

— Еще раз!

— Что еще раз? — угодливо спросил бармен, обнаружив, что посетитель швыряется двойными кредитами.

— Повтори эту песню.

— Момент!

Кабатчик метнулся к музофону и набрал код столь понравившейся гостю мелодии. Он льстиво улыбался, ведь монеты, столь небрежно брошенной на влажную стойку, хватило бы на то, чтобы заказывать музыку не один вечер.

Тоненько запел саксофон, начал отбивать такт невидимый барабанщик.

— Пам–рам–пари–бом–пам–рам.

Керл неторопливо глотал пиво. Его ноздри раздувались, втягивая прохладный, чуть влажный воздух, тело медленно покачивалось в такт мелодии — пам–рам…

Посетителей в баре в этот вечер было немного. Один из столиков занимала веселая компания отчаянных — так именовали себя парни, отвергающие все статусы, в том числе и иррациональный. Керл, как и большинство белоннян, считал отчаянных идиотами, способными лишь

на то, чтобы бузить на ночных улицах, мешая своими воплями отдыху добропорядочных граждан. Через столик сидели три размалеванные девицы неопределенного возраста. Девицы скучали и были явно не прочь подсесть или к Керлу или, на худой конец, к отчаянным. Еще одна девушка сидела в дальнем углу зала, ее небольшая фигурка утопала в полумраке. Спустя какое–то время она оставила свой столик и подсела к стойке неподалеку от Керла. Рыжеватые волосы, мягкой пеленой падавшие на плечи, прятали ее профиль, от них исходил дразнящий тонкий запах.

Медленно играла музыка, рождая в сознании Керла неясные грезы.

— Пам–рам–пари–бом–пам–рам. — И так несчетное количество раз. Но вот саксофоны стали играть глуше, в их хор тоненько вплелась труба. Несколько визгливых звуков синте–скрипки — и музыка растворилась в тишине. Бармен вопросительно взглянул на Керла, и в этот миг по стойке прокатилась монета и смутно знакомый голос произнес:

— Еще раз эту же.

Керл вздрогнул и медленно повернул голову к своей соседке. Она также смотрела на него. Вне всякого сомнения, это была она — девушка, с ка-

кой он танцевал утром на улице Таама и которую он видел в штабе генерала Сатга.

Те же припухлые губы, чуть вздернутый носик, миндалевидные серые глаза. Прозвучали первые аккорды.

— Пам–рам–пари–бом–пам–рам.

Керл встал с табурета и подал девушке руку. Ему показалось, что она восприняла этот жест слегка удивленно, но приглашение приняла, вложив свои изящные пальчики в ладонь гладиатора. Легко, словно паря в воздухе, они медленно поплыли по серому влажному полу — сначала мимо стойки, затем вдоль стены с игровыми роботами, между столиками. Пам–рам–пари–бом… Смех и разговоры разом оборвались. Отчаянные и девицы с изумлением взирали на эту странную пару, которая вела себя так, словно этот мир принадлежал лишь ей.

— Пам–рам…

— Я уже стал забывать твое лицо… — наклонившись к уху девушки, шепнул Керл.

— Но я не знаю вас.

Керл улыбнулся и заглянул в глубину ее поднятых вверх глаз, оттененных пушистыми ресницами.

— Я танцевал с тобой на Соммете. И потом еще

много раз во сне. Я танцевал во сне. Я не мог забыть твое лицо…

— Ты же сам сказал, что стал забывать его.

— Да. Но не мог забыть.

Она улыбнулась ласково и нежно, чуть распустив лепестки губ.

— Как тебя зовут?

— Керл. Керл Вельхоум.

— Тот самый знаменитый Керл Вельхоум?

— Да, тот самый. Разве ты не знала мое имя?

— Я слышала его.

— Нет, я не о том. — Керл думал, отбрасывая с ее лба тоненькую прядку рыжеватого цвета. — Я ведь уже называл тебе свое имя. Раньше. А ты мне свое.

Она молчала, ее стройные ножки медленно плыли по воздуху. Пам–рам–пари…

— И как же меня зовут?

Первый раз ты назвалась странным именем — Вельхаум Керл. Но потом я узнал твое настоящее имя — прекрасное, словно цветок сомметанского лотоса. Даймэ Ким!

— Действительно, красивое имя, — задумчиво промолвила девушка, старательно подстраивая свой шаг под замедляющиеся такты музыки. — Ты говоришь, мы целовались?

— Да, — выдохнул Керл, и его руки почувствовали, как гибкая спина чуть дрогнула под тонким шелком невесомого платья.

— Это забавно! — Девушка рассмеялась и прильнула головой к груди Керла. Точь–в-точь как во время колдовского танца на Соммете.

— А еще я пел песню, — добавил гладиатор и негромко зашептал, аккуратно кладя слова в переливающиеся ячеи мелодии.

Я не помню уж цвет тех живых лепестков,

Их прозрачную плоть заметает пурга…

— Странно, — задумчиво шепнула девушка. — Мне кажется, я уже слышала эти слова.

Тоненько запела труба, и мелодия стихла.

— Еще! — велел Керл.

Они стояли, прильнув друг к другу, неподвижно, почти не дыша, пока не запели первые аккорды. Пам–рам…

И тогда девушка шепнула:

— Пойдем отсюда. Мне холодно.

В это мгновенье она была похожа на уставшую, чуть поблекшую бабочку. Керлу захотелось прижать ее к своей груди и вернуть ей былую

яркость.

— Пойдем, — ответил он.

Гладиатор был счастлив, что не захватил с собой плащ. Ведь теперь он мог согревать ее теплом своего тела. Керл не глядя бросил на стойку несколько кредитов, и они медленно направились к выходу. Их ноги ступали в такт, скользя по истертым ступеням, а за спиной звучала музыка.

— Пам–рам…

Веселые парни больше не смеялись. Они танцевали, прижимая к себе девок, по размалеванным лицам которых текли неожиданные слезы.

Ночной Вольтервилль был тих, прохладен и навевал меланхолию. Гладиатор и его знакомая незнакомка мерно ступали по вымощенной пластиковыми брусочками улице. Нежно обнимая талию девушки, Керл вдыхал сладкий аромат, исходивший от ее кожи. Так и не сказав ни слова, они дошли до Замка Меча, и лишь сейчас гладиатор спохватился.

— Извини, я забыл спросить, где ты живешь.

— В отеле «Ринлаунд». — Керлу показалось, что в ее голосе прозвучало легкое недоумение. — А ты здесь?

— Да. Вот уже пять лет я имею постоянные апартаменты в Замке Меча.

— Апартаменты? Это звучит по–королевски!

— А здесь прежде действительно жили короли и прочие знатные особы, прибывавшие с Свободных Планет и тайком с планет Пацифиса. Люди с тугими кошельками. Но потом они перестали посещать турниры, и их апартаменты отдали самым известным гладиаторам.

Керл замолчал, не зная, что делать дальше. Неловкую паузу прервала девушка.

— Апартаменты… — произнесла она мечтательно. — Быть может, это покажется тебе неприличным, но я с удовольствием посмотрела бы, как ты живешь.

Гладиатор обрадовался.

— Пойдем. Честно говоря, я просто не смел предложить.

— Не смел? — Девушка подняла на Керла смеющиеся глаза. — Я почему–то полагала, что гладиаторы решительны абсолютно во всем.

— Это так, — поспешно подтвердил Керл. — Но не всегда.

Она засмеялась, блеснув черточкой ровных зубов.

— Веди меня, король гладиаторов, в свои апартаменты! — Слово «апартаменты» перекатывалось в ее губах, словно сладкая карамелька.

И Керл повел.

— Да, это действительно нельзя назвать иначе как апартаменты! — восторженно протянула гостья несколько мгновений спустя, окидывая взглядом огромную залу, оформленную в стиле эпохи древнеземного рыцарства — много бронзы, стекло, мебель с деревянными панелями и серебряной инкрустацией, синтетические гобелены, заполненные фигурами гладиаторов, рыцарей, фантастических животных и прочей древнеземной нелепицей.

— В свое время здесь останавливался король Дукара! — не без гордости заметил Керл, колдуя над поспешно извлеченной из морозильного контейнера бутылкой. — До тех пор, пока Пацифис не решил, что дукарцам не нужны короли.

Девушка перевела глаза на гладиатора.

— А может, и впрямь не нужны?

— Должно быть, так, — не стал спорить Керл. Он вытащил пробку и наполнил бокалы.

— За нашу встречу!

Девушка молча поднесла бокал к губам. Они сидели в креслах и медленно тянули вино. Керл откровенно любовался своей изящной гостьей, ее взгляд был неуловим. Он то скользил по растворенному солнцу бокала, то взлетал к

украшенному лепниной потолку, то вдруг стремительно перебегал на лицо Керла, и тогда она чуть краснела. Эта безмолвная игра продолжалась довольно долго, затем девушка отставила недопитый бокал и поднялась.

— Мне пора.

— Уже ночь, — зачем–то напомнил Керл и, решившись, добавил: — Я полагал, ты останешься у меня.

— Однако ты не такой робкий, каким показался мне вначале!

— Я наглый, — вздохнув, сказал Керл. — И еще я очень хочу, чтобы ты осталась. Ты будешь смеяться, но, кажется, я влюбился в тебя.

Она действительно рассмеялась и одарила Керла странным взглядом. Маленькие острые зубки слегка прикусили нижнюю губу.

— Хорошо, — сказала она после краткой паузы, которая показалась Керлу вечностью. — Я останусь.

И снова играла музыка. И Керл целовал ее пахнущую цветами кожу. Это была любовная феерия, любовное безумие. Керл и не подозревал, что женщина может подарить такую бездну наслаждения. Он овладевал ею и, утомившись, падал навзничь на подушки. Ее мягкие губы ласкали

его тело, вливая в него новую силу, и Керл вновь сжимал ее в своих объятиях. И любил, страстно и нежно.

Ему стоило бы давно остановиться, хотя бы потому, что утром его ждал бой с Барри Гилмором, но Керл забыл обо всем на свете. Страсть поглотила его целиком, Керл с трудом вырвался из ее сладких пут, когда раздался гнусавый сигнал радиофона. Неохотно выпустив покрытое душистой испариной тело из своих рук, Керл нажал на кнопку приема.

— Керл.

— Керл, это я, Тан Шиммер. Надеюсь, я не разбудил тебя?

— Разбудил, — буркнул гладиатор. — Что это тебе вздумалось звонить мне ночью?

— Керл, я должен предупредить тебя, что произошли кое–какие изменения. Завтра будет еще один бой.

— С кем?

— Победитель будет драться с женщиной по имени Немма Тосьер.

Керл возмущенно фыркнул.

— Что? С женщиной? С каких это пор баб стали записывать в гладиаторы?!

— Не горячись. В Кодексе Гильдии нет запре-

та на участие в состязаниях женщин. Если ты помнишь, женщины уже пару раз сражались на арене.

— Еще бы! Лига воинствующих феминисток требовала моей казни, когда я оттрахал одну из этих новоявленных гладиаторш на арене в Торлтоне. Мне пришлось клясться на Собрании Гильдии, что таким способом я пытался уничтожить свою противницу!

— Я помню это, Керл. Но это совершенно иной случай. Она выдержала все испытания и прошла отбор…

— Слушай, Тан, а нельзя ли послать ее ко всем десяти заповедям Пацифиса?

Устроитель засмеялся.

— Не получится. Тем более, что она сама паци.

— Паци?! — во всю силу легких завопил Керл. — Как же она может принять участие в играх?

— Гильдия постановила допускать к участию всех желающих при условии, если они пройдут отбор. Сейчас не то время, чтобы быть слишком разборчивыми. Тем более, эта дамочка сама назначила призовые деньги. Очень неплохие призовые деньги.

— Сколько?

— Десять тысяч.

Керл удивленно присвистнул.

— Ничего себе! Прежде, чтобы заработать такие деньги, мне требовалось угробить по меньшей мере десяток здоровенных мужиков.

— Тогда все улажено?

— Ладно, черт с тобой. Я с ней пообщаюсь. Хотя, честно говоря, ты мне и удружил — кончать свою карьеру на бабе.

— Лишь голубые кончают на мужиках! — не удержавшись, спошлил Тан. — Доброй ночи, Керл.

Пожелав Тану провести свой отпуск на Супане, гладиатор выключил связь и откинулся на подушки.

— Ну и дела! Ты слышала, что они надумали?

Девушка не ответила, и Керл протянул руку в ее сторону, ожидая наткнуться на теплое упругое тело, но обнаружил лишь смятую простыню.

— Эй, где ты? — негромко позвал гладиатор.

Ответом была тишина. Керл начал медленно сползать с кровати, готовый при малейшем подозрительном шорохе упасть на пол. В этот миг раздался негромкий щелчок, и комнату залило ярким светом. Гостья стояла у стены, касаясь рукою пыльного гобелена. Почему–то она была одета.

— Ты что? — не понимая, в чем дело, спросил Керл. — Я чем–то обидел тебя?

— Нет, просто я хочу расставить все на свои места. Меня зовут не Даймэ Ким. Мое имя — Немма Тосьер. Это я буду завтра драться с тобой!

Что ж, если Керл иногда и удивлялся, то никогда не показывал этого. Вот и сейчас он остался внешне бесстрастным, лишь чуть дернулась нервным тиком щека. Девушка была слегка разочарована тем спокойствием, с каким он воспринял эту новость.

— Ты ни о чем не хочешь меня спросить?

— Зачем? Ты все расскажешь мне сама. Ты ведь именно за этим пришла сюда.

— Да, ты прав. — Немма замолчала, следя за тем, как Керл натягивает на свое мускулистое тело гимпиор. — Завтра, когда ты разделаешься с Костоломом Гилмором, тебе придется драться со мной.

— Я это уже слышал. И постараюсь, чтобы ты умерла быстро и безболезненно.

Слегка распухшие от поцелуев губы девушки растянулись в тонкую линию.

— Ты слишком самонадеян, гладиатор Керл Вельхоум! Завтра будет днем твоего поражения.

Керл замкнул последнюю застежку и подошел

вплотную к девушке. Она едва доставала ему до плеча.

— Ты рассчитываешь победить меня? — Керл взял в ладони ее миниатюрную голову и заглянул в серые глаза. — Если только в постели.

Немма не обратила внимания на это оскорбление.

— Я прошла специальное обучение. Я убью тебя.

— Посьерранские рейнджеры — хорошие солдаты, но это не война, а поединок. И здесь правят иные законы.

— Я не рейнджер. Я нечто большее. Я создана, чтобы убить тебя!

— Создана! Нечто! — хмыкнул Керл. — Ты говоришь о себе, словно о механической кукле.

— Отчасти так оно и есть. Меня лишь наполовину можно считать человеком.

Гладиатор был обескуражен подобным признанием.

— Как это понимать? Кто же ты в таком случае?

— Тебе приходилось слышать о киборгах?

Керл криво усмехнулся.

— И не только слышать. Это синтетические болваны, которых паци производят на заводах

Сомметы и Океаниды.

— Ты имеешь в виду киборгов–онгов, которые весьма несовершенны и представляют собой по сути обычных роботов с весьма высокой степенью интеллекта и человеческой оболочкой. В последние годы кибергенетики Пацифиса работали над созданием принципиально иных кибернетических систем. Им удалось создать киборгов, которые значительно превосходят человека в физическом и интеллектуальном отношении и в то же время совершенно неотличимы от него внешне. Я как раз и есть такой киборг.

— Брось рассказывать сказки! Ты человек с нежной и теплой плотью. Я лично имел возможность убедиться в этом!

— Не кричи. Лучше присядь и выслушай то, что я тебе скажу. И учти, я не должна была ни говорить тебе этого, ни даже встречаться с тобой. Возможно, мне придется понести за это кару, но уж если судьбе было угодно свести нас в этом баре…

— Пам–рам…

— Хорошо, говори.

Керл присел на край ложа, девушка устроилась в одном из кресел.

— Идея создания киборгов — полулюдей–полуроботов — возникла довольно давно, еще на Древней Земле. Она заключалась в том, чтобы создать некое человекоподобное существо, значительно превосходящее человека по мыслительным и физическим параметрам. Некоторые называли это существо сверхчеловеком. В последующие столетия теория киборгов получила дальнейшее развитие в трудах древнеземных ученых–футурологов, но лишь с возникновением Пацифиса она начала обретать практические формы…

— Будь любезна, избавь меня от этой лекции. Переходи ближе к делу.

— Хорошо, — девушка бросила на гладиатора быстрый взгляд, в котором, как показалось Керлу, промелькнула грусть. — Я родилась в семье фермера по имени Ким, проживавшей на Фалтее, и была вполне нормальным ребенком. Когда мне было пятнадцать, произошел известный космический катаклизм, о котором ты, верно, слышал.

— Еще бы, — пробормотал Керл. — Звезды взрываются не каждый день.

— Верно, — подтвердила девушка. — Это взорвалась вторая звезда Фалтеи. Вся моя семья погибла, я же чудом осталась в живых, но при этом полу-

чила чудовищную дозу радиации. Врачи сказали, что я проживу от силы год. Я медленно умирала, чувствуя, как тело становится чужим; меня терзали страшные боли. Однажды в госпиталь на Соммете, куда меня поместили, пришел профессор Долл Кромер. Он искал добровольцев для опасного эксперимента. Мне было нечего терять, и я согласилась, так как профессор сказал, что в случае успеха я буду жить, хотя и в несколько ином состоянии. Я не придала тогда значения его словам. Меня поместили в закрытую лабораторию в Форшауне, это недалеко от Делла–Кова. Кроме меня там было еще человек пятнадцать добровольцев, согласившихся принять участие в эксперименте во имя идей Пацифиса. Профессор Кромер объявил нам, что конечная цель его исследований — создание киборгов с очень высокими функциональными способностями; киборгов, в основе которых заложены не синтезистаторы, а обычные люди. Опыты велись около двух лет. Примерно половина группы Гемма, как нас именовали в секретных докладах, погибла, зато выжившие стали теми, в кого нас хотел превратить профессор. Мы — киборги новой формации, которые в будущем, вероятно, вытеснят человека.

— Чем же ты отличаешься, скажем, от меня?

— Этих отличий много. Я перечислю лишь основные из них. Мой мозг, благодаря имплантированным в него микромодулям, по своей решающей способности сравним с компьютером. Внутренние органы не претерпели значительных изменений, разве что генная перестройка сделала их более долговечными. Костный мозг, пораженный излучением, заменен кремне–белковым составом, формулу которого профессор хранит в тайне. В моих венах течет не кровь, а синтетическая плазма, мышцы пропитаны стероидами, а в кожу введен специальный фермент, делающий ее крепкой, словно броня. Ну, и последнее — мои глаза изменены таким образом, что я могу великолепно видеть в полной темноте. После того, как реформация моего организма была завершена, я три года занималась в специальных школах на Посьерре и Араннме, где меня обучили владеть абсолютно всеми видами оружия, когда–либо применявшимися в Содружестве или на Древней Земле. Надеюсь, тебе понятно, кого из меня готовили?

— Да. Идеального убийцу.

— Нет, ты ошибаешься, Керл Вельхоум, — певуче растягивая слова, произнесла Немма. — Из

меня готовили убийцу убийц. Я киборг–охотник, чье назначение убить самого опасного врага Пацифиса гладиатора Керла Вельхоума. Меня готовили специально для этой цели.

— Вот как? — Керл усмехнулся. — Чем же я не угодил его величеству Пацифису? Между мною и паци не было никаких серьезных недоразумений.

— Фактом своего существования. Пацифис не может более терпеть, что существует некий Керл Вельхоум, который противопоставляет себя заповедям нашего общества и является своего рода символом иррационального неповиновения разумному началу.

— Старая песня. Я ее уже слышал. Но я не могу понять, зачем Пацифису убивать меня. Ведь он фактически уже добился своей цели — умертвить Гильдию. Завтра мой последний бой, и больше турниров, как я подозреваю, не будет. Так что гладиатор Керл Вельхоум мирно исчезнет.

Немма покачала головой.

— В том–то все и дело, что гладиатор Керл Вельхоум останется. Непобедимый Керл Вельхоум! Пусть он уже не будет гладиатором, но люди по–прежнему будут помнить о нем и шепотом пересказывать друг другу сплетни о его

невероятных приключениях где–нибудь на Элвере. Непобедимый герой, символ отвергающего рациум, останется, а этого Пацифис не может допустить. Потому я должна убить тебя.

— Валяй, — сказал Керл. — Это даже забавно.

— Ты слишком легко относишься к собственной смерти, Керл Вельхоум, и у меня нет желания отправлять тебя в вечное небытие. Я покончу с тобой другим способом.

— Неужели паци изобрели способ умерщвлять людей, не предавая их смерти?

Девушка не обратила внимания на эскападу Керла.

— Завтра мне предстоит назначать оружие. Я выберу меч. Я знаю, что ты неважно владеешь мечом, Керл Вельхоум; неважно по сравнению с прочими видами оружия. Поэтому ты проиграешь, но я не убью тебя, а сделаю так. чтобы ты был полностью лишен того, что делает тебя гладиатором — силы, движения, острого глаза. Ты станешь беспомощней младенца, и тогда ты будешь жалок. Это будет лучшим уроком всем тем, кто отвергает идеи Пацифиса. А потом на Белонну опустятся военные корабли, и тебя увезут на Соммету, где выставят на всеобщее обозрение в клетке. Словно дикого парда, у которого вырва-

ны клыки. И люди будут приходить и глазеть на то, что осталось от гладиатора Керла Вельхоума.

— Безрадостная перспектива, — спокойным тоном заметил Керл. Он подошел к столику и налил себе вина. — А если ты не сумеешь победить меня?

— Это невозможно. Ты человек, а я стою над человеком. Ты уступаешь мне абсолютно во всем — в скорости движений, в выносливости, в силе удара. Поэтому ты проиграешь и будешь выставлен на всеобщее осмеяние. Но есть еще один выход.

— Какой? — поинтересовался Керл, любуясь сквозь ломкие грани бокала прекрасным лицом своего убийцы.

— Завтра ты откажешься от боя со мной и признаешь свои убеждения ошибочными. Ты скажешь, что проникся идеями Пацифиса.

— Зачем?

— Чтобы остаться в живых.

— Я не о том. Зачем?

— Что, зачем?

— Зачем ты это делаешь? Ведь они приказали тебе расправиться со мной.

Девушка взглянула на Керла и тут же поспешно отвела глаза.

— Не знаю. Не хочу знать! — Керл молчал, и тогда она негромко заговорила:

— Еще сегодня утром я была готова убить тебя, жестокого и отвратительного человека, без содрогания умерщвляющего ради денег подобных себе. Я долго готовила себя к этому, с содроганием следя за тем, как растет число твоих жертв. Да, конечно же, ты не ошибся — это я танцевала с тобой в Тааме, и это я подавала тебе кофе у генерала Сатга. Я изучала тебя, чтобы понять твою сущность. И мне показалось, что я узнала тебя. Но сегодня в баре ты показался мне совсем другим человеком. Я не хочу, чтобы ты умирал, Керл Вельхоум. Я готова подарить тебе жизнь. Я свяжусь с полномочным советником Пацифиса и докажу ему, что целесообразно оставить тебя в живых. При том условии, естественно, что ты покаешься в совершенных тобой преступлениях и поклянешься не участвовать больше в гладиаторских турнирах.

Керл допил вино и отсалютовал Немме пустым бокалом.

— Керл Вельхоум никогда не отказывался от поединка!

— Тогда мне придется умертвить твое тело, Керл Вельхоум.

Усмехнувшись, гладиатор швырнул бокал об пол. Затем он подошел к поспешно поднявшейся девушке и обнял ее.

— Пусть.

— И тебя не отвращает то, что я не человек?

— Пусть, — вновь ответил Керл.

— Ты сумасшедший, Керл Вельхоум!

— Пусть!

Керл нашел ее губы, и все потеряло для него значение.

— Пусть…

— Пусть. Керл стоял по пояс в воде и ожидал, когда тургеры дадут сигнал к началу поединка. Из одежды на нем были лишь узкие плавки и плотная кожаная перчатка на левой руке. Правая рука Керла сжимала нож, смазанный быстродействующим ядом; одной царапины этим ножом было достаточно, чтобы получивший ее стал мертвецом. Напротив стоял гладиатор Барри Гилмор по прозвищу Костолом. Внешность Барри как нельзя лучше соответствовала его прозвищу. Он был почти семи футов росту и весил килограммов на сорок больше, чем Керл. Фигурой Барри здорово смахивал на серую обезьяну с Чегеры. Это был его выбор — драться в воде отравленными ножами. Здесь Костолом мог рассчитывать на

свои более длинные руки и на то, что вода сведет на нет преимущество Керла в быстроте движений. Это должен был быть нелегкий поединок. Барри прекрасно подготовился к нему, Керл же чувствовал себя разбитым.

«Да, страстные отношения с киборгами не доведут тебя, парень, до добра», — со смешком подумал Керл. В этот миг тургер ударил в гонг, и Керл мгновенно ушел под воду. Держа нож перед собой, он медленно поплыл по замысловатой дуге, рассчитывая вынырнуть справа от своего противника. Вода была подкрашена синей эмульсией, сильно ухудшавшей видимость, но не препятствовавшей камерам с цветовым фильтром, которые во множестве были вмонтированы в дно и стенки бассейна, следить за каждым движением находящегося под водой человека.

Вынырнув, Керл обнаружил, что Барри также не оставался на месте. Он отступил назад к самой стенке аквааренды и терпеливо ждал, пока его противник не покажется на поверхности. Едва Керл вынырнул, как Костолом тут же двинулся ему навстречу. Прямое столкновение с этим длинноруким громилой не устраивало Керла, поэтому он вновь ушел под воду.

В этот раз он выскочил на поверхность неудач-

но — прямо перед носом у Костолома и едва сумел увернуться от смертельного удара. Пришлось вновь опуститься на дно и спасаться бегством. Костолом преследовал Керла, рассчитывая, что тот вот–вот выдохнется и будет вынужден принять невыгодный для себя бой. Но легкие у Керла были будь здоров. На полувзводе он обогнул громко шлепающего по воде Костолома и вынырнул у него за спиной. Вынырнул быстрее, нежели противник ожидал. Голова Барри торчала над водой футах в двенадцати от Керла. Лучшей возможности могло не представиться. Коротко размахнувшись, Керл метнул нож в Костолома. Но, видно, при броске он все же издал всплеск. Барри обернулся и стремительно нырнул. Нож прошил пустоту и, чмокнув, скрылся в черной толще воды. Теперь Керл превратился из охотника в беззащитную добычу, и, как следствие, ставки на него мгновенно упали до двух против тринадцати.

Следовало экономить силы. Керл решил пока воздержаться от ныряний и поплыл мимо прозрачной пластиковой стены, за которой бесновались зрители. Барри плыл вслед за ним, пытаясь догнать. Как только он загонял Керла в угол, тот набирал воздух и нырял, обманывая

Костолома. Так повторилось три или четыре раза. Затем Барри тоже стал нырять, надеясь случайно натолкнуться на Керла под водой.

Но Керл неизменно обманывал его и уходил в противоположную сторону. Смертельная игра продолжалась довольно долго. Зрители начали посвистывать, призывая гладиаторов перейти к более решительным действиям. Учредитель объявил, что ставки на Керла возросли до пяти к восьми. Это известие разозлило Костолома, он начал нервничать, действия его стали более суматошными. Керл решил, что пора переходить в атаку. Сделав вдох, он нырнул, чтобы через миг выскочить на поверхность. Барри купился на эту уловку и тоже ушел под воду, но недостаточно быстро. Керл успел заметить, в каком направлении изогнулись ноги Костолома. Теперь он мог приблизительно вычислить, куда поплыл Барри. Стараясь делать как можно меньше шума, Керл устремился к тому месту, где должен был вынырнуть его противник. Зрители разгадали его замысел и, затаив дыхание, ждали развязки. Голова Костолома показалась из–под воды прямо перед Керлом. В то же мгновенье Керл Вельхоум прыгнул на своего противника. Правой рукой он поймал кисть Костолома, левая обхватила его

толстенную шею. Барри дернулся, напрягая могучие мышцы. Но и Керл был не из слабого десятка. Завязалась отчаянная борьба, в которой преимущество оказалось на стороне нападающего. Керл что есть сил сдавливал шею своего противника, пытаясь лишить его последних остатков воздуха, а Костолом жаждал освободить правую руку и нанести смертельный удар отравленным клинком. Зрители криками подбадривали отчаянно извивавшихся в черной воде гладиаторов.

Все же Костолом ушел из захвата — вода и обильно выступивший пот сделали его кожу слишком скользкой. Он повернулся лицом к Керлу, и они возобновили борьбу, понимая, что разойтись им не суждено — Костолом жаждал поскорее закончить этот изматывающий бой, а Керл знал, что стоит ему выпустить правую руку противника — и он мгновенно умрет. Извернувшись, Керл лягнул Костолома нотой в пах. Тот взвыл от боли и разбил Керлу лицо ударом головы. Он не оставлял своих попыток освободить руку с ножом. Керл с отчаянием чувствовал, как кисть Костолома постепенно ускользает из его пальцев.

Оставался лишь один шанс — весьма призрачный. Но все же стоило попытаться. Нанеся еще

один удар ногой, Керл набрал полную грудь воздуха и ушел под воду, увлекая за собой противника. Здесь он выпустил левую руку Костолома, сосредоточив все свое внимание на той, в которой был зажат нож. Барри обрушил на врага град ударов. Закованный в сплетенную из нефелитовых колец перчатку, кулак превратил лицо Керла в кровавую маску, рот заполнился солоноватой вперемешку с осколками раздробленных зубов слюной, в глазах потемнело. Но Керл терпел, клещом вцепившись в правую руку противника. Вскоре удары, сыплющиеся на его голову, стали слабее, а Барри начал дергаться, желая всплыть на поверхность. Собрав остаток сил, Керл воспротивился этому и нырнул еще глубже. Громадное тело Костолома начало содрогаться в конвульсиях, вода закипела от пузырей — умирающие легкие выплевывали остатки воздуха. Вот Костолом дернулся в последний раз и затих. Керл осторожно извлек из безвольной руки нож и вонзил его в живот лишившегося чувств противника. Затем он оттолкнул от себя мертвое тело и, теряя сознание, начал подниматься наверх.

Здесь его ждали воздух, солнце и крики зрителей. Все это пришло по очереди. Сначала Керл, хрипя легкими, хватал воздух, затем его осле-

пило раскаленное солнце, а уж потом в его уши ворвался оглушительный рев приветствующих его победу вольтервильльцев.

— Керл Вельхоум победил! Великий Керл Вельхоум одержал свою двести сорок пятую победу! Слава гладиатору Керлу Вельхоуму! — раздирался радиофон голосом Тана Шиммера.

Гладиатор опустил лицо в воду, смывая остатки крови, прополоскал дергающийся зубной болью рот и медленно поплыл к мосткам, где ожидали тургеры. Присутствовавший здесь же врач осмотрел его синяки и ссадины, на всякий случай проверил реакцию зрачков.

— Тебе здорово досталось. Может быть, стоит отложить следующий поединок?

Керл покачал разбитой головой.

— Нет, я хочу покончить с этим сегодня.

Немма была в арсенале, когда Керл пришел выбрать себе меч. Бросив быстрый взгляд на его изуродованное лицо, она сказала:

— Ты здорово дрался!

— Спасибо, — ответил Керл.

— Ты не передумал? Еще не поздно последовать моему совету.

— Нет. — Керл прикинул на руке один из мечей. — Вот этот будет в самый раз. Пожалуй, он

возьмет даже твою бронированную кожу.

— Попробуй.

Керл усмехнулся и приставил меч к ее упругой груди, но затем опустил его.

— Не могу.

Немма презрительно скривила губы.

— Тряпка! Дай!

Крепко сжав крестообразную рукоять, она провела острием по левой руке. На коже осталась лишь едва заметная белая полоса.

— Как видишь, не берет. Впрочем, здесь мы в равных условиях. Ведь ты будешь драться в гимпиоре.

— А ты не наденешь доспех?

— К чему мне лишний вес?

Керл натянуто засмеялся. Взявшись рукою за шею девушки, он заглянул в ее стальные глаза.

Закованный в доспех Керл Вельхоум против слабой девушки. Они, — Керл указал взглядом на стену, за которой нетерпеливо шумели зрители, — не поймут этого.

— Ее губы чуть дрогнули.

— Но ведь ты знаешь, что моя кожа крепче любой брони.

— Я знаю. Но они — нет.

— Мне жаль, Керл Вельхоум. Но это твой вы-

бор.

Не отвечая, Керл прильнул разбитым ртом к губам Неммы. Девушка не оттолкнула его, но и не ответила на поцелуй. Отстраняясь, она сказала:

— Ночь любви прошла. Ты сам не захотел, чтобы она повторилась вновь.

— Кто бы ты ни была, — произнес Керл сквозь плотно сжатые зубы, — человек или чудовище, я люблю тебя.

Немма попыталась усмехнуться, но усмешка вышла жалкой.

— Тогда тебе суждено умереть с любовью в сердце.

Сказав это, девушка решительно повернулась и вышла из арсенала, утонув в крике и свисте жаждущей крови толпы.

Поединок должен был происходить на пятидесятифутовой круглой арене, огороженной со всех сторон нефелитовой сеткой. Учредитель объявил имена гладиаторов, а также ставки на каждого из них. Пять против трех в пользу Керла. Это было не так уж много. Значительная часть зрителей поставила против него — возможно, сочувствуя девушке, возможно, опасаясь, что серьезно пострадавший в предыдущем поединке Керл будет сражаться не столь сильно.

Распахнулась дверь, и бойцы вышли на залитый солнечным в клетку светом песок. Зрители оглушительно закричали, Керл болезненно скривился. Он не очень любил драться в Вольтервилле именно из–за того, что зрители располагались здесь в непосредственной близости от арены. Поединок был для Керла священным действом, крики и вой толпы раздражали его. Сопернице это обстоятельство, похоже, напротив, доставляло удовольствие. Она широко улыбалась, и публика невольно начинала симпатизировать этой отчаянной девчонке–паци, бросившей вызов самому Несущему смерть. Она была очаровательна в своей белой бойцовской тунике, подчеркивавшей изящные линии ее аккуратной фигурки. Распущенные волосы овевали голову огненным светом. Был миг, когда Керл заколебался и был готов бросить меч и отказаться от поединка, но он взглянул в ее стальные глаза и понял, что пути назад нет. Нет, пожалуй, он понял это одиннадцать лет назад, когда впервые ступил на арену. Нужно было отбросить жалость, что Керл и сделал, заставив себя помнить, что перед ним опаснейший противник, может быть, один из самых опасных в его жизни.

Ударил гонг. Немма не кинулась сломя голову

в атаку, а начала осторожно приближаться к гладиатору, внимательно следя за тем, чтобы быть вне пределов досягаемости его меча. Керл также не спешил атаковать. Он не дрался на мечах уже много лет. С тех пор, как он убил Эрна Торландера, никто из его соперников не решался выбрать для поединка это оружие. Керл несколько раз подкинул клинок на руке, вспоминая бойцовские приемы, которые он некогда во множестве знал.

Первый выпад сделала Немма. Она направила меч в шею Керла, гладиатор без труда парировал этот удар и контратаковал. Далее последовала серия взаимных выпадов и контрударов. В результате Керл убедился, что рука его соперницы действительно словно соткана из нефелитовых волокон, а Немма — что Керл устал не столь сильно, как она предполагала и что в скорости движений он ничуть не уступает киборгу–охотнику.

Противники стали драться осторожней, пуская в ход все более изощренные приемы. Завороженные стремительной игрой мечей зрители молчали. Многие начали понимать, что происходит нечто большее, чем простой гладиаторский поединок. Затих и неутомимо болтливый Тан Шиммер.

Почувствовав, что правая рука начала уставать, Керл перебросил меч в левую, которой владел не хуже. Немма немедленно последовала его примеру, вызвав аплодисменты зрителей. Керл невольно восхищался тем мастерством и даже изяществом, с которым она орудовала тяжелым мечом. Похоже, эта девушка действительно получила хорошую подготовку. И все же постепенно она начала уставать. Ее напичканные стероидами мышцы были по–прежнему сильны, дыхание — ровно, а сверхчеловеческий мозг четко предугадывал все замыслы Керла. Но в ее действиях уже не было былой отточенности. Гладиатор ошеломлял свою соперницу яростным натиском, стремительно меняя боевые стили. Еще мгновение назад Керл делал выпад, словно центурион эпохи Принципата, сейчас он обрушивал удары подобно рыцарю Круглого стола, а через миг его меч уподоблялся легкой рапире. Используй он любой из этих стилей в отдельности — и Немма без труда отразила б его атаки. Но она не успевала подстраиваться под ту рваную манеру боя, какую предложил ей Керл. И не было в этом мире никого, кто смог бы это сделать.

Керл дважды прижимал Немму к ограждению и оба раза давал ей уйти. В нем пробудилась

неведомая сила и уверенность, выстави сейчас на арену еще пять таких Немм — и Керл совладал бы со всеми сразу. Хотя нет — нет в мире девушки, которая была б похожа на нее, рыжеволосую куколку с нефелитовыми мышцами и белой кровью, нет в мире девушки со столь нежными губами и глазами цвета стали. Потому–то Керл и позволил ей дважды уйти из–под занесенного для смертельного удара меча.

Третьего раза Немма ждать не стала. Внезапно она пошла ва–банк и поймала в ладонь лезвие меча Керла. Зрители охнули, Ожидая, что еще миг — и окровавленные пальчики упадут на арену. Но, к их великому изумлению, ничего подобного не произошло. Девушка осталась совершенно невредимой, а ее меч коснулся бедра Керла Вельхоума, рассекши кожу и верхний слой мышц. Керл не без труда высвободил клинок и отскочил назад. Немма подарила ему несколько мгновений, чтобы он мог осмотреть рану, которая была неглубока и обильно кровоточила, и вновь атаковала. Теперь она чувствовала себя намного уверенней, а Керл был вынужден все чаще отступать, припадая на левую ногу.

Удавчик. Торландер называл этот прием Удавчиком. Следовало сделать вид, что оступился,

заставить противника атаковать, резко уйти вправо, поймать проскочивший мимо меч левой рукой и рубануть противника по голове или предплечью. Удавчик некогда пользовался популярностью, но спустя годы о нем позабыли. Инструкторы–паци вряд ли могли знать о нем.

Гладиатор оступился на раненую ногу. Немма шагнула вперед и вытянулась в изящную дугу, метя ему точно под левый сосок. Керл видел, как напряглись наполненные плазмой жилки на столь хрупких внешне руках. Он убрал корпус в сторону, позволяя мечу проскочить в дюйме от его плеча, выбросил вперед левую руку и поймал запястье Неммы. Затем он замахнулся. Зрители охнули. Девушка инстинктивно зажмурилась. Керл отчетливо представил, как клинок опускается на тонкую руку, разделяя. ее на две части, как из безобразного обрубка хлещет белесая плазма и маленькие пальцы судорожно скребут по песку. Он не смог опустить меч и освободил ее руку. Еще не успели смолкнуть крики зрителей, приветствующих благородный жест Керла, а девушка уже атаковала. Она все наращивала свой натиск, с надеждой посматривая на рану Керла, из которой обильно капала кровь. Сколь ни силен гладиатор Керл Вельхоум, но рано или поздно он

ослабнет. Керл также понимал это. Он уже жалел о своем опрометчивом поступке. Нет, конечно же, он не собирался рубить ей руку, но надо было хотя бы обезоружить ее. Обезоружить…

Парируя непрерывно сыплющиеся удары, Керл медленно отходил назад, оставляя на песке кровавые строчки. Все же паци немало потрудились над тем, чтобы научить ее в совершенстве владеть оружием. Размахнувшись словно для очередного удара, Немма вдруг распласталась на песке и резко ударила ногой по правой голени Керла. Потеряв равновесие, гладиатор упал. Он ослаб, и время не подчинилось ему, как это бывало обычно. Он поднимался слишком медленно, и девушка–киборг опередила его. Скользящий удар рассек мышцы правой руки, заставив Керла выпустить меч. Через мгновение окровавленное острие уперлось ему в подбородок.

На трибунах творилось нечто невообразимое. Никому не известная девушка победила самого Керла Вельхоума. Часть зрителей из числа тех, что готовы приветствовать любого победителя, восторженно вопили, другие подавленно молчали, а третьи плакали, Они вдруг поняли, что уходит великая эпоха, эпоха непобедимого гладиатора Керла Вельхоума, их эпоха. Они плакали,

не стесняясь своих слез.

— Ты еще можешь признать свое поражение и остаться в живых, — негромко сказала Немма, и Керл с удивлением заметил, что ее глаза подозрительно блестят. Гладиатор покачал головой и поднял руку, словно желая схватиться за меч. Он желал умереть. Вместе со своей эпохой. И она поняла это. Тоненькая рука сделала едва заметное движение, и наступила тьма…

«Инферно» прибыл на Соммету точно в намеченный срок. С военной космобазы Керла повезли прямо в лабораторию профессора Долла Кромера.

— Хороший удар! — похвалил профессор Немму, осмотрев рану Керла. — Вижу, девочка, тебя многому научили. Как функционируют системы?

Послышался легкий шлепок — это Долл Кромер фамильярно похлопал Немму по мягкому месту. Затем по обнаженной коже Керла скользнуло дуновение ветерка. Он понял, что девушка отмахнулась от профессора.

— Нормально. Что будет с ним?

— С этим? Починим и станет как новенький. Но сначала мы снимем пару сферокассет. Их покажут по системе Центровидения. Так сказать, в пропагандистских целях. Затем мы его починим,

а остальное пусть решает суд. — Профессор вновь позволил себе небольшую вольность. — Ты хорошо дралась, девочка! А он — последний идиот, что пощадил тебя.

— Ты бы на его месте непременно отсек мне руку!

— А что в этом такого? — Профессор Кромер рассмеялся. — Приклеили б новую! Я могу починить кого хочешь. Починим!

Профессор не хвастал. Он и вправду «починил» Керла. Пораженный участок был заменен имплантантом, взятым у осужденного на смерть преступника. Долл Кромер цинично заметил по этому поводу:

— Это тебе, приятель, на время. Потом я встрою эту детальку кому–нибудь еще.

Едва только Керл смог пошевелить рукой, его тут же перевели в самый прочный каземат Сомметанского Пенитенциария, невзирая на протесты Кромера, уверявшего, что потребуется немало времени, прежде чем Керл сможет более–менее нормально двигаться, и намного больше, прежде чем он станет вновь опасен. Совет Пацифиса считал иначе.

Злое обещание Неммы, что Керла посадят в клетку и будут показывать словно чудовище,

по сути сбылось. Сферостанции Пацифиса почти ежедневно транслировали репортажи о последнем гладиаторе — сначала беспомощном и жалком, затем благодаря гуманным сомметанским ученым возвращенным к нормальной жизни. Были показаны даже несколько старых поединков Керла, а также запись его последнего боя, которая была по вполне понятным причинам несколько урезана. Все это сопровождалось нравоучениями и славословием в адрес Пацифиса. Делалось все, чтобы настроить публику против Керла, но, как выяснилось, пропагандистская кампания дала обратный результат. Керла стали жалеть, а затем, как это нередко бывает; полюбили. Дошло до того, что Общество воинствующих феминисток даже потребовало его освобождения. К Керлу зачастили высокопоставленные гости. Слегка удивляясь подобному повороту судьбы, Керл принимал известных политиков, ученых и актеров. Его посетила ослепительная сферозвезда Катя Лавински, на прощанье чмокнувшая гладиатора в покрытую шрамами щеку. Однажды ночью Керла удостоил визитом член Совета Пацифиса Ир Полупан.

Гладиатор ждал Немму, и она пришла. Разговор вышел коротким и скомканным. Девушка при-

села на краешек кровати, посмотрела на Керла, затем на стоящую на столике вазу с фруктами.

— Я вижу, тебе здесь неплохо живется.

— Не жалуюсь. — Керл сделал паузу. — Пока.

— Скоро состоится суд.

— Надеюсь, ты не передумала быть моим защитником?

— Немма покачала головой.

— Не получится. Меня отправляют на Посьерру.

Сердце Керла невольно сжалось.

— Почему?

— Они узнали о том, что я была у тебя перед боем, и о том, что я тебе говорила.

— Но откуда?

— Я сама им рассказала.

— Зачем?!

— Они все равно бы узнали. Кроме того, защитник на этом процессе — чистая формальность.

— Я знаю, — Керл положил руку на хрупкое плечо. — Просто мне было бы приятно видеть тебя рядом.

— Мне тоже, — сказала Немма и отвернулась. Какое–то время они сидели молча, Керл гладил рукою ее спину. Затем Немма повернула голову к гладиатору. Глаза ее были сухи. — Мне пора.

Прощай.

— До свидания, — сказал Керл.

Она горько усмехнулась и, не говоря больше ни слова, ушла.

Новым защитником Керла был назначен — кто бы мог подумать! — Лайт Пазонс. Он вошел в камеру с широкой улыбкой на лице и с грудой упаковок ЛЛЛ в руках. Как ни в чем не бывало, Лайт осведомился:

— Насколько я помню — твое любимое?

Керл молчал, пристально разглядывая катанрянина. Лайт немного пополнел и походил на полностью довольного жизнью человека. Или, по крайней мере, желал походить. Бодро похохатывая, Лайт сообщил:

— Совет назначил меня твоим защитником на суде.

— Вот как! Я не знал, что ты записался в паци.

— Уже давно, Керл. Я стал пацифистом еще до нашей совместной поездки на Соммету. Помнишь ту славную заваруху на площади у Дворца Трех Добродетелей?

— Допустим.

— Это я стрелял в тебя, Керл. Этого хотел Пацифис.

Хотя гладиатор еще не слишком твердо стоял

на ногах, у него возникло желание врезать Лайту по физиономии, скомкав застывшую на ней улыбку. Лайт догадался, о чем думает его бывший приятель.

— Это жизнь, Керл. Тогда мне приказали стрелять, и я стрелял, сейчас мне приказали защищать, и я защищаю.

— Полагаю, ты защищаешь точно так же, как и стреляешь.

Лайт широко улыбнулся.

— Я сделаю все, что в моих силах, — Катанрянин, не спеша, освободил упаковки с пивом от пластиковой сетки и бросил одну из них Керлу. — Хотя, по–видимому, в моих силах не слишком многое. Пей пиво!

— Иначе говоря, все уже решено.

— Как ты мог такое подумать! — с деланным возмущением воскликнул Лайт и выразительно показал глазами на стену, давая понять, что он волен говорить далеко не все. — Пацифистский суд справедлив. Но обстоятельства твоего дела таковы, что у тебя ничтожно мало шансов на оправдательный вердикт.

— Догадываюсь, — сказал Керл. — Меня уже просветили насчет того, какой приговор меня ожидает.

— Ну, не надо так мрачно, Керл. Думаю, если ты будешь вести себя разумно, суд учтет это.

— Что ты подразумеваешь под словом «разумно»?

Катанрянин оскалился.

— Всему свое время, Керл. Пей пока пиво. И ознакомься вот с этими документами. — Лайт извлек из плоского кожаного контейнера внушительную стопку листков. — Извини, мне не разрешили принести тебе электронный модус. Все прекрасно знают, какие чудеса ты можешь творить с помощью самых примитивных микросхем. Здесь перечислены все выдвинутые против тебя обвинения — числом двести шестьдесят три. Прочитай их на досуге.

— Я вытру ими задницу, — пообещал Керл.

— Как знаешь.

Слушание дела Керла Вельхоума проходило ровно через месяц после этого разговора. У здания Верховного суда Таама собралась огромная толпа зевак, желавших видеть знаменитого гладиатора.

— Публичные выступления Секретаря Пацифиса собирают куда меньше народу, — с едва заметной усмешкой сказал Лайт. — Ты стал знаменитостью.

Это стало ясно и сомметанским властям. Здание суда было окружено кордонами херувимов, над центром Таама непрерывно кружили махолеты. Поговаривали даже о том, что Совет собирается ввести комендантский час.

Керл прибыл на судебное заседание под охраной пятидесяти посьерранских рейнджеров, вслух недоумевавших по поводу того, какую опасность может представлять этот человек, только что вернувшийся практически с того света. Они симпатизировали Керлу и угощали его бескалорийными леденцами.

Большую часть дел суд решил рассматривать вместе — это были однотипные дела по гладиаторским поединкам. Почему–то отдельно должны были разбираться обстоятельства смерти Пила Блюма, Костолома и Дига Фейстерса. Кроме того, Керлу были предъявлены обвинения в убийстве толстяка Маркуса Висбата и Квинта Курция. Оказывается, несчастный Квинт был найден мертвым около своего дома в тот самый день, когда Керл дрался с Неммой, а над Белонной уже висели сомметанские крейсера.

Керл без особого сопротивления признал, что был невольной причиной гибели двухсот сорока двух гладиаторов, имена которых были перечис-

лены обвиняющей стороной. Лайт тут же предъявил суду копии расписок, данных гладиаторами, павшими от руки Керла, а также указал на то обстоятельство, что погибшие сами были причиной смерти многих людей и угрожали жизни его подзащитного. Суд принял это во внимание, и на лицевом счету Керла появилась цифра 2150 лет заключения на ледяных рудниках в Горбере за двести тринадцать непредумышленных убийств и двадцать девять случаев превышения пределов необходимой обороны. По делу Костолома Керл был оправдан, так как суд посчитал, что обвиняемому действительно угрожала смертельная опасность, и он был вправе защищаться. Случаи с Дигом Фейстерсом и Пилом Блюмом были признаны умышленным убийством, и к сроку Керла добавили еще два пожизненных заключения.

Все эти дела были рассмотрены в первый день. Толпа, с трудом сдерживаемая херувимами, восторженно ревела, когда Керла выводили из здания суда. Информационные агентства, щедро выплачивая цензурные штрафы, сыпали сообщениями с кричащими заголовками типа «Керл Вельхоум — величайший преступник нашего времени» или «5000 лет в ледяных рудниках». Компания «Хэмэл бразерс» объявила о наме-

рении создать фильм о последнем гладиаторе, главную роль в котором должен был сыграть любимец женщин неповторимый Сиг Локар. На роль Неммы претендовали сразу три красотки, в том числе Катя Лавински. Правда, с этой затеей ничего не вышло, так как Совет Пацифиса запретил данный проект.

На второй день число зевак увеличилось примерно втрое, толпа перекрыла все подступы к зданию суда. Керла, скованного на всякий случай тремя парами наручников, доставили на место с помощью махолета. Лайт поглядывал на своего подзащитного с тихим обожанием — Керл делал ему фантастическую карьеру. На этот раз слушались дела о смерти Маркуса Висбата и Квинта Курция. Суду не удалось доказать причастность Керла к обоим преступлениям. Гладиатор ощутил странное удовлетворение, когда его признали невиновным в смерти толстяка Висбата, быть может, еще и потому, что на совести Керла было по крайней мере тридцать человек, умерщвленных им не на ринге.

Третье разбирательство — в этот день был праздник Прогресса, и камеру Керла завалили цветами, сладостями и упаковками с пивом — было посвящено обстоятельствам, связанным с

пребыванием Керла на Соммете. Верховный судья Ламурк пытался обвинить Керла сразу в пяти преступлениях — использовании фальшивых документов, незаконном провозе оружия, «убийстве по крайней мере трех человек» во время беспорядков у Дворца Трех Добродетелей, сопротивлении при аресте и вынашивании замыслов взорвать Сердце Сомметы.

Керл признал себя виновным в двух первых преступлениях, за что получил еще восемь лет — это мало огорчило его. Обвинение в «убийстве по крайней мере трех человек» Керл отверг напрочь, и этот пункт был тут же снят за бездоказанностью. Далее гладиатор с огромным удовольствием, порядком конфузя судей, поведал о том, как разогнал десятерых агентов Службы Порядка, явившихся в его номер с ордером на арест, и как префект Таама Саймолс вынужден был лично просить своенравного гостя дать показания относительно того, что он делал около Дворца. Суд решил считать это досадным недоразумением.

Последнее, пятое обвинение поставило Керла в тупик. Поднявшись со своего места, он громогласно потребовал от судей объяснить, что они подразумевают под понятием «Сердце Сомметы».

Выяснилось, что это распределитель энергии планеты, расположенный в глубокой шахте под Таамом. Керл заявил, что слышит об этом сооружении впервые. Лайт активно поддержал его, заверив, что был рядом с подсудимым в то время и не слышал от него никаких угроз в адрес Сердца Сомметы. Судьи посовещались и добавили Керлу еще пять лет. На всякий случай.

— Все идет просто великолепно! — кричал Лайт тем же вечером, хлопая Керла по плечу. — Я только что говорил с очень… — Катанрянин многозначительно поднял вверх указательный палец. — Очень важным лицом. Они обещают, что ты попадешь под амнистию, и твой срок будет сокращен вдвое.

— Очень мило с их стороны, — заметил Керл.

— Быть может, ты даже будешь амнистирован за все эти преступления полностью, если будешь вести себя благоразумно на завтрашнем заседании.

Керл посмотрел в бегающие глаза адвоката.

— Поясни.

— Ну что тебе стоит признать, что ты заблуждался все эти годы, отвергая идеи Пацифиса, что был неправ, осмеивая законы и обычаи Лиги.

— Значит, стоит мне признаться, и…

— И ты получишь лет десять. А учитывая, что ты вызываешь у сомметанцев всеобщую симпатию, я думаю, ты отсидишь от силы лет пять. Если же ты будешь упорствовать, тебя ждет электрический стул.

— Вот как! За две с половиной сотни убийств, какими признал суд мои гладиаторские поединки, я не получу ни года, а за то, что останусь верен своим убеждениям, мне обещают электрический стул. Объясни мне логику, которой вы руководствуетесь. Ведь паци на каждом шагу кричат о ценности человеческой жизни и свободе на мысль.

— Мысли, дорогой мой! Никто не мешает тебе мыслить, но не говори о том, что думаешь, вслух, особенно если это не согласуется с тем, что думает большинство. А насчет ценности человеческой жизни — Керл, не строй из себя наивного простачка, считающего, что кто–то всерьез верит в эту басню. Может быть, девочки из приличных семей. И то до тех пор, пока они девочки. — Лайт отрывисто захохотал. — Жизнь — ничто, идея — все! Суд простил бы тебе и тысячу мертвяков, тем более что все они были иррационалистами, признай ты, что ошибался, отстаивая свои бредовые идеи. Так что подумай, Керл!

— Гладиатор потер рукой подбородок, на котором еще не успели зажить раны, полученные в схватке с Костоломом.

— Если я сделаю все, как вы хотите?

— Отсидишь несколько лет — и свободен.

— И смогу отправиться, куда захочу?

— Да хоть на Супану!

— Я подумаю, — медленно выговорил Керл.

На следующий день было четвертое и последнее заседание. Толпа походила на огромного разноцветного спрута, заполнившего своей слизистой массой весь центр города. Непрерывно жужжали махолеты, доставляя в здание суда высоких гостей, пожелавших быть свидетелями того, как будет каяться Керл Вельхоум. Когда последний гладиатор появился в зале заседаний, собравшиеся дружно зааплодировали, а толпа на улице издала рев, от которого задрожали стены.

Посасывая конфетку, которой по уже устоявшейся традиции угостил его один из рейнджеров, Керл уселся на жесткую скамью, установленную на возвышении по правую сторону судейского стола. Прозрачная стена из сверхпрочного пластика отделяла подсудимого и его адвоката от публики. Какое–то время Керл лениво рассматривал сытые розовощекие физиономии

пацифистской элиты, затем, не скрывая своего отвращения, отвернулся и стал переговариваться с охранниками. Бравые рейнджеры были не прочь поболтать со столь известным в Содружестве человеком, чье внимание им явно льстило; посьеррян даже не останавливали свирепые взгляды, что бросали на них сидевшие в первых рядах члены Совета Пацифиса.

Безмятежный вид Керла и ликующая улыбка, не сходившая с лица Лайта Пазонса, давали присутствующим повод думать, что последний гладиатор пошел на сделку со своими обвинителями. Эти подозрения еще более усилились, когда стало известно, что новым обвинителем по делу Керла Вельхоума назначен один из самых влиятельных членов Совета Пацифиса Люк Зубарт, который в далеком прошлом был весьма известным гладиатором.

Ровно в десять часов по сомметанскому циклу верховный судья объявил о начале заседания. Слово для обвинения было предоставлено Люку Зубарту.

Керл внимательно следил за тем, как на трибуну неторопливо восходит сухой тщедушный старичок с совершенно седой головой. Он походил на мудрого деда–примирителя из пацифистских

сказок, и лишь немногим было известно, что под этой маской скрывается жестокий и расчетливый убийца, на чьей совести был не один десяток загубленных жизней. Керл, знавший Люка Зубарта примерно восемь лет, с удивлением отметил, что за все эти годы он совершенно не изменился. Та же расслабленно–неспешная походка, чуть согбенная спина, усталый добрый взгляд. Столь же безобидным он выглядел на турнире в Растебуре, и семеро гладиаторов–ламетян имели неосторожность поверить в это. Заговорщицки подмигивая друг другу, они выбрали поединок на ножах, рассчитывая вдоволь натешиться над беспомощным стариком. Люк перерезал им глотки. Это был славный бой, о котором еще долго вспоминали. Вскоре после этого Люк внезапно отрекся от иррационалистских убеждений и переметнулся к паци. Сильный, беспощадный и умный, он быстро сделал себе карьеру. Не так давно Содружество было ошеломлено сообщением о том, что белоннянин Люк Зубарт избран в Совет Пацифиса. Кстати, Люк был единственным белоннянином за всю историю Содружества, удостоенным подобной, весьма сомнительной, по мнению Керла, чести.

Люк вскарабкался на трибуну и только сейчас

посмотрел на Керла. Их взгляды встретились. Некогда они состояли почти в приятельских отношениях и даже должны были драться на турнире в Коммоде. Бой не состоялся, так как Керл Вельхоум предпочел выступить на Армагаске. Вскоре после этого Люк и заявил о том, что заканчивает карьеру гладиатора. В Гильдии тогда ходило много сплетен по этому поводу, причем наряду с именем Люка неизменно упоминали Керла Вельхоума. И вот судьба назначила им встретиться вновь, сделав участниками нелепейшего фарса.

— Верховный Суд Пацифиса против гражданина Содружества белоннянина Керла Алинса по прозвищу Вельхоум. — Прислушиваясь к дребезжащему голосу Люка Зубарта, Керл слегка улыбнулся — надо же, оказывается, кто–то еще помнил его настоящее имя! — Упомянутый Керл Вельхоум обвиняется в преступлении против человечества, выраженном в несогласии с общепринятыми нормами морали. Верховный суд предъявляет Керлу Вельхоуму обвинения в злостном отрицании восьми заповедей Пацифиса, а именно: первой, второй, третьей, пятой, седьмой, девятой, десятой… И восьмой! — поспешно добавил обвинитель, после чего сделал многозначительную паузу. — Теперь с позволения суда я

перейду к подробному разбирательству каждого пункта обвинения.

Верховный судья Ламурк, словно попугай, закивал головой, усердно показывая, что он позволяет, но Люк Зубарт даже не подумал посмотреть в его сторону. Он решил быть кратким и сразу перешел к делу.

— Заповедь первая: мир превыше всего. Уже самим фактом участия в столь отвратительном деле как гладиаторские поединки обвиняемый отвергал эту заповедь. Полагаю, иных доказательств суду не требуется. — На этот раз Люк посмотрел на судью. Тот, обрадованный, что обвинитель наконец–то обратил на него внимание, благосклонно кивнул. — Заповедь вторая: мир есть условие гармонии. Обвиняемый отрицал как мир, что уже доказано обвинением выше, так и гармонию. Идеям иррационализма, которые он столь яростно проповедовал, чужда гармония. Заповедь третья: убийство противоречит человеческой натуре. Своей деятельностью обвиняемый напрочь отвергал этот нравственный постулат. Заповедь пятая: убивая других, убиваешь себя. Обвиняемый был причиной смерти стольких людей, что давно уже мертв морально. От него смердит болью и человеческой кровью!

Здесь обвинитель явно переиграл. На лицах сидящих в зале паци появились кривоватые усмешки, выражавшие то, что никто не рискнул бы сказать вслух. О том же подумал и Керл — эх, старина Люк, говоря твоими словами, от тебя смердит не меньше, чем от того, кого ты сейчас обливаешь грязью!

Люк не обращал внимания на реакцию публики и продолжал свою речь.

— Обвиняемый всю свою жизнь нарушал и седьмую заповедь: подчинись разумной воле большинства. Он, напротив, противопоставлял себя этой воле. Восьмая заповедь: обуздай свое «я», и заповедь девятая: руководствуйся разумом, а не чувствами. Керл Вельхоум всю жизнь делал так, как подсказывали ему его чувства, не ограничивая свои желания…

Люк говорил еще довольно долго, но его мало кто слушал. Вязкая паутина слов, в искренность которых не верил даже он сам, поглотила сознание слушателей, заставляя их невольно смежить веки. Керл заметил, что многие вздрогнули, словно стряхивая оцепенение, когда Люк сказал:

— Я закончил, господа судьи.

— Сложив листки, обвинитель медленно двинулся с трибуны, намереваясь занять место среди

прочих членов Совета. Судья Ламурк провозгласил:

— Слово предоставляется обвиняемому Керлу Алинсу!

Розовощекие хари оживились, на них расцвели победные улыбки. Вот, наконец, и настал миг торжества Пацифиса, миг, когда отречется от своих идей ярый иррационалист и гладиатор Керл Вельхоум. Но Керлу было не привыкать ниспровергать ликующих врагов, нанося свой удар именно в то мгновенье, когда, празднующие свою победу, они менее всего ждут его. Поднявшись со скамьи, он сделал шаг вперед и прижался ладонями к стеклу, словно желая разорвать прутья своей прозрачной клетки. Кое–кто из сидящих в зале невольно вздрогнули, живо представив себе, как пластик разлетается острыми клочьями и яростный тигр Керл Вельхоум вырывается на свободу.

— Господа паци! — Голос Керла, усиленный динамиками, гулко разнесся по судебной зале. — Вы торжествуете, полагая, что победили меня. Да, это так. Вы победили, но не силой и умением, а нечаянной волей рока, суть которой вам непонятна и сейчас. Я проиграл, а побежденный должен каяться. И тогда ему, может быть, сохранят жизнь.

При условии, конечно, если он выполнит то, что желает от него победитель. Покайся, сказали мне, и тебя простят. И, быть может, даже допустят в этот благословенный мир, предварительно вырвав клыки. Покайся — и будешь жить, где захочешь, иметь, что захочешь, и ты можешь стать, кем захочешь. Даже членом Совета. А почему бы и нет? — Керл взглянул на сидящего напротив Люка Зубарта и усмехнулся. — Покайся! Ведь тебе нужно сказать всего три слова — мир, разум, прогресс — и это будет сочтено за покаяние.

Мир! Разум! Прогресс!

Но о каком мире можете говорить вы, обрушившие пламя войны на Белонну, Катанр, Новую Россию и Армагаску? О каком разуме, о каком прогрессе? Уж не о них ли вы ведете речь, оболванивая под одну гребенку умы миллионов граждан Пацифиса?! Это лишь слова. Красивые и лживые. Вы произносите их, сами не веря в искренность сказанного.

Провозгласив о создании общества, в котором правят равенство и счастье, вы на деле создали государство, ставшее над человеком, принизившее его до уровня бессловесного насекомого. Вы говорите мы там, где должно звучать Я. Вы позабыли гордое — Ты Человек! И говорите — мы,

люди. Человек умер, остались только винтики, маленькие крохотные винтики в гигантской машине технократической империи, где живые чувства подменены сытостью и спокойствием. Да, наш мир был жесток, но это был мир, который каждый из нас мог с полным основанием считать своим. Своим! Он существовал ради нас, а не мы ради него. Вы же наполнили этот мир приторной сытостью, лживым благополучием и обряженной в улыбающуюся маску жестокостью. Вы наполнили его насилием. Вы, на словах отвергающие насилие!

Вы растоптали судьбы несогласных с вами. Теперь же вы хотите растоптать и их души. Я не скажу вам — да. Я не раскаиваюсь. Я прожил свою жизнь так, как хотел, и верил в то, во что хотел, и никто не вправе отобрать у меня прошлое. Вы можете отнять у меня жизнь, но не прошлое!

Керл видел, как рожи сидящих в первых рядах паци наливаются дурной кровью. И крикнул, добивая их:

— Керл Алинс, которого мир знает под именем Несущий смерть, отвергает эту сделку, господа паци! Я верил, верю и буду верить, сколько назначит судьба, в то, что Человек должен быть Человеком, в то, что он вправе делать все, что не

противоречит интересам окружающих его, при условии, что действия окружающих не противоречат его интересам, в то, что свобода человека ограничивается лишь благими намерениями. Вы утверждаете, что подобные идеи мог породить лишь жестокий мир. Да, мой мир жесток, но это мой мир!

Вы победили меня, но, даже проиграв, я оставляю последнее слово за собой. Вам было угодно назначить мне поединок? Будь по–вашему. Керл Вельхоум еще никогда не отказывался от поединка. Это будет мой последний бой, и я выиграю его и принесу вам смерть. Это говорю я, Керл Несущий смерть!

Вы жаждали моего унижения, а я торжествую. Торжествую, ибо даже побежденный я страшен вам. В ваших сердцах живет страх, что я разнесу вдребезги эту прозрачную клетку, это здание, этот город, эту планету. Вы боитесь, что я и сотни подобных мне разнесут ваш правильный, граненый единым резцом мир, превратив его ложную гармонию в первобытный хаос!

Да, я разрушитель! Я разрушаю то, что создано во имя химеричных идей. Я презираю всех тех, кто поклоняется Миру, Прогрессу, Разуму, Гармонии или иному идолу. Я не верю в призрачные

фетиши, я верю лишь в себя, я верю в Человека!

Я Человек! И Человек бросает вам вызов, паци!

Эхо заключительных слов Керла гулко отлетело от стен и растворилось в месиве сытых физиономий и белых воротничков. Установилась тяжелая тишина, через мгновение взорвавшаяся яростными криками.

— Смерть ему! Смерть!

Керл смотрел на брызжущие бешеной слюной хари и хохотал. Он смеялся, видя, как трясется от страха бледный Лайт Пазонс и как отводит свой взгляд бывший гладиатор Люк Зубарт. Он хохотал, и этот смех проникал в сердца победителей, заставляя их дрожать от страха и злобы. Он хохотал, и бравые рейнджеры с невольным уважением поглядывали на отчаянного пленника. Они любили граничащую с безумством отвагу, эти крепкие ребята с Посьерры. А смех звонко летал по залу, заглушая ненавидящие крики розовощекой толпы…

Суд совещался недолго. Верховный судья Ламурк вновь занял место председательствующего. Стараясь не смотреть в сторону смеющегося Керла, он провозгласил:

— Принимая во внимание всю тяжесть преступлений, совершенных Керлом Алинсом,

именуемым еще Вельхоумом, Верховный Суд Пацифиса приговаривает оного к смертной казни путем умерщвления на электрическом стуле. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

В зале было жарко, и пока судья произносил эту тираду, по его лицу текли струйки жирного пота, но он не решался вытереть их, а лишь изредка облизывал солоноватую верхнюю губу языком.

Приговор был произнесен, и публика зашумела. В ее говоре можно было услышать одобрение. Этот человечишко, осмелившийся бросить вызов их миру, заслуживал смерти. Сытые лица выражали радость и довольство, не знающие мозолей ладони сомкнулись в дружных аплодисментах.

— Браво!

Керл продолжал улыбаться, а глаза его были полны презрения. Он дал достойный ответ своим врагам. Теперь следовало позаботиться о том, чтобы этот ответ не стал последним в его жизни. Керл быстро обернулся к сидевшему позади него Лайту.

— Лайт!

Адвокат вздрогнул, поднял голову и бессмысленно посмотрел на гладиатора.

— Безумец, — прошептал он. — Ты сам погубил

себя.

— Я знаю, Лайт. — Керл заглянул своему адвокату в глаза. — Когда–то мы были почти друзьями. Лайт, дай мне электронный самописец, который лежит у тебя в нагрудном кармане.

— Но я…

— Быстрее, Лайт! — шепотом выкрикнул Керл, видя, что к ним приближаются охранники.

И катанрянин сдался. Дрожащими руками он извлек самописец, намеренно уронил его, а поднимая, сунул в руку Керла.

— Спасибо. А теперь прислушайся к моему совету. Беги как можно быстрее с этой планетки. Скоро ее не будет.

Керл не сомневался, что Лайт этим же вечером отбудет в срочную деловую поездку куда–нибудь на Ламет или Армагаску.

Казнь была назначена на следующий день. Керл отнесся к этому известию равнодушно. Ночью его посетила целая делегация, в состав которой входили Люк Зубарт и сам Вольф Бермлер. Уговаривал Керла на правах старого знакомого Люк Зубарт. Он говорил:

— Керл, система идет с тобой на компромисс. Не глупи, пожми протянутую тебе руку. Ты уже сотни раз доказывал всем, что не боишься смер-

ти. К чему весь этот спектакль? Совет согласен считать, что ты погорячился. Так, д–р Бермлер? — Секретарь Пацифиса утвердительно кивнул пегой головой. — Завтра мы предоставим тебе возможность выступить по сферовидению. Скажешь, что был неправ, раскаиваешься, признаешь идеи Пацифиса.

— Да–да, — встрял д–р Бермлер. — Он обязательно должен упомянуть, что признает все десять заповедей!

— Совет примет это во внимание, и господин Секретарь подпишет указ о твоем помиловании. Я знаю, что ты собирался обзавестись домом на Чегере. Ты получишь двести тысяч кредитов и можешь построить там хоть дворец. Кроме того, тебе будет назначена ежегодная пенсия, достаточная для очень безбедной жизни.

— Господин Зубарт, не забудьте о втором варианте! — вновь вмешался д–р Бермлер.

— Я помню, господин Секретарь. Совет также не исключает возможность использовать твои навыки и знания. В последнее время в поясе Розовых астероидов возобновились нападения на карговые суда. Похоже, какие–то безумцы пытаются возродить космическое пиратство. Совет Пацифиса принял решение послать в этот

район военную экспедицию. Если захочешь, ты можешь стать одним из ее руководителей…

— Какая честь! — не удержавшись, воскликнул Керл, с усмешкой подумав, что еще совсем недавно он подумывал о том, чтобы отправиться именно в этот район, как раз с намерением заняться пиратством.

— Мне не нравится твой тон, Керл, но я стараюсь быть спокойным, — заметил Люк Зубарт. — Совет может предложить тебе и другие весьма заманчивые возможности и помочь тебе стать полезным членом общества. Поверь, ты нуждаешься в нашей помощи. Так какое решение ты примешь?

Керл, до того сидевший на кровати, поднялся.

— Люк, я уже давно понял, что вы желаете не просто убить меня, а растоптать мое имя, а заодно и то дело, которому я посвятил жизнь. Это у вас не выйдет. Гладиатор Керл Вельхоум не пойдет на сделку со своими врагами. Мой ответ — нет.

— Как знаешь, Керл. Мы все же дадим тебе еще день, чтобы ты мог подумать. День перед казнью… — Люк перешел на шипящий шепот. — В этот день приходят самые странные мысли. Подумай, Керл. И не надейся на то, что сумеешь убежать. Я принял все меры, чтобы не допустить

повторения тех трюков, что ты проделывал на Тменде, Дарибе и Латиноне. Тебе не убежать из этой тюрьмы!

— Я польщен, что ты помнишь об этом, Люк, — сказал гладиатор.

— У меня всегда была отличная память!

Люк Зубарт нехорошо ухмыльнулся и направился к двери. За ним двинулись прочие члены Совета. Уже на выходе д–р Бермлер обернулся и прошипел:

— Тебя изжарят на электрическом стуле. Знаешь, как пахнет паленое мясо?!

— Знаю, — спокойно ответил Керл.

Верный своим обещаниям, Люк Зубарт сделал все возможное, чтобы не дать Керлу совершить побег. Руки и ноги гладиатора были закованы в нефелитовые наручники, камера просматривалась шестью сфероглазами, в коридоре возле нее неотлучно находились двадцать вооруженных охранников. В город на всякий случай была введена бригада рейнджеров с Посьерры. Агенты Службы Порядка доносили, что многие таамцы недовольны приговором, вынесенным Керлу Вельхоуму. Это было непонятно Совету Пацифиса, и неприятно. Керла было решено ликвидировать без лишнего шума, как только истекут тридцать

шесть часов, отведенных на то, чтобы он мог дать ответ на сделанные ему предложения.

Керл ответил отказом и на этот раз.

— Как знаешь, Керл, — сказал Люк Зубарт, которому Совет поручил руководить казнью последнего гладиатора. Затем он кашлянул и заговорил официальным тоном — Согласно гуманным законам Пацифиса я должен поинтересоваться, есть ли у тебя последнее желание. Или, может быть, ты не имеешь такого?

— Почему же? Имею. Я хочу в мгновение моей смерти быть одетым в комбинезон рейнджера.

Люк Зубарт подозрительно посмотрел на гладиатора.

— Странное желание. Что ты задумал, Керл?

— Считай, что я хочу дискредитировать посьерранскую армию.

— И все?

— Все, — ответил Керл, делая честные глаза.

Член Совета задумчиво прикусил губу.

— Что ж, я думаю, мы удовлетворим твою просьбу. Но если ты надеешься воспользоваться этим комбинезоном для побега, то расстанься с этой мыслью сразу. — Люк ласково коснулся плеча гладиатора. — Я буду рядом с тобой, Керл Вельхоум.

Облаченный в черный комбинезон, под охраной двух десятков рейнджеров, которых отличали от Керла лишь покатые шлемы и чопперы, гладиатор вошел в камеру смерти, где должна была завершиться его бренная жизнь. Посреди этого небольшого, похожего на аквариум помещения стояло массивное черное кресло, называвшееся по древнеземной традиции электрическим стулом. Металлические ножки этого сооружения были накрепко вделаны в цементопластный пол, с подлокотников свисали плотные кожаные ремни, познавшие боль не одного человека. Камера смерти имела всего одну глухую стену, в которую был вделан пульт с двумя черными кнопками, с остальных сторон ее окружала прозрачная перегородка. За этой перегородкой находились места для зрителей, а их в это утро было немало. Уютно устроившись в креслах, они переговаривались между собой и потягивали пиво. Здесь были д–р Бермлер и прочие члены Совета, полномочные представители ряда планет Пацифиса, несколько генералов, среди которых Керл узнал Сатга, а также с десяток известных шоузвезд и артистов. Прямо напротив зловещего кресла сидела Катя Лавински, жаждавшая острых ощущений.

Не опуская чопперов, охранники освободили

Керла от оков, Люк кивком головы предложил ему сесть в кресло. Керл повиновался, предварительно отвесив публике пару шутовских поклонов. От подобной наглости члены Совета побледнели, а генерал Сатг сложил пальцы особым образом, показывая, что он восхищен самообладанием Керла.

Кресло было жестким и неудобным, его создатели явно не рассчитывали, что кому–то удастся просидеть в нем долго. Керл немного поерзал, затем положил руки на подлокотники, позволяя двум экзекуторам заключить их в наручники, простегнутые изнутри серебряной проволокой, по которой проходил ток. Вот кожаная петля плотно охватила правую кисть. Далее произошла небольшая заминка. Один из экзекуторов попытался снять с руки Керла планетарный хронометр, вызвав тем самым негодование гладиатора.

— Я поклялся носить его до самой смерти! Это произвол!

Конфликт разрешил Люк Зубарт. Он обследовал тонкий браслет на запястье Керла и, усмехнувшись, бросил:

— Меделит. Великолепный электрик. Пусть остается. — Люк присмотрелся к стрелкам на

циферблате и сообщил Керлу: — Кстати, он у тебя неправильно работает.

— Спасибо, Люк, — поблагодарил Керл, не обращая внимания на последнее замечание. — Видишь вон ту блондиночку, что таращит на меня глаза?

— Допустим, — сказал Зубарт, наблюдая не за блондинкой, а за тем, как левую руку Керла привязывают ремнями к эбонитовому подлокотнику.

— Можешь передать ей пару слов?

— Зачем передавать? Говори сам. Они нас великолепно слышат.

— Эй, милашка! Ты, ты, что посещала мою камеру! — завопил Керл. — Прости, что забыл твое имя. Я хотел бы тебя трахнуть, но похоже, это мне уже не удастся! Я завещаю тебе мой планетарный хронометр, который остановится в тот миг, когда перестанет бить сердце великого Керла Вельхоума! Повесь его между сисек и почаще вспоминай о том, кто тебя столь пламенно любил!

Катя Лавински была готова сгореть со стыда. Ее лицо покрылось яркими пятнами, руки судорожно тискали прозрачный платочек. Часть публики в лице генерала Сатга и сидевших рядом с ним

военных отреагировала дружным ржаньем. Прочие паци взирали на них с неодобрением. Затем они перенесли внимание на Керла, в их глазах читалась лютая ненависть к этому нахальному человечишке, который даже перед смертью не пал перед ними на колени.

— Тебе нужен проповедник? — негромко осведомился Люк Зубарт, подергав за ремни и убедившись, что они затянуты на совесть.

— Позови его лучше для себя.

— Я не спешу туда, где через мгновенье окажешься ты.

— Как знать, старина Люк. Судьба играет человеком, а человек — судьбой.

— Ты все сказал?

— Пожалуй, да.

Люк еще раз проверил, хорошо ли закреплены ремни, и повернулся к д–ру Бермлеру.

— Господин Секретарь, все готово.

— Бермлер махнул рукой — начинайте!

— Пока, Керл! — с издевкой шепнул Люк Зубарт.

— Пока, приятель, — в тон ему ответил Керл.

По приказу Люка стражники и два экзекутора вышли вон. Камера смерти опустела, на потолке ее зажглись еще несколько ярких шаров. Испус-

каемый ими свет заключил Керла в ослепительно белый круг. Паци жадно впились взглядами в его лицо, надеясь заметить хоть нечаянную искру страха. Но гладиатор был невозмутим, словно его ожидала не смерть, а дружеский ужин. Люк Зубарт медленно подошел к вмонтированной в стену панели и нажал сразу на обе кнопки.

Мелькнула ослепительно яркая вспышка, оборвавшаяся густой тьмой. Послышался стук опрокидываемых кресел и ругань, несколько экзальтированных дам завизжали.

— Спокойствие! Спокойствие, господа! Сейчас все будет налажено.

— Раззявы! — Это был голос д–ра Бермлера. Почтенный Секретарь Совета Пацифиса не ограничился лишь этим замечанием, но присовокупил к нему несколько не слишком приличных слов. — Что у вас там случилось?

— Небольшая поломка, господин Секретарь. Дали чересчур сильное напряжение. Сейчас подключимся к аварийному источнику питания, и все будет в порядке.

Прошло еще несколько неприятных мгновений, и вот робко мигнули шары, а через миг все залило ярким светом. И тут же собравшиеся дружно закричали. На электрическом стуле

дергался в конвульсиях человек. Но это был не гладиатор Керл Вельхоум, а член Совета Пацифиса Люк Зубарт!

Люк был очень хорошим учителем, и Керл должен был низко поклониться ему за науку. Ведь не научи он молодого гладиатора всяческим хитроумным премудростям, и Керл действительно жарился б сейчас на электрическом стуле. Люк обучил Керла Вельхоума всему, что умел, но сам явно потерял былую сноровку. Потерял... Иначе разве бы он разрешил казнимому гладиатору оставить при себе планетарный хронометр, прекрасно зная, что Керл ничего не делает просто так, особенно в такую минуту. Люк просто обязан был заподозрить неладное.

Он отнял у Керла возможность бежать из камеры, тогда гладиатор решил совершить побег прямо с электрического стула. Использовав микромодули, извлеченные из электронного самописца Лайта Пазонса, Керл превратил свой планетарный хронометр в мощнейший энергетический отражатель. Ток, который должен был пронзить тело гладиатора, наткнулся на неодолимую преграду и повернул обратно, выведя из строя энергосистему Пенитенциария. Едва погас свет, как Керл тут же вцепился зубами в ремень,

сковывавший его правую руку. Ему потребовалось много усилий и совсем немного времени, чтобы освободиться.

Искать в кромешной темноте Люка Зубарта не пришлось. Люк нашел его сам. Высохшие цепкие пальцы коснулись плеча Керла — Люк желал убедиться, что его жертва мертва. Схватив своего палача за горло, Керл слегка придушил его, после чего устроил обмякшее тело на электрическом стуле, накрепко спеленав ремнями. В этот миг он здорово рисковал, ведь если бы внезапно дали энергию, Керл изжарился бы на пару с Люком Зубартом. Но все обошлось.

Когда опомнившиеся тюремщики подключились к аварийному питанию, Керл был уже далеко от камеры смерти. По узким коридорам Пенитенциария шагал одетый по полной форме рейнджер, глухо выкрикивавший сквозь непроницаемое забрало шлема:

— По поручению Секретаря Совета Пацифиса!

Тюремные стражники беспрепятственно пропускали бравого вояку через все решетки. Лишь один из них осмелился потребовать документы, и Керл убил его, ударив двумя пальцами в кадык. Выбравшись из Пенитенциария, он крикнул ожидающей известий толпе:

— Гладиатор Керл Вельхоум казнен! Господин Секретарь Бермлер разрешает всем желающим взглянуть на тело этого подонка!

Дружно взревев, зеваки бросились вперед, преградив путь спешащим вдогонку за беглецом рейнджерам. Те попытались разогнать толпу с помощью чопперов, но добились лишь того, что завалили тюремные коридоры горами трупов и были вынуждены прекратить преследование.

Через два часа развлекательное сферошоу «Скажи да своему другу» было внезапно прервано. На экранах появился Первый Диктор Пацифиса Лес Мигульский. Его прическа была на удивление неаккуратной, а голос слегка подрагивал.

— Передаем экстренное сообщение. Сегодня утром из таамского Пенитенциария с помощью тайных пособников–иррационалистов бежал осужденный на смерть гладиатор Керл Вельхоум. Чтобы помочь своему вожаку скрыться, иррационалисты решились на открытое выступление. В этот час в центре Таама идут столкновения между бунтовщиками и силами Службы Порядка. По решению Совета Пацифиса в городе вводится чрезвычайное положение. Все дороги, ведущие из города, блокированы отрядами Службы Порядка, космопорт закрыт на неопределенный срок. Со-

вет Пацифиса призывает жителей и гостей Таама не покидать своих жилищ. Каждый вышедший на улицу будет рассматриваться как пособник бунтовщиков. Совет Пацифиса также назначает награду в сумме десяти тысяч кредитов за помощь в поимке гладиатора Керла Вельхоума…

— Десять тысяч — огромные деньги! С этой минуты следовало ожидать, что неисчислимое множество глаз займут наблюдательные позиции в черных бельмах окон, высматривая сбежавшего монстра–гладиатора. Керла это мало волновало. Он уже был у цели. Бронированный талиптер, позаимствованный на время у одного из порядов, неспешно подъезжал к объекту 5’3 — так официально именовалось Сердце Сомметы.

Керл прикинул, сможет ли, разогнавшись, выбить массивные нефелитовые створки, прикрывавшие въезд на секретный объект. Однако делать этого ему не пришлось. Едва талиптер подрулил к воротам, как те гостеприимно распахнулись.

Наземная часть Сердца Сомметы представляла собой огромный энергетический склад. Гладиатор медленно вел талиптер мимо бочкообразных синих резервуаров, высовывавших из–под земли лишь макушки. О том, что содержится в этих

емкостях, Керл не знал, но был уверен, что быть входом в подземную шахту они не могут. То же самое Керл решил и относительно трехэтажного серого здания, украшенного двумя декоративными башенками. Оно было слишком чистым, чтобы быть жилым. Это была явная декорация. Задержавшись здесь лишь на мгновение, гладиатор поехал дальше, вдоль бесконечных рядов резервуаров, удивляясь тому, что за все время пути ему не повстречалась ни одна живая душа.

Вход в подземную шахту находился в небольшом куполообразном строении, здорово смахивающем на утилизатор. Керл понял это сразу, как только увидел его. Уж слишком навязчивым было желание строителей комплекса сделать это сооружение как можно менее приметным. Именно так ставят мину дилетанты — в ямку, закидав ее песком, да еще набросав сверху веток. Умный кладет смерть прямо посреди дороги, придавая ей вид камня, чья нахальная рожа так и напрашивается, чтобы ее пнули. Керл не считал паци слишком умными, поэтому он оставил верно послуживший талиптер и направился по узкой цементопластной дорожке к входу в строение.

Они ждали его втроем, без лишних свидетелей. Д–р Бермлер, генерал Сатг и невредимый Люк Зу-

барт. Последний сказал Керлу, широко улыбаясь:

— Да, я недооценил тебя, Керл, но признайся, ты недооценил нас.

Гладиатор прикинул свои шансы. В его грудь смотрели три чоппера, а прославленный гимпиор висел в качестве трофея в музее Лиги. Попытаться выхватить оружие означало быть мгновенно застреленным. Люк мог сбить на лету осу, да и генерал Сатг должен был обладать неплохой реакцией. Керл ослабил готовые взорваться мышцы.

— Да, я недооценил вас.

Его признание доставило троим паци огромное удовольствие. Д–р Бермлер широко ухмыльнулся, генерал Сатг помахал Керлу левой рукой. Почему–то заглавную скрипку в этой троице играл Люк. Именно он вновь заговорил с Керлом.

— Ай–яй–яй, Керл! Какая непростительная неосторожность. Вынь из контейнера чоппер за ствол и медленно положи его на пол. Только медленно, без резких движений. — Керл повиновался. Враги внимательно следили за ним, а Люк продолжал разглагольствовать: — А какой был гладиатор! Он перебил всех моих старых друзей. И как перебил! Красиво! Почему же ты не захотел сражаться со мной в Коммоде?

Керл положил оружие у своих ног и медленно выпрямился. Люк взглядом приказал ему отойти назад.

— Так почему, Керл?

— Я бы не смог в то время победить тебя, — сквозь зубы процедил гладиатор.

Люк неопределенно покачал седой головой.

— Мне приятно слышать эти слова. Да, я был классным гладиатором. Лучшим, до тех пор, пока не появился Керл Вельхоум. Ты победил бы меня, Керл. И ты прекрасно знал об этом. Так почему же ты отказался убить меня?

— Люк, может быть, стоит отложить выяснение этого вопроса?! — предложил д–р Бермлер.

— Заткнись! — велел ему Люк, и Секретарь Совета Пацифиса послушно замолчал.

— Я отвечу за тебя, Керл Вельхоум. — На сморщенной физиономии Люка появилось подобие грустной усмешки. — Ты пожалел того, кто многому научил тебя, а жалость в такой игре, как наша — последнее дело. Никогда не жалей людей, Керл Вельхоум, как это делаю я!

Чоппер в руке Люка дернулся дважды. Генерал Сатг и д–р Бермлер рухнули замертво. Старичок рассмеялся.

— Ну что, Керл, поднимем эту чертову планетку

поближе к звездам?

Еще не до конца веря в происходящее, гладиатор потянулся к лежащему на полу чопперу.

— Смелее! — приказал ему Люк, но его оружие было направлено в голову Керла, словно раздумывая, послать или нет смертельный импульс. С трудом подавив искушение убить, Люк Зубарт отвел дуло чоппера в сторону.

— За мной. Вход там. — Гладиатор бежал вслед за своим проводником, тот объяснял на ходу: — Здесь пять уровней охраны. Через три я тебя проведу. Два последних тебе придется преодолевать самому. Ты готов?

— Пробьемся!

Люк сдвинул замаскированную панель, и они вошли в небольшую цилиндрическую кабину. С легким жужжанием сомкнулись одна за другой три бронированные двери, и лифт мягко заскользил в чрево планеты. По пути он трижды останавливался. В совершенно гладкой матовой стене образовывалась узкая щель. Люк скармливал ей пластиковые квадратики. На третьем уровне двери распахнулись. За прочной нефелитовой решеткой стоял стражник. Он скользнул быстрым почтительным взглядом по невзрачной фигуре члена Совета Люка Зубарта и уставился на

Керла. Его лицо выражало целую гамму чувств.

— Ну, что вылупился! — прикрикнул на него Люк. — Да, это тебе не кажется. Перед тобой действительно Керл Вельхоум, бывший гладиатор, а с этого дня генерал армии Пацифиса.

— Но сегодня утром передали, что он сбежал из Пенитенциария, — промямлил страж.

— Ага, и я вместе с ним, — подтвердил Люк и заорал: — Вниз, болван!

Захлопнув пасть, охранник исчез. Двери сомкнулись, и лифт вновь заскользил в преисподнюю.

— Как видишь, Сердце Сомметы охраняется на совесть. Даже тебе не пройти б через такую охрану. Я лично разрабатывал эту систему безопасности. — Люк победоносно взглянул на Керла и расхохотался. — Но лучше, если б это сделал кто–нибудь другой, потому что сейчас тебе предстоит преодолеть непреодолимое. Через минуту эта штука остановится. В твоем распоряжении будет ровно полсекунды, чтобы выскочить отсюда и резко прыгнуть вправо. Прямо перед выходом из лифта установлена батарея ультразвуковых пушек, которая уничтожает всякого, кто не располагает специальным пропуском для посещения закрытого сектора.

Словно подтверждая слова Люка, в стене вновь образовалась щель, ее узкий жадный рот требовал кусок пластика, отсутствие которого означало смерть.

— Но где этот пропуск?! — закричал Керл. — Почему ты не взял его?!

— Этот пропуск выдается лишь Конклавом Пацифиса. У меня не было ни времени, ни возможности получить его.

Гладиатор схватил Люка Зубарта за плечи.

— Мы спасемся! Я помогу тебе. Или погибнем вместе!

— Но я слишком стар. Я не успею…

Щель исчезла, на ее месте появилось табло со стремительно мелькающими цифрами.

— Но почему ты это сделал? — закричал Керл, с отчаянием видя, как семерка сменяет восьмерку.

— Просто я вспомнил, что когда–то был гладиатором. Ты заставил меня вспомнить! — скороговоркой выпалил Люк. — Приготовься! Вправо! Прыгай!!!

И Керл прыгнул. Он покатился по каменному полу, и в тот же миг раздался оглушительный визг. Это означало, что ультразвуковые излучатели превратили в дряблую студенистую массу то, что еще мгновение назад было гладиатором

Люком Зубартом.

Сокрушающий все живое смерч бушевал мгновение, затем стало оглушительно тихо. Керл поднялся с пола и бросился туда, где гудели от перенапряжения энергетические заборники. Он бежал по сумрачному коридору, в конце которого блестела яркая звездочка света. Коридор все сужался и сужался. Вскоре Керлу пришлось передвигаться на четвереньках, а затем ползти. Пахло теплым озоном, снизу доносилось глухое клокотанье рвущейся на волю магмы. Царапая ногтями сверхпрочный пластик, Керл преодолел последние футы и очутился в большой зале. Посреди ее, в круге ослепительно яркого света, располагался заключенный в хрустальную броню распределитель, властвовавший над энергией, чью мощь превосходила лишь пылающая звезда.

Мелькнули зеленые вспышки импульсов. Гладиатор привычно бросил тело вперед и на лету открыл ответный огонь. Врагов было десять. Восемь ладных парней и две изящные девушки. Меткие импульсы Керла бросали их навзничь, оставляя черные отметины на золотисто–сверкающих комбинезонах, но они тут же поднимались и вновь открывали огонь. Это были киборги–охотники, рожденные в лаборатории профессора

Долла Кромера. Стремительные, могучие, стреляющие с быстротой молнии, практически неуязвимые — это были совершеннейшие машины убийства, почти такие же, как гладиатор Керл Вельхоум.

В этом смахивающем на стартовую площадку космодрома помещении некуда было укрыться. Ровные стены, зеркально–гладкий пол да прозрачная призма распределителя. Керл веретеном катился по скользкой поверхности и стрелял, стрелял, стрелял, ожидая, что еще мгновенье — и раскаленные иглы вопьются в его тело. Его меткие выстрелы сбивали киборгов с ног, но не могли причинить им серьезного вреда, а их импульсы вонзались в пол все ближе от Керла. Тогда гладиатор подчинил себе время, превратив его в тягучую, словно патока, бесконечность, и бросился в лобовую атаку. Киборги растерялись, и Керл сразил троих из них, попав каждому точно в переносицу. В тот же миг рухнули еще двое, сраженные девушкой с глазами цвета стали. И киборгов посетил страх. Забыв о своем превосходстве над человеком, они начали пятиться, пытаясь укрыться за пределами белого круга. Лишь один встал на пути Керла. Гладиатор сломал его нефелитовую шею.

Дальше все было как во сне. Керл схватил девушку за руку, и они подбежали к прозрачной оболочке распределителя. Размахнувшись, гладиатор ударил по невидимой стене рукоятью чоппера, и та рассыпалась искрящимися хрустальными осколками. Вот оно, сердце Сердца Сомметы — пульт с тремя рядами разноцветных кнопок, регулирующих работу энергозаборников. Палец Керла опустился на первую из них. В тот же миг в одном из заборников, находящемся под Ладертауном, нарушился нормальный процесс. Такелитовые стержни, поглощающие избыток планетарной энергии, медленно вползли в чрево предохранительного клапана, позволяя огненной стихии рвануться вверх. Керл нажал на вторую кнопку…

Уцелевшие киборги–охотники опомнились и стреляли. Один из импульсов пронзил огнем плечо гладиатора. Спиной Керл почувствовал, как несколько раз вздрогнула прикрывавшая его сзади Немма. Гладиатор, не целясь, посылал ответные импульсы, а другая его рука торопливо нажимала на кнопки. Двенадцать, тринадцать…

Всхлипнула Немма. Такой звук издает пробитое горло. Керл обернулся. Девушка медленно оседала на пол, из многочисленных ран, покрывавших

ее тело, сочилась прозрачная жидкость. Вскрикнув, Керл нагнулся, чтобы подхватить ее. Это движение спасло ему жизнь. Мелтановая струя скользнула над его головой и опрокинула киборга, сразившего Немму. Еще одного прикончил метким выстрелом сам Керл. Последний киборг истерично расхохотался, сунул дуло чоппера себе в рот и разнес голову вдребезги, испещрив стену за своей спиной серо–красной кашицей мозгов с вкрапленными в нее осколками микромодулей.

Тишина ножом полоснула по оглушенному мелтановым грохотом сознанию. Керл тупо взглянул на мертвую Немму, на свой полностью израсходовавший боезапас чоппер. Он начал оборачиваться, собираясь вернуться к распределителю, но в этот миг раздался отвратительный хриплый голос.

— Кхе–кхе! Ты славно поработал, Керл! Теперь ты можешь с чистой совестью умереть!

Существо, произнесшее эти слова, появилось из тени. Оно было облачено в черный балахон, костлявые руки крепко сжимали остроконечный, покрытый ржавыми пятнами крови, посох.

— Я Смерть. Или ты не узнал меня, свою верную подругу? — Смерть движением головы откинула капюшон, явив Керлу свое ужасное лицо. Лишен-

ное кожи, оно было изъязвлено трупной гнилью, сквозь которую местами проступали белые кусочки кости. — Я люблю тебя, Керл! Я пришла за тобой, мой возлюбленный!

— Прочь, тварь!

— Ты еще не докончил свое дело? Хорошо, я дам тебе немного времени. А пока я заберу душу этой дрянной девчонки. — Смерть направила острие посоха на неподвижное тело Неммы. В тот же миг Керл заслонил ту, которую любил и которая спасла ему жизнь. Смерть оскалилась беззубым ртом. — Она же причинила тебе боль, Керл! Она желала твоей смерти! — Гладиатор не отвечал, и тогда Смерть рассвирепела. — Ты пытаешься помешать мне? Берегись!

— Она сделала шаг вперед, угрожающе нацелив посох в грудь Керла. Тот стоял не шелохнувшись.

— Уйди, — попросила Смерть. — Ведь я не мешаю тебе докончить свое дело. Так позволь мне делать мое.

— Эта девушка моя! — скрипнув зубами, процедил Керл.

— Нет, моя! — отчеканила Смерть. — Или, быть может, ты отважишься спорить с самой Смертью?

— Пусть будет так!

Смерть захохотала.

— Глупец! Ты умрешь, так и не выполнив того, что задумал! Неужели эта механическая мразь стоит великой мести?!

— Не смей ее так называть! — заорал Керл.

— Ну давай, давай, давай! Давай попляшем, мой любимый Керл!

Из посоха вырвался тонкий красный луч, устремившийся к сердцу гладиатора. Керл увернулся. Орудуя посохом, словно заправский рейнджер чоппером, Смерть осыпала дерзкого человека веером лучей. Один из них обжег левую руку Керла, и рука мгновенно омертвела.

Смерть издала восторженный вой.

— Что, больно, красавчик Керл? Получай!

Она повела посохом, целясь в ноги гладиатора, но тот подпрыгнул, и лучи прошли под ним.

— Ты полагаешь, что подчинил себе время?! — завопила Смерть. — Так попробуй ускользнуть от меня вне времени!

Время замедлилось, затем вообще остановилось. Керл и Смерть перемещались по кругу, отделенному плотной черной пелериной от реальности. Смерть постоянно ускоряла движения и торжествующе вопила:

— Сейчас ты выдохнешься, мой красавчик

Керл! Твои легкие захлебнутся, а мышцы обмякнут. И тогда я возьму тебя, и мы займемся любовью!

Дикий хохот заполнил мозг Керла, помутив сознание. Воя от пронзившей голову боли, Керл сжал ладонями виски и чуть замедлил бег. Смерть воспользовалась этим и уколола посохом его правое бедро. Нога мгновенно перестала слушаться, и Керл был вынужден прыгать на одной.

— Ну вот и все, Керл Несущий смерть! А теперь я возьму тебя!

Костлявая рука взмахнула посохом, и в этот миг Керл обрушился на своего врага. Смерть не устояла на ногах, и они оба покатились по полу. И вновь время принадлежало Керлу. Обхватив костлявую шею мертвеющими пальцами, гладиатор рванул ее на себя. Чмокнула гнилая плоть, но привычного хруста не последовало. Смерть захихикала. Беззвучно, но Керл чувствовал, как острый кадык скользит меж его пальцами.

— Что, не вышло, Керл?!

И тогда в сердце гладиатора зародилась невиданная ярость. Огненная волна прошла по телу, наполняя умирающие мышцы титанической силой. Взревев, Керл сдавил холодную плоть стальным обручем пальцев, и Смерть умерла.

Умерла, чтобы возродиться через десять секунд.

Из недр планеты доносился вой высвобождающейся из оков стихии. Керл поднялся с колен и играючи, словно органист, пробежал пальцами по оставшимся кнопкам.

Ему осталось ждать всего десять секунд.

Ему осталось жить всего десять секунд.

Десять…

И пред глазами Керла предстали безбрежные луга Белонны, где изумрудную зелень травы испещряют крапинки розовых и фиолетовых амароузов, а воздух напоен росой и искрится разноцветными мотыльками.

Девять…

И сердце, стучавшее ровно, вдруг забилось быстрее от звонкого смеха Неммы, льющегося из припухлых сладких губ.

Восемь…

И бушевал огонь в проснувшемся жерле вулкана, выплевывая в воздух языки раскаленной магмы; грохот, порожденный первобытной яростью, сотрясал планету и превращал время в вечность — так рождаются звезды.

Семь…

И клекотал орел, уносящий кровавую добычу в кривых, словно чегерский кинжал, когтях; его

кровь, толчками бегущая по синим прожилкам, давала силу крыльям, ее кровь, стекающая с острого клюва, должна была дать жизнь пищащим птенцам.

Шесть…

И корчился от боли член Совета Пацифиса Люк Зубарт, чье тщедушное тело пронзили мириады ультразвуковых импульсов, пробивших сочную плоть клеток подобно стрелам, протыкающим висящие на ветке спелые плоды; это была страшная и быстрая смерть — именно о такой мечтал гладиатор Люк Зубарт.

Пять…

И был дождь, смывший грязь с улиц Таама, кровавый дождь; дождь, напоенный пламенем и вихрем; дождь, смывший все.

Четыре…

И восторженно кричали зрители, приветствуя последнюю победу Керла Вельхоума — победу над Смертью, победу над собой, победу над пресным миром.

Три…

И Космос был похож на шоколадный пирог с вкраплениями кисловатых цукатов–звезд; цукаты мерцали, набухали, образовывая замысловатые пентаграммы, и тонули в черной

приторной бесконечности.

Два…

И лилась мелодия — пам–рам–пари–бом–пам–рам.

Луч зеленой звезды мое сердце пронзил,
Обжигая его, словно взгляд твоих глаз.
Позабыл я о том, что когда–то любил,
И забыть я мечтаю, о чем грежу сейчас.
Я не помню уж цвет тех живых лепестков,
Их прозрачную плоть заметает пурга.
Лишь безбрежная зыбь ее снежных валов.
От зеленой звезды не осталось следа.

Один…

А Немма улыбалась.

А потом был взрыв.

ВЗРЫВ.

Керл плакал и не стыдился своих слез. Он был счастлив потому, что дожил до ВЗРЫВА, он был счастлив оттого, что мог плакать.

Он плакал, а она сидела рядом, и ее теплая мяг-

кая рука ласкала его голову.

Рассказы

Ловушка для Космического негодяя

Тан О'Брайен — это имя было известно каждому обитателю Пацифиса.

Тан О'Брайен — свирепый волк!

Тан О'Брайен — рыжая акула!

Тан О'Брайен — сеющий смерть!

Тан О'Брайен — безжалостный монстр!

Тан О'Брайен — самый большой мерзавец, какого только знал мир!

Тан О'Брайен — чудовище в облике человека! — Подобными эпитетами пестрели выпуски Галактических новостей.

Тан О'Брайен — преступник № 1. — Так считали межгалактические хранители.

Тан О'Брайен — исчадие ада! — Убогий слог отцов–методистов.

И, наконец, венцом всему стали слова Великого Президента, заявившего во всеуслышанье после одного из наиболее громких дел Тана:

— Тан О'Брайен — Космический негодяй!

Это прозвище прилипло к нему, стало его визитной карточкой. Теперь, приближаясь к прогулочной яхте или космогрузу, он просто объявлял:

— Говорит Тан О'Брайен, Космический Негодяй! Ребята, выкладывайте бабки!

Обычно этого вполне хватало, а если клиент пытался упорствовать в своем нежелании расставаться с деньгами, Тан О'Брайен ласково сообщал, что у него, кажется, начинается приступ лихорадки, а так как его руки лежат на гашетке лазерных пушек, то неизвестно, чем все это может закончиться.

Подобный метод действовал безотказно. Клиент отстегивал обозначенную сумму, и космический грабитель растворялся в звездном калейдоскопе. А вскоре все пятнадцать миллиардов обитателей Пацифиса имели счастье лицезреть на экранах своих сферовизоров отвратительно ухмыляющуюся физиономию и с трепетом внимали гневному рассказу диктора об очередном злодеянии Космического Негодяя…

Тан О'Брайен широко зевнул и отвернулся от мигающего экрана, исполнявшего в сей миг роль зеркала. Только отражение несколько отличалось от оригинала. Тан О'Брайен, заключенный в рамке сферовизора, был крив, небрит и мерзок. От него разило пороком и жестокостью, а его волосы испускали неестественно–кровавое сияние. Лицо Тана О'Брайена, что сидел в кресле

пилота, было вполне нормальным, быть может, не очень добрым, но далеко не таким зловещим, как у двойника. Даже самый внимательный наблюдатель не смог бы разглядеть на поросших рыжей щетиной щеках пятна крови, которой, как уверяли, Тан О'Брайен по обыкновению умывается по утрам. Обычное лицо обычного человека. Самого обычного, если не принимать во внимание того обстоятельства, что на совести Тана О'Брайена было столько злодеяний, сколько хватило б на банду самых отчаянных головорезов. Тан О'Брайен был ужасным человеком и закоренелым негодяем. Он был негодяем по совести, склонностям и призванию. Он был рожден, чтобы стать негодяем. Мир не знал существа, более омерзительного и порочного. Тан был королем злодеяний. Он останавливал и грабил корабли, разорял колонии и космобазы, захватывал заложников, брал выкупы с городов. Он был жаден, безжалостен и свиреп. Если жертва отваживалась сопротивляться, Космический Негодяй действовал беспощадно. Не раз и не два он расстреливал корабли, пытавшиеся избежать грабежа. На его совести был патрульный катер, подло уничтоженный из засады. Поговаривали, что истребление колонистов на Мирмилоне тоже

дело рук Тана О'Брайена. Прибавьте сюда сотни обесчещенных, искалеченных, заболевших психическими расстройствами, разоренных и униженных — это далеко не полный перечень жертв Космического Негодяя. Подобно мифическому Жилю де Ре он убивал младенцев, подобно Джеку Потрошителю вспарывал животы непорочным девицам, подобно жестокому тирану Мена Глуссу забавлялся, погружая неуплативших своевременно выкуп пленников в расплавленный свинец. Он был настоящим чудовищем и, что самое ужасное, вполне сознавал это. Он…

Тан О'Брайен зевнул еще раз. Популярность наскучила ему, словно капризной поп–звезде, не знающей, как укрыться от своих поклонников. К тому же Тан чувствовал себя немного утомленным. Только что он совершил одно из самых дерзких преступлений в своей карьере. Преступление–шедевр! Тан ограбил банк Гьерры, второй по величине в Системе. Добыча оказалась не слишком большой, да Тан и не рассчитывал на это. Он был прекрасно осведомлен, что при первом сигнале опасности резервный запас денег и все золото будут немедленно телепортированы в сейфы Космофорта. Главное, дело вышло необычайно эффектным. Двадцать тысяч хранителей,

звездная гвардия, военно–космические силы в бессильной ярости наблюдали за тем, как погрузчик выводит на орбиту контейнеры со звонкой монетой. Как же у них чесались руки нажать на гашетку и разом покончить с мерзавцем Таном О'Брайеном! Но Космический Негодяй заранее позаботился о том, чтобы застраховать свою шкуру. Несколькими днями ранее он захватил яхту с развлекающейся парочкой. Спутницей молодого человека — красавец, атлет, он спрятался в утилизаторе, узнав, что яхта взята на абордаж Космическим Негодяем — оказалась не кто иная, как Вероника, дочь Первого Стратега Гьерры. Имея такую заложницу, можно было провернуть любую операцию. Тан моментально воспользовался подарком судьбы, ограбив банк Гьерры. Затем была двухдневная погоня, и шериф Люне, охотник за Таном, как он себя величал, вкрадчиво уговаривал Космического Негодяя отпустить девушку и сдаться властям. Тан О'Брайен мило беседовал с шерифом, с улыбкой сообщая подробности прежних преступлений. На третий день он завел преследователей в пояс астероидов и исчез. Прекрасную Веронику Тан выбросил, предварительно обесчестив, без скафандра в открытый космос. Сатана должен идти впереди

своей славы!

Все эти приключения утомили Космического Негодяя. Он нуждался в отдыхе. Убедившись, что погоня потеряла его след, Тан развернул свой рейдер к оранжевой звезде Солл, поблизости от которой, в чреве карликовой планетки, была устроена тайная база, нора Космического Негодяя. Перед тем, как окончательно оторваться от преследовавших его хранителей, Тан имел содержательный разговор с шерифом Люне.

— Ты большой негодяй, Тан! — сказал шериф.

— Знаю, — не стал спорить Тан.

— Зачем ты убил девушку? — В голосе шерифа звучало непритворное возмущение.

— Потому что я Негодяй, — невозмутимо поведал Тан.

— Сдайся и можешь рассчитывать на снисхождение, — посулил шериф.

— Скостишь пару лет? — захохотал Тан, прекрасно осведомленный, что срок заключения, ожидающий его в случае поимки, равен пятидесяти четырем тысячам ста сорока девяти годам, не считая новой прибавки за последние три преступления.

— Ты очистишь свою совесть, Тан, — продолжал гнуть свое шериф.

— Отвяжись! — лениво велел Тан и с ухмылкой пообещал: — В следующий раз я побалуюсь совсем невинной девочкой.

— Негодяй, я поймаю тебя! — теряя самообладание, завизжал шериф.

— В этом твой долг, — сдерживая смех, с нравоучительной издевкой сообщил Тан.

— Знай, Тан О'Брайен, ты совершил свое последнее преступление! Скоро ты будешь пойман и предстанешь перед судом! — торжественно провозгласил шериф.

— Ты успокоил меня, — ответствовал Тан и оборвал разговор.

Его рейдер входил в пределы параболического кольца, включавшего в себя среди прочих и созвездие звезды Солл. Здесь Тан всегда умолкал, дабы не дать хранителям возможность засечь примерные координаты его базы. Вряд ли кто понимал это, но для того, чтобы заслужить почетное прозвище Космического Негодяя, мало было решимости без колебания пролить кровь. Требовалось научиться думать, не просто думать, а быть умнее сотен тысяч людей, которые денно и нощно охотятся за тобой. Вряд ли кто понимал это…

Сверкающая стрела рейдера пронизывала

пустоту, лишенная связи и астропеленгации. Последнее было перестраховкой — область параболического кольца абсолютно лишена жизни. Здесь есть планеты, пригодные для существования человека, но едва ли найдется такой безумец, что отважится поселиться на самом краю Вселенной, где бушуют космические смерчи и вспыхивают сверхновые. В этом районе не было ни поселений, ни разведочных станций, ни даже вездесущих искателей приключений и легкой поживы. Лишь патрульные крейсера хранителей время от времени пронизывали разноцветные гирлянды звезд в поисках немногочисленных, прячущихся от справедливого возмездия, отщепенцев, первым из которых считался, вне всякого сомнения, Космический Негодяй Тан О'Брайен.

Робот–стюард, уродливый субъект с кубообразным телом и стальными манипуляторами, принес кофе. Тан принял бокал с трепетом тайного сластолюбца. Вопреки слухам, он ненавидел виски, но обожал кофе. Тан очень много делал вопреки. Зажмурившись, словно сытый кот, он принялся пить обжигающее варево. Его окружала стерильная тишина, наполненная лишь беззвучным перешептыванием звезд. Беззвучное перешептывание — скажете, нонсенс? Наверно,

но Тан точно знал, что звезды перешептываются, сообщая друг другу свежие сплетни. Тан ощущал их голоса — тонкие и смешливые у оранжевых, задиристые у сверхновых, усталые у засыпающих. Он жалел этих, последних. Закономерно и естественно, когда умирает человек, столь слабый и несовершенный, но как же страшно, когда засыпает звезда, прекрасный цветок, достойный жить вечно. Тану приходилось видеть заснувшие звезды, однако он никогда не приближался к ним. Заснувшая звезда теряет свое естество. Она становится злобной и коварной, затягивая неосторожно приблизившихся гостей в свои хладные путы. Тан знал это, ему довелось быть свидетелем подобной смерти.

Рейдер мягко изменил курс, ложась на новую траекторию. Тан поставил пустую чашку и сладко потянулся. Тело наполнилось приятной истомой, расслабленный мозг блаженствовал. Тан представил, как славно проведет время на родной планетке, купаясь в волнах карликового моря и нежась в ласковых лучах звезды Солл. А ночами он будет любоваться спрятавшимися за панцирем атмосферы, неестественно далекими звездами. Ведь порой становится так утомительно ощущать близкое присутствие раскаленных

светил.

— Мэйдей! Мэйдей!

Тан рывком привстал из кресла. Кто–то взывал о помощи. Вырывающийся из динамиков голосок был слаб и беззащитен.

— Мэйдей! Мэйдей! — тоненько, словно крохотная птичка.

Тан О'Брайен ухмыльнулся. Дешевый трюк! У хранителей всегда было туговато с фантазией. Он не клюнет на приманку. Тан попрочнее обосновался в кресле и вызвал стюарда.

— Еще кофе!

Мигая, перешептывались звезды, только теперь в их неслышный говорок врезался детский испуганный голос.

— Мэйдей! Мэйдей! — И совсем тихо, на выдохе: — Помогите, пожалуйста…

Быть может, Тана проняло это «пожалуйста», быть может, близость долгожданного отдыха расслабила его жестокую волю, но он вдруг сделал то, чего не должен был делать — Тан включил пеленгаторы.

Крик шел с маленькой планетки у желтой звезды. Однажды, давно, Тану О'Брайену довелось побывать здесь. Он обшаривал параболическое кольцо, ища укромный уголок. В числе прочих

Тан осмотрел и эту безымянную планетку. Она была так себе, бывают и лучше. Вполне пригодная для жизни, но тусклая и неуютная. Мало солнца, зато в переизбытке влаги; душный липкий воздух, густой туман, обилие слизней, уродливых насекомых, пресмыкающихся и прочей нечисти. Хорошее место для ссылки, но не для уютного гнездышка. И кому только пришло в голову высадиться на ней?!

Коснувшись пальцем клавиши, Тан выключил пеленгатор. Его могли засечь, а это создало б лишние и ненужные трудности. В рубку вкатился стюард, бережно сжимавший манипуляторами поднос. Тан взял серебряный, оправленный в термоизолирующую оболочку бокал и подул на дымящуюся жидкость.

— Мэйдей! Мэйдей! Помогите! Помогите хоть кто–нибудь!

Тан дул на кофе, пристально разглядывая мечущиеся над черной поверхностью облачка пара. От голоса исходил непритворный страх. Кому–то было очень страшно. Тан невольно представил себе эту бездну ужаса, во власти которого находилось слабое, оторванное от мира существо. В низу живота родился рой холодных колких иголочек. Разделившись надвое, иголочки скользнули

по ногам и несколько раз ощутимо кольнули в ступни. Тан мрачно усмехнулся. Страх? Подобного с ним не случалось уже много лет. Чей–то, чужой страх. Он отхлебнул кофе, и тот показался отвратительно кислым, словно в него сыпанули хинина. Тан едва не сплюнул.

Голосок продолжал настаивать:

— Мэйдей! Помогите! Отзовитесь, кто–нибудь! — И, наконец, с большой заминкой, словно с трудом находя в себе силы признаться: — Мне страшно…

И Тан не выдержал. Будь что будет! В конце концов, с чего это вдруг хранители непременно должны прощупывать именно этот район? И страх! Этот страх! Тана передернуло. Он включил связь и, кашлянув, проговорил:

— Внимание, слышу ваш сигнал. Что случилось?

С мгновение было тихо. Должно быть, голосок уже потерял надежду быть услышанным и внезапный ответ ошеломил его. Затем он очнулся и закричал:

— Помогите! Мы потерпели аварию! Здесь…

— Кто мы? — жестко перебил Тан.

— Папа, дядя Алрон и я.

— Кто ты?

— Я, Касси… — Голос осекся, после чего смущенно, хотя и не без доли жеманства, поправился: — То есть Кассиопея.

Тан усмехнулся — ну и имечко! Ему вдруг захотелось прервать разговор и забыть обо всем. Но он почему–то не сделал этого.

— Сколько тебе лет, Кассиопея?

Прежде чем ответить, голосок помедлил, должно быть, озадаченный, а может быть, и слегка обиженный подобным вопросом.

— Одиннадцать.

Тан машинально, не отдавая себе отчета в том, что делает, покачал головой.

— А где же твои папа и дядя?

Из динамиков донесся характерный звук, словно Кассиопея шмыгнула носом, после чего последовал ответ:

— Они ушли в лес и не вернулись.

Голосок звучал сдавленно. Тан понял, что девочка с трудом удерживается от того, чтобы не разрыдаться.

Идиотская, более того — мерзкая ситуация. Лес на безымянной планетке был далеко не самым лучшим местом для прогулок. С родными девочки могло случиться что угодно.

Тан замолчал, размышляя, и это молчание ис-

пугало голосок.

— Почему ты ничего не говоришь? Ответь! Не молчи, пожалуйста! — Из динамиков донеслись всхлипывания.

Ничто так не раздражало Тана, как слезы.

— Не плачь! — приказал он грубым тоном. — Я думаю, смогу ли помочь тебе.

— А разве можно поступить иначе? — высушив слезы, тут же отреагировал голосок.

— Можно, — ответил Тан. — Я спешу. Я очень спешу.

Он не хотел ни вдаваться в более подробные объяснения, ни тем более объявлять свое имя. Это было бы глупо. Тан все сильнее жалел, что ввязался в эту историю. Еще можно было положить ей конец, просто оборвав разговор, но Тан знал, что не сможет так поступить.

Еще мгновение назад он не был уверен в этом, но за это мгновение голосок произнес фразу, от которой что–то оборвалось в груди Тана.

— Помоги мне, **пожалуйста**! — Она здорово говорила свое «пожалуйста», эта плачущая девчонка. С такой надеждой и беззащитностью, что Тан понял, он не сможет отключить передатчик и позабыть об этом разговоре.

— Хорошо, — сказал он, удивляясь самому себе.

— Я вытащу тебя. Дай точный пеленг.

Тан почти физически ощутил, как обрадовалась девочка. Так радуется приговоренный к смерти, когда ему объявляют, что палач болен и нужно подождать пару дней, пока ему не станет лучше.

— Сейчас, сейчас… — После краткого оживления в голоске появилась растерянность. — Я… не знаю, как дать этот самый пеленг.

— Около режекторной панели есть ряд из пяти красных кнопок. Надо…

— Я не знаю, где режекторная панель.

Тан О'Брайен беззвучно выругался.

— Ну хорошо. Ничего не трогай. Я попытаюсь найти тебя и так. Только нужно, чтобы ты постоянно что–нибудь говорила. Я буду искать тебя по голосу.

— А что я должна говорить?

Тан почувствовал нешуточное раздражение.

— Что хочешь. Рассказывай о себе, о своем папаше, о бабушке, о той дерьмовой планетке, на которую тебя занесло, о звездах, лужах, облаках… Давай, не молчи! — велел он, включая пеленгаторы на полную мощь.

— Я буду петь, — решил голосок.

— Хорошо, пой. — Тан кисло скривился. — Только не переставая.

И девочка запела. Тоненький голосок ее ломался, словно туго натянутая струна, но пела она удивительно хорошо. До того хорошо… — Тан попытался ухмыльнуться, но внезапно обнаружил, что у него в горле образовался комок.

— Дерьмо! — выругался он, сглатывая.

Рейдер уже изменил курс и летел к мерзкой планетке, на которой Тану, если разобраться, было нечего делать. Тан О'Брайен, не шевелясь, сидел в кресле и слушал незатейливую песню. Вот она закончилась, и девочка тут же начала новую — о доме и теплых розовых яблоках. По щеке Тана катилась крохотная слезинка, и он не делал ничего, чтобы избавиться от нее. Как же хорошо она пела!

— Ну хватит!

Тан ударил по клавише двигателей, заставляя их реверсировать ход. Корабль взбрыкнул, словно необъезженная лошадь, и, задрожав, повис в пустоте.

— Хватит этих глупостей! — негромко пробормотал Тан себе под нос. — Сейчас же домой! Домой!

Он не сказал вслух ни слова, но девочка будто почувствовала перемену в настроении своего спасителя и оборвала песню.

— Ты летишь ко мне? — спросил голосок.

— Да, — солгал Тан.

— Как хорошо, — мечтательно протянула она. — Скоро ты придешь и заберешь меня отсюда. Ты не представляешь, как же мне было страшно, пока я не услышала твой голос. Такой добрый голос.

Тан издал приглушенный рык. Рука против собственной воли потянулась к пульту и задала прежний курс. Вздрогнув, рейдер устремился к планете.

Девочка молчала. Ее голос был нужен Тану для пеленга.

— Пожалуйста, пой! — попросил он и сам удивился своему «пожалуйста».

Она возликовала, поняв, что Тан не бросил ее. Из динамиков вновь вырвался звонкий и ломкий, словно весенняя капель, голос. Тан долго хмурился, слушая его, но в конце концов не выдержал и улыбнулся…

Планета выросла перед обзорным экраном мутным сизеватым блюдцем. Ее атмосферу переполняли электромагнитные смерчи и туманы. Точка пеленга на экране стала нечеткой — помехи расслаивали структуру звука. Тан не стал спешить. Он никогда не спешил, это было не в

его правилах. Торопыги заканчивали карьеру в казематах Черного форта, откуда не было выхода. Тан рассчитывал умереть в космосе или в своем доме у звезды Солл. Потому он не бросился сломя голову вниз, а несколько раз облетел вокруг планетки, тщательно изучая ее. Пеленгаторы засекли лишь один источник излучения. Именно оттуда доносился голосок. Если это и окажется ловушкой, Тан знал, как выбраться из нее. Закончив очередной виток, он положил руки на штурвал ручного управления. Пора!

— Пой громче! — бросил Тан и направил корабль вниз…

Прорвавшись через тройной слой облаков, рейдер сел на небольшой равнине, замкнутой небольшим болотцем и извилистой стеной ярко–зеленого леса. Электромагнитные потоки разрушили звуковой сигнал, связывавший Тана с девочкой; потребовалось время, чтобы восстановить его. Он испытал громадное облегчение, вновь услышав тонкий голосок.

— Где ты? Почему молчишь?!

Тан улыбнулся своей невидимой собеседнице.

— Я здесь. Я уже сел. Тебе надо потерпеть еще немного.

— Я потерплю.

— Вот и умница. Теперь слушай меня. Объясни подробно, где находишься.

Последовала небольшая заминка — Тан понял, что девочка осматривается вокруг, — затем голосок сообщил:

— Здесь лес.

— И все?

— Нет. Справа виднеется верхушка какой–то горы.

— Она большая?

— Да, очень!

Тан включил камеры панорамного обзора и осмотрел окрестности. Видимость была отвратительной. Белесая дымка плотно окутывала землю и небо, позволяя рассмотреть лишь участки, находящиеся в непосредственной близости от корабля. Тан включил сканеры. Изображение приобрело схематичность, но стало куда более отчетливым. Теперь он мог сориентироваться.

В той стороне, откуда шел сигнал, было три горы, но ни одну из них Тан О'Брайен не назвал бы большой. Впрочем… Тан внезапно понял, что ему, видевшему грандиозные пики Армагаски, любая гора теперь кажется небольшой. Но что могла видеть в своей жизни эта маленькая девочка!

— Опиши мне ее.

К удивлению Тана, описание вышло более чем профессиональным.

— Серая, с багровыми прожилками, левый склон градусов на пятнадцать положе, чем правый.

— Цвет мне ни к чему, — пробормотал в ответ Тан. Сканированные изображения вершин появились на экране. Более других Тану приглянулась гора, ближайшая к кораблю. Она в точности соответствовала описанию девочки. И это было плохо; и Тан, и девочка видели гору примерно с одного направления, а значит, потерпевший аварию корабль лежал посреди леса, и Тан не мог рассчитывать на пеленгаторы. Густые заросли и низко висящие облака делали их бесполезными.

Тан задумался. Он попал в непростую ситуацию. Простирающийся впереди лес, едва различимый в плотной белесоватой дымке, если верить сканеру, был огромен. Отыскать в нем корабль, не имея возможности определить хотя бы примерное положение его, было равносильно попытке найти золотую крупицу в груде морского песка. Помимо этого сама по себе прогулка обещала быть нелегкой. Тан О'Брайен хорошо знал, что представляет собой подобный лес, чьи непролазные заросли таят массу неожиданностей,

как правило, неприятных. Почесав голову, Тан вздохнул. Он все более отчетливо сознавал, что взялся не за свое дело. Вот если бы посреди этого леса были алмазные копи или потерпевший аварию транспорт–сейф — ради этого можно было б рискнуть. Но подвергать себя опасности ради какой–то писклявой девчонки мог только полный идиот. Тан беззвучно выругался и встал. Пора было собираться.

Первым делом Тан извлек герметичный скафандр из сверхпрочного пластика. Не уступая по прочности титановой броне, скафандр был легок, удобен и даже щеголеват. Затянутый в серебряную оболочку, Тан походил на обаятельного призрака. Воздух снаружи был вполне пригоден для дыхания, но Тан решил взять с собой кислородный баллон — на всякий случай. Следом на свет появились контейнер с обезвоженными пищевыми концентратами, таблетки сухой воды, аптечка и сигнальные ракеты. Из оборудования Тан взял лишь ручной радар, настроенный на волну рейдера, и магнитометр. Теперь предстояло отобрать оружие. Тан делал это долго и тщательно. В конце концов он остановился на короткоствольном бластере, плазменных гранатах и ноже с длинным массивным лезвием. Довер-

шил этот арсенал огнемет — оружие, способное охладить пыл любого агрессора из числа тех, что водятся на подобных планетках. Облачившись в скафандр и нацепив поверх амуницию, Тан предстал перед висевшим на стене зеркалом. На него взирал разряженный как боевой петух недоумок, явно решивший поиграть в космических рейнджеров. Давненько Тан не ощущал себя таким идиотом. Покуда он рассматривал себя, до слуха долетел едва различимый звук. Тан насторожился. Послышалось? Нет, звук повторился, и Тан поспешил в рубку. Девочка плакала. Она не смогла дозваться Тана и, конечно же, ей было страшно. Тан поймал себя на том, что расправляет плечи.

— Ничего не бойся! Я уже иду.

Память не подвела Тана — планетка оказалась весьма неуютной. Воздух был сырой и далеко не теплый. Лицо Тана мгновенно покрылось мелкими, липкими на ощупь капельками. Немного постояв, чтобы освоиться, Тан затворил люк и неторопливо двинулся вперед. Его путь пролегал по лужайке, выглядевшей вполне безобидно, но Тану было хорошо известно, сколь обманчивы могут быть пасторальные пейзажики на диких неизведанных планетках. Потому он держал

пальцы на рукояти бластера и успел отреагировать, когда выскочившая, казалось, из–под земли тварь попыталась вонзить клыки в его ногу. Выстрел разнес тварь вдребезги, так что Тан даже не смог как следует рассмотреть ее. Скорей всего это был слизняк, примитивный, но вооруженный двумя рядами отличных клыков. Не желая понапрасну рисковать, Тан надел на голову шлем и лишь тогда продолжил путь. Бластер насовсем перекочевал с пояса в руку и был готов к любым неожиданностям.

Однако до самого леса Тана никто не потревожил. Казалось, планетка затаилась и заманивала непрошеного гостя в замаскированные тенета. Достигнув передних деревьев, Тан замедлил шаг и обернулся. Серебристая сигара корабля дрожащим силуэтом смутно вырисовывалась в молочной дымке. Тану стало тоскливо. Еще можно было повернуть и продолжить путь к звезде Солл. Тану стоило немалого труда совладать с навязчивым искушением. Он пересилил себя, а пересилив, связался с девочкой и поинтересовался:

— Ну, как дела?

— Нормально, — сообщил голосок. — Я жду тебя.

— Твои родные не вернулись?

— Нет.

— Тогда я иду.

Бросив прощальный взгляд на корабль, Тан шагнул вперед и через мгновение был поглощен зеленым хаосом леса…

Уродливый лес. По крайней мере, с точки зрения Тана О'Брайена. Здесь не было ни опушки, ни обычно встречающихся прогалин, ни лужаек. Деревья росли столь плотно, что облаченный в скафандр человек был не в состоянии пробраться между ними. Сплошная зеленая стена, наполненная зловещим шелестом и угрожающим покачиванием лиан. Лес был живым существом, а всех живых существ Тан делил на две категории — друзья и враги. Друзей было мало, точнее, один — кот Маслик, пропавший, когда Тану было четырнадцать. Все остальные относились к числу врагов, а Тан разговаривал с врагами лишь на одном языке — языке силы. Вернув бластер в гнездо на поясе, Тан извлек из–за спины огнемет. Узкая полоса огня рассекла сплетение зеленых арабесок. Трескуче закричали деревья, растворяемые в напалмовом вихре. В огненно–красных клубах извивались, умирая и чернея, причудливые стебли лиан и колючая поросль. Воздух заполнился

жирным чадом. Языки пламени еще продолжали свое пиршество, когда Тан шагнул вперед. Его скафандр не боялся огня.

Идти было нелегко. Остатки растений опутывали ноги, и без того увязавшие в жидкой грязи, которой были залиты подножия деревьев. Тан продвигался медленно, словно испорченный киборг. Примерно через пятнадцать шагов ему вновь пришлось пустить в ход огнемет, вновь заставив деревья корчиться от боли. И опять нужно было ждать, пока осядет стена огня, и, утопая по щиколотку, медленно брести вперед. Так он и шел, пробивая черную просеку до тех пор, пока огнемет не выплюнул последнюю жиденькую струйку. Тогда Тан остановился и огляделся. Он углубился далеко в лес и совершенно растворился в нем. Со всех сторон клубился густой, без единого просвета, вихрь растений, выжженный напалмом проход терялся в блеклой пелене тумана.

Тан кашлянул и, подавив желание сплюнуть, проглотил слюну.

— Кассиопея, как дела?

— Отлично, — немедленно откликнулась девочка. — А у тебя?

— Тоже неплохо. Я уже недалеко. Послушай, сейчас я выпущу ракету. Если увидишь ее, попы-

тайся подсказать мне направление. Это можно сделать таким образом. Представь треугольник, одна из вершин которого — это ты, вторая — гора, а третья — ракета. Определи примерную величину угла в вершине, которую образует ракета. Поняла?

— Поняла, не маленькая! — звонко сообщил голосок. — Пускай!

Тан извлек из–за пояса ракетницу, направил ее вертикально вверх и нажал на спуск. Руку толкнуло легкой отдачей. Скользнув, ракета исчезла в белесой пелене. Тан ощутил прилив ярости. «Она не увидит! — подумал он. — Черт бы побрал эту планету с ее лесами и туманами!»

Он не ошибся. Девочка не откликалась, и Тан был вынужден спросить:

— Ну как, ты видела ее?

— А разве ты ее уже выпустил?

— Да! — раздраженно рявкнул Тан.

— Но я ничего не вижу!

Тан немного помолчал, после чего пробормотал:

— Наверно, я еще далеко от тебя. Жди.

— Хорошо, — покорно согласился голосок. — Тебе не скучно? А то я могу спеть тебе песенку.

— Мне весело! — Тан с отвращением оглядел

увязшие до середины голени ноги. В жирно блестящей грязи мельтешили белые черви. — Мне весело!

Выбросив опустошенный баллон, Тан вставил в огнемет новый. У него остался в запасе всего один, и Тан пожалел, что не догадался взять их побольше. Огнемет в подобной ситуации мог с успехом заменить все остальное оружие. Но менять что–либо было поздно, и Тан принялся выдирать из грязи ногу, намереваясь продолжить путь. Болотце противно всхлипнуло, и Тан полетел вперед.

В самое первое мгновение он не понял, что произошло. И лишь навалившаяся на спину тяжесть подсказала Тану, что у него возникли проблемы. За всеми этими разговорами он зазевался и позволил застать себя врасплох. Напавший был огромен и неимоверно тяжел. Упав на Тана, он вдавил его в грязь, не давая шевельнуть ни ногой, ни рукой. У врага не было зубов или, по крайней мере, он не торопился пустить их в ход, но это было слабым утешением. Скафандр Тана мог выдержать колоссальные нагрузки. Трудно представить такую тварь, которая смогла б прокусить его. С этой стороны у Тана не возникало опасений, чего нельзя было сказать о фильтрах.

Жидкая грязь совершенно забила их, преградив доступ воздуха. Тан попытался прочистить фильтры, резко освобождая легкие, но очень быстро убедился в тщетности своих усилий. Расплющенный, словно подопытная лягушка, он начал задыхаться. Мозг разрывался от ярости, а сердце уже трепетало, предчувствуя близкий конец. Но Тан был не из тех, кто поддается позывам сердца. В его планы не входило обрести конец на этой паршивой, затерянной на краю Вселенной планетке, задохнувшись под тяжестью мерзкого слизняка. Невзирая на сковывающую члены тяжесть, Тан начал ерзать, пытаясь дотянуться до бластера. Он погружался все глубже и глубже, в гаснущем сознании уже плясали разноцветные черточки, но Тан не сдавался. Он все–таки дотянулся — не до бластера, до ракетницы, и стиснул пальцами ее рубчатую рукоять. Теперь следовало вывернуть руку наружу. Втянув живот, Тан стал медленно протаскивать оружие в образовавшуюся щель. Тем временем свалившаяся на него тварь начала подавать признаки жизни. Тан почувствовал прикосновение сразу в нескольких местах — под коленями, на спине и самое настойчивое в том вместе, где шлем соединялся с воротом скафандра. Тварь была не

столь глупа. Еще одно усилие, еще… Рука с ракетницей вылезла из–под туловища. Теперь нужно было вывернуть кисть таким образом, чтобы направить ствол ракетницы вверх. Чувствуя, как хрустит запястье, Тан сделал это и, почти теряя сознание, нажал на спуск. В тот же миг Тан ощутил чудовищной силы удар. Ощущение было такое, словно на него свалилась бронированная плита. А затем вдруг стало легко–легко. Телу хотелось лежать и наслаждаться пришедшим покоем, однако мозг нашел в себе силы воспротивиться этому опасному желанию. Опершись на руки, Тан с трудом вырвал туловище из грязи и сорвал шлем. Существо, представшее его глазам, не могло вызвать ничего, кроме ужаса и отвращения. Громадное, бесформенное, оно походило на кусок протухшего мяса, вооруженное, однако, десятком коротких массивных щупалец. Голова у твари отсутствовала совершенно, а вот пасть была — здоровенная, прихотливо обрамленная венчиком извивающихся отростков, напоминающих кокетливую бородку. Ревя от боли, тварь кинулась на Тана. Человек находился в невыгодном положении — наполовину увязший в грязи, лишенный огнемета, с бластером на поясе, — но исход поединка остался за ним. Тан выстрелил

дважды, и обе ракеты попали точно в цель — прямо в ужасный, отвратительный рот. Брызнули ошметки плоти. Издав вопль, существо отпрянуло. Тан воспользовался этим и сорвал с пояса плазменную гранату. Сверкнула яркая вспышка, и тварь поглотило огненным вихрем. Обезумев от боли, она бросилась напролом через заросли, но сумела преодолеть лишь несколько метров, после чего рухнула и затихла. Освободившись из цепких объятий грязи, Тан подобрал валявшийся неподалеку шлем и, шатаясь, отошел к дереву, где земля была не такой вязкой.

Теперь он мог оценить понесенные потери, а они были велики. Тан лишился огнемета, размятого и втоптанного в грязь тварью, а также истратил две из шести ракет и гранату. Вдобавок ко всему был безнадежно испорчен шлем, а сам Тан О'Брайен походил на выкупавшегося в дерьме бродягу. Лес показал свое истинное лицо, и потому Тан первым делом проверил, исправен ли заляпанный грязью бластер. Оружие оказалось в порядке, что подтвердила срезанная метким импульсом верхушка дерева. Вторым, что волновало Тана, была связь. Приблизив к лицу помятый шлем, Тан медленно, сдерживая тяжелое дыхание, проговорил:

— Прием! Кассиопея, ты меня слышишь?

— Да, — подтвердил голосок.

— Я иду.

— Ты это только что говорил.

Тан промолчал. Для него это «только что» показалось вечностью.

— Так я иду.

Однако Тан продолжил путь не сразу. Проглотив таблетку сухой воды, он позволил себе немного посидеть. Когда дыхание вновь стало ровным, Тан взял шлем, выжег короткими импульсами оба воздушных фильтра, протер стекло и, морщась от отвращения, надел шлем на голову. Шлем перестал быть надежной защитой, но он был нужен Тану как средство связи. Тан не имел права остаться без шлема.

А потом был нескончаемо долгий путь через лес. Тан расчищал себе дорогу ножом, изредка пуская в ход — он экономил боекомплект — бластер. Вытягивая из грязи ноги, Тан шагал вперед с упорством маньяка, который не остановится ни перед чем, чтобы достичь цели. В этом был весь Тан О'Брайен. Дважды ему пришлось отбиваться от тварей. Один раз это была громадная, толщиной с бревно, змея, а другой усыпанное иглами шароподобное существо. Змею Тан разрезал на

куски выстрелами из бластера, от второго врага избавился с помощью гранаты. Он несколько раз глотал воду и истратил ракету, которую девочка, как и в первый раз, не заметила.

Лес постепенно менял облик. Он утратил былую монолитность. Стали встречаться прогалины, что радовало Тана, и болотца, вызывавшие противоположную реакцию. В одном из них, замаскировавшемся мшистым покровом, Тан ухитрился завязнуть, и ему пришлось потратить немало усилий, чтобы выбраться на твердую землю.

Тан продолжал идти, надеясь, что приближается к цели. По истечении четырех часов он выпустил еще одну ракету. Безрезультатно. Девочка не заметила ее…

Касси пела песенку. Тан сам попросил ее об этом. Он сидел в полном изнеможении на корне гигантского дерева, лениво изучая физиономию причудливо раскрашенного гада, раздумывающего, напасть или нет на странное существо, примостившееся на отдых под его гнездом. Девочка пела смешную песенку про кролика, ушастого зверька, видеть которого не приходилось ни ей, ни Тану. Кролик был глуповат и труслив, но удачлив, а потому неизменно ускользал от своих

врагов. Тан подумал, что удачливость кролика не помешала бы ему. В этот миг гад бросился вниз, и Тан прострелил ему голову. Наблюдать за агонией бьющегося в муке гада было не слишком приятно, поэтому Тан поспешил подняться и пошел вперед. Начал накрапывать мелкий дождик. Влага пропитывала ошметки грязи, покрывавшие скафандр, и те отваливались прочь. Вскоре скафандр вернул, точнее, почти вернул прежний, щегольской вид, но Тан даже не обратил на это внимания.

Дождь кончился, посветлело. Тан разглядел впереди смутный силуэт горы. Он был почти у цели. В небо ушла очередная ракета, но Касси не увидела ее. Осталась всего одна. Тан ускорил шаг. Он устал. Борьба с топкой почвой, с переплетениями лиан и тварями отнимала слишком много сил. Тан чувствовал себя разбитым и опустошенным. Он сделал все, что мог, однако по–прежнему был далек от цели. Остановившись в очередной раз передохнуть, Тан внезапно подумал, что у него не хватит сил вернуться назад. Это не испугало его, а, напротив, вызвало нечто вроде злорадного удовлетворения.

— Так тебе и надо, идиот! — пробормотал Тан, адресуясь к самому себе. — Не будешь в следую-

щий раз лезть куда не надо!

Вскоре гора приблизилась настолько, что Тан мог рассмотреть ее очертания. Серая, с багровыми прожилками; правый склон более крут, чем левый. Все именно так, как описывала девочка. Тан извлек ракетницу с последней ракетой. Его руки чуть дрожали, когда он нацеливал ствол в небо. Не от волнения, нет — от усталости. Отдача толкнула руку. Красная трасса просекла кроны деревьев и исчезла. И в этот миг он услышал ликующий девичий голосок.

— Я вижу ее! Вижу!

Тан так устал, что воспринял это сообщение почти равнодушно. Он лишь спросил:

— Где ты?

— Так… — протянул голосок, очевидно, прикидывая, как бы получше объяснить. — Ты должен взять градусов на двадцать левее. Это совсем недалеко.

— Конечно! — пробормотал Тан О'Брайен. Настроив магнитометр, Тан, шатаясь, побрел в указанном направлении. Однако он успел сделать лишь несколько шагов, когда магнитометр подал сигнал, сообщая о присутствии металла. Тан замер. Металл означал человек; человек, находившийся вне корабля, означал лишь одно

— засада. Враг мог быть один, врагов могло быть несколько. Это не меняло суть дела. Количество недругов никогда не волновало Тана О'Брайена. Он действовал одинаково спокойно, имея дело с двумя и двадцатью противниками. Лет десять назад на Лербене Тану пришлось выдержать бой против целой когорты звездных гвардейцев. Тогда он убил семерых и ушел, не получив даже раны, хотя правительство поспешило объявить о его гибели. Буквально через пару дней Тан развеял счастливое заблуждение граждан Пацифиса, расстреляв прогулочный катер. Так что количество врагов его мало смущало. Но девчонка! Как ловко она провела его. Тан не на шутку разозлился. Ничего, он поквитается. Сначала — с ее друзьями, а потом — и с самой маленькой стервой.

Тан лег на землю и пополз, забирая левее источника металла. В уши вонзился звонкий голосок.

— Ты идешь?

— Иду… — прошипел Тан.

— А почему ты говоришь шепотом? — также понизив голос, спросила маленькая притворщица.

— Скоро узнаешь. — Голос Тана обратился в пилюлю яда, облитую патокой. По неопытности девочка различила лишь патоку.

— Я жду тебя. Очень, очень жду!

Тан ухмыльнулся.

Стрелка магнитометра смещалась ужасно медленно. Тан терпеливо полз, утопая в грязи, полз до тех пор, покуда не очутился за спиной у тех, кто его поджидали. Тогда он поднялся и, пригнувшись, быстро побежал вперед.

Зрелище, представшее его глазам, вряд ли можно было отнести к разряду приятных. В грязи, почти полностью увязнув в ней, лежали два трупа, точнее, то, что от них осталось. Можно было подумать, что убийца работал большой теркой, поочередно сняв с жертв одежду, кожу, мясо и раздробив кости. От голов остались лишь жалкие ошметки — месиво волос, крови и белых сгустков мозга, в которых копошились ленивые жирные черви. У одного из трупов отсутствовали ноги, у другого была оторвана рука, а в уцелевшей был зажат бластер. Борясь с подкатившей к горлу тошнотой, Тан нагнулся и подобрал окровавленный, лишенный естественного цвета клочок одежды. Судя по фактуре ткани, это был кусок летнего комбинезона. Только самоубийца мог додуматься до того, чтобы отправиться в этот лес будучи одетым подобным образом. Отец и дядя Касси вряд ли были самоубийцами, они были

самоуверенными недотепами. Тан вынул из окостеневшей руки мертвеца бластер, сунул его за пояс и пошел прочь. Ему надлежало спешить…

Корабль вырос из месива тумана и зарослей, словно призрак. Это был легкий космогруз старой постройки, какие уже редко встретишь на трассах. Посадка вышла не очень удачной. Корабль потерял одну из несущих опор и свалился набок. При падении были повреждены дюзы. Крайние превратились в груду искореженного металла, и лишь та, которая была в центре, уцелела и теперь сиротливо взирала на вышедшего из лесной чащи человека огромным черным зраком. То, что лежало перед Таном, уже не было кораблем, а мертвой неподвижной грудой, которой никогда не увидеть горячего блеска звезд. Прислонившись к шершавой, обглоданной космическими ветрами поверхности, Тан стащил с головы шлем и устало сообщил:

— Я здесь.

Услышав это, голосок издал нечленораздельный радостный вопль. Тану пришлось потерпеть, прежде чем он дождался связного ответа.

— Сейчас я открою дверь.

— Валяй, — сказал Тан. Он чувствовал себя совершенно разбитым. Входной люк упавшего

корабля находился метрах в пяти от поверхности планеты, и Тан не представлял, как сумеет попасть внутрь. Однако, оказывается, девочка предусмотрела это. Ржаво заскрипел гидравлический запор, и из отверстия показалась радостно улыбающаяся физиономия.

— Держи!

С этим криком девочка бросила вниз веревку, испещренную по всей длине узлами. Тан сдавленно кашлянул. Усопшие родственнички при жизни, видно, были ловкими ребятами, Тан же не был уверен, что ему удастся подняться по этой штуковине. Но он не выдал своих сомнений, а лишь спросил:

— А она выдержит?

Девочка широко улыбнулась, сверкнув зубами.

— Лезь, не бойся! — И со смехом прибавила: — Ух, какой ты грязный!

— Какой есть, — пробормотал Тан, нерешительно берясь за первый узел.

Вопреки его опасениям подъем оказался не таким сложным, как представлялось. Прошло совсем немного времени, и Тан очутился в рубке. Теперь он мог наконец–то рассмотреть ту, которая доставила ему столько хлопот. Девочка понравилась Тану, хотя он ни за что не сознался

б в этом. Она не была красавицей, но у нее было живое, испещренное крохотными веснушками личико, зеленые глаза и, что особенно подкупило Тана, роскошные рыжие волосы, пышной волной спадавшие на спину. Примерно такие должны были быть у дочери Тана, если б такая существовала на свете — ослепительно яркий солнечный нимб.

Девочка рассматривала гостя с неменьшим любопытством и чисто детской бесцеремонностью. Вначале потрепанный облик Тана смутил ее. Наверно, потому она представилась с важностью, под которой пыталась скрыть легкий испуг перед незнакомцем:

— Кассиопея.

У Тана О'Брайена хватило ума, чтобы брякнуть коротко:

— Тан.

На этом он посчитал, что сцена знакомства завершена, и с размаху шлепнулся задом на боковую переборку, превратившуюся вследствие падения корабля в пол. Иных комментариев не потребовалось, вид Тана говорил сам за себя. Девочка вспомнила о своих обязанностях хозяйки и принялась усердно ухаживать за долгожданным гостем.

Для начала она принесла воды, и Тан смог вымыть залепленную грязью физиономию. Затем он избавился от скафандра и натянул легкий комбинезон. Кассиопея в этот миг тактично вышла из рубки, чтобы тут же вернуться с подносом, на котором стояли дымящиеся тарелки.

— Автоматическая кухня вышла из строя. Я готовила это сама. Попробуй.

Тан одобрительно кивнул головой. Ему пришлось по душе, как его встречали. Правда, еду гость попробовал не без опаски, однако неожиданно нашел ее вкусной.

— Мне нравится.

Длинные ресницы недоверчиво моргнули.

— Правда?

— Честное слово! — подтвердил Тан и вдруг подумал, что ему следовало б так сказать, даже будь это ложью.

Кассиопея расцвела и стала просто очаровательной. Тан почувствовал, что ему хорошо.

Он доел все до последней капли, после чего Кассиопея забрала поднос и принесла две чашки. Кока! Тан слегка скривился, но промолчал. Кофе достаточно дорог, вряд ли он по карману простым космогрузникам.

Тан решил схитрить.

— Подай мне, пожалуйста, вон тот контейнер. — Он указал пальцем на аптечку.

— Что в нем?

— Лекарства.

Девочка послушно исполнила просьбу, а Тан тем временем выплеснул коку за приборную панель. Когда Кассиопея повернулась к нему, Тан улыбался. Он продолжал улыбаться, смазывая раны на лице, хотя прикосновение антисептиков и заживляющей мази вызывало саднящую боль. Покончив с этой мало приятной операцией, Тан попросил зеркало и тут же получил его.

— Смотри на мое лицо.

Это было и впрямь чрезвычайно эффектное зрелище. Ссадины и порезы заживали буквально на глазах, и очень скоро Тан смог подмигнуть своему отражению — целехонькому, без единой отметины.

— Здорово? — спросил он, поднимая глаза на девочку.

— Здорово, — согласилась она, и Тан увидел направленный прямо ему в лоб бластер. Кассиопея держала несоразмерно большое для нее оружие двумя руками, сомкнув пальцы с такой силой, что они побелели от напряжения. Веснушчатое лицо выражало решимость.

— Ты что? — спросил Тан, прикидывая, сможет ли дотянуться до бластера в броске ногой.

— Ты Тан О'Брайен.

— Ну и что? — Тан заставил себя расслабиться.

— Ты подлец и убийца.

— Да, — сказал Тан, хотя подтверждения и не требовалось.

— Я должна убить тебя!

— Почему?

— Иначе ты убьешь меня.

«Железная логика», — подумал Тан и с усмешкой заметил:

— Тогда ты останешься здесь и умрешь. Никто не сможет вытащить тебя из этого леса.

Сказав это, Тан зевнул и скосил глаза в сторону. Взгляд Кассиопеи машинально последовал за зрачками Тана, бластер дрогнул. В тот же миг Тан выбросил вперед ногу и легким тычком выбил оружие из маленьких ручек. Вскочив, он грубо запустил пальцы в роскошную рыжую копну, приблизил свое наводящее ужас лицо к дрожащему детскому личику и прорычал:

— Да, я убийца и насильник Тан О'Брайен! Некоторые в вашем мире любят называть меня Космическим Негодяем! Да, я негодяй! Но я пришел спасти тебя! Сопливая дурочка!

Тан отшвырнул Кассиопею прочь и тяжело опустился на пол, так и не удосужившись подобрать бластер. Казалось, опасность быть убитым совершенно не волнует его. Девочка то ли поверила словам Тана, то ли была испугана. Так или иначе, но она не предпринимала больше попыток овладеть оружием. Она забилась в угол, образованный переборкой и приборной панелью, и затихла, настороженно разглядывая рассерженного гостя. А Тан, по правде говоря, был очень недоволен тем, как повернулись события. Быть может, впервые в жизни Тану О'Брайену захотелось отречься от своей кровавой славы и стать обычным космогрузником, каким был его отец.

Молчание длилось довольно долго. Наконец Тан не выдержал.

— Нам надо идти, — сказал он и, пересилив себя, посмотрел на девочку. Та отрицательно покачала головой.

— Я не пойду.

Тан взорвался.

— Какого черта в таком случае я шел сюда?!

Кассиопея пожала тоненькими плечами. Ее взгляд был чист. Тан смущенно кашлянул.

— Ладно, не дури. Нам надо до ночи добраться до моего корабля.

— Я же сказала, что не пойду! Я боюсь тебя.

— Дура! — рассвирепел Тан. — Если бы я хотел причинить тебе зло, я давно б сделал это. Но я действительно хочу помочь тебе. Ради этого я шел сюда целых пять часов и едва не лишился головы. И вместо благодарности я должен выслушивать этот дурацкий лепет!

— Я не пойду, — повторила Кассиопея, тут же прибавив: — Хотя бы потому, что уже смеркается.

Замечание было дельным. Тан задумчиво потер щетинистый подбородок.

— Хорошо, тогда отправимся в путь на рассвете. Согласна?

— Почти.

— Что значит почти?!

— Ты забыл, что я не доверяю тебе.

Тан схватился руками за голову.

— Что же я должен сделать, чтобы ты поверила?! Перерезать себе шею?!

— К чему такие крайности? — Маленькое личико усмехнулось, — Достаточно, чтобы ты дал мне это. — Кассиопея указала пальчиком на валяющийся рядом с Таном бластер.

Отказать было невозможно. Тан лишь пробормотал:

— Это мой. Я дам тебе другой.

Он потянулся к скафандру и в этот миг вспомнил, кому принадлежал второй бластер. Рука сама собой отдернулась прочь. Немного помедлив, Тан решил:

— Ну хорошо, бери этот.

Кассиопея не заставила себя уговаривать. Моментально выбравшись из своего убежища, она подобрала оружие. Это был щекотливый момент. Зрачок бластера застыл в сомнении. Тан прекрасно понимал, что девочка еще не отказалась от намерения прикончить его. И тогда он сказал, пряча тревогу под маской напускного безразличия:

— Только будь поосторожней, эта штука иногда стреляет.

Небрежно брошенная фраза положила конец колебаниям девочки. Она кивнула и сунула оружие в гнездо на поясе. Тан облегченно выдохнул. Вопрос о вечном был разрешен. Теперь можно было подумать о более суетном.

— Где мы будем спать? Нам надо хорошо выспаться.

— Здесь. Я сейчас принесу пенолежаки.

Не сводя с Тана опасливого взгляда, девочка направилась к двери. Едва она вышла, Тан запу-

стил руку под скафандр, извлек бластер и быстро осмотрел его. Боекомплект был почти полон. Это слегка успокоило Тана. В случае чего он успеет выстрелить первым. В рубку долетел отзвук легких шагов. Тан поспешно вернул бластер на прежнее место и придал лицу беззаботное выражение.

Кассиопея принесла два пенолежака. Один из них она отдала Тану, на второй, пристроив его в противоположном конце рубки, улеглась сама. Тан слегка обиделся, но ничего не сказал. Пожав плечами, он последовал примеру девочки.

Мягко вползали сумерки, наполняя корабль чернотой. Тан сомкнул глаза и мгновенно отключился. Ему приснился чудесный цветной сон, будто бы он сидит на яблоне, сплошь покрытой солнечными спелыми яблоками, и разговаривает с веселым рыжим кроликом. А потом кролик вдруг подергал Тана лапкой за плечо и сказал:

— Мне страшно.

Издав страдальческое мычание, Тан разлепил веки. Девочка лежала рядом, ее теплое дыхание обдавало щеку.

— Мне страшно, — вновь сказала она.

Тан с трудом подавил зевок.

— Не бойся. Я с тобой.

Сон ушел. Тан лежал, тупо уставив глаза в нераз-

личимую в темноте переборку, и с раздражением думал о том, что наверняка не выспится, а значит, рефлексы будут замедлены, что не очень хорошо, учитывая скверный характер леса. Девочка, судя по всему, заснула, прижавшись к своему спасителю худеньким тельцем. Едва Тан подумал об этом, как тоненький голосок спросил:

— Ты спишь?

— Почти, — ответил Тан.

— Расскажи что–нибудь.

— А что?

— Что хочешь.

Тан задумался. Он мог рассказать про грабежи на Катанре и Тропше, дерзком налете на особняк Дорманна, первого богача Белонны, про резню, которую учинил на Толимисе. Тан мог рассказать про блеск звезд и долгие скитания по галактикам, а также про кровь, боль и ужас. Но он не хотел, чтобы часть его жестокого «я» вселилась в рыжее существо, доверчиво примостившееся у него под боком. Поэтому Тан принялся рассказывать о своем детстве, об отце, которого почти не знал, о матери, которую почти не помнил, о своем любимце Маслике и старом деревянном доме, в котором он прожил так много лет. Он рассказывал о чарующих глаз закатах, о купаниях в

ледяной воде горного ручья, о своих проказах и, поощренный ее веселым смехом, о детских мечтах. Неожиданно для себя Тан обнаружил, что помнит их, и он говорил о них с упоением. Он рассказывал долго, уже не для нее, для себя. Он вспоминал лица друзей и той, что подарила ему первый, такой сладкий поцелуй. Он ощущал его наяву, как и запах малинового варенья, которое варили в их доме летними вечерами. Это было славное время, Тан совершенно забыл о нем.

Наконец он умолк.

Похвала Кассиопеи звучала искренне.

— Здорово! — сказала она. — Мне ни за что бы так не рассказать. Слушай, Тан, а ты вовсе не такой страшный, как о тебе рассказывают.

Тан О'Брайен беззвучно усмехнулся. Эта малютка его плохо знала.

— Я страшный, — сказал Тан. — Но только не с тобой.

— А ты и вправду убивал?

— Еще сколько!

— И измывался над женщинами?

Тану почудилось, что его щеки слегка покраснели. Впрочем, темнота скрывает краски.

— Иногда.

— А зачем?

Тан не нашелся, что ответить. Маленькая чертовка загнала его своими вопросами в угол. Правда, Тан все же сумел выкрутиться, хотя использовал при этом не очень честный прием.

— Ты задаешь не детские вопросы.

Как он и рассчитывал, Кассиопея оскорбилась.

— А я и не ребенок! — сказала она с тем очаровательным пафосом, который присущ взрослеющим детям. — Я уже большая.

— Конечно, большая, — поспешил согласиться Тан. — Послушай, большая, завтра у нас будет трудный день, и нам надо как следует выспаться. Давай отложим все разговоры на потом.

— Ладно, — не стала спорить Кассиопея, хотя в ее голосе можно было различить недовольство. — Будь по–твоему — давай спать.

Она немного повозилась, устраиваясь поудобнее, и внезапно спросила:

— Послушай, Тан, а у тебя есть дети?

— Нет, — ответил Тан. — Спи.

— И девочка заснула, доверчиво устроив голову на плече Тана. И прошло много времени, прежде чем заснул он…

Ночь сблизила их, день вернул толику прежней разобщенности. Наступило утро, и Кассиопея вновь бросала на Тана косые взгляды, а Тан испы-

тывал горячее желание отобрать у нее бластер. Ему стоило большого труда сдержать себя.

Они наскоро позавтракали, после чего Тан принялся объяснять девочке, что она должна и что не должна делать, когда окажется в лесу.

— Запомни, лес наш враг! Мы должны обхитрить его! — подытожил свою краткую речь Тан.

Как и накануне, его терзало чувство досады. Но сейчас Тан злился не на себя, а на папашу Касси, не удосужившегося раздобыть для своей дочки прочный скафандр. Лес не уважал людей, одетых в комбинезоны. Кое–кто уже имел несчастье убедиться в этом на собственной шкуре. Немного поколебавшись, Тан подозвал Касси и протянул ей свои доспехи.

— Одень это.

Как он и предполагал, девочка заупрямилась.

— Зачем еще это?

— А я говорю одень!

Уперев кулачки в бока, Кассиопея с вызовом заявила:

— Он мне велик!

— Ничего, — Тан не собирался сдаваться, — я подгоню его.

Как Касси ни сопротивлялась, ей все же пришлось натянуть на себя изрядно потрепанный

скафандр. Водрузив на рыжую головку шлем, Тан оглядел дело своих рук и остался доволен.

— Сойдет.

Сам он ограничился тем, что набросил на плечи прорезиненную накидку. Она должна была защитить от дождя, а в случае чего и от клыков, если они, конечно, будут не очень велики. Теперь оставалось лишь покинуть корабль, но прежде чем уйти, Кассиопея пожелала проститься со своим домом. Тан прекрасно понимал ее состояние. Он и сам был сильно привязан к собственному рейдеру. Случись вдруг нечто подобное… Тан просто не мог представить себе, как он будет покидать корабль. Впрочем, Тан О'Брайен надеялся уйти первым. Человеческий век короток. Тан размышлял на эту грустную тему до тех пор, пока Кассиопея не вернулась. Как девочка ни прятала лицо, Тан ухитрился заметить, что глаза ее красны.

Наконец они спустились на землю и двинулись вперед. Шествие открывал Тан. Он внимательно смотрел по сторонам, то и дело останавливаясь и сверяясь с показаниями радара. Следом шлепала по грязи Кассиопея. Несмотря на все ухищрения Тана, скафандр висел на ней мешком, отчего девочка походила на неуклюжую мягкую игруш-

ку, глядя на которую Тан не мог удержаться от улыбки.

День встретил путников вчерашней хмарью. Небо тонуло в туманных облаках, нависающих над самыми кронами деревьев, грязь противно хлюпала, зеленая стена становилась все плотнее. Тан шел быстро, быть может, несколько быстрее, чем следовало б. Поначалу Касси не уступала, но вскоре устала и начала отставать. Тогда Тан, ушедший немного вперед, подождал ее и, невзирая на робкое сопротивление, взял за руку, машинально отметив, что в другой руке девочки покоится бластер. Впрочем, Тан также держал свою пушку наготове.

Первую часть пути они проделали без приключений. В известном месте магнитометр издал писк, и Тан потащил девочку вправо. Ей вовсе незачем было видеть то, что осталось от отца и дяди. Миновав место трагедии, Тан углубился в чащу и вскоре обнаружил свои следы, которые оставил, идя к кораблю. Ступая по ним, путники очутились на полянке, где Тан пристрелил гада.

— Передохнем?

Девочка отрицательно покачала головой. Тан наклонился и, различив тяжелое дыхание, снял с ее головы шлем. Лоб и веснушчатые щеки были

сплошь покрыты бисеринками пота.

— Передохнем! — решил Тан и первым уселся на поваленное дерево. Скорчив недовольную мину, Касси устроилась рядом. Тан сунул ей таблетку воды, после чего внимательно огляделся. Вокруг маячила зелено–блеклая стена тумана и леса. Гора, на которую ориентировался Тан, разыскивая корабль, исчезла. Они прошли примерно треть пути. Оставалась самая трудная часть.

— Как дела, Касси? — бодро спросил Тан. Девочка через силу улыбнулась. — Все будет нормально. Еще немного — и мы окажемся на моем корабле. Не грусти.

Касси улыбнулась вновь, на этот раз чуть веселее.

— Вот так–то лучше! — подытожил Тан. Он поднялся и, манерно изогнувшись, протянул девочке руку. — Как мне ни прискорбно вам это сообщать, мадемуазель, но нам надлежит продолжить путь!

И они пошли дальше…

Стал накрапывать дождик. Волосы Тана моментально намокли, по лицу потекли жирные холодные струйки. Вскоре Тан ощутил озноб. Прогулка по лесу грозила завершиться хорошенькой пневмонией. Но это было полбеды. Куда хуже

было то, что пелена, застилавшая путь, стала намного гуще. Теперь Тан мог различить дорогу не более чем на двадцать шагов перед собой. И ему, право, не хотелось думать о том, что может твориться сзади. Там могло твориться что угодно! Тан старался держаться спокойно, но его напряжение не укрылось от Касси. Словно откликаясь на тайные мысли Тана, она начала оглядываться, невольно сбиваясь с шага, и тогда Тан недовольно дергал ее за руку. Они шли довольно долго, прежде чем Тан сжалился над своей спутницей.

— Ладно, передохнем.

Здесь не было подходящего дерева, и путники уселись прямо в липкую грязь. Достав пару таблеток, Тан дал одну из них девочке, а вторую проглотил сам. Уставшие члены гудели, в ушах не затихал звук шагов. Шлеп–шлеп. Тан раздул щеки и резко выдохнул, надеясь, что это поможет избавиться от наваждения. Шлеп–шлеп. Что–то ненормальное, — подумал Тан.

— Касси, ты слышишь шаги?

— Да, — тихонько ответила девочка.

Прикусив губу, она глядела на Тана. В ее глазах метался ужас.

— Кто–то идет за нами, — стараясь выглядеть спокойным, проговорил Тан. — Но ничего, мы

устроим ему роскошную встречу.

Шлеп–шлеп!

Жестом велев Кассиопее спрятаться за дерево, Тан встал за другое. Шлепающие звуки приближались. Тан посмотрел на девочку и вдруг весело подмигнул. Непритворно весело — Тан любил поиграть в кошки–мышки, особенно когда мы–шка–Тан обращалась в Тана–кошку. Нечто подобное должно было произойти и сейчас.

Шлеп–шлеп!

Шаги звучали совсем близко, уже на границе туманной пелены. Тан понял, еще миг — и он увидит загадочное существо. И он не ошибся.

Шлеп–шлеп!

Преследователь показался из тумана. Тан был готов ко всему, но явившееся его глазам превзошло самые мрачные ожидания. Это было нечто, гротескно напоминающее человека, но многократно превосходящее его размерами. Тварь величиной с прогулочный катер! Существо имело две бревноподобные ноги, две такие же руки и громадный, поросший черным волосом торс. Посреди уродливо–маленькой головы горело алым единственное око, расположенное чуть выше зубастой пасти. Тварь сделала несколько шагов и замерла, принюхиваясь. Тан отчетливо видел,

как шевелятся отверстия ноздрей. На размышления времени не оставалось. Вскинув бластер, Тан поразил тварь точно в глаз. Тут же раздался еще один выстрел. Это открыла огонь Касси. Посланный ею импульс вонзился чудовищу в грудь.

Существо явно не ожидало нарваться на подобный прием. Заревев, оно обхватило лапами морду, после чего кинулось прочь и исчезло в тумане. Какое–то время были слышны истошные вопли, но вскоре лес поглотил их. Тан опустил оружие и улыбнулся Касси, подумав, что все закончилось вполне благополучно.

Однако он ошибся. Беглецы успели пройти совсем небольшое расстояние, когда шлепающие звуки возобновились. Только теперь они напоминали часто выбиваемую барабанную дробь.

Шлеп–шлеп! Шлеп–шлеп! Шлеп–шлеп!

Судя по всему, тварь созвала сородичей, и те начали охоту. Необходимо было оторваться от преследователей, и Тан перешел на бег. Кассиопея не поспевала за ним, и Тану пришлось тащить ее за руку. Был миг, когда в его сердце закралась мерзкая мыслишка бросить девчонку и подумать о спасении собственной шкуры. Тан не сомневался, что в одиночку сумеет оторваться от монстров. Но вместо этого Тан взял Касси на руки.

Бежать стало намного тяжелей, но теперь они продвигались быстрее, чем прежде. Тану даже почудилось, что им удалось оторваться от тварей. Он замедлил шаг, а затем и вообще остановился, настороженно прислушиваясь. Какое–то время стояла тишина. Однако вскоре в нее вкрадчиво вплелись знакомые звуки.

— Шлеп–шлеп!

Тан тяжело перевел дух и тут же поймал на себе испытующий взгляд Касси. Шлем с ее головы исчез, рыжие волосы перепутались и смешно торчали во все стороны. Касси часто дышала, но не выглядела испуганной.

— Где твой шлем? — буркнул Тан, чтобы сказать хоть что–то.

Шлеп–шлеп.

Девочка надула пухлые губки.

— Я его бросила, тебе было тяжело.

Тан хотел выругаться, но сдержался и лишь сказал, стараясь, чтобы в его голосе была укоризна:

— Теперь нахватаешь в волосы всякой дряни.

— Ничего. — Касси совершенно не удивилась тому, что в такую минуту Тан ни с того ни с сего вдруг завел разговор о ее волосах. — Когда мы придем на твой корабль, я расчешу их.

Тан скверно ухмыльнулся.

— Если, конечно, придем. Ну–ка, сделаем вот что…

Порывшись в гнездах, Тан извлек из одного из них тонкую металлическую струну и, продев сквозь кольцо плазменной гранаты, ловко натянул ее поперек тропы. Затем он схватил тонкую ручку и потащил девочку вглубь леса, бормоча:

— Взрыв собьет этих тварей со следа, а вот с тропой нам придется распрощаться. Но ничего! По моим расчетам, нам осталось совсем немного. Потерпишь?

Касси кивнула.

Заросли стали густыми, Тан О'Брайен был вынужден пустить в ход нож. Девочка шла сзади, прикрывая Тану спину. Взрыв и раздавшиеся следом крики боли развеселили их. Тан с гоготом поднял вверх указательный палец, приветствуя этот маленький успех, тоненький голосок Касси вторил ему.

Потом они затаились, прислушиваясь, не донесутся ли из пелены тумана знакомые мокрые звуки. Однако замысел Тана оправдал себя. Плазменное облако сбило тварей со следа. Возможно, они продолжали свою погоню по тропе, возможно, отказались от преследования и повернули назад. Тана это не интересовало. Главное, его

слух не различал больше в тихом безмолвии леса шелеста скользко булькающих шагов — шлеп–шлеп.

Убедившись, что чудовища больше не угрожают им, Тан вновь принялся за работу. Он рубил поросль как заведенный, но нож в этом невообразимом переплетении растений был плохим помощником. Эх, вот если бы у него был огнемет! Тан воткнул нож в землю и посмотрел на свои ладони. Так и есть — стерты до крови. Немного поколебавшись, Тан извлек из гнезда бластер. Работа пошла быстрее, но боекомплекта хватило ненадолго. Пискнув, бластер затих. Жертвовать вторым Тан не решился и потому вновь взялся за нож.

Он рубил жесткие стебли с яростным ожесточением, время от времени, сам того не замечая, бормоча под нос ругательства. Девочка долго молчала, но в конце концов не выдержала.

— Разве можно так говорить?!

Тан к этому времени вполне созрел для того, чтобы выплеснуть переполнявшее его раздражение. С размаху вонзив нож в пупырчатую поверхность ствола, он повернулся к маленькой стерве и заорал:

— Черт побери! И зачем я только ввязался в это

дерьмо?! Летел бы сейчас спокойненько на Солл и попивал бы кофе. Да на черта ты мне сдалась! Отвратительное маленькое существо!

Блеснув у самого уха Тана, импульс растворился в сплетении крон. Тан О'Брайен побледнел от ярости.

— Да как ты посмела?!

Опустив дуло бластера к земле, девочка спокойно прокомментировала:

— Еще немного — и он прыгнул бы на тебя.

Тан медленно повернул голову. Позади него, корчась в конвульсиях, издыхала тварь с такими огромными когтями, от вида которых по коже Тана пробежали скользкие пупырышки. Тан кашлянул и скосил глаза на Касси. Ему было неловко.

— Спасибо. Ты спасла мне жизнь.

— Ничего, ведь ты тоже обещал спасти мою.

Выяснение отношений окончилось само собой. Тану не оставалось ничего иного, как взяться за нож и продолжить работу. Он прекрасно изучил повадки леса и выбирал хотя и трудный, но зато наиболее безопасный путь. Тан не хотел рисковать жизнью девочки, как, впрочем, и своей. Однако неугомонный характер Касси едва не привел к беде…

Лужайка выглядела совершенно безобидной. Да, он красив и привлекателен, этот мягкий зеленый мох, но под ним таится смерть. Тан знал об этом и двинулся в обход. В этот самый миг Кассиопея решила проявить инициативу и шагнула вперед. Она думала сократить путь, а заодно утереть нос своему всезнающему путнику. Тан заметил это движение слишком поздно, чтобы успеть остановить ее. Кассиопея сделала всего шаг и оказалась по пояс в зловонной вязкой жидкости. Закричав от страха, девочка начала дергаться, пытаясь освободиться. Это привело к тому, что она увязла еще глубже.

У Тана не было времени на раздумия. Промедли он хоть одно мгновение — и болото совершенно овладело б своей добычей. Тан не колебался и с разбегу прыгнул вперед, прямо в грязь. Он шлепнулся рядом с Касси и тут же увяз.

Холодное липкое месиво цепко обхватило тело, проникая в каждую его пору. Отчаянно матерясь, Тан принялся тащить девочку вверх, сам при этом увязая все глубже и глубже. Трясина долго сопротивлялась его отчаянным усилиям. Она выпустила свою жертву лишь тогда, когда убедилась, что уже овладела второй. Охнув от натуги, Тан вытолкнул девочку на сухое место. Бросок

обошелся ему дорого — грязь расступилась, и Тан увяз в ней по самые плечи. Это был как нельзя более подходящий момент, чтобы подумать о суетности жизни. Тупо наблюдая за мечущейся у кромки трясины Касси, Тан со странным любопытством ощущал, как неведомые путы тянут его вниз, к омерзительной, припахивающей гнилью смерти. Грязь уже коснулась рыжего щетинистого подбородка, когда Тан очнулся и разразился бранью. Непристойная фраза оказала благотворное воздействие на девочку. Оправившись от шока, Кассиопея начала действовать, да еще как начала! Быть может, она поступила не очень разумно, срезав импульсом громадное дерево, но, к счастью, оно миновало голову Тана, упав впритирку с его правым плечом. Космический Негодяй не преминул приветствовать это событие новым взрывом ругани, перемешанной с набившейся в рот грязью.

Дерево было мокрым и скользким. Тану стоило громадных усилий сначала крепко ухватиться за него, подтянуться и, наконец, вытолкнуть тело наверх, после чего медленно переползти на сухое место. Шлепнувшись в изнеможении на землю, он дал волю эмоциям. Он ругался долго и со вкусом, ругался до тех пор, пока не заметил мокрые

дорожки, блестящие на девичьих щеках. Тогда он замолчал и притянул рыжую головку к своей груди. Кассиопея горько рыдала, а Тан медленно гладил ее спутавшиеся волосы. Он не говорил ни слова, хотя ему было о чем сказать. Ведь в этот миг Тан О'Брайен вдруг осознал, что ему хорошо — так хорошо, как не было еще никогда. Тан едва не заплакал сам, но сдержался; он не выносил слез. Дав Касси выплакаться, Тан бережно отстранил ее головку и неожиданно для себя чмокнул перепачканную грязью веснушчатую щечку.

— Все будет хорошо. Нам пора идти.

— Может быть, посидим еще немного, — попросила Касси и, превозмогая гордость, призналась: — Я не могу идти. Ноги не слушаются меня.

— Ничего. Скоро мы очутимся на корабле, и я отвезу тебя на свою планету. Там много солнца, море и самые прекрасные цветы, какие только существуют на свете. Ты любишь цветы?

— Да. А ты?

— Я? — Вопрос застал Тана врасплох. — Не знаю. Наверно, люблю.

— А какие?

— Колючки, — брякнул Тан и тут же, пожалев о глупой шутке, поправился: — Колючие, как их… Розы!

— И я подарю тебе огромный букет роз! — мечтательно протянула Кассиопея.

— Это будет восхитительно! А сейчас пойдем.

Тан О'Брайен взял девочку на руки, и они продолжили путь…

Шериф Люне поджидал Космического Негодяя на выходе из леса. Не успел Тан моргнуть глазом, как в его грудь смотрели с десяток бластеров. Но это был Тан О'Брайен, а значит, его замешательство продолжалось всего миг, а в следующий Тан уже держал в одной руке нож, а другая обхватывала тоненькую шейку Касси. Тан нагло ухмыльнулся, видя, как торжествующая улыбка сползает с лица шерифа.

— Пропусти меня к кораблю! — потребовал Тан.

Люне отрицательно качнул головой.

— Я перережу ей глотку!

Шериф так же безмятежно кивнул, на этот раз соглашаясь. Пальцы Тана ощущали, как трепещет в ужасе тоненькая нежная шейка. И он понял, что побежден. Понял это и шериф.

— Ты проиграл, Тан О'Брайен! Я поймал тебя.

В голосе шерифа не было подлинного торжества, а лишь странная тоскливая усталость. И Тан тоже почувствовал себя уставшим. Выпустив из

руки нож, он легонько оттолкнул от себя Касси и едва нашел в себе силы рассмеяться.

— Вяжите, сволочи. Ваша взяла…

Тан О'Брайен летел на Соммету, где должен был состояться суд, на борту собственного рейдера, того самого, что целых двенадцать лет черной стрелой терзал дряхлое тело Пацифиса. Только теперь руки Тана были скованы, а левую ногу обнимала цепь, другой конец которой врезался в переборку. Его хорошо кормили и не докучали душеспасительными разговорами. Лишь перед самой посадкой в каюту вошел шериф Люне. Он выглядел весьма мрачным, хотя и попытался придать голосу веселость.

— Как видишь, я обещал поймать тебя, Тан О'Брайен, и я сдержал свое обещание.

Тану не хотелось спорить, но он не мог промолчать.

— Тебе просто повезло. Если б не эта девчонка…

— Если бы я не знал тебя… — многозначительно протянул шериф.

— О чем ты? — поинтересовался Тан.

— Да ты так ничего и не понял, Тан? Здесь не было никакой случайности. Не было никакой аварии, не было никаких погибших родителей.

Была лишь маленькая девочка, спасти которую должен был Тан О'Брайен.

— Не вкручивай мне мозги, коп! — Тан усмехнулся. — Я сам видел два изуродованных трупа.

Шериф Люне прикурил черную витую сигару.

— Биомуляжи. Это очень просто. Ты попался на дешевую уловку, Тан. Да и не мог не попасться. За эти годы я слишком хорошо узнал тебя.

Кадык на шее Тана дернулся.

— Значит, вот как! — Тан передернул губы кривой усмешкой. — Все равно я не верю тебе. Ты не мог рисковать жизнью девочки, зная, что я могу убить ее!

— Да, ты прав. Я не имел права заставить ее. Она сама вызвалась сделать это, поймать мерзавца и негодяя Тана О'Брайена, который двенадцать лет назад убил ее отца и изнасиловал мать. Это было твоим первым преступлением, Тан. Наверно, ты уже и не помнишь о нем. — Тан машинально кивнул головой, и шериф продолжил, выпуская из–под усов клубы душистого дыма:

— Мать умерла при родах, и Касси осталась полной сиротой. Она сама вызвалась помочь нам, узнав о судьбе своих родителей.

— Так вот почему у нее такие волосы! — прошептал Тан.

— Необязательно. Хотя… — Шериф горько усмехнулся. — Хотя все может быть. Она хочет попрощаться с тобою, Тан.

— Хорошо, — прошептал Тан. Шерифу почудилось, что голос негодяя прозвучал зловеще.

Только не вздумай выкинуть какую–нибудь шутку! Впрочем, я буду рядом.

Шериф поднялся и распахнул дверь, впуская Касси. Девочка выглядела бледной, а ее волосы были заплетены в две аккуратные косички. Увидев Тана, девочка заикнулась, точнее, попыталась улыбнуться, ее губы дрожали. Тан заметил блеснувшую меж ресниц слезинку.

— Ну вот и все, Кассиопея, — сказал Тан, надеясь, что его голос звучит твердо. Девочка кивнула. — Мне жаль, что все так повернулось, и ты так и не увидишь моей планеты с огромными лугами из прекрасных цветов.

Губы Касси затряслись сильнее, девочка нерешительно шагнула к Тану. Шериф Люне встал за ее спиной, готовый в случае чего придти на помощь. Но Кассиопея не боялась Космического Негодяя. Прижавшись к его лицу своей веснушчатой щечкой, она шепнула, так тихо, чтобы ее слова услышал лишь Тан:

— Тан О’Брайен, я обещаю, что каждый год буду

приходить к тебе и приносить розы. Не плачь, **пожалуйста**!

И Тан ощутил, как по его щеке скользнула маленькая, горячая, словно звезда, капелька.

Кассиопея ушла, а подозрительный влажный след все еще оставался на небритой щеке Тана О'Брайена. Шериф Люне, вне всякого сомнения, видел этот след. Перед тем, как оставить Тана в одиночестве, он сказал:

— Ты большой негодяй, Тан О'Брайен, но мне будет не хватать тебя. Что–то уходит из нашего мира, может быть — и даже наверняка — не очень хорошее, но что–то уходит. Я понял это в тот миг, когда увидел тебя, выходящего из леса с девочкой на руках. А она, думаю, поняла это чуть раньше. Ты большой негодяй, Тан О'Брайен, но мне будет недоставать тебя.

Шериф умолк. Тан посмотрел в его серые усталые глаза и вдруг радостно улыбнулся.

— Черт побери, а ведь она любит меня, шериф! Любит!

Шериф не произнес ни слова. Он лишь покачал головой, так, что нельзя было понять, согласен он или нет с этим невероятным утверждением. А потом он вышел, и Тан больше никогда не видел его.

Тана О’Брайена судили. Справедливый суд приговорил его к пятидесяти четырем тысячам тремстам двадцати четырем годам отторжения от общества. Двадцать пять лет, принимая во внимание самоотверженное поведение Тана во время спасения девочки по имени Кассиопея, справедливый суд счел возможным скостить. Космического Негодяя Тана О’Брайена поместили в самый мрачный каземат Черного форта. О нем следовало забыть. И о нем забыли. Все. Кроме маленькой рыжеволосой девочки со сказочным именем Кассиопея.

Невероятно, но она и в самом деле носила Тану О’Брайену цветы. Два раза в год, ровно до того дня, когда обитатели Пацифиса были извещены о том, что Космического Негодяя не стало.

Блуждающая звезда

О. Ш. посвящается

Она! Она ворвалась в систему Тогг ослепляющим малиновым шаром, сверкающая, веселая и опасная, подобная скачущей по ветвям шаровой молнии. Она прошла по мирам, мгновенно испепелив семнадцать спящих планет. Зрелище, достойное, чтоб за него платили. А затем она внезапно повернула и решительно направилась к Земле.

Звезда! Она шла к Земле, грозя обратить ее в межзвездное ничто. Ничего сверхужасного или сверхъестественного — обыденная гибель обычной планеты, восемнадцатой или двадцать восьмой по счету. Совсем обыденная.

Смерть! Она обыденна. Она приходит каждый день, меняя обличия, а то и ленясь сделать это. Смерть — она пугает, но не слишком, не более, чем может пугать неизбежность, если, конечно, человек осознает поэтическую прозу неизбежности. Смерть всепоглощающа. Она растворяет мир каждого, превращая бытие в бестелесную вечность. Но доселе она не грозила растворить

мир всех. Гибель грозила миру, гибель грозила всем. Черное покрывало приближающейся смерти заставило людей отложить заботы и думать лишь о ней, а еще о том, как провести ее. Черное покрывало с малиновым зраком посередине.

Прожекты! Их было множество. Ворох прожектов подгреб под себя здравый смысл. Выставить на пути звезды электромагнитное поле. Уничтожить звезду серией термоядерных взрывов. Пустить в ход импульсы высокочастотной дезинтеграции. Молить Единственного о спасении от напасти. Бежать. Бежать! Но куда? В мире не было второй Земли, а космические скитальцы, оторванные от матери–родины, обречены рано или поздно погибнуть.

Истерика! Она охватила Землю. Сотни разорялись, тысячи слабых духом вручали судьбу русской рулетке, миллионы, отбросив все, бросались в бездну наслаждений. На улицах убивали, грабили, насиловали. Полиция меланхолично рассматривала часы, дробно ломающие последние мгновения суетного бытия.

Мессии! Они были, есть и будут. Недолго, но будут. Три десятка кораблей стартовали один за другим к стремительно падающей звезде. Треть были начинены зарядами, каждый из которых

мог обратить в черный пепел среднюю планету. Треть имели дезинтегрирующие установки. Треть — тонкую сеть магнитных ловушек. Первые один за другим отчаянно упали на звезду, расплавив термоядерную ярость в плазменном пекле всепоглощающих протуберанцев. Вторые задействовали дезинтеграторы, вызвав грандиозный выброс энергии, поглотившей безумцев. Третьи расставили сети и были затянуты запутавшейся в переплетении липких нитей звездой в ее огненное чрево. И одни, и другие, и последние не сумели ни остановить звезду, ни сбить ее с курса. Раскаленный гигантский шар продолжал свой стремительный бег к Земле.

Диск! Он занял уже добрую четверть неба. Ярко-малиновый с обжигающе–белой корочкой по краям. Всепобеждающий и могучий, он ослеплял своей ужасающей красотой, заставляя людей и крыс искать спасения в подвалах. Ссохлась трава, листья пожелтели и свернулись хрупкими спиральками. Реки и моря обмелели, а поглощенная из них влага превратилась в облака, жадно пожираемые ослепительным потоком лучей звезды. Это был конец, и ничто не могло отвратить его.

Великий Консул! Он принял Ольрика в кабинете, спрятанном в бездонной шахте. Великий

Консул был стар и мудр, Ольрик — молод и дерзок.

— Так ты утверждаешь, что можешь уговорить звезду?

— Да.

— Выходит, ты разговариваешь со звездами?

— Иногда. По ночам. Когда не спится.

— Чушь. — Великий Консул искоса посмотрел на Ольрика и криво улыбнулся. — Впрочем, нам нечего терять. Ты получишь все, что хочешь.

— Мне нужен лишь корабль.

— Хорошо, я дам тебе его. Но знай, в корабль будет заложена мина, которую взорвут по истечении трех дней. Это на тот случай, если ты попытаешься обмануть и сбежать.

— Главное, чтобы она не взорвалась раньше, — улыбнулся Ольрик.

Корабль! Живой и мертвый одновременно. Он живет своей загадочной жизнью, окрашивая инверсионной струей спектральное излучение звезд. Он подобен падающей стреле, на излете ввинчивающей остриё в черное лоно космоса. Он отчаянно–весел, ощущая в себе биение сердца человека, и грустен, когда это биение затухает, и мертв. Мертвые остовы кораблей, вечные странники в вечном. Они негромко переклика-

ются между собой, зачем–то избегая жарких и ласковых объятий звезд. Порой их засасывают черные дыры — высшая эманация ничто. Быть может, там они обретают покой. А быть может, возвращают себе прежнюю отчаянную веселость, ибо кто ведает — а вдруг черные дыры обращают ход времени вспять, прокуренным пальцем проворачивая столетия против часовой стрелки? Мы ничего не знаем о них, как не знают о них корабли.

Пуля! Она дура, но лишь потому, что прилетает не ко времени. Ей неведомо, что иногда стоит немного опоздать, как на свидание, и провести отсчет тем мгновениям, когда любимая недоуменно топчется под спешащими вперед часами. Эти мгновения равны Вере, эти мгновения равны Надежде, а главное — они равны Любви. Не верьте, что последней умирает Надежда, последней умирает Любовь. Иначе на что остается надеяться? Великий Консул нажал на курок. Маленькая свинцовая дура стремительно покинула материнское ложе, даже не подумав о том, что, быть может, стоило бы немного помедлить. На то она и дура. Глухой звук падающего тела — пред ним умерла Надежда. А с ним умерла Любовь.

Чудо! Его не ждали. На него уже не надеялись.

Но оно свершилось. Звезда вдруг замедлила ход и отвернула в сторону. Ошеломленные, отказывающиеся поверить в спасение люди вылезли из подвалов и, раскрыв рты, взирали на уменьшающийся малиновый щит–диск–яблоко–вишню–точку–искорку. А вместе с ними разевали в восторге пасти вернувшиеся из нор крысы. Мир ликовал и праздновал свое спасение. Он обретал радость жизни. А смерть ушла. Мир ликовал и славил героя.

Герой! Он был молод и беспечен, и, удивительно, он не считал себя героем.

— Я не герой. Я человек, разговаривающий со звездами.

— Конечно, конечно! — сладко восклицал новый Великий Консул, старый и мудрый. — Это так естественно — говорить со звездами! — Он понижал голос и вкрадчиво шептал: — Скажи, Ольрик, ведь ты изобрел силу, способную обратить звезду вспять? Отдай силу миру, и мы наречем ее твоим именем.

Улыбку на лице Ольрика сменила усталость.

— У меня нет силы. Я просто поговорил с ней.

— Ты напрасно запираешься, — сказал Консул и велел схватить Ольрика. Ведь кто знает, что можно ожидать от человека, сумевшего повер-

нуть вспять блуждающую звезду.

И Мудрые порешили казнить его, сказав:

— Так как он спас наш мир, пусть его смерть будет легкой и веселой.

А люди смеялись и танцевали, широко разевая острозубые пасти. А крысы болтали, торопливо давясь утащенной корочкой сыра:

— Отличный парень. Он очень правильно сделал, отвратя звезду от наших нор. Но зачем он берет на себя то, что не дано ни человеку, ни крысе?

Крысы были счастливы, ибо их слова переполняла мудрость.

Ольрик! Он не протестовал. Он знал, что Умеющий разговаривать со звездами не вправе жить среди людей, ни даже среди крыс. Он грустно улыбался, а в черных зрачках его светились крохотные малиновые искорки, подобные тем, что были в сердце звезды. А перед тем, как умереть — смерть его была легкой, словно жизнь, — он сказал, вдруг став серьезным:

— Вы так ничего и не поняли. И не поймете. Звезды подобны нам. В их малиновых сердцах нет ни жестокости, ни кровавой ярости. Просто звезды одиноки, просто звезды, как и люди, ищут друг друга.

Сказав это, Ольрик исчез. Навсегда. Люди решили, что он умер, крысы торговали сувенирами–костями, выдавая их за останки героя, а мудрая философствующая крысища поселилась в изъеденном тленом черепе и патетически восклицала, демонстрируя перед восторженными собратьями свою ученость:

— Бедный Ольрик!

Они! И никто не знал, что далеко–далеко в бескрайнем космосе вдруг замедлила бег, а потом застыла на месте звезда — звезда, обретшая друга.

Человек был…

Вначале была Истина[1]*…*

(Евангелие от Иоанна 1.1)

Он был мастером на бесконечные споры, этот Лоу Лоусон, астронавт с Котоглавца. Он был отчаянно смелым парнем. И еще он был немного чудаком. Впрочем, возможно, он считал чудаками всех остальных.

Лоусон занимался каботажными перевозками, перемещая на своем корвете партии грузов вдоль периметра Большого кольца. Нудная работа, однако она гарантировала заработок — не слишком большой, но вполне достаточный, чтобы наполнить конденсаторы энергией, а брюхо — настоящим пивом под натуральный бифштекс с чипсами из репокара. Многие мечтали о подобной доле. Лоусон ненавидел ее. Порой он срывался и исчезал, иногда на пару дней, иногда на месяцы. Где был Лоусон и чем занимался, не знал никто, кроме его лучшего друга Ве Наурда,

---

[1] Примечания: 1

Греческое слово «логос» (λόγος), трактуемое переводчиком Библии как «слово», на деле соответствует нескольким определениям, одно из которых — «истина».

обычно сопровождавшего Лоусона в качестве напарника, но возвращался он усталый, помятый и неизменно счастливый. Поговаривали, что Лоусон баловался контрабандой и незаконной добычей редких металлов на планетах Компании, однако схватить его за руку не удавалось никому. А еще у Лоусона была мечта. Такая же сумасшедшая, как и он сам. Он рассказал об этой своей мечте лишь Ве Наурду. В тот раз они летели на Гамму Ордеона. Лоусон молча сидел в капитанском кресле. Все было в норме, заняться было нечем. В такие мгновения хотелось застыть и тупо размышлять ни о чем. Ве Наурд так и сделал. Он вообразил великолепную девочку, розовую и стройноногую с пухленькой аппетитной попкой, и медленно раздевал ее, смакуя каждое свое движение. Он уже дошел до самого интересного места, когда вдруг Лоусон заговорил, вынудив Ве оставить трусики на своем месте.

— Знаешь, Ве, о чем я мечтаю? — спросил Лоусон.

— Понятия не имею, Лоу, — честно признался Наурд, слегка раздосадованный тем, что его отвлекли.

— Ты туп, Ве, словно свинья. Ты никогда не мечтал.

Ве Наурд задумался. Он и вправду не знал, мечтал ли когда–нибудь. Возможно, он мечтал, грезя о розовой круглой попке, но Ве не был на все сто уверен, что это можно назвать мечтой, и еще меньше в том, что это настоящая мечта, что, узнав о ней, Лоу не захохочет и не прибавит ласково: ну и тупица же ты, Ве! Безопасней было согласиться с Лоу. Ве Наурд так и сделал. Он кивнул и сказал, слегка надувая для важности толстые щеки:

— Я думаю, ты прав, Лоу. Я никогда не мечтал. Уметь мечтать — это высший класс!

Лоусон фыркнул. Он был неглупый и образованный малый. Манеры Ве Наурда нередко смешили его.

— И тебя не интересует, о чем я мечтаю?

Ве Наурд заколебался. Ему хотелось сказать: нет, не интересует, — и вернуться к созерцанию облаченной в кружевные трусики попки, но он чувствовал, что Лоу ждет другого ответа. Пусть Ве был не очень умен, но в сообразительности ему отказать было нельзя. Недаром Лоу Лоусон брал его своим компаньоном.

— Еще как интересует! — с жаром произнес Ве.

Как он и ждал, ответ пришелся по душе приятелю. Лоусон ради важности чуточку помолчал, а затем спросил, уставя взор между Трехглавым

Лебедем и Безобразной Собакой:

— Что ты скажешь о Черной дыре?

Ве задумался. Что он мог сказать о Черной дыре? Ровным счетом ничего. Это было именно то, о чем он не мог сказать. Обитатели Большого кольца знали абсолютно все, и это делало их прагматиками. А может быть, они были прагматиками изначально. Знание заменяло веру. Они не верили в Бога. Они не верили ни во что, ибо знали, из чего состоит это «что». Они не знали лишь единственное — что представляет собой Черная дыра. И потому Ве понятия не имел, что сказать. Он так и ответил:

— Понятия не имею. — И чтобы не выглядеть полным идиотом, спросил: — А ты?

— Я тоже, — честно признался Лоусон. — Но я хочу сказать о ней.

— А что?

— Не знаю. — Лоусон положил в рот опийную жвачку и задвигал челюстями. — Но я хотел бы о ней знать. Ведь я человек.

Ве Наурд не сказал на это ничего. Черная дыра мало волновала его воображение. Ему вполне было достаточно твердо усвоенного еще в космошколе правила: не приближайся к Черной дыре. Утверждали, что эта заповедь существова-

ла всегда, даже еще до возникновения Большого кольца, а возможно, и раньше. Никогда не приближайся к Черной дыре! Почему? — над этим вопросом Ве не задумывался.

Лоусон молчал, и тогда Ве вернулся к прежнему занятию. Он извлек из тайника подсознания очаровательную девушку и принялся раздевать ее. На этот раз Ве дошел до заветных трусиков и нежным движением потянул их вниз. И зажмурился. На него смотрел жуткий зрак Черной дыры. Ве Наурд едва не поперхнулся. Ему пришлось несколько раз сглотнуть и помассировать кадык. А потом он спросил:

— Зачем?

— Что зачем? — переспросил Лоусон.

— Зачем тебе Черная дыра?

— Не знаю. Я просто вдруг подумал: а что там?

— Ничего. Временной парадокс или дезинтегрирующие вихри. Тебя засосет и разложит на микролептоны. От тебя не останется ничего, даже имени. Третья формула Гейвница.

— Точно. $К^{2}/_{Нс}СР_{О}II/_{8}Х + Т/Y - М_{О}/_{С}$, — заученно пробормотал Лоусон. — Но все же интересно.

— Но зачем?

— Зачем! Зачем! Заладил! Просто так! — резко оборвал Лоусон и, закрыв глаза, откинулся на

мягкий подголовник, всем своим видом показывая, что Ве Наурд со своими глупостями надоел ему. Лоусон не промолвил больше ни слова и долго не разговаривал на эту тему.

Вернулся он к ней спустя несколько месяцев, когда они шли через созвездие Скорпиона. Здесь, между вторым и третьим сочленениями хвоста, и находилась Черная дыра, открытая некогда Ником Фетисом. Корабль шел мимо нее всего в какой–нибудь паре парсеков. Черная дыра не производила устрашающего впечатления — хаотичное переплетение красных и золотистых нитей, широкое в чаше, сужающееся к основанию и исчезающее. Она ломала пространство, и потому звезды, прячущиеся за ее спиной, выглядели неестественно яркими. Лоусон зачарованно смотрел на эту картину, а потом вдруг промолвил, слегка испугав Ве Наурда:

— А я хотел бы залететь туда.

— И потерял бы голову! — мгновенно отреагировал Ве.

— Ну и что! А может быть, нет. А разве человеку не стоит рискнуть головой ради того, чтобы постичь неведомое?

— Тогда уж лучше высадиться на Р–14 у Сигмы Льва. Там тоже нетрудно потерять голову, но

зато там попадаются алмазы, величиной с голову быка. Мы могли б неплохо заработать.

— И нажить кучу неприятностей от Компании.

— Ну и что! — ответил на этот раз Ве Наурд. Он мыслил прагматично, в отличие от приятеля. — Ради такого куска можно было б рискнуть. А лезть в какую–то дыру, толком не зная, что в ней, увольте!

— А вдруг она дала б нам то, что несравнимо ни с каким богатством?!

— Мне не надо твоего «то». Я согласен просто быть богатым. Если она превращает пыль в золото, я, пожалуй, рискнул бы. Но она не похожа на рождественского дядюшку. Я люблю тебя, Лоу! Забудь эти глупости. Пусть какой–нибудь дурак засунет туда голову первым и, если ему повезет, мы станем вторыми!

— Вторыми… — задумчиво пробормотал Лоусон. Он открыл рот, желая прибавить еще что–то, но так ничего и не сказал. По чистому лбу его пролегла глубокая морщинка, в глазах появился лихорадочный блеск.

— Иди–ка лучше выспись! — советовал Ве Наурд.

— Ты прав, Ве, — сказал Лоусон и ушел в свою каюту.

Больше он не заводил подобных разговоров. Он стал непривычно расчетлив. По предложению Лоусона друзья высадились на B–14 и наковыряли целый контейнер превосходных алмазов. Это было опасное предприятие. Ве едва не сожрала какая–то прыгающая тварь, а на обратном пути пришлось удирать от патрульных катеров Компании. Но все закончилось более чем благополучно. Продав свою добычу с немалой выгодой, приятели купили на Ельнере новый корабль. Теперь каждый из них имел по кораблю. Лоусон великодушно уступил Ве свою старую посудину, подняв флаг на новом корвете. Они шли рядом и вновь через систему Скорпиона. Лоусон сказал, что у него есть неотложное дело на Шанарде. Ве Наурд не стал задавать лишних вопросов. Он был счастлив, у него были деньги, ему все равно было, куда лететь.

Неладное Ве заподозрил слишком поздно, когда они уже шли через хвост Скорпиона.

— Лоу, ты уверен, что знаешь, что делаешь? — спросил Ве Наурд. Он увидел Черную дыру и вспомнил слова, сказанные когда–то Лоусоном.

— Вполне.

— Лоу, Шанарда находится на пятнадцать координат ниже по плоскости.

— Я знаю, Ве. Ты извини меня… — Лоусон замолчал, и Ве Наурд испугался.

— За что?

— Я ведь обманул тебя. — Ближайшая к Ве желтая звезда ехидно подмигнула кошачьим зраком… — Меня не интересует эта чертова Шанарда. Я пришел сюда, чтобы войти в Черную дыру.

— Лоу, не надо, — попросил Ве Наурд.

— Я должен. Если не я, то кто? Там что–то есть. Что–то такое, что сокрыто от нас. Я хочу узнать это.

— Там ничего нет! Опомнись, Лоу! Остановись, пока еще не поздно!

— Поздно, — отрезал Лоусон. — Ты глуп, Ве, но ты мой друг. Ты получил все, о чем мечтал. Дай же и мне получить то, о чем мечтаю я.

Ве заплакал. Лоусон рассмеялся.

— Я чувствую, это будет презанятно!

— Ты умрешь! — со слезами на глазах закричал Ве.

— Ну и что? Разве смерть самое страшное? Разве тайна не стоит человеческой жизни? Разве не стоит отдать жизнь за то, чтобы проникнуть туда, откуда не вернулся никто и, быть может, куда никто и не отправлялся? Разве я не именую себя человеком, чтобы бояться какой–то дурац-

кой смерти?! Как много разве! — голос Лоусона был звонок, словно стеклянная капель. — Ну, я пошел, Ве! Пока!

Ве кричал, но Лоусон не отзывался. Лишь одна короткая фраза, небрежно выброшенная из ничто:

— А здесь и вправду занятно. Я…

И все.

Ве понял, что Лоу Лоусон умер…

Лоусон еще не знал об этом. Ему вовсе не хотелось умирать. Ему хотелось знать. И желание познания было сильнее, чем нежелание смерти. Смерть таилась где–то рядом, в сплетении разноцветных спиралей. Лоусон не думал о ней. Он направлял свой корабль вперед, потому что когда–то, быть может, мгновение назад, а возможно, и в раннем детстве, он понял, что не может поступить иначе. Он был рожден, чтобы войти в Черную дыру. Черная дыра манила его, клейко опутывая разноцветным фейерверком переплетенных параллелей, и Лоусон уже не мог, да и не хотел противиться этому влечению. До отказа сдвинув рычаги управления, он задал двигателям полную мощность и нырнул в неизвестность.

Здесь все было не так. Этот мир не был похож на тот, к которому привык Лоусон. Этот мир не

был похож на обычный, и даже на не совсем обычный. Это вообще не походило на мир.

Черная дыра всегда грезилась Лоусону воронкообразным переплетением сетки координат — так видели ее те, кто ею пугали. На деле все было гораздо проще и куда сложнее. Глаза мгновенно утратили всякое представление о форме и объеме. Мириады стремительно извивающихся спиралей, вовсе не похожих на распущенные пружины. Спирали были многоцветны и причудливы формой. Они походили то на изогнутую иглу, то вдруг разрастались в подобие шара, то принимали такие контуры, каким Лоусон даже не мог дать определение. Они завели бесконечный хоровод, заполонив собою все то, что было вне корабля; затем они пролезли внутрь и поглотили рубку, покрыв яркой паутиной приборную панель и переборки. С ними пришел звук, также слабо поддающийся привычным представлениям. Пение, мелодия, свист, шум, крик, плач, смех, рычание, стон, вопль… Вопль, похожий на ликующую песню. Этот звук пронизывал насквозь, он полз по артериям, проламывал мембраны клеток и растекался по вакуолям. Он мял, терзал, разрывал на части. Он нес боль и наслаждение, и горячее желание, чтоб все это продолжалось.

И вновь вились спирали. Они вели себя подобно звуку — они наступали, обращая плоть Лоусона в собственное естество. Они разрывали мышцы, дробили кости, заточенными патефонными пружинами строгали на мелкие клочки кожу.

Они терзали плоть, не трогая лишь одного — сознания. И настал миг, когда Лоусон ощутил, что его больше нет. Не было и корабля. Черная дыра поглотила их, подобно лучу солнца, выпивающему воду. И пришло странное чувство.

Чувство причастности.

Лоусон, точнее Тот, кто раньше им был, вдруг ощутил себя частью чего–то, чего и сам не знал. Едва он понял это, как хоровод спиралей распался, исчез, словно по волшебству. Все обрело цвета, непривычные, но осмысленные. Хаос звуков оформился в мелодию, довольно странную, но очень приятную. Мелодия была то холодной, то азартной, в ней было много гремящего металла, через миг сменяющегося мягким перебором нейлоновых струн.

И Тот, что прежде был Лоусоном, увидел Черную дыру — бесконечные, разграфленные черненым золотом соты, до отказа заполненные невесомой материей несовершенного. То была первооснова, и ключ ее принадлежал Тому, кто когда–то на-

зывал себя Лоусоном. Он мог сотворить все, что желал. Он знал, как это сделать. Для начала он сотворил тело — небольшое и могучее, с руками, ногами и крыльями. На гордо посаженную голову Тот, кого знали как Лоусона, вдруг захотел примерить рога, два витых рога, что немедленно и сделал — ведь он мог делать. Он расправил крылья и устремился вперед — прекрасный, всеобладающий и всемогучий. Он летел средь фантастических миров, где пели прекрасные девушки, и огромные, похожие на слонов животные отплясывали грациозные брачные танцы. Он видел леса, дышащие голубой корою деревьев, утопающие в поймах рек алые луга, острые, словно бивни, белоснежные пики гор. Он видел тысячи солнц — оранжевых, малиновых и фиолетовых. Он видел много черного, словно дыра, которая стала его естеством, но теперь черное распадалось на мириады оттенков, ведь абсолютно черного не существует; даже космическая ночь есть не что иное, как наитемнейший оттенок горного снега. А сколько в черном багрянца, лазури и камеди! А еще здесь есть киноварь и пурпур, и влажно–золотистый блеск сорванных на заре лимонов. Цвели сады, и рыбаки вытаскивали сети с среброчешуйчатой рыбой. Некто ходил по

воде, и Тот, кто некогда именовал себя Лоусоном, внезапно подумал, что и он теперь сможет вот так, запросто ходить по воде. Теперь он мог все.

Он жадно вслушивался в звонкий перебор струн, яростно и нежно взывающих:

— Ты познал Истину! Ты стал частью Истины! Ты — слуга Истины!

И новое существо Того, кто некогда откликался на имя Лоусон, трепетало от сладкой истомы.

Краски заключенных в соты миров манили его. Тот, кого недавно считали Лоусоном, взламывал замки и рисовал цветную радугу, какой не видел никто. В ней были сотни, тысячи, мириады оттенков. Небрежно разбросанные по черному бесцветью невесомого стекла, они образовывали ковер, аляповатый и безвкусный, поющий нестройные песни. Тот, кого мать нарекла Лоусоном, повел руками, и краски стали перемещаться, порождая очертания, подвластные законам высшей гармонии. Музыка также обретала стройность, выстраивая звуки шеренгами стойких одноногих солдатиков, и вскоре все вокруг содрогалось от могучих аккордов. Это была неистовая симфония, беспорядочно перебрасывающаяся тонами. Тот, кто был прежде Лоусоном, навел порядок и здесь, оформив звуки по регистрам — от альтового ряда

пельтастов до двенадцатидюймовок–басов. Во время действа он поймал себя на том, что ему нравится наводить порядок. В порядке была Истина. Он летел сквозь ячеи миров, составлявших естество Черной дыры, и вносил в них искру, именуемую Истиной. Взамен миры дарили Тому, кого когда–то называли Лоусоном, безбрежную силу, огненным потоком заполнявшую каждую клеточку нового тела. Сила была грандиозной, близкой к бесконечной. Он жадно пил ее, прихватывая губами за звездные сосцы. Он остановился лишь тогда, когда понял, что может все. Он пожелал удостовериться в своем открытии и широко развел руки, испустив два потока, бешено искрящихся сквозь разноцветную темноту. Потоки скользнули вдоль конуса, где–то на периферии безбрежности столкнулись и слились, крепко прижавшись друг к другу. И вспыхнула звезда, столь яркая, что у Того, кто считал себя Лоусоном, почти заболели глаза. Почти, ибо уже не было света, способного заставить зажмуриться Того, кто гордо именовал себя человеком.

И Тот закричал:

— Истина! Я Повелитель Истины! Я человек!

Закричал так громко, что задрожали желе туманностей, а звездный Скорпион вонзил ядо-

витое жало в свою спину и забился в судорогах, разбрасывая во все стороны комки комет. По черному с белизной небу мчались Псы, пытающиеся догнать двух гончих Медведей. Пел Рог, Кассиопея поднимала бокал с растворенным в уксусе жемчугом, крылатый Пегас стремительно плыл меж рифов, распугивая крылатых Дельфинов. Что–то мерили Весы, звонкие ходики Времени отбивали ход. То медленно, то быстро, так, как хотел Тот, кто некогда считал себя человеком.

— Человек! — закричал Он, рассекая своим криком на части ровно переплетенные модули сот. Те превратились в блестки и бросились во все стороны, пронзая пространство от края до края.

— И все, — сказал Родившийся Лоусоном, расхохотавшись. А потом Он закрыл глаза и пожелал очутиться на своем старом корабле.

Лицо объявившегося в рубке гостя было другим, но Ве Наурд признал его.

— Ты ведь Лоусон?

— Да, — ответил Он и не узнал собственного голоса.

— Ты вернулся?

Он кивнул, проскрежетав рогами по металлу переборки.

— Я вернулся. Я пришел, чтобы дать вам Исти-

ну.

— Здорово! — выдавил побледневший от восторга Ве Наурд. — Вот бы мне так!

— Поздно. Я же сказал тебе — иногда случается так, что не бывает вторых! — Тот, кто пытался убедить себя в том, что он Лоусон, был уверен, что прежде говорил это. — Ве Наурд, ты будешь счастлив, если пойдешь со мной?!

— Да, Лоу! С радостью, Лоу! Ведь ты меня знаешь! Я твой друг!

— Конечно, — согласился Тот, кто имел друга, и Ве Наурд превратился в прекрасную золотокожую свинью.

Ве был слишком туп, чтобы быть человеком. Истина требовала, чтобы тупой Ве Наурд занял подобающее ему место. А потом Тот, кто был для Ве Наурда просто Лоу, повел корабль меж планетами, перекраивая миры так, как подсказывала переполнявшая его Истина.

Не все верили в нее. Тот, кто некогда отзывался на имя Лоусон, заставил в нее поверить. Он уничтожил корабли и стер города, заполненные тленом всезнайства и скепсиса, Он исправил знание, разделив его на равные части. Одна из них, меньшая, была оставлена поверившим в Него, другая заняла место в ячеях Истины.

И тогда Тот, кого сделали из Лоусона, провозгласил:

— Это сделал Я, человек, Тот, кому принадлежит Все! А Черная дыра тихонько шепнула:

— Это сделал ты, Повелитель и Слуга Истины. — И тоненько рассмеялась…

Много воды утекло с тех пор. Обмелели реки, пересохли моря. Золотистый песок обрел пурпурный цвет, но, как и прежде, сухо шуршал под ногами бредущих на водопой людей. Они были наги и босы, в их желудках урчало от голода. Но они были счастливы и славили Того, кто открыл им Истину.

1 В начале была Истина, и Истина
была у Бога, и Истина была Бог.
2 Она была в начале у Бога.
3 Все чрез него начало быть,
И без него ничто не начало быть,
что начало быть.
4 В Нем была жизнь, и жизнь
была свет человеков;
5 И свет во тьме светит, и
тьма не объяла его.
6 Был человек…

Но вначале была Истина…

Но был человек, хотя мало кто помнил об этом. И никто не помнил, что его звали Лоусон.

Человек был…

Выбор Макгроуна

Знаменитый профессор Зерц оказался маленьким невзрачным человечком с ничем не примечательной наружностью. По сравнению со статным богатырем Гарри Макгроуном он выглядел тусклой амебой, каких тысячи и тысячи. Попадись такой в толпе, его и не различишь. Меж тем профессор Зерц был известнейшим ученым, почетным доктором бесчисленного множества университетов и лауреатом Федерации. Именно Зерц сумел доказать теорию Эйнштейна–Ратовского и покорил время и пространство. Для посетителя в серебристом комбинезоне профессор Зерц был сейчас богом и царем. Ведь от решения профессора зависела судьба астропилота второго класса Гарри Макгроуна. И не только его.

Поблескивая старомодными сферическими линзами, профессор долго рассматривал своего гостя, после чего произнес:

— Мне известна суть дела. Значит, вы желаете переместиться в прошлое?

— Да. — Побледневшие губы Макгроуна выдавили этот звук едва слышно. Зато вторая часть ответа была подобна четкому военному рапорту.

— На 102 дня назад, в 2274 год, третий день летней фазы. В тот день.

Профессор рассеянно кивнул. Он оглядел пальцы левой руки, обнаружил ноготь–переросток и со вкусом обгрыз его.

— Цель?

— Спасти человека.

— Женщину, которая, как вы предполагаете, пожертвовала ради вас жизнью?

— Да.

— И убить того, кто был причиной ее смерти?

— Да, — твердо сказал Макгроун. — Он все равно уже мертв.

— Я знаю. — Профессор Зерц смешно причмокнул. — Кодекс запрещает убийства.

— Это была самооборона.

— Так. Но если изменить ситуацию, это станет убийством.

Макгроун криво усмехнулся.

— Лучше убить самому…

Он не докончил, потому что голос его осекся. Профессор внимательно глядел на посетителя. В широко расставленных глазах, изуродованных искажением линз, угадывалось сочувствие.

— Я понимаю вас. Мне самому приходилось терять.

— Тогда помогите мне!

Профессор Зерц ничего не сказал. Поднявшись из–за своего громадного стола, он подошел к окну, за которым светило тусклое солнце. В небе виднелась вытянувшаяся в дугу стая птиц. Профессор следил за ними, пока крохотные черточки не растворились вдали. Макгроун терпеливо ждал. Наконец хозяин повернулся к нему.

— Вы представляете, чем вам это грозит?

— Да, мне известно, что я не смогу вернуться обратно.

— И всю жизнь проведете в ином мире, параллельном нашему. И я даже не смогу приблизительно описать его. Быть может, в нем свирепствуют ужасные эпидемии и войны. Быть может, в том мире царят произвол и тирания.

Макгроун передернул плечами.

— Мне все равно. Важно лишь то, что я буду вместе с ней.

— Вы твердо решили?

— Да.

— В таком случае я готов исполнить вашу просьбу. Судебное разбирательство по вашему делу завершено?

— Да. Меня оправдали.

Макгроун сказал это и покосился на лакиро-

ванную поверхность стола, где лежала копия судебного протокола.

— Коллегия астрофлота не возражает против вашего перемещения?

— Нет. Я получил отставку.

— Разрешение эмиграционного совета?

Макгроун кивнул, почувствовав легкое раздражение. Все необходимые бумаги лежали на столе профессора Зерца.

— Тогда я не вижу никаких препятствий. — Профессор уселся в кресло и извлек бланк, отпечатанный на плотной светло–желтой бумаге. — Мистер Макгроун, мы можем заключить договор. Сколько вам потребуется времени, чтобы привести в порядок дела?

— Я готов отправиться хоть сейчас.

Ученый снисходительно усмехнулся.

— Не спешите, Макгроун. Подумайте хотя бы над тем, что возьмете с собой. Учтите, вес груза не должен превышать пятнадцати фунтов. Возьмите все, что сочтете нужным, с соблюдением, естественно, таможенных правил. Полагаю, вы знакомы с ними. — Макгроун кивнул. — Тогда распишитесь вот здесь.

Астронавт придвинул к себе бланк договора и старательно вывел в указанном профессором

месте свою фамилию.

— Все?

— Да. Вы можете идти. Жду вас через день точно в это время.

Макгроун поднялся и отвесил легкий поклон. Профессор Зерц небрежно дернул головой. Признанный гений, он мог позволить себе подобную бестактность по отношению к обычному Хранителю. Когда Макгроун вышел, профессор взял светоперо и сделал несколько коротких пометок на бланке, подписанном астронавтом. Затем он сунул лист в тисненую золотом кожаную папку и забыл о посетителе. У профессора Зерца было много хлопот.

* * *

В северном полушарии Земли царила осень. Землю покрывал ковер из опавших листьев — желтых, серых, багровых, темно–коричневых. В них была печаль по ускользающему времени. Такая же печаль переполняла сердце Макгроуна.

У Гарри Макгроуна был брат по имени Тед. Гарри не видел своего брата с тех пор, как поступил в Академию Хранителей. Не потому, что чуждался родственных связей. Просто у него не случилось свободной минуты, чтобы съездить в городок

Дастополь, где жил Тед.

Тед и его семья занимали уютный двухэтажный домик, весь укутанный желтой кипенью умирающих листьев. Он был искренне рад приезду брата. Ведь они не виделись… Сколько же они не виделись?

— Долго, — сказал Гарри.

Жена Теда, симпатичная полноватая брюнетка, расторопно накрыла стол в саду. Тед извлек бутыль самодельного вина, чуть мутноватого на свет и с приятной кислинкой на вкус. Он налил брату полный стакан и поинтересовался, не собирается ли тот подать в отставку и насовсем вернуться в родные края.

— Я уже в отставке, Тед, — ответил Макгроун. — Вот только вернуться сюда мне вряд ли удастся.

— Почему? — спросил Тед. На лице его было написано искреннее недоумение.

Гарри с теплотой подумал, что Тед остался таким же добродушным телком, каким был в детстве. Гарри Макгроуну не следовало говорить брату правду, договор запрещал делать это, но он не мог исчезнуть бесследно, подобно тому, как исчезали космические разведчики, авантюристы, раздвигавшие пределы познанной Вселенной. И потому он сказал:

— Я покидаю этот мир. Ты слышал об открытии Зерца?

Тед раскрыл рот и испуганно кивнул. Конечно же, он знает о профессоре Зерце. Брат предстал перед Тедом этаким отважным исполином, бросающимся в бездну неведомого. Тед спросил, без всякого умысла, просто из любопытства:

— Гарри, что чувствует человек, покидающий свой мир?

Что ощущает человек, покидающий свой мир?

Наверно, тоску, страх, напряжение перед неведомым.

Макгроун был чужд всего этого. Он был спокоен, а внутри, там, где должно биться сердце, застыл кусок льда. И ничто не могло растопить этот лед, образовавшийся в тот день, страшный день, когда умерла Тина.

Прошло немало времени, но стоило Макгроуну вспомнить о Тине, как ее образ моментально возникал перед взором. Он познакомился с Тиной примерно два года назад на базе в Ракеоне. Крейсер «Стремительный», на которое служил Макгроун, проходил профилактический осмотр. Астронавты использовали эту передышку, чтобы расслабиться. Обстановка была сложной. Корабли Свободной Конфедерации то и дело появлялись

на торговых перекрестках, грабя транспорты и пассажирские лайнеры. Хранителям некогда было вздохнуть. Крейсера возвращались с дежурства, получали энергопитание, боекомплект и продукты, и на следующий день вновь выходили в космос. Профилактика была для экипажа «Стремительного» нежданным подарком судьбы. Грех было не воспользоваться им. Спросив разрешения командора Бриджеса, Макгроун и его закадычный приятель Лейв быстренько свалили с корабля и устремились прямиком в ракеонский бар. Это заведение было далеко не лучшим из тех, в которых довелось побывать лихому астронавту Гарри Макгроуну. Здесь было тесновато, сумрачно и слишком много серебристого цвета. Последнего было даже в переизбытке, потому что клиентами бара были почти исключительно Хранители, использующие короткую передышку между дежурствами. Среди серебристых комбинезонов лишь изредка можно было заметить красно–синюю одежду торговца или фривольный наряд залетевшей на огонек ночной бабочки. Словом, бар был не из лучших, но приятелей он вполне устраивал. Найдя пару свободных мест, они прочно заняли их и приступили к веселью. Гарри заказал пару пива, а Лейв, которого от пива

пучило, солидную порцию чистого виски. Гулять так гулять! Подобным образом поступали не только они. Каждый Хранитель, оказавшийся в баре, считал делом чести как следует нализаться. А Гарри и Лейв слыли мастерами этого дела. В тот день они собирались нагрузиться по полной программе.

Симпатичную девицу в комбинезоне вспомогательной службы заметил Лейв. На крейсере женщина редкость, тем более хорошенькая. Лейв сорвался с места и через миг притащил незнакомку к столику. Гарри проявил галантность, уступив ей свое место. Впрочем, ему не пришлось стоять. Молоденький астронавт с нашивкой катерников был слишком пьян, чтобы продолжать веселье. Макгроун направил нализавшегося катерника под стол, а сам занял его место.

Лейв подозвал официанта и повторил заказ, а для гостьи выбрал самый дорогой коктейль, который только можно было заказать в этой дыре. Он сорил деньгами и был ужасно весел, слова прямо–таки сыпались из него. Гарри больше молчал, разглядывая девушку.

Вначале она показалась ему так себе. Стройная фигурка, пышные волосы, милое личико. Таких миллионы. Макгроун уже собрался заскучать,

когда гостья вдруг взглянула на него. Их взгляды встретились, и Гарри остолбенел. Глаза! Они были глубокие, словно колодец, и синие, как вечернее небо. Они жили отдельно от лица. Они смеялись, сердились, грустили, шептали, пели. Это были самые прекрасные глаза в мире.

Друзья выпили еще, а затем гостья поднялась и сказала, что ей пора. Гарри и Лейв как галантные кавалеры вызвались проводить ее. Лейв сиял в предвкушении успеха, недаром же он был столь красноречив. Но девушка на мгновение задумалась и выбрала Макгроуна. Они ушли, оставив Лейва предаваться пьяной грусти. По дороге они как следует познакомились. Девушку звали Тиной. Она служила в бригаде, обслуживавшей крейсера. Как–то само собой так вышло, что Гарри объяснился Тине в любви. Конечно, это слишком старомодно, но об ином невозможно было думать, глядя в эти прекрасные глаза. Тина рассмеялась и поцеловала Гарри на прощание. Они встречались еще несколько раз, а когда крейсер ушел на патрулирование, Гарри не переставая думал о девушке с темно–синими глазами. Не обращая внимания на беззлобное подтрунивание Лейва, он терпеливо дожидался возвращения на Ракеон. Когда ж вернулся, то оба они признались,

что не в силах больше переносить столь долгую разлуку. К счастью или к несчастью, влюбленным повезло. Одного из астротехников списали с корабля. Срочно требовалась замена, и Гарри с Лейвом привели к командору Бриджесу Тину. Командор не стал возражать, он был не чужд человеческих слабостей. Девушку зачислили в экипаж крейсера.

Это было самое счастливое время в жизни Макгроуна. Он словно летал на крыльях. Командор Бриджес улыбался, глядя ему вслед. Крейсер патрулировал торговые трассы, возвращался, а затем уходил вновь. Но теперь Тина была рядом, и Макгроуна переполняла радость.

Их близость не могла не вызвать определенных толков. Ведь экипаж составляли тридцать здоровых, полных сил мужчин и четыре представительницы иного пола, из которых женщиной можно было назвать лишь Тину. Во избежание недоразумений командор Бриджес переселил Макгроуна и нового астротехника в каюты, находившиеся в самом конце жилого уровня, подальше от чужих глаз. Но несмотря на это, о их связи знали все. Кто–то завидовал Макгроуну, кто–то даже стал недолюбливать его. Был и такой, что сумел возненавидеть.

Мелтон Тройд, третий помощник командора. Он был новичком, пришедшим на корабль даже позже Тины. Писаный красавец, наглый и самоуверенный, Мелтон решил добиться благосклонности Тины. Он выбрал ее, потому что она была самой красивой, а быть может, просто ради того, чтобы позлить Макгроуна. Мелтона совершенно не смущало то обстоятельство, что Тина любит другого. Мелтон Тройд даже не допускал, что женщина может предпочесть его какому–то астропилоту, причем даже не первого класса. Сначала он повел правильную осаду, а когда она окончилась неудачей, начал изводить влюбленную пару мерзкими насмешками. Он цеплялся к Тине, встречая ее в переходах, а за обеденным столом вполголоса бросал небрежные фразы насчет сливающихся звезд или нечто нарочито напыщенное, вроде: как больно видеть гибель двух его друзей в горниле слепой и глупой страсти. Макгроун терпел, Тина, не в силах вынести всего этого, вскоре перестала выходить к общему столу, чем вызвала замечание командора Бриджеса, доведшее ее до слез. Тогда Гарри с Лейвом решили проучить наглеца. Друзья отправились к Мелтону с твердым намерением раз и навсегда заткнуть ему рот. Вернулись они очень

скоро. У Макгроуна была разбита губа, а Лейв подмигивал расцвеченным глазом. Лейв поднял через компьютер личное дело Мелтона Тройда. Выяснилось, что помощник командора прошел курсы специальной подготовки.

А вскоре пришла беда.

«Стремительный» патрулировал оконечность Южного креста. В **тот** день во время завтрака командор Бриджес сообщил, что службой радиоперехвата запеленговано тайное донесение, отправленное с борта «Стремительного». Кто–то воспользовался для этой цели резервной радиорубкой. Командор не выдвинул конкретных обвинений, но велел экипажу усилить бдительность. Командному составу и пилотам были выданы бластеры.

У Макгроуна были кое–какие соображения на этот счет. Он как–то застал Мелтона Тройда рядом с резервной радиорубкой. Тот приставал к плачущей Тине, а увидев Макгроуна, смутился и ушел. Тина не захотела ни о чем рассказывать, но Макгроун был уверен, что дело нечисто. Он поделился этой тайной с Лейвом, и друзья решили присматривать за Тройдом.

Все, что произошло потом, Гарри Макгроун запомнил до мельчайших подробностей. Сразу

после завтрака он направился вслед за Тройдом в четвертый модуль — сложное сооружение из покрытых свинцом балок, панелей и наполненных водой труб. Здесь располагалась система охлаждения, обеспечивавшая работу реактора. Мелтон Тройд отвечал за нормальное функционирование этой системы и несколько раз в цикл проводил замеры радиации. Облаченный в желтый, с черными пятнами на груди и спине комбинезон, он бродил с дозиметром по переплетению отсеков, залезая в каждую щель, в каждый закоулок. Макгроун следовал за помощником командора по пятам, но ничего подозрительного не заметил. Вскоре настало время его вахты, и на смену явился Лейв. Те три часа, которые Макгроун находился в рубке, Лейв должен был следить за Мелтоном Тройдом.

Дежурство прошло нормально, если не считать того, что радары засекли подозрительный объект, двигавшийся курсом, параллельным траектории крейсера. Макгроун доложил об этом своему сменщику, а сам направился на поиски Лейва. Он уже спускался в переход четвертого модуля, когда услышал короткий вскрик. Затем он увидел, как в конце перехода промелькнула смутная тень. Терзаемый нехорошими предчувствиями,

Макгроун бросился вперед. Посреди перехода, хрипя, лежал Лейв. В его горле чернело треугольное отверстие, из которого фонтанировала кровь. Макгроун сжал пальцами страшную рану, но было уже поздно. Глаза Лейва помутнели, синеющие губы выдавили лишь одно слово: «берегись», после чего дрогнули и застыли. Оставив тело друга, Макгроун побежал вдоль по переходу в том направлении, куда исчез убийца. Они столкнулись неподалеку от оружейных камер. При виде Макгроуна помощник командора побледнел и выхватил бластер. Макгроун не успел сделать то же самое и теперь ждал смерти. Но Тройд отчего–то не спешил с выстрелом. Он начал твердить о своей невиновности. Он говорил, а Макгроун смотрел на левую штанину его комбинезона, на которой отчетливо проступало кровавое пятно.

В этот миг внезапно появилась Тина. Она шла из бокового перехода и потому не могла видеть убийцу. Она видела лишь бледного, словно смерть, Макгроуна. Он хотел крикнуть, предупредить, но Тина поняла все без слов. Она бросилась к Макгроуну. Тройд увидел ее тень и нажал на спусковой крючок. Он целился в Макгроуна, но попал в Тину. В тот же миг Макгроун выхватил бластер и поразил негодяя.

Тина умерла на руках возлюбленного. Врач был бессилен ей помочь. Позднее техники обнаружили, что на всех трех линиях системы охлаждения сломаны предохранительные кронштейны. Через несколько часов корабль был бы обездвижен, и тогда крейсер конфедератов, крутившийся неподалеку, смог бы сделать с ним что угодно.

— Выходит, ты спас корабль, — сказал Тед.

— Нет, его спасла Тина. А я должен спасти ее.

Через день Гарри Макгроун стоял в кабинете профессора Зерца.

* * *

Телепортация в прошлое заняла мгновение. Наверно, потому, что это было очень близкое прошлое. Макгроун поднялся на круглую, окруженную светящимся барьером платформу из пористого серого сплава, профессор коснулся нескольких кнопок на пульте, и через миг астронавт обнаружил, что находится в собственной каюте на борту «Стремительного». Точнее, это была не его каюта, а каюта Тины. Сама Тина спала сейчас в объятиях другого Макгроуна — Макгроуна из прошлого. Именно поэтому Макгроун–настоящий выбрал ее каюту в качестве точки прибытия.

Первым делом Макгроун сверил свой таймер с тем, что был вделан в переборку напротив кровати Тины. Ровно 5.00, как и обещал профессор. В распоряжении Макгроуна было два часа. Придвинув кресло к столу, Макгроун сел и раскрыл взятый с собой койтейнер. Здесь было собрано все то, что могло понадобиться ему сегодня — миниатюрный бластер, пружинный нож, ампула с парализующим ядом, тонкая резиновая маска, имитирующая лицо Лейва, дешифратор электронных кодов и еще несколько полезных приспособлений.

А вот и перчатки. Макгроун не без труда натянул их на руки. Обдумывая план действий, Макгроун решил, что лучше будет, если он не оставит никаких следов. В левый боковой карман комбинезона лег бластер, в правый — нож, но главная роль отводилась ампуле с ядом. Макгроун спрятал ее в кулаке с таким расчетом, что достаточно было слегка сжать пальцы — и крохотная ядовитая струйка летела вперед, повинуясь направлению руки. Этим оружием его снабдили друзья из спецотдела Коллегии. Экипировавшись подобным образом, Макгроун тихонько приоткрыл дверь и выскользнул в переход.

Его первой жертвой должен был стать двойник

— астропилот второго класса Гарри Макгроун из прошлого. Как это ни жестоко, от двойника следовало избавиться. Во время инструктажа профессор Зерц обратил особое внимание на то, что фактор относительности исключает возможность сосуществования двойников. Рано или поздно один из них рисковал исчезнуть в другом измерении. Так уверяла теория. Гарри Макгроун не испытывал желания проверить ее на собственной шкуре. Ради спасения Тины он был готов пойти на все, даже на смерть. Что уж говорить о каком–то Макгроуне, жалком двойнике из прошлого!

Подкравшись к двери собственной каюты, Макгроун приставил к замку дешифратор кодов. Прибор бесстрастно помигал разноцветными индикаторами, но заветный красный огонек, извещающий о том, что замок открыт, так и не зажегся. Чертыхнувшись, Макгроун поспешно возвратился в каюту Тины. Здесь он внимательно осмотрел дверь. Так и есть — в нее был врезан примитивный механический замок, открывающийся ключом. Макгроун предусмотрел и этот вариант. Взяв маску Лейва, он прижал ее к лицу и тщательно разгладил, после чего посмотрелся в зеркальную панель. Вылитый Лейв, только чуть

выше ростом. Макгроун улыбнулся собственному отражению, но улыбка вышла натянутой.

Сердце бухало от напряжения. Макгроуну пришлось постучать трижды, прежде чем ему ответили. Голос был знакомый. Это был его, Макгроуна, голос.

— Кто?

— Это я, Лейв! — сказал астронавт, подражая писклявому голосу приятеля.

За дверью установилась тишина, потом до Макгроуна донесся взволнованный женский шепот, мешающийся с чуть более громким мужским. Макгроун из прошлого успокаивал Тину.

— Не волнуйся, все будет в порядке. — Затем он спросил, обращаясь к ночному гостю:

— Что тебе нужно?

— Поговорить. Да открой же ты! Это я, Лейв!

Но и вторичное упоминание имени Лейва не произвело должного впечатления. За дверью вновь о чем–то заспорили. Макгроун прислушался. Судя по всему, Тина уговаривала возлюбленного не открывать, а Макгроун–двойник горячился, твердя, что разберется с наглецом.

«Интересно, — Макгроун невольно подумал о двойнике в первом лице, — чем это Лейв не угодил мне?»

Ответа на свой вопрос он не получил. Раздалось шлепанье босых ног. Они достигли двери и остановились. Негромко заскрипел открываемый замок. Макгроун чуть напряг пальцы.

Дверь распахнулась. В проеме, четко вырисовываясь черным силуэтом на фоне освещенной каюты, стоял Гарри Макгроун собственной персоной. Он был почти обнажен, если не считать коротких штанов, едва доходивших до колен. Макгроун машинально подумал, что он в свое время вел себя куда пристойнее. Несколько мгновений они рассматривали друг друга: Макгроун — своего двойника из прошлого, Макгроун–прошлый — мнимого Лейва. Потом Макгроун–прошлый провозгласил:

— Тина, этот негодяй, кажется, намеревается преследовать нас и ночью!

И хорошо б, если это прозвучало с шутливым оттенком, как обычно переругивались между собой Лейв и Гарри, но в голосе Макгроуна–прошлого звучала явная угроза. Не успел Макгроун–настоящий понять, что все это означает, как могучий удар в челюсть поверг его на пол.

— Проваливай, дерьмо!

Дверь захлопнулась.

Макгроун долго лежал, ощупывая языком раз-

битую нижнюю губу и прислушиваясь к шуму в голове, потом поднялся и возвратился в каюту Тины. Он ничего не понимал. Ему приходилось ссориться с Лейвом, но выяснение отношений никогда не выходило за рамки словесной перебранки. Происшедшее требовало объяснений, однако на размышления времени не было. Макгроун быстро умылся и прополоскал рот. Дело усложнялось, но несмотря ни на что, Макгроуну необходимо было избавиться от двойника. Приходилось рисковать. Вернув маску на прежнее место, Макгроун вновь направился к своей каюте.

Похоже, его возвращения ждали. Едва Макгроун постучал, как дверь тут же распахнулась. Двойник намеревался повторить свой апперкот, но Макгроун присел, перехватил его руку и прошипел:

— Какой ты смелый, приятель! Особенно при своей бабе!

— На что ты намекаешь? — процедил Макгроун–прошлый, пытаясь вырвать руку.

— А на то, что ты струсишь разобраться со мной один на один.

— Где? — мгновенно отреагировал Макгроун–прошлый.

— В биоотсеке. Там травка, тебе будет мягче падать.

— Но биоотсек закрыт.

— Тогда где хочешь.

— Хорошо, я тебе задам! — Макгроун–прошлый обернулся и негромко бросил в темноту каюты:

— Тина, я сейчас вернусь. Наш друг напрашивается на небольшую взбучку.

— Не ходи с ним, — попросила Тина.

— Не бойся, ничего не случится! — Макгроун–прошлый больно хлопнул своего двойника по плечу. — Пойдем!

— Пойдем.

Прикрыв за собой дверь, Макгроун–прошлый отправился вдоль по переходу. Босые ноги его сочно шлепали о пластик пола. Макгроун–настоящий шел следом, лаская ладонью рукоять бластера. Они перешли из жилого модуля в третий, затем во второй. Макгроун внимательно фиксировал те особенности, которых не было на «Стремительном», том «Стремительном», что знал он. Профессор Зерц недаром предупреждал, что мир, в каком Макгроун окажется, возможно, будет отличаться от прежнего. Все так и вышло.

Макгроун–прошлый свернул в короткий тупик и остановился.

— Ну, что скажешь, гаденыш?!

«Ничего себе обращение!» — подумал Макгроун и ответил вопросом на вопрос.

— Мы с тобой давно в ссоре?

Макгроун–прошлый удивился.

— Да всю жизнь, сколько я тебя знаю. — Он подозрительно посмотрел на Макгроуна. — У тебя что, отшибло память, когда я въехал тебе в челюсть? И что у тебя на голове?

Макгроун машинально ощупал голову.

— Ничего.

— О–го–го! — заржал Макгроун–прошлый. — Что ты сделал со своими волосами?

Гарри Макгроун внимательно оглядел двойника и только сейчас обратил внимание на его странную прическу. За минувшие сто дней мода, похоже, здорово изменилась. Если во времена Макгроуна было принято стричь волосы ежиком, выбривая до половины затылок, то здесь, напротив, выбривали всю переднюю половину головы, а сзади волосы были вольны расти, как им вздумается. Причуды моды создавали дополнительные трудности, но отступать было уже поздно.

Лжелейв сладко улыбнулся.

— Собираюсь записаться в проповедники. Сме-

нил прическу, а теперь сменю лицо. Смотри, как это у меня здорово получается!

Макгроун ухватился левой рукой за свою пластиковую щеку и с треском оторвал маску. Двойник изумленно уставился на него.

— Но ведь это я!

— Был, — сказал Макгроун. — А теперь — я.

Правая рука Макгроуна, прячущаяся в кармане, нажала на спусковой крючок. Луч прожег ткань комбинезона и вонзился в тело двойника. Точно под левый сосок. Макгроун–прошлый всхлипнул и распластался на полу. Убийца склонился над ним. Он не испытывал жалости к несчастному. Двойнику не повезло, что профессор Зерц создал свою машину именно в измерении Макгроуна. Иначе убитый мог поменяться местами со своим палачом.

Макгроун спешил. Первым делом он стащил с двойника штаны. От них исходил неприятный запах, и Макгроун поморщился при мысли, что ему придется надеть это на себя. Затем Макгроун извлек нож и, перевернув труп на живот, аккуратно срезал заднюю часть скальпа. Она была нужна ему, чтобы перевоплотиться в Макгроуна из прошлого. Теперь предстояло избавиться от трупа. По пути сюда Макгроун заметил на пере-

ходе из второго в третий модуль чернокрасный знак бытового утилизатора. Кряхтя от натуги, Макгроун взвалил на себя коченеющее тело — что и говорить, двойник весил препорядочно — и двинулся в путь. Вскоре Макгроун–прошлый исчез в узкой черной щели, а через мгновение от него не осталось даже воспоминания. Следом в щель отправились комбинезон Макгроуна и маска. Брезгливо морщась, Макгроун натянул на себя штаны убитого и направился к жилому модулю. Он шел быстро, но осторожно, опасаясь наткнуться на кого–нибудь из астронавтов, однако избежать неприятной встречи так и не сумел.

Это был астротехник Квел Твирт, «мальчик из оркестра», как называли его на крейсере. Когда–то Квел играл на саксофоне, а затем, наслушавшись героических небылиц, решил податься в Хранители. Поговаривали, что он голубой и ночами ходит к своему любовнику штурману Тормесу. Квел открывал дверь своей каюты, когда из–за поворота появился Макгроун. При виде его астротехник разинул рот, собираясь то ли заговорить, то ли закричать, однако Макгроун оказался быстрее. Меткий импульс вонзился Квелу точно под левый глаз. Ткнувшись головой в переборку, астротехник рухнул на пол каюты.

Макгроуну осталось лишь забросить внутрь его ноги и закрыть дверь на ключ.

Второй труп был незапланированным. Он мог вызвать неприятности. Но Макгроуну некогда было думать об этом. Он должен был спешить превратиться в Макгроуна–прошлого. Порывшись в вещах Тины, Макгроун нашел вибромашинку и косметический клей. Несколько быстрых движений — и передняя часть головы была начисто выбрита, а на затылке очутился снятый с двойника скальп. После этого Макгроун избавился от всего, что могло его изобличить, оставив себе лишь нож. Это был великолепный выкидной нож с трехгранным лезвием, совершеннейшее орудие убийства, раны от которого практически не заживали. Макгроун спрятал нож за кроватью Тины.

Настала желанная минута, о которой он так долго грезил. С бьющимся сердцем Макгроун приблизился к своей каюте. Он думал о Тине. Раз все столь сильно изменилось, не случится ли так, что он найдет здесь совсем другую женщину с другой улыбкой, с другими глазами, с другим запахом. Макгроуну стало страшно, но он пересилил страх. Собрав всю свою волю, Гарри Макгроун толкнул дверь и шагнул внутрь.

— Это ты, Гарри?

Макгроун слегка вздрогнул. Голос его возлюбленной ничуть не изменился.

— Да, я, — поспешно ответил он.

— Почему так долго?

— Пришлось повозить этого мерзавца мордой по полу, прежде чем он успокоился.

Макгроун подошел к кровати и лег. Тина немедленно прижалась к нему мягким податливым телом.

— Какой ты холодный.

Ее глаза были закрыты, на губах играла легкая улыбка. Подобная улыбка появлялась каждый раз, когда Тина хотела, чтобы Макгроун поцеловал ее. Макгроун немедленно исполнил это желание, убедившись, что губы Тины все так же вкусно пахнут мятой. Девушка отстранилась и, смеясь, прошептала:

— Похоже, тебе тоже досталось. — Это она почувствовала кисловатый привкус крови, сочащейся из разбитого рта Макгроуна. — Ты надавал ему?

— Да, он должен быть доволен. — Макгроун коснулся губами шеи Тины. И тут им овладело желание, столь сильное, что он не смог сдержать его. Он хотел обладать Тиной так, как не хотел еще ни разу. Но Тина не ответила на ласку. Она

приоткрыла свои васильковые глаза и сказала:

— Какой ты ненасытный! Или это драка с Лейвом так возбудила тебя? Прости, милый, но уже слишком много времени. Я должна привести себя в порядок. Возьмешь свое сегодня вечером.

Точно так было и в тот день. Тогда Тина ушла под утро к себе, не позволив Макгроуну насытиться любовью.

Макгроун уступил. Тот, кто забыл, как пахнет женщина, может потерпеть один день. Макгроун убедился в главном — это была его Тина, та, ради которой он прибыл в этот мир. И теперь все должно было быть хорошо.

* * *

Тина зашла за ним около семи. Она выглядела превосходно, да и Макгроун привел себя в порядок. С помощью вибромашинки он подровнял и уложил волосы — свои и убитого двойника. Клей и засохшая кровь на скальпе стягивали кожу, но Макгроун терпел. Сегодня все закончится, а уже завтра он обреет голову и примется отращивать волосы в соответствии со здешней модой. Пока же он старался вжиться в образ Макгроуна–бывшего. Это было несложно, хотя и не обошлось без мелких недоразумений. Комбинезон показался

несколько мешковатым, на голову полагалась круглая шапочка вроде той, что в мире Макгроуна носили католики–талмудисты. Еще большее удивление вызвал браслет, который, как выяснилось, надлежало одеть на правую руку.

Макгроун едва не ушел без него, но Тина вовремя спохватилась. Надевая на запястье золотой ободок с двумя синими камушками, Макгроун пробормотал:

— Ты никогда не задумывалась, зачем он нужен?

— Как зачем? — удивилась Тина. — Ведь это обозначение подразделения и разряда. Два синих — астропилот второго разряда, красный — младший астротехник. Командор строго следит за соблюдением формы. Да и красиво…

Макгроун машинально взглянул на ее запястье. В браслете Тины сиял пурпурный глазок.

— Действительно, красиво, — согласился он.

Влюбленные пришли в столовую позже других. Наверно, потому все обратили на них внимание — кто–то посмотрел, кто–то улыбнулся, а Мелтон Тройд дружески подмигнул правым глазом. Макгроун озадаченно обвел взглядом своих товарищей. Они ничуть не изменились, если не считать уже упоминавшейся метаморфозы с

прическами. Здесь были и командор Бриджес, и старший механик О'Фрил, и штурман Тормес, и, наконец, Мелсон Тройд, который, заметив нерешительность Макгроуна, вновь дружески подмигнул ему. Черту осмотру подвел Лейв, ехидно пробормотавший:

Похоже, Макгроун так переусердствовал сегодня ночью, что не узнает своих товарищей. Бедняжка Макгроун!

К этим шуткам, похоже, привыкли, по крайней мере, никто из сидящих за столом не отреагировал. Макгроун также счел за лучшее промолчать, зато Тина не сдержалась:

— С такой потрепанной физиономией тебя трудно узнать!

Никто, в том числе и сам Лейв, не понял, о чем идет речь, но реакция Тины была неожиданной, и несколько человек хмыкнули. Лейв покраснел и злобно уставился на девушку.

— Какая ты сегодня разговорчивая!

Назревал конфликт, командор Бриджес счел нужным вмешаться.

— Лейв, немедленно прекрати.

Лейв затаился. Макгроун и Тина уселись за стол. На завтрак было рагу из телятины, рис и абрикосовое желе. Макгроун хорошо помнил,

что в тот день кормили тушеным зайцем. Ели по большей части молча, лишь изредка перебрасываясь короткими фразами. Дежурство подходило к концу. Все успели порядком поднадоесть друг другу. Макгроун, подобно остальным, молчал. Он жевал безвкусное мясо, искоса рассматривая своих незнакомых товарищей. Каждый раз, когда он останавливал свой взгляд на Мелтоне Тройде, тот одарял Макгроуна приветливой улыбкой. Все это было непостижимо.

Первым расправился со своей телятиной командор. Он допивал сок, когда в столовую вошел первый помощник Орш. Подбежав к командору, Орш начал быстро шептать ему на ухо. Лицо командора Бриджеса побледнело, он отставил бокал и поспешно вышел. Все разом прекратили жевать и проводили командора внимательным взглядом. Лишь Макгроун бесстрастно продолжал свой завтрак. Он неторопливо расправился с мясом и принялся за желе. Глотая сладкую массу, Макгроун тайком поглядывал на ручной таймер. Он совершенно не замечал того, что Мелтон Тройд внимательно следит за ним. Макгроун был поглощен мельканием светящихся цифр.

В 7.24 командор Бриджес вернулся в столовую. Ровно столько же времени было и в **тот** день. Ко-

мандор шагал словно механическая кукла, от его глаз веяло холодом, Макгроуну даже показалось, что он осунулся.

Подойдя к своему креслу, командор встал за ним и начал говорить. Жесткие слова разбивались о пластик переборок подобно горошинам.

— Друзья, я должен сообщить вам неприятное известие. Пеленгаторы «Стремительного» перехватили незарегистрированный сигнал. Передача велась из запасной радиорубки. Текст ее пока не расшифрован, но у меня есть все основания полагать, что послание адресовалось конфедератам. Это первое. — Командор Бриджес сглотнул, кадык на его шее нервно дернулся. — А теперь, второе. На борту произошло убийство. Только что обнаружен труп астромеханика Твирта, убитого выстрелом в лицо. — Послышался негромкий вскрик. Головы дружно повернулись в сторону штурмана Тормеса. Тот сидел, обхватив руками голову. Командор сделал вид, что ничего не заметил, и продолжал:

— Возможно, между этими двумя происшествиями существует связь. Властью, данной мне как командору крейсера, объявляю о начале расследования по данным фактам. Если кто–то из вас желает сообщить какую–нибудь информацию,

он может связаться со мной по внутренней связи. — Командор кашлянул, словно устыдившись своих слов. — Вахтенные могут приступить к обязанностям, остальных я попрошу вплоть до моего особого распоряжения оставаться в каютах.

Закончив говорить, Командор неловко кивнул и покинул столовую. Следом за ним вышли штурман и старший механик. Затем стали подниматься и остальные. Все молчали. Лейв попытался подать короткую реплику, но тут же осекся. Астронавты искоса поглядывали друг на друга. В их взглядах сквозили осторожность и даже недоверие.

Макгроун шел рядом с Тиной. Они уже выходили из столовой, когда кто–то коснулся его плеча. Макгроун обернулся. Перед ним стоял Мелтон Тройд. Он приветливо улыбался, но от этой улыбки Макгроуна бросило в дрожь. Сжав зубы, он подавил порыв истерики, после чего заставил себя изобразить ответную улыбку. Тройд спросил:

— Что ты обо всем этом думаешь?

Макгроун состроил неопределенную гримасу.

— Ничего. Какое–то безумие.

— Я так не считаю. У меня есть кое–какие соображения по этому поводу. Нам надо поговорить.

— Пожалуй, — пробормотал Макгроун. Ужасно

непривычно было видеть на месте шустрого Лейва мускулистого улыбчивого здоровяка Мелтона Тройда. Все это как–то не укладывалось в голове. И в то же время Макгроун сознавал, что это реальность. В данном измерении Мелтон был другом, а Лейв — врагом. Ситуация была предельно запутанной. Разговор с Тройдом должен был хоть что–то прояснить. — Я жду тебя в своей каюте.

Мелтон кивнул.

— Я только зайду к командору и сразу приду к тебе.

Затем он отстал, а Макгроун и Тина направились в жилой модуль. Оказавшись в каюте Макгроуна, Тина уселась на кровать и сурово посмотрела на своего любовника. Тот поспешил оправдаться.

— Тина, я здесь ни при чем.

— Откуда мне знать?

— Но ведь ты сама видела, что я разбирался с Лейвом.

— Тогда, может быть, он?

Макгроун вздохнул.

— Не знаю.

— Мы должны рассказать обо всем командору.

— Ты хочешь, чтобы я попал под подозрение?

Тина отрицательно покачала головой, потом

нерешительным голосом спросила:

— Что же нам делать?

— Ничего. Все разрешится само собой.

Сказав это, Макгроун внезапно понял, что теперь у него нет абсолютной уверенности в том, что все разрешится, и каким образом все это разрешится. Он даже не знал, кто будет убийцей, а кто жертвой. Мелтон Тройд оказался другом, но это не означало, что он не может быть агентом Конфедерации. С другой стороны, Лейв был подлецом, но данное обстоятельство не превращало его автоматически во врага. Предстояло сделать выбор, и выбор был сложен. Размышляя над этим, Макгроун пришел к выводу, что желает лишь одного. Ему было наплевать, что станет с Лейвом или Мелтоном Тройдом. Их судьба Макгроуна совершенно не волновала. Ведь один перестал быть другом, другой им так и не стал. Важно было спасти Тину. Макгроун спросил:

— Ты дежуришь сегодня?

— Как обычно, — ответила Тина, слегка удивившись подобному вопросу. — Третья смена.

— Мне кажется, сегодня нас всех ожидают крупные неприятности. Тебе лучше сказаться больной и не выходить из каюты.

— Но тогда мне придется пойти к зануде Фоссу.

А его не проведешь.

Макгроун задумчиво покачал головой. Да, судового врача Фосса провести невозможно. А если выяснится, что Тина симулирует, это может вызвать подозрения.

— Но ведь у тебя может случиться женское недомогание?

— В принципе — да.

— Решено! Если до твоей смены ничего не разъяснится, ты притворишься больной.

Тина вопросительно посмотрела на Макгроуна.

— Ты что–то знаешь?

Макгроун знал больше, чем что–то, но он не мог об этом говорить. Поэтому Макгроун не ответил. Возникла двусмысленная пауза. К счастью, в этот миг в дверь постучали.

— Войди! — крикнул Макгроун.

Дверь распахнулась, и в каюту вошел Мелтон Тройд.

* * *

Помощник командора выглядел так, словно собрался вступить в рукопашный бой с пиратами. Он держал в руке бластер, второй был укреплен на перевязи, перекинутой через правое плечо.

Видимо, он рассчитывал застать Макгроуна одного, потому что при взгляде на Тину недовольно скривился. Но тем не менее, ничего не сказал. Подойдя к Макгроуну, Мелтон молча подал ему бластер, после чего уселся в стоявшее у стены кресло. Макгроун и Тина также молча глядели на него. Мелтон внимательно изучил свою крепкую белокожую ладонь, после чего соизволил открыть рот.

— Приказ командора — командному составу и пилотам иметь при себе оружие.

Макгроун кивнул и положил бластер на кровать между собой и Тиной. Мелтону этот жест пришелся не по нраву, он недовольно скривился.

— Нам нужно поговорить, — сказал он, выразительно глядя на Макгроуна.

— Давай.

Мелтон замялся и перевел взгляд на Тину. Та поняла все без слов.

— Я как раз собиралась разобраться в своих вещах.

С этими словами Тина поднялась и оставила каюту.

— Какого черта, Мелтон! — недовольно протянул Макгроун.

— Гарри, если ты начал спать с этой девицей, это не означает, что ты хорошо знаешь ее.

— Что значит начал спать? — Помощник командора позволил себе усмехнуться.

— Только не ломай комедию. Все знают, что ты увел Тину у Лейва.

Слова Мелтона Тройда подействовали на Макгроуна подобно увесистому удару по голове. Он не нашел ничего лучшего, как спросить:

— И давно это случилось?

— Я что, должен следить за твоей личной жизнью? — рассердился Мелтон. Тут он заметил странное выражение лица Макгроуна и понизил тон. — Ну, дней десять назад. Гарри, с тобой все в порядке?

— Да, — пробормотал Макгроун. — Только голова что–то болит. О чем ты хотел поговорить со мной? О Лейве?

— Нет. С чего ты взял? — В голосе Мелтона Тройда звучало недоумение. — Я пришел, чтобы поговорить о Тине.

Теперь пришел черед удивиться Макгроуну.

— Тина? При чем здесь она?

Помощник командора изобразил легкое замешательство.

— Вообще–то мне следовало б доложить об

этом командору Бриджесу, но я решил вначале поговорить с тобой. Ведь мы как–никак друзья.

— Достаточно лирических вступлений. Переходи к делу, — потребовал Макгроун.

— Хорошо. Сегодня утром, незадолго до общего подъема, я случайно видел Тину в переходе из третьего модуля.

— Ну и что?

— Там находится резервная радиорубка.

Макгроун посмотрел на помощника командора таким взглядом, словно видел его в первый раз. Этот взгляд не предвещал ничего хорошего.

— Ты хочешь сказать, что она… — Макгроун не договорил, оборвав фразу на полуслове.

— Я ничего не хочу сказать. Просто… — Мелтону также не довелось закончить. Дверь приоткрылась, и вошла Тина.

— Мелтон, ты не мог бы дать мне ключи от своей каюты?

— Зачем?

— С моей вибромашинкой что–то случилось. Если тебе не жалко, я воспользуюсь твоей.

— Гарри, — помощник командора повернулся к Макгроуну, — дай ей, пожалуйста, то, что она просит.

Тина звонко рассмеялась.

— Да Гарри даже не знает, где она у него лежит!

— Странно. Могу поклясться, что не далее как вчера он брил себе лоб, — задумчиво заметил Тройд.

На этот раз Тина промолчала, не зная, что возразить. Макгроун поспешил выбраться из неприятной ситуации.

— Я брил голову пять дней назад! — сказал он резко. — Я же не виноват, что у меня плохо растут волосы!

Слова Макгроуна и тон, которым они были произнесены, несколько смутили Мелтона. Он кашлянул и поспешил извиниться.

— Я не знал, Гарри. Прости меня. — Мелтон извлек ключ и бросил его Тине. — Держи и не забудь вернуть!

Тина фыркнула.

— Не беспокойся!

Она исчезла. Едва дверь закрылась, как Мелтон Тройд вернулся к прерванному разговору.

— Так вот, я видел, как Тина шла из третьего модуля. И выглядела она очень подозрительно.

— Как?

Помощник командора замялся.

— Мне показалось, что она чего–то боится. Она

спешила и оглядывалась по сторонам.

— Оглядывалась и не видела тебя?

— Я стоял у запасного перехода. Она не могла меня видеть.

— А что ты делал у запасного перехода?

— Я? — Мелтон вновь смутился. — Ничего. Гулял.

— Приятель, — процедил Макгроун, — а почему бы не предположить, что она тоже — гуляла?

— Да, может быть. Но я уже однажды видел ее около радиорубки. Я рассказывал тебе.

Макгроун покачал головой.

— Не помню.

— Как же? Я тогда как раз…

— Мелтон, не строй из себя спецагента Коллегии. Тина гуляет по утрам, ты гуляешь, я… Твирт тоже гулял. Да если разобраться, половина экипажа бродит ночами по кораблю, страдая от бессонницы. Полет совсем доконал нас. И что же, теперь всех надо подозревать? Если ты помнишь, подобное случилось на борту «Серебряного орла». И помнишь, чем все это закончилось?

— Помню, — пробормотал Мелтон.

— Вот потому я и говорю тебе: оставь свою подозрительность! А если уж тебе так нужен шпион конфедератов, могу предложить тебе более под-

ходящую кандидатуру. Переключи внимание на Лейва.

— Но Лейв служит на корабле уже пять лет и ни разу не был замечен ни в чем предосудительном.

— По–моему, Тина тоже не была. Так ведь?

— Так, — признался Мелтон.

— Ну вот и все, вопрос решен. И будь с ней, пожалуйста, полюбезней, если хочешь, чтобы мы остались друзьями!

На красивом лице Мелтона появились красные пятна, отчего оно стало неприятным.

— Ты совсем потерял голову!

— Не твое дело! — отрезал Макгроун и улыбнулся входящей Тине. — Все в порядке?

— Да.

Тина подошла к Мелтону и отдала ему ключ. Макгроун обратил внимание на то, что помощник командора придирчиво рассматривает прическу Тины, словно пытаясь обнаружить возможные изменения. Бестактное поведение Мелтона не укрылось и от глаз Тины.

— Если тебя вдруг стала столь интересовать моя внешность, я подровняла здесь и здесь. — Девушка указала рукой на виски, где волосы и впрямь были значительно короче. Мелтон смутился.

— Да нет, я просто так.

На лице Тины появилась победная усмешка.

— Ты поговорил?

— Да, — ответил после краткой заминки Мелтон и стал подниматься. — Мне пора. Командор приказал проверить систему охлаждения.

— Давай, — поощрил его Макгроун. Он смотрел вслед уходящему Мелтону и вновь испытывал двойственное чувство. Нелегко было свыкнуться с тем, что Мелтон Тройд его приятель. Еще труднее было согласиться с тем, что Лейв — враг. Зато Тина осталась прежней. Едва помощник командора вышел, как Макгроун крепко обнял ее и прильнул к влажным губам. Тина, смеясь, отбивалась, но Макгроун был настойчив. Он уже почти добился своего, когда дверь распахнулась. Макгроун поспешно оставил Тину и вскочил. Он был зол.

— Что тебе еще нужно?!

Мелтон — а это был он — ответил вопросом, адресовав его Тине.

— Тина, ты не брала моего браслета?

— Зачем он мне?

Тина быстро привела в порядок наполовину снятый Мак–гроуном комбинезон и поднялась, на ходу оправляя волосы. Она была рассержена

не меньше своего любовника.

— Но я не могу его нигде найти.

— А я здесь при чем? Наверно, ты потерял его. Доложи командору и получишь новый.

Лицо Мелтона вытянулось.

— Я так и поступлю, — сказал он и захлопнул дверь.

— Чего это он так распсиховался? — спросил Макгроун.

— Ему здорово влетит от командора, если он и впрямь потерял свой браслет.

— Так ему и надо!

Макгроун притянул Тину к себе и прошептал, целуя ее волосы:

— Это ведь не ты, правда?

— Конечно, не я! Зачем он мне?

Рассердившись, Тина резко оттолкнула Макгроуна. Тот попытался обнять ее, но девушка не позволила.

— Не хочу. — Она отошла подальше и прижалась спиной к переборке. — Отвратительный тип! Мне кажется, он домогается меня.

Макгроун засмеялся, показывая зубы.

— Нет, просто он ужасно подозрителен. Он видел тебя утром неподалеку от третьего модуля и решил, что это ты проникла в резервную

радиорубку.

— Какая... — Тина запнулась, но решительно докончила: — чепуха!

— Я так ему и сказал. Мало ли кто и почему бродит ночью по кораблю. — Макгроун исподлобья взглянул на Тину. — А что ты делала в третьем модуле?

Этот невинный вопрос вызвал у Тины вспышку ярости.

— Ничего! Если ты не прекратишь этот глупый разговор, я уйду!

— Молчу, молчу...

Макгроун с шутливой мольбой приложил руки к груди. Тина победоносно улыбнулась.

— Кстати, я поговорила с доктором, и он разрешил мне остаться в каюте. Так что я буду послушно дожидаться твоего возвращения.

— Тогда я закрою дверь, чтобы птичка не улетела.

Тина улыбалась, когда Макгроун запирал замок. Улыбка ее была задумчивой.

* * *

Мелтон или Лейв? Мелтон или Лейв? Мелтон или Лейв?

Вопрос этот непрерывно кружился в голове

Макгроуна, не давая ему сосредоточиться на работе. Крейсер рассекал черную бездну Вселенной, стремительно и незаметно пожирая пространство. Мелькали индикаторы, компьютер выводил на экран показания приборов. Макгроун не обращал на это почти никакого внимания. Его терзала одна–един–ственная мысль — Мелтон или Лейв. Мелтон должен был сейчас находиться в четвертом модуле, Лейв, который был сегодня свободен от дежурства, — в своей каюте. Мелтон или Лейв?

Макгроун взглянул на таймер — 11.27. В тот день через две минуты он засек крейсер конфедератов. Макгроун следил за цифрами и думал все о том же — Мелтон или Лейв?

Негромко зазвенел зуммер радара. Макгроун взглянул на экран. В четырехмерной сетке трепыхалась крохотная красная точка. Радар поймал неизвестный объект. Еще немного — и все начнется. А если? Макгроун застыл, едва подумав об этом. А вдруг Лейв не поднимется в четвертый модуль и события пойдут иначе? Этого нельзя было допустить. Твердо ступая по черной поверхности пола, Макгроун подошел к пульту внутренней связи и набрал код каюты Лейва. Через мгновение из динамика донесся голос:

— Я слушаю.

— Немедленно поднимись в четвертый модуль и проверь, как идут дела у Тройда, — велел Макгроун, подражая голосу командора Бриджеса.

— Слушаюсь, — послышалось в ответ.

Макгроун отключил пульт связи. Он беззвучно смеялся. Ему удалось свести вместе Лейва и Мелтона. А это означало, что то, чему суждено случиться, непременно произойдет. И с запертой в каюте Тиной все будет в порядке. Макгроун внезапно поймал себя на том, что знает нечто важное. Но что? Он машинально погладил ладонью свежевыбритый лоб и вдруг понял, что еще несколько часов назад с вибромашиной Тины все было в порядке. Но что это меняло? Макгроун беззвучно смеялся, красная точка продолжала трепыхаться в паутине радарных лучей. Макгроун задыхался от смеха. Оставалось десять минут до конца смены.

Всего десять! Надо поговорить с Тиной, успокоить ее, объяснить, что скоро все кончится, — решил Макгроун и набрал свой код. Он ожидал услышать любимый голос. Но Тина не ответила. А это означало лишь одно — что–то случилось. Вскрикнув, Макгроун бросился вон из рубки.

Он бежал по пустым, гулко звенящим пере-

ходам, едва сдерживаясь от дикого звериного крика. Он знал, куда должен бежать. Он боялся опоздать, и он успел.

Все было точно так, как в тот день. Посреди перехода пласталось агонизирующее тело, а в самом конце его виднелся стремительно уменьшающийся силуэт бегущего человека. Макгроун подбежал к телу и рывком перевернул его. Это был Лейв. Нож проник ему в шею, перерезав артерии. Мастерский удар. Веки Лейва подергивались, изо рта текла кровь. Выпуская последний воздух, он прохрипел:

— Берегись Т… Т… — На большее Лейва не хватило. Голова астронавта дернулась и упала на бок. В этот миг Макгроун заметил, что из кулака Лейва торчит какой–то блестящий предмет. Не без труда разжав немеющие пальцы, Макгроун извлек свою добычу на свет. Это был браслет с зеленым камнем посредине — знак командного состава. Именно этот браслет искал третий помощник командора Мелтон Тройд. Все встало на свои места. Перепрыгнув через мертвое тело, Макгроун бросился бежать туда, где промелькнул силуэт убийцы.

Один переход, другой, третий. Макгроун вглядывался в серый пластик пола, на котором то и

дело попадались грязно–красные отпечатки. Очевидно, Мелтон вляпался в кровь своей жертвы.

Здесь! Выхватив бластер, Макгроун прыжком нырнул вперед в боковой проход.

Как и в тот день, Мелтон скрывался в этом месте. Он не ожидал этой встречи. На этот раз он проиграл. При виде Макгроуна по лицу Мелтона Тройда разлилась смертельная бледность.

— Гарри, это все она. — Пепельные губы Мелтона едва шевелились.

Макгроун не ответил, концентрируя внимание на правом боку помощника командора, где висел бластер.

— Гарри, это твоя девчонка…

На этот раз Макгроун дал ответ, спросив:

— А что ты скажешь об этом?

Он швырнул под ноги Мелтону Тройду его смятый браслет, на котором виднелись капди крови, точно такие, что покрывали сапоги Мелтона.

И в этот миг за спиной Макгроуна появилась Тина. Как и в тот день, она шла по боковому переходу. Она не видела Мелтона, она не видела бластера, намертво зажатого в правой руке Макгроуна. Она видела лишь спину астропилота и крохотный кусочек его искаженного жестокой гримасой лица. И словно испугавшись чего–то,

Тина бросилась к своему возлюбленному. Макгроун услышал ее шаги и обернулся. Но было поздно.

Время жизни расслоилось на крохотные отрезки смерти. Взглянув на Тину, Макгроун поспешил вернуться к Мелтону. Он поворачивал голову, словно завороженный, наблюдая за тем, как правая рука Мелтона, изогнувшись, схватила рукоять бластера, и тот медленно, словно опутанный невесомостью, стал поднимать свое тонкое дуло вверх. Рот Мелтона раздвинулся для крика. Макгроун опередил убийцу. Длинный импульс, плавной чертой покинувший оружие Макгроуна, вонзился в голову Тройда. Медленными каплями брызнули куски черепа и мозга. Причудливо кувыркаясь, они падали на пол, слюняво цеплялись за стены. И в этот миг Макгроун почувствовал нестерпимую боль, ворвавшуюся с трехгранным острием, которое вонзила в его тело Тина. Трехгранное лезвие вошло точно под левую лопатку, тягучая липкая лента времени сжалась в стремительную спираль, вместив жизнь Гарри Макгроуна в крохотное, безликое мгновение. Мгновение смерти…

На Земле, в западном полушарии, вечно стоит осень. Там, в крохотном городишке со странным

названием Дастополь живет некий Тед Макгроун, который, выпив молодого вина, любит рассказывать о своем брате, отправившемся в прошлое.

— Он ушел искать счастье и наверняка обрел его, — говорит Тед и роняет пьяную мутную слезу, после чего наполняет стаканчик вновь. И так продолжается до тех пор, пока госпожа Макгроун не отбирает у мужа бутыль с вином и не гонит его спать. А на Земле стоит вечная осень.

Ангел

Собор был заполнен рыдающим пением органа. Высокие звуки голубиной стаей взлетали под купол, ватно сползали по стенам и бились тугим мячиком о мраморные ребра колонн. Звуки рвали душу, вознося ее к глубинам сознания, и биение сердца переплеталось с биением мысли, отравляя последнюю всепоглощающим наркотиком чувственности. Тело цепенело, а душа взвивалась вверх, к своду, где изящный худой человек с вычурной бородкой гранда тщетно пытался оторвать нанизанные на крест руки. Здесь они растворялись и сливались с незримой душой человека, который на деле был Богом. И душа тоже становилась Богом, ибо осязающий Господа становится подобен ему. Душа парила в весях, мягко перекатывалась по туго натянутым жилам прозрачно–невесомых струн, а орган рыдал. В его плаче было что–то чувственное, почти вакхическое, но люди, зачарованно внимавшие вышнему гимну, не отождествляли свой экстаз с бесовским богом эллинов, ибо не знали того бога. Чувственный трепет означал для них отказ от человеческого и слияние с Ним, пожертвовавшим

жизнью ради искупления их грехов.

Тонкие, белые, почти женские пальцы органиста плавнр перебегали по рядам костяных клавиш, меняя регистры и мелодию. Он играл грустную и торжественную мессу, подобающую чувствам и приличию, но время от времени пальцы невольно ускоряли свой бег, и тогда в размеренное движение мелодии врывались неистовые аккорды токкат, буйные и пьянящие, словно молодое вино. И душа вздрагивала и начинала озираться в поисках оставленной на земле бренной оболочки, а через миг токкаты растворялись в торжественном гимне Ему, и душа мгновенно забывала о своих суетных стремлениях.

Выше, выше, еще выше… Выше только свод, а за ним — ничто, из которого нет возврата. Звуки замерли и рассыпались приглушенными басами, возвращая душе свободу. Душа протерла глаза, повела вокруг ошеломленным взором и, устыдившись своей наготы, поспешила юркнуть в тело. Меж колонн пронесся последний протяжный аккорд, и пришла тишина, терзаемая слабыми отголосками резонирующих стен, а через миг стихли и они.

Потрясенные слиянием с Ним, прихожане

покидали собор, на выходе заполняя чашу для пожертвований серебряными и золотыми кружочками. Музыкальная месса Отца Ворда стоила этой ничтожной платы.

В этот миг человек с тонкими пальцами был уже далеко. Он стоял перед небольшим столиком, опустив руки в сосуд с чистой ледяной водой. Пальцы горели, словно их наполнял огонь. Человек ненавидел свои пальцы, он имел полное право ненавидеть их, предпочитающих токкаты плавным рыданиям месс.

— Дьявольское порождение! — тихо шевельнулись тонкие бесцветные губы.

Послышался негромкий стук в дверь. Человек вздрогнул и быстрым, воровским движением вылил воду в стоявший под столом серебряный таз. Он вытер насухо онемевшие пальцы рушником и лишь после этого промолвил:

— Войдите.

Дверь отворилась, и в комнату проникла женщина — странное существо, почти неразличимое на фоне тусклых стен. Она была не стара и не молода, не уродлива и не красива. Весь ее облик носил печать той серой усредненности, которая сливает человека с миром, растворяя его как в толпе, так и в сосновом бору. Великий Фуке

утверждал, что именно так должен выглядеть настоящий соглядатай, но этот мир не знал Фуке; тот придет много позже, в эпоху ярости и расшитых золотом эполет. Этот мир был более тускл и более безобиден.

Подойдя вплотную к органисту, женщина поклонилась ему и тихо шепнула:

— Отец Ворд, он опять прилетал.

— Хорошо, Луиза. Что они делали в этот раз?

— Как всегда, Отец. — Серые щеки женщины покрылись бледным подобием румянца. Она запнулась, словно устыдившись, но потом все же вымолвила:

— Они прелюбодействовали.

— Хорошо… — задумчиво прошептал Отец Ворд, и брови Луизы удивленно вздернулись от этого неопределенного «хорошо». — Думаю, настало время покончить со всем этим.

Отец Ворд одарил женщину благосклонным взглядом и улыбнулся.

— Ты хорошо поступила, придя ко мне.

— Это мой долг, Отец.

— Конечно. Держи, купишь гостинцев своей девочке.

С этими словами Отец Ворд подал Луизе маленькую серебряную монетку. Та смутилась.

— Как я смею… Деньги Господа…

— На то они и деньги Господа, чтобы Господь оделял ими тех, кто беден, но блажен духом, — нравоучительно проговорил Отец Ворд. — Бери и не позволяй сомнению посетить сердце твое.

Живо схватив монетку, Луиза припала губами к руке священника.

— Святой Отец, благослови!

— Конечно, дочь моя.

Отец Ворд осенил голову женщины крестным знамением. В этот миг на его лице явственно проступала гримаса отвращения, но когда Луиза подняла глаза, он ласково улыбался.

— А теперь ступай, дочь моя. И смотри, никому не говори о нашем разговоре и о том, что ты видела сегодня на поляне!

Низко склонив голову, Луиза попятилась и толкнула задом дверь. Как только она вышла, добрая улыбка моментально исчезла с лица Ворда. Он умел улыбаться, но считал улыбку, отражение радости — дурной склонностью рода человеческого, вечно скалящего зубы. Отцу Ворду было наречено страдать, как страдал Он.

* * *

Он прилетал сюда много раз — прекрасный телом и ликом. Елена не поверила своим глазам, впервые увидев в небе парящего на крылах златовласого юношу. А когда вдруг он начал спускаться, Елена, вскрикнув от ужаса, бросилась прочь. Но через пару шагов она неловко наступила на кочку, запнулась и упала. Крылатый юноша немедленно поспешил на помощь. Он завис рядом, затем сложил крылья, и ловко, чуть подогнув ноги, спрыгнул с небес на землю. Рука, сильная, но вместе с тем изящная, коснулась плеча Елены, и та вдруг ощутила в теле невиданную легкость, словно невидимое воздушное облако обняло плоть и плавно потащило вверх. И Елене стало страшно и радостно. Она посмотрела на незнакомца, и тот улыбнулся. Улыбка его была доброй, беззащитной, а в голубых глазах светился восторг, что бывает у детей, рассматривающих полюбившуюся игрушку. И Елена улыбнулась в ответ. А через миг она ощутила, что земля уходит из–под ног. Затрепетали два прозрачных крыла, и юноша повлек добычу в небо. Был миг, когда Елена испугалась, сердце ее дрогнуло в страхе перед неведомым, но она заглянула в глаза юноши и

успокоилась. Глаза были чисты, словно небесная гладь. В них не было ни пятнышка похоти или порока. Это были глаза, каким можно доверять. И Елена доверилась им.

Они поднялись к самым облакам и полетели к линии горизонта — прямо над городом, подобно огромным, едва различимым в вышине птицам. Потом они летели над рекой, лесом, квадратиками полей и лугов. Пел ветер, ему вторил тонкий голос юноши. Он любил петь и делал это неплохо, хотя и пел без слов. Все это было столь восхитительно, что у Елены захватывало дух. Когда они вернулись на землю, девушка задыхалась от счастья.

— Кто ты? — спросила она, касаясь ладонью белоснежной щеки незнакомца.

— Я ангел, — просто ответил он.

В первое мгновение Елена не поверила. Она была достаточно умной девушкой, чтобы верить в сказки.

— Я серьезно!

— Я тоже. Я ангел. Прощай. Наступает ночь. Я буду ждать тебя завтра.

Но завтра Елена не пришла на заветную поляну. Она пряталась в кустах и следила за тем, как ангел одиноко парит в небе. Несколько раз он

опускался так низко, что Елена смогла заметить — голубые глаза его были грустны. Так повторилось на второй день, и на третий. А потом… Потом Елена не выдержала. Она вышла из своего укрытия, и ликующий ангел унес ее в небо.

— Я люблю тебя, — шепнул он, когда они вновь оказались на поляне.

Елена промолчала, но ее глаза говорили лучше любых слов.

Она тоже любила. Да и как не любить того, кто открыл перед тобою весь Мир!

Они стали встречаться — простая девушка и тот, кто именовал себя ангелом. Почти ежедневно, иногда чуть реже. Однажды Елена поинтересовалась:

— Любимый, я вижу тебя каждый день. Неужели у тебя нет дел на небе?

— Нет, — ответил прекрасный юноша. Плавной волной изогнутые губы его чуть обиженно усмехнулись. — Небо — дом для покорных, а я… — Ангел замолчал, и прошло время, прежде чем он нашел в себе силы для признания.

— Так уж случилось, что светлый мир делится на людей и ангелов. Так вот, мне нет места ни меж теми, ни меж другими. Я падший ангел, и мой удел — парить в небе. Тебе не страшно?

— Нет. — Елена прижалась золотистоволосой головой к его могучей груди и, словно эхо, прошептала:

— Мой падший ангел…

Они встречались тихо, тайком, но в мире, где правят корысть и зависть, нет места любовной тайне. Вскоре город знал все, и отец Ворд увещевал Елену:

— Опомнись, дочь моя! Ты ступила на стезю порока.

А липкие черные глаза Святого Отца скользили по нежному лицу и безвольно падали вниз — к груди, бедрам и стройным лодыжкам.

Он был Святым, но при этом оставался мужчиной. И в этом была его слабость.

И потому Елена улыбалась, и Святой Отец отступал. Но проходил день, и Ворд вновь поджидал девушку у порога ее дома. Проходило два — и кухарки шушукались за ее спиной. Проходило три — и мясники извлекали из колод ножи и проводили острием по точилу, бормоча, что пора бы разобраться с этим парнем, прилетающим в город похабить девок. Уж так устроен мир, и мир города не был исключением.

* * *

На этот раз Отец Ворд пришел к ней домой. Переступив через порог, Елена увидела Святого Отца, и румянец, след бурных ласк ангела, сполз с ее щек. Священник пил чай и беседовал с родителями Елены. Он едва удостоил вошедшую девушку взглядом и тут же отвел пережженные угольки глаз. Однако Елена знала, сколь скользки манеры Отца Ворда. И она не ошиблась в своих предчувствиях.

Едва девушка переоделась, как в ее комнату зашел отец. Смерив дочь суровым взглядом, отец сказал:

— Елена, Отец Ворд желает серьезно поговорить с тобой.

— Если барышня, конечно, не против, — растягивая губы в елейной улыбке, прибавил Святой Отец, выскальзывая из–за спины отца.

— Она не против! — со значением сказал отец. Конечно же, Елена была против, но могла ли она возразить!

— Я выслушаю Святого Отца.

— И внимательно! — добавил отец и вышел.

Отец Ворд был привычно ласков и внимателен. Он предложил Елене стул и лишь после этого

уселся сам. Маленькие черные глаза ощупали девушку, породив у нее ощущение прикосновения змеиного языка, изучающего поглощенного ужасом кролика.

— Ты хорошо выглядишь, Елена.

Девушка судорожно кивнула. Она была красива и прекрасно знала об этом. В красоте была ее сила, в красоте была и ее беда. Кто станет подглядывать за дурнушкой? Отец Ворд ласково улыбнулся побледневшей девушке, однако глаза его остались холодны.

— Ты опять встречалась с ним?

Отпираться было бессмысленно, и Елена кивнула.

— Опять.

Отец Ворд издал строчку квохтающих звуков, должных означать смех.

— Разве я не предупреждал тебя, что ты ведешь себя дурно?

— В этом нет ничего дурного. Многие девушки встречаются с парнями.

— С парнями! — Святой Отец многозначительно помахал пальчиком. — Но ты любишь беса!

— Он не бес! Он ангел!

Усмешка священника выражала превосходство.

— Ангелы не блудят с девицами. Это удел бесов!

Елена вздрогнула, словно слова Святого Отца были хлыстом, обрушившимся на ее спину.

— Не смей так говорить обо мне!

— Хорошо, — смиренно согласился Отец Ворд. — Но ты должна признать, что он бес, и публично покаяться.

Елена грустно усмехнулась.

— Бес. Разве у беса могут быть голубые глаза? У беса они черны как смоль. Разве у беса может быть такой прекрасный голос? А где ты видал беса с теплыми и ласковыми руками?!

Священник кашлянул и полуприкрыл веки, пряча черные угольки глаз. Тонкие губы зловеще шепнули:

— Бес… Он говорит в тебе, заставляя тебя повторять собственные слова. Бес… Он изменяет свое обличье, вползая в человеческое сердце тем недостижимым идеалом, которого оно алчет. Бес! — закричал Отец Ворд, и его голос рассыпался, словно альтовая струна.

В комнату заглянул привлеченный шумом отец. Священник успокаивающе кивнул ему.

— Бес! — подытожил он шепотом, когда голова отца исчезла.

— Ну и пусть. Если у беса столь ласковые руки, пусть бес! Если у него такие прекрасные глаза. Если у него золотые, словно солнце, волосы. Если он целует так, что сердце готово выскочить из груди. Если он готов поделиться со мной миром, не требуя ничего взамен! — жарко выдохнула Елена.

Глаза Святого Отца налились кровью.

— Он уже получил свое!

— Как ты смеешь, поп! — четко, отделяя звуки, воскликнула Елена.

Отец Ворд смиренно опустил голову.

— Прошу простить меня, но я сказал лишь то, что вижу.

— А я читаю в твоих глазах зависть!

— Да! — не сдержавшись, воскликнул Отец Ворд и поспешно спрятал глаза. Он помолчал, словно собираясь с силами, а потом вымолвил:

— Ведь мы поймаем его, красотка! И тогда будет страшно.

Священник тяжело поднялся.

— Никогда! — отчеканила Елена, провожая взглядом сутуловатую спину. — Никогда.

Вечером отец больно побил ее. Мать же пришла перед сном, чтоб утешить. Поглаживая волосы Елены, она вдруг сказала то, о чем девушка знала

уже давно.

— Ведь он не так уж и дурен собой.

— Его пальцы похожи на его рот! Такие же сухие и холодные, словно плавники рыбы!

— Ты хоть знаешь, о ком я?

— Да. — Мать вздохнула. Она была ревностной прихожанкой.

— А как он играет!

Потом мать ушла, и пришел сон. Перед тем, как настало забытье, Елене явственно явилось лицо Святого Отца Ворда и тонкие губы, с змеиным шипением выплевывающие злобные слова — ведь мы поймаем его…

Елена улыбнулась и уснула. Червю не дано поймать птицу.

* * *

Но его все–таки поймали. Приманив на землю и опутав хитро упрятанной в кроне деревьев сетью. Ликующие мясники приволокли крылатого юношу в церковь, где Отец Ворд окропил молочную кожу святой водой. Вопреки ожиданиям, кожа не потемнела и не задымилась, что, впрочем, не смутило священника.

— Бес силен! — провозгласил Святой Отец. — Но ничего, я совладаю с ним!

Святая церковь гуманна, но всему, даже гуманности, есть предел. Несмотря на свою мягкость, Отец Ворд счел возможным применить к упорствующему бесу особые меры. Беса жгли огнем, но он лишь улыбался, словно боль доставляла ему наслаждение. В конце концов Отец Ворд решил обратиться к слову. Ведь в начале было слово. Он отпустил палача и со вздохом опустился на скамью. Скамья была обита жесткой кожей, покрытой застарелыми подтеками крови. Распятый на железных цепях бес висел на стене напротив. Бес продолжал улыбаться, и это раздражало Ворда.

— Ты улыбаешься! — громко заметил он. — Смотри, как бы не пришлось горько рыдать.

— Зачем?

— Огонь стирает улыбку, — пробормотал Ворд и тут же вспомнил, что опаляемый огнем крылатый человек, напротив, улыбался. — Тебя ждет костер, очищающее пламя!

— Костер вернет меня домой, на небо.

— Твой дом — ад!

— Ты глуп, священник! — рассудительно заметил юноша. — Глуп и завистлив. Ты ревнуешь красоту, доставшуюся не тебе, а другому.

— Чушь, — быстро отреагировал Отец Ворд,

но в его голосе не было уверенности. Он встал, взял раскаленный прут и провел им по животу юноши. На белоснежной коже вздулся багровый рубец. Ангел улыбнулся, но от внимательного взгляда Ворда не ускользнуло, как расползлись зрачки, превратив голубое в черное.

— Ты чувствуешь боль, — удовлетворенно констатировал Святой Отец. — Думаю, мы договоримся.

Юноша промолчал. Казалось, возможность договориться отнюдь не прельщает его. Святой Отец приблизил узкое лицо к белоснежному лику пленника.

— Ты хочешь обрести свободу? — Голос Ворда был змеино вкрадчив.

— Ты предлагаешь сделку?

— Да.

— А что потребуется от меня?

— Совсем немного. Ты улетишь и больше никогда не появишься в наших краях.

Юноша вздрогнул.

— И значит, Елена достанется тебе?

Отец Ворд недовольно поморщился.

— Не говори скабрезности, сын мой. Я слуга Бога и поступлю так, как будет угодно Ему.

— А Богу угодно…

— Да! — коротко подвел итог дискуссии Ворд. — Богу угодно.

— Тебе ли знать, что угодно Богу, — пробормотал юноша, и лицо его исказилось.

— Я верный слуга Господа!

Пленник не обратил внимания на высокопарное восклицание священника. Тяжело повиснув на цепях, так, что кольца кандалов до крови пронзили тонкую кожу, он прошептал:

— Боже, как это низко!

Лицо Святого Отца приняло возмущенное выражение.

— Ты хочешь сказать, что я преследую тебя из–за этой девчонки?

— Из–за чего же еще?

— Нет, сын мой. Твоя ужасная вина в том, что ты с помощью бесовских чар делаешь то, что непозволительно делать человеку.

— Но я ангел!

Ворд усмехнулся.

— Ложь. Хотя ты, кажется, искренне веришь в нее. Ты чудовище. Ты бес, принявший обличье ангела. Но я насквозь вижу тебя. Я вижу, как через твою белую кожу проступает чернота души!

Священник с размаху ткнул прутом в грудь юноши. Хотя металл остыл, бес скривился от

боли.

— Ты заблуждаешься.

— Разве слуга Господа может заблуждаться?! Подобные слова осмелится произнести лишь слуга Сатаны! Но Бог милостив к заблудшим. Если ты отречешься от Сатаны и дашь обещание никогда не появляться в городе, он помилует тебя.

— Но если я отрекусь, — юноша пристально посмотрел на Ворда, — я стану чист. А значит, никто не вправе запретить мне остаться здесь.

Святой Отец стиснул тонкие губы.

— Вот, значит, как ты повернул! Не упорствуй, сын мой! Даже слуга Господа может потерять терпение.

Юноша никак не отреагировал на угрозу.

— Но я могу не отречься, а дать тебе обещание покинуть город. Что же тебе нужно, священник — мое отречение или обещание?

Лицо Отца Ворда застыло, превратившись в гипсовую маску. Оно словно умерло. Жили лишь глаза — суетливые, сомневающиеся, мечущиеся. Потом священник что есть сил хлестнул юношу прутом по лицу и закричал:

— Не искуси меня, Сатана!

Улыбнувшись, юноша заметил:

— Но ты не сказал.

У Ворда дрожали губы.

— Уйди из города, — едва слышно шепнул он.

— Вот ты и сделал свой выбор, священник! — В голосе юноши слышалось торжество победителя, однако Отец Ворд уже вполне овладел собой.

— Нас рассудит огонь! Завтра!

Бросив прут, Ворд выскочил из застенка. Ангел улыбался.

* * *

Быть может, Ворд мечтал об этом всю свою жизнь. Она пришла, пришла сама, пришла без приглашения и без принуждения. Она уже не осмеливалась надсмехаться над ним, напротив, он мог позволить себе с превосходством улыбнуться.

— Я ждал тебя, дочь моя.

Смиренно преклонив колена, Елена припала губами к руке Святого Отца. Священник воспринял выражение покорности от гордой девушки как должное. Он помедлил, наслаждаясь своей властью, и лишь после этого поднял девушку с колен.

— Сядь, дочь моя.

Елена повиновалась. Она уселась на краешек кресла и робко сложила руки на коленях. Отец

Ворд устроился рядом, почти касаясь рукой полуприкрытого платьицем бедра девушки. Его черные глаза прятались за приспущенными веками, голос был полон елея.

— Я слушаю тебя, дочь моя.

— Святой Отец, — голос девушки дрогнул, — я пришла к тебе просить за ангела.

Отец Ворд изобразил недоумение.

— Какого ангела?

— Того самого, что схватили твои слуги.

— Ты говоришь о крылатом бесе? — Отведя в сторону лицо, священник искоса посмотрел на Елену. Девушка кивнула. — Я что–то слышал о нем. Только его схватили не мои слуги, а слуги Господа.

— Твои, — тихонько не согласилась Елена.

— Не кощунствуй, дочь моя. Все мы слуги Господа, а я лишь первый из них. Да, слуги Господа привели крылатого беса ко мне.

— Что ты собираешься с ним делать?

— Господь милосерден, дочь моя. Если бес отречется от своего господина, Сатаны, мы ограничимся тем, что с позором изгоним его из города. Если ж нет…

— Что — если нет?

— Упорствующий в опасном заблуждении, от-

казывающийся вернуться в лоно истинной веры должен быть подвергнут наказанию огнем.

Девушка вздрогнула, словно языки невозженного пламени лизнули ее.

— Но Святой Отец, совет города отменил казни!

— Для раскаявшихся, да. Но ведь он упорствует в своем заблуждении. Он поклоняется Сатане.

— Неправда!

— Вот и ты пришла к опасному заблуждению, — вкрадчиво посетовал Отец Ворд. — Страшись, дочь моя! Заблудших ждет страшная кара!

— Ты угрожаешь мне?

Тонкие губы священника раздвинулись в лицемерной улыбке.

— Что ты, Елена! — Отец Ворд выговорил это имя плотоядно и в то же время с плохо скрываемой ненавистью, заставившей девушку вздрогнуть. — Кара ждет тебя в иной жизни. Когда вернется на землю Господь наш, праведники восстанут из могил и обретут вечное блаженство, отрекшихся же от него ожидают вечные муки. Будь смиренной, дочь моя, и Господь простит тебе твое заблуждение.

Руки Отца Ворда потянулись к волосам Елены с намерением коснуться их, но девушка резко

отшатнулась.

— Хорошо, — стараясь оставаться спокойной, сказала она. — Я буду смиренна. Это может каким–то образом повлиять на судьбу… — Елена замялась и нерешительно прибавила: — беса?

— Все зависит от степени твоего смирения.

— Говорите прямо, что вам от меня нужно, Святой Отец!

— Ты слишком торопишься, дочь моя. Ночь длинна, — сладенько прищурившись, сообщил Отец Ворд. — У тебя роскошные волосы…

— Я должна посвятить их церкви?

— Нет, что ты! — Священник протестующе замахал руками. — К чему такая жертва! Я могу стать благосклонней к этому бесу. Но при одном условии.

Отец Ворд умолк и, не тая вожделения, уставился на округлые колени девушки.

— Каком?

— При условии, что ты будешь благосклонна ко мне.

Лицо Елены осталось бесстрастным, лишь руки едва заметно дрогнули.

— Когда?

— О чем ты? — изобразил недоумение Отец Ворд.

— Когда я должна придти к тебе?

Священник вскочил на ноги. Лицо его исказилось гневом.

— Ты забываешься, дочь моя! Слуга Господа не может заниматься блудом!

— Но, насколько я понимаю, речь идет именно о служении Господу.

Отец Ворд усмехнулся, сел на прежнее место и вкрадчивым движением положил ладонь на бедро девушки.

— Ты мудра, дочь моя. Когда хочешь быть мудрой. Мы будем служить Господу сейчас же, а завтра узаконим нашу любовь, как этого требует церковь.

— Что? — Елена задохнулась от гнева. — Ты хочешь, чтобы я стала твоей женой?!

— А ты думала отделаться простым блудом?! — Тонкие пальцы священника вцепились в платьице с такой силой, что ткань не выдержала и треснула. Соблазнительно мелькнула нагота женского тела, но Отец Ворд, казалось, не заметил этого. — Ты осмелилась подумать, что я хочу этого?!

— А чего ты хочешь, Ворд?! — с ненавистью промолвила Елена.

Отец Ворд опомнился и убрал руку.

— Слуга Бога не должен даже допускать греховных мыслей о блуде. Все, чего я хочу, так это перевоспитать и вернуть в лоно истинной веры заблудшую душу. Взяв тебя в жены, я сумею сделать это.

— Не сомневаюсь!

— Ты дерзишь, дочь моя. Если ты и дальше будешь вести себя неразумно, мы не договоримся.

Священник был взволнован, как и Елена. Девушка бурно дышала, у Отца Ворда подрагивали руки.

— Я буду твоей сейчас же. Ведь ты этого добиваешься. Чего тебе еще надо?

Отец Ворд перевел дух и поправил растрепавшиеся волосы.

— Я уже сказал тебе.

— Я не стану твоей женой! — В голосе Елены слышалась решимость.

— Тогда бес взойдет на костер.

— Совет не допустит этого.

— Времена меняются, дочь моя. Вера подвергается испытанию. Совет знает это. Он сделает так, как захочу я. — Заметив, что Елена испытующе смотрит на него, священник прибавил:

— Я не преувеличиваю и уж тем более не лгу. Члены городского совета — слуги Господа, и они

не посмеют отказать мне. Так что решай.

Елена молчала. Отец Ворд неторопливо извлек сигару, обрезал серебряными ножницами ее кончик и со вкусом прикурил. Дым сизыми кольцами растекся по комнате. Дробно зазвонили часы, заставив Елену вздрогнуть.

— А если я соглашусь, ты отпустишь ангела?

— Да. Казнь будет заменена бичеванием, а затем его с позором изгонят из города. Это все, что я могу сделать, не отступаясь от Господа.

Елена задумалась.

— Так ты согласна? — спросил Отец Ворд.

— Я могу поговорить с ангелом?

Священник кивнул.

— После того, как примешь мое предложение.

— Хорошо, — с трудом выдохнула девушка. Я согласна стать твоей.

— Женой! — веско прибавил священник. Он поднялся и подал девушке руку. — Прошу достойную госпожу ознакомиться с моей опочивальней. — Тонкая сухая рука растворила дверь. — Это здесь.

Елена помедлила, а затем решительно, словно бросаясь в пропасть, шагнула вперед.

Дверь со стуком захлопнулась.

* * *

Пропитанная водой земля под церковью плакала. Влага выступала из невидимых пор, пленкой скапливалась на стенах темницы и, напитавшись тяжестью, струйками сбегала вниз, холодя измученное мукой тело. Ангелу было зябко, а когда ледяные змейки ползли по изъязвленным раскаленным железом ранам, тело пронизывала боль, куда более сильная, чем та, которую причинил огонь.

Ангел устал. Он задыхался в сумрачной чаше подземелья. Ему не хватало неба.

Ангел устал настолько, что ему едва хватило сил поднять голову, когда скрипнула отворяемая дверь.

Это была она, его любовь — земная, что во сто крат прекраснее небесной. Это была женщина, с которой он разделил небо и свою душу. А позади ее стоял тот, кто пытался погасить пожар любви и непрестанно твердил о Боге, которого, в отличие от ангела, совсем не знал.

Медленно переступая по усеянному выбоинами полу, Елена подошла к распятому на стене юноше, Отец Ворд тенью следовал за ней. Ангел пристально вгляделся в столь милый сердцу

облик любимой, и не мог не заметить перемен, произошедших с ней.

Прежде всего глаза — бегающие и несчастные, словно у провинившейся собаки.

Волосы, обычно лежавшие аккуратными волнистыми прядями, сегодня походили на тщательно расчесанную копну. Золотистый цвет побледнел и приобрел ломкость, свойственную и глазам.

И, наконец, губы. Они предательски подрагивали, а под нижней отчетливо виднелся тускло–багровый отпечаток — след куснувших нежную кожу зубов.

Ангел с трудом заставил себя отвести глаза от этого отпечатка. Кадык на его шее судорожно дернулся. Елена видела это непроизвольное движение и догадалась, о чем думает ангел. Повернувшись к ухмыляющемуся Отцу Ворду, девушка резко приказала:

— Святой Отец, оставьте нас.

— Как так? — попытался возмутиться Ворд.

— Ты не понял меня, священник?! — угрожающе процедила Елена. В ее тоне отчетливо звучали властные нотки, и священник спасовал перед ними.

— Хорошо, дочь моя, — пробормотал он. — Но я

буду за дверью.

Елена смерила Святого Отца презрительным взглядом.

— Вон!

Лицо Отца Ворда передернулось. Он хотел что–то сказать, но не осмелился. Одарив Елену и юношу долгим многозначительным взглядом, священник вышел, оставив дверь чуточку приоткрытой.

Но Елену мало волновало, что Отец Ворд может подсматривать за ней. Оказавшись наедине с ангелом, девушка бросилась к нему и прижалась щекой к изуродованной багровыми шрамами груди.

— Господи, за что они тебя так!

Ангел промолчал, во взоре его было отчуждение. Глотая слезы, Елена извлекла платок и отерла им запекшуюся на лице юноши кровь.

— Господи! — вновь прошептала она.

И тогда ангел нашел в себе силы улыбнуться.

— Не упоминай имя Его всуе!

— Да–да, конечно! — Елена непонятно чему обрадовалась. — Ты жив, и это главное. Я спасу тебя.

— От чего?

— Они собираются объявить тебя бесом и сжечь

на костре.

— Они не осмелятся.

— Теперь, да. Я добилась того, чтобы тебя освободили.

— Тебе это дорого обошлось! — с грустной улыбкой заметил ангел.

— Ничего, пустяки… — быстро проговорила Елена и, подняв глаза, осеклась, встретив внимательный взгляд ангела. В нем было не сочувствие, нет — невероятная брезгливость. Елена вздрогнула, почувствовав всю силу отвращения, нисходящего на нее от ангела.

— Но я должна была! Иначе они б убили тебя! И ты никогда б не увидел неба!

— А теперь?

— А теперь ты спасен! Священник отпустит тебя, и ты уйдешь из города.

— Меня ждет позорный столб, — рассудительно сказал ангел.

— Откуда ты знаешь?

— Я прочел это в твоих глазах.

Елена потупила взор.

— Любимый, — сказала она после небольшой заминки, и голос ее звучал буднично. — Ведь это не так уж страшно. Они вымажут тебя грязью, но ведь за городом есть река. Ты отмоешься и

взлетишь в небо.

— А ты не подумала, нужно ли мне после этого небо?

Девушка возмущенно фыркнула.

— Ну, знаешь ли! Я пожертвовала ради тебя самым дорогим, что у меня было!

Ангел качнул головой.

— Ты пожертвовала самым дорогим, что было у меня. Когда–то давно я потерял Господа, сегодня я потерял любимую, а завтра потеряю небо. Ты спасала меня от огня. Но что есть огонь, который жжет тело, в сравнении с огнем, язвящим душу? Ты предала меня.

— Глупец! — Маленькая ручка злобно хлестнула распятого по щеке. — Глупец! Они сожгли б тебя, а завтра пришли бы за мной. Ты этого хочешь?

— Кто знает, что будет завтра. И кто знает, что будет через месяц? Время властвует над нами.

— Не кощунствуй! — строго приказала Елена, и ангел отчетливо различил в этих словах отзвуки голоса священника. — Он уже проклял тебя, а я не желаю, слышишь, не желаю быть проклятой! Надеюсь, ты будешь счастлив.

— Надеюсь, ты тоже, — эхом откликнулся ангел.

— Я приду посмотреть на тебя завтра.

И вновь прозвучало почти эхом:

— Я приду посмотреть на тебя через месяц.

— Глупец!

* * *

Толпа торжествовала. Ей дарили зрелище, роскошное зрелище! Зрелище унижения одиночки, возвышающее толпу до вершин горделивости.

— Это он! — кричали кухарки. — Говорят, он осмелился летать!

— Точно, — соглашались мясники. — Этот мерзавец парил на двух штуках, что прикреплены у него за спиной.

— Какой он отвратительный!

— Еще бы!

— Какой он жалкий!

— А каким он еще будет!

— Он осмелился стать птицей!

— Нет, он хотел быть Богом!

— Отец Ворд вернул его на землю!

— Слава Святому Отцу!

Мясники поднимали вверх кружки с пивом и жирно щупали радостно взвизгивающих кухарок. Отец Ворд благожелательно улыбался толпе.

— Святой Отец, гляди, чтоб бес не удрал в пре-

исподнюю!

— Не удерет! — бормотал Отец Ворд.

Он и сам подумал об этом еще ночью. Бес мог сбежать, взвиться в небо. Святой Отец вызвал палача и велел тому перебить бесу крылья. Палач исполнил приказание в точности, и теперь за спиною истерзанного юноши беспомощными тряпками болтались два потерявших блеск обрубка.

— Слава Отцу Ворду!

— Слава Господу нашему! — бормотал Отец Ворд.

Толпе было радостно. Ведь сквозь нее волокли того, кто осмелился не быть толпой. Он рискнул взвиться в небо, вместо того, чтобы месить зловонную грязь запруженных отбросами мостовых. Он осмелился уподобиться птице, вместо того, чтоб походить на бесхвостых обезьян, которые веселят толпу в балаганах. Он осмелился распрямить спину и взмыть к солнцу, вместо того, чтоб, согнув колени, вознести душу к Господу. Он был:

— Отъявленный мерзавец!

Толпа ухала, бесновалась и брызгала слюною, празднуя свою победу.

Она бросала огрызки, и кости, и гнилые овощи, а ражие мясники щедро плескали в истерзан-

ное лицо юноши недопитое пиво из глиняных кружек.

— Освежись, бес! На костре будет жарковато!

Толпа ликовала, а она улыбалась.

Елена не могла не улыбаться, ведь за ней следили внимательные глаза Отца Ворда, чьей законной супругой ей предстояло стать сразу же после позорной расправы. Прильнув изящной головкой к плечу священника, она тихо прошептала:

— Ведь правда, ему ничего не будет?

— Правда, дочь моя, — так же тихо говорил священник. — Времена костров прошли. Наш век гуманен.

— Хорошо.

Елене было хорошо. Толпа обнимала ее ласковым, похотливым взглядом, и уже не хотелось думать об этом несчастном оборванце, чьи волосы спутаны и нечесаны, а некогда белое тело покрыто слоем грязи и отвратительными рубцами. Правда, у него остались прекрасные голубые глаза, но разве черное хуже голубого? Ведь это тоже небо, только ночное.

Елена закрыла глаза и ни о чем не думала.

Ей было хорошо в толпе, ведь она была рождена толпой.

Бил колокол. Звонко и торжественно.

Радостно матерились мясники.

Взвизгивали кухарки.

Посреди площади ждал столб, обложенный сырыми поленьями.

У столба стоял палач в красной рубахе и уродливокомичном красном колпаке. Палач игриво посвистывал кнутом. Глядя на этот кнут, толпа веселилась еще более.

— Поддай этому парню! — кричали ражие мясники.

— Выбей из него дурь! — вторили кухарки.

— Врежь как следует! — орала безликая, словно толпа, Луиза.

— Я думаю, это пойдет ему на пользу, дочь моя! — тихонько прошептал Отец Ворд.

— Ты прав, любимый, — кротко согласилась Елена.

Его уже возвели на помост, и кузнец готовился соединить штифтами оковы и врезанные в позорный столб кольца. Священник и девушка стали рядом.

— Покайся, сын мой, и Господь пощадит тебя! — проблеял священник.

— Покайся, и тебя отпустят. Ну, что тебе стоит? — тихо шепнула девушка.

Юноша посмотрел на стоящую рука об руку пару и вдруг улыбнулся. Радостно и весело. Словно оковы не тяготили его, а огненные рубцы не жгли кожу.

Толпа разразилась негодующим ревом, а священник и девушка одинаково раздраженно поджали губы — они сделали все, что могли, и они были не из тех, кто собирается сделать лучше.

Кузнец приготовил штифт, палач раскрутил над головой кнут и…

Юноша вдруг оттолкнулся ногами от помоста и взмыл вверх. Бестелесно и плавно, подобно и духу, и птице. В этот миг вышло солнце, и лучи его обняли стройное тело золотистым нимбом.

Толпа застыла, не в силах даже ахнуть.

Толпа застыла, не в силах поверить в чудо.

А чуда и не было. Просто толпа не знала, что ангел может взлететь даже с перебитыми крыльями.

Руки Отца Ворда дрожали, волосы Елены уподобились серой перепрелой соломе.

Ангел скрылся из виду, а мясники и кухарки еще долго стояли на площади. Они смотрели в небо, не в силах вобрать в себя мечту о свободном полете. Ведь они были толпой, той самой, что

виснет на ногах и руках чугунными отшельническими веригами.

Прошел день, второй и четвертый — и до города дошли слухи, что в ближних краях, за рекой, объявился человек, нарекший себя Инквизитором, и у человека белоснежная кожа, золотистые волосы, голубые глаза, а его плащ за спиною подобен крыльям парящей птицы, и руки его, не ведающие жалости, обращают в факелы всех, кто не верит в воспарившего в небо Бога.

Прошел месяц — и настал день, когда очищающее пламя доползло до города.

Орфей обернется

1

Наступит миг — и Орфей обернется, ибо слаба воля человека, преисполненного робостью и сомнением…

Замок Медного Круга возвышается на огромном скалистом утесе, выдающемся глубоко в море. Здесь день и ночь бушует ветер, а солнечный диск зарождается в темных волнах, отряхивает седую пену и умирает в хризоберилловой пучине, бросая ломкий свет на уродливое око луны.

Замок Медного Круга — семнадцать призе-мистых, похожих на пузатые бочонки башен, соединенные стеною из дикого камня. Они вырастают одна из другой и обиты шестигранными медными пластинами, излучающими нестерпимо ослепительный свет. Здесь полно высоких стрельчатых арок в мавританском стиле, а архитектура святилища напоминает великолепный арабский храм в Кордобе. Еще здесь есть донжон, дворец и казармы на двести сорок лошадей, и множество переходов — явных и скрытых, некоторые из которых выводят к пене морского

прибоя. Здесь в толще скал спрятаны казематы, в которых томятся сотни узников.

Замок Медного Круга — резиденция могущественнейшего Полидема, графа Западного Побережья. Ни один из смертных не осмеливается приблизиться к жилищу своего сюзерена, не имея на это высокого дозволения. Орфей совершал дерзость, делая это.

Он шел много дней, шел мимо селений и постоялых дворов, мимо лугов и пашен с копошащимися на них работниками. Люди почтительно приветствовали певца, снимая свои выжженные полуденным солнцем шляпы, Орфей с рассеянным видом кивал в ответ. Он не замечал лиц здоровающихся с ним, так как взор его был устремлен в сторону блистающего желтыми шпилями Замка. Порой певец останавливался и уделял несколько мгновений скромной трапезе, но и в этом случае он не отрывал глаз от вожделенной цели. Засыпая, Орфей рассматривал темнеющие на фоне умирающего дня зубцы башен, а просыпаясь, видел их четкие контуры, вычерченные холодными утренними лучами.

Певец не был зван и шел по своей воле, но знал, что его ждут. Равнодушно или с нетерпением, но ждут.

День был в разгаре, когда Орфей ступил на узкую, вымощенную розовыми туфовыми плитами дорогу, ведшую от подножия скалы к воротам Замка. Дорога эта была то полога, то крута, она вилась по каменным карнизам причудливым серпантином. Орфей двинулся по дороге навстречу своей судьбе.

Огненные башни Замка становились все больше и больше, пока не нависли над головою певца, подобно сверкающим сталактитам. Резкий ветер трепал выцветшую одежду, играл спутанными волосами и бородою. Путник выглядел жалко, хуже любого нищего, но стоявшие в воротах стражи беспрепятственно пропустили его внутрь Замка. Кто же не знал Орфея, величайшего певца Побережья! Офицер, чей торс был закован в легкий чешуйчатый панцирь, отсалютовал Орфею серебряной шпагой и приказал одному из солдат проводить гостя во дворец.

Орфея провели в просторные покои, принесли воды, благовоний и чистые одежды. Певец тщательно омыл лицо, руки, запыленные, истерзанные дорогой стопы, но не прикоснулся ни к бархатным штанам, ни к узорчатой рубахе, ни к украшенному самоцветами поясу из драконовой кожи. Он полюбовался этими прекрасными ве-

щами и отложил их в сторону. Подобная одежда приличествовала знатному господину, Орфей же был обыкновенным бродячим певцом.

Только–только Орфей покончил с туалетом, как явился слуга, сообщивший, что светлейший граф ждет его.

Граф находился на самой вершине Крылатой башни — двухсотфутового донжона, шпиль которого был покрыт самородным золотом. Попасть сюда можно было лишь одним путем — по узкой винтовой лестнице, огороженной хлипкими перильцами, чьи ступеньки шатались под весом человеческого тела. Это было совсем не легкое испытание. Орфей выдержал его и очутился в круглой комнате с шестью круглыми же окнами. Посреди комнаты стоял стол, окруженный двумя десятками дубовых кресел. Орфей машинально подумал, что хозяин Замка подражает легендарному королю Артуру.

Граф сидел в одном из кресел — самом высоком, увенчанном трехзубой короной. При появлении Орфея он чуть привстал, указал на стол и жестом приказал гостю садиться. Орфей молча повиновался.

Они сидели напротив, внимательно рассматривая друг друга. Врывающийся сквозь широкие

овальные окна ветер играл бархатными занавесями и складками роскошных одежд графа.

Граф Полидем по праву считался не только первым господином, но и первым мужчиной своего государства. Он был высок, статен и благородно красив. Широкие, словно у атлета, плечи венчала гордая голова. Кисти рук были невелики, что свидетельствовало о знатном происхождении, но о их силе ходили легенды. Говорили, что граф может смять пальцами стальную подкову. Полидем был лучшим наездником, стрелком из лука и бретером, он был самым галантным кавалером. Вдобавок ко всему он превосходно пел, уступая в этом искусстве лишь одному Орфею. И еще, когда граф хотел этого, он бывал отменно вежлив.

Молчание нарушил Орфей.

— Я пришел воззвать к твоей справедливости, граф!

Полидем сделал медленное движение головой.

— Я слушаю тебя, сладкоречивый Орфей.

— Месяц назад твои слуги похитили Эвридику, мою невесту. Я пришел сюда, чтобы забрать ее. — Граф промолчал, наливая в кубок вино. Орфей заволновался. — Ты вернешь мне ее?

— Почему бы и нет, если она сама захочет вернуться. Захочет ли она вернуться к тебе, Орфей?

— Она любит меня! — жарко выдохнул Орфей.

— Мне показалось, ей понравилось здесь.

— Не может быть! Она привычна к свежему воздуху, солнцу и свободе!

Полидем улыбнулся.

— Свежий воздух… Разве его мало здесь? — Словно в подтверждение слов графа в окна ворвался порыв мокрого морского ветра, заполнивший залу пряными запахами соли и гниющих водорослей. — Солнце… Оно не уходит отсюда с раннего утра до позднего вечера. Свобода… Я никого не держу здесь против его воли. В Замок трудно войти, но покинуть его может каждый. Ты напрасно считаешь, Орфей, что твоя Эвридика несчастна. Ей хорошо здесь.

— Не верю!

— Хорошо, в таком случае я предоставлю тебе возможность самому убедиться в этом.

— Как и когда?

— Сегодня вечером я даю бал. Ты увидишь на нем Эвридику. Если она пожелает, я позволю ей уйти с тобой. А пока исполни мою просьбу. Спой мне Балладу Морской волны.

Орфей ожидал подобной просьбы.

— Я готов, — сказал он.

Полидем хлопнул в ладоши, и слуга принес

изящный, инкрустированный золотом и перламутром инструмент. Орфей тронул серебряные струны и запел. Он пел о любви и разлуке. И пел так, что на глаза Полидема, графа Западного Побережья, навернулись слезы.

На море опустилась ночь, и трубы герольдов возвестили о начале бала. Зал, в котором собрались гости, был огромен и прекрасен. Витые ароматные свечи заливали его ровным светом, причудливыми бликами игравшим на вычурных статуях, доспехах стражников, шпагах кавалеров и изысканных украшениях дам. Во дворце графа Западного Побережья собралось самое изысканное общество, какое только можно себе представить. Здесь были шесть благородных князей, чья кровь лишь на гран менее чиста, чем графская, семнадцать баронов из Долины и девятнадцать с Побережья, двадцать четыре маркиза, имевших право на нашейную золотую цепь, и сорок один — с застежкой в форме родового герба. На бал явились рыцари и благородные разбойники, адмиралы и корсары, знатные дамы и обольстительные шлюхи. Мужчины были в дорогих, украшенных золотом и драгоценными камнями камзолах, дамы — в длинных платьях, нескромно декольтированных на груди и спине.

Среди этого великолепия дорогих тканей и мишуры всеобщее внимание привлекал Орфей, так и не расставшийся со своим потрепанным хитоном. Он стоял по левую сторону от графского трона, возвышавшегося на пьедестале у южной стены дворца. Гости кланялись графу, тот кивал им в ответ; Орфей раздавал поклоны вместе с хозяином Замка. Певец делал это машинальным движением, словно марионетка, ибо мысли его были далекодалеко — рядом с маленькой рыжеволосой женщиной с волшебным именем Эвридика.

Орфей не расслышал обращенных к нему слов и очнулся лишь тогда, когда в его ребра больно уперся графский локоть.

— Орфей, — шепнул Полидем, — а вот и она.

Встрепенувшись, Орфей устремил взор на женщину, подходившую к трону рука об руку с галантным кавалером. Это была Эвридика, но как мало она была похожа на прежнюю Эвридику, ту, которую знал Орфей. У той была чистая загорелая кожа и распущенные по плечам волосы. Лицо этой было ярко и со знанием дела раскрашено — щеки покрыты слоем жирных румян, лоб и подбородок припудрены, губы напитаны экстрактом вишни. Еще большие изменения претерпела

одежда. Куда подевалось простое льняное платье, столь сообразительно облегавшее стройную фигуру. Эвридика была облачена в роскошный наряд из парчи, шелка и кружев, на шее висело рубиновое ожерелье. Иной стала и походка. Если раньше Эвридика летала, почти не ощущая веса собственного тела, то теперь ее шаг стал мелок и жеманен, словно в расчете на поддерживающую руку кавалера.

Эвридика увидела Орфея, и на лице ее появилась улыбка. Певец понял, что она рада его приходу. Он собирался сойти со ступеней вниз, чтобы обнять ее, но в этот миг граф подал знак, и заиграла музыка. Медленная и тягучая, подобная жужжанию ленивого шмеля. Гости немедленно разбились на пары и начали вальсировать. Лишь хозяин Замка, Орфей и четверо вооруженных алебардами телохранителей неподвижно стояли на тронном возвышении. Все прочие кружились, притоптывали, легко перебегали из одного конца залы в другой. Лица кавалеров раскраснелись, яркие губы дам размазались лепестками улыбок. В воздухе витал пряный запах чувственности и наслаждения.

Орфей недовольно кривил рот. Его раздражала музыка — слишком громкая и сумбурная, по сути

— набор бессмысленных звуков. Оглушительно визжали скрипки, в этот визг врывалось глухое рыдание контрабасов и геликорнов, а через миг все тонуло в громоподобном реве труб. Какафония, лишенная красоты и гармонии.

Страдальчески щурясь, Орфей следил за тем, как танцует Эвридика. Она порхала словно разноцветная бабочка, подпрыгивая и перелетая с места на место. Она то взмывала вверх, то замирала в объятиях кавалера. И с лица ее не сходила счастливая улыбка. У Орфея холодело сердце, когда он ловил эту улыбку.

Едва кончился один танец, музыканты тут же заиграли новую мелодию. Вальс сменился жеманным контрдансом. Эвридика продолжала кружиться по залу. Голова ее томно лежала на плече партнера, тонкая талия трепетала от прикосновения сильной руки. Орфей неотрывно наблюдал за ней, граф Полидем столь же пристально рассматривал Орфея. В глазах хозяина Замка мерцали отблески пурпурного огня.

Это было необыкновенно красивое зрелище — сотни плывущих по темному мрамору пар. Тусклые блики играли на шитых золотом одеждах, разбрасывая неверные тени на стены и покрытый фресками потолок. Чадили куриль-

ницы, выбрасывая вверх струйки благовонного дыма, который не мог перебить сладкого аромата женского пота и страсти.

Орфей не шевелился. Лицо его все более бледнело. Наконец, не выдержав, он обернулся к хозяину, словно умоляя его остановить танец. Тот ответил улыбкой и прошептал:

— Видишь, ей у меня нравится.

Певец сглотнул липкую слюну.

— С кем она?

— Танцует?

— Да. Этот барон д'Эргвиль. Он командовал отрядом, который привез твою девушку в Замок. Он красив, верно?

Орфей не ответил, потому что барон д'Эргвиль был и в самом деле красив. Певец почувствовал, как его сердце кольнула острая игла ревности.

— Я заберу ее.

Граф Западного Побережья еще раз усмехнулся.

Потом были менуэт и мазурка. Эвридика продолжала танцевать, и лицо ее светилось неподдельным восторгом. Она была самой красивой дамой бала. Орфей чувствовал некое подобие гордости и одновременно острой ревности — чисто животной, за обладание самой привлекательной

самкой. Он пытался уверить себя, что счастлив, ведь он нашел Эвридику, но сердце не оставляли неуверенность и неясная тоска.

В последний раз взвизгнули скрипки, и все стихло. Музыканты начали подтягивать струны, танцоры потянулись к столам, на которых стояли блюда с фруктами, сластями и кувшины легкого светлого вина. Граф извинился и сошел вниз. Взяв под руку какого–то рыжеволосого господина, он заговорил с ним. И в этот миг Орфей ощутил, как внутри него дрогнула душевная струна — на возвышение поднималась Эвридика.

Девушка держала в руке надкушенный персик, сладкий сок которого пузырился на вишневых губах. Грудь ее вздымалась чуть чаще, чем обычно, на припудренном лбу проступили крохотные капельки пота.

— Привет, — сказала она, улыбнувшись.

Орфей кивнул и попытался изобразить ответную улыбку, но губы дрогнули, растянувшись в нервную гримасу.

— Я ждала, когда ты придешь.

— И я пришел.

— Да, — звонко подтвердила Эвридика и положила теплую, слегка влажную руку на плечо Орфея. — Ты пришел.

Я ужасно рада, мне было плохо без тебя.

— А мне без тебя. Я даже перестал петь, — пожаловался Орфей.

— Это ужасно! — сказала Эвридика, изо всех сил стараясь придать голосу соответствующие интонации. — Я так ждала тебя!

Орфей обратил внимание на то, что на них обращены сотни любопытных глаз, и ему стало не по себе. Потупив взор, он сжал в ладони тонкие девичьи пальцы и сказал; сказал совсем не то, что хотел сказать:

— Здесь красиво. Тебе нравится?

— Да, — не лукавя, ответила Эвридика. — Здесь весело.

Мне дали дорогие одежды и украшения. Обо мне заботятся слуги. Меня всячески развлекают любезные кавалеры.

Орфей смутился еще больше. Он вдруг осознал, что не сможет тягаться в красоте и изысканности манер со всеми этими разодетыми баронами и князьями. И что только они нашли в этой простой, не приученной к благородным манерам девушке?

— В таком случае, ты не захочешь оставить Замок?

Эвридика тоненько засмеялась, показав ост-

ренькие белые зубки.

— Что ты, дурачок! — Она сделала паузу, от которой сердце певца екнуло — не захочет. — Конечно же, я уйду с тобой. Я люблю только тебя. Мне нет дела до Замка и всех этих вельмож. Ведь ни один из них не питает ко мне чувств, которые заключены в твоем сердце.

— Даже барон д'Эргвиль?

Румяна не смогли скрыть того обстоятельства, что Эвридика покраснела.

— Он любезен со мной, но не более. И он безразличен мне. Хотя… — Эвридика замялась. — Хотя здесь очень неплохо. Может быть, нам остаться здесь? Уверена, граф Полидем будет рад, если ты согласишься жить в Замке.

Орфей покачал головой. Он хотел объяснить, что певец лесов и лугов не может жить заключенным в башне, пусть даже эта башня стоит посреди рокочущего моря и сделана из чистого золота. Певцу нужен простор, стены ломают голос, низводя его до хрипоты и писка. Орфей собирался сказать все это, но не успел. Расфранченный дирижер взмахнул палочкой, и раздались первые аккорды. Эвридика заторопилась.

— Милый, мы договорим позже. А сейчас я должна идти.

С этими словами девушка упорхнула вниз в переплетение сверкающих одежд, где ее поджидал победоносно улыбающийся маркиз д'Эргвиль. Звуки инструментов переплелись в ритмичный хаос, порождая примитивную мелодию. Сотни разноцветных пар возобновили кружение по залу. Раз–два–три, раз–два–три–па. Раз–два–три, раз–два–три–па. Орфей молча с тяжелым сердцем взирал на это кружение; и чувствовал, что в душе его рождается пустота. Ему стало тяжело, и он оперся рукой на золоченую спинку графского трона. Стоявший слева стражник косо взглянул на оборванца. Он намеревался сделать ему замечание, но наверх уже поднимался граф Полидем.

С улыбкой кивнув Орфею, граф занял свое место. Какое–то время он молча рассматривал причудливый калейдоскоп, образованный яркими одеждами танцующих, затем повернулся к певцу и поманил его пальцем. Орфей послушно нагнулся.

— Поговорили?

В голосе графа не было любопытства, лишь формальный вопрос. Орфей понял, что граф наблюдал за ним.

— Да.

— И что же?

— Эвридика согласна уйти со мной.

— Вот как? — на этот раз граф, похоже, удивился. — Надеюсь услышать то же самое из ее уст.

— Она подтвердит мои слова, граф Западного Побережья.

— Надеюсь, — вновь повторил Полидем.

В бархатных глазах графа играли багровые демонические огоньки. Он задумчиво коснулся рукой острого клинышка бородки.

— Ты ведь сам не веришь в это.

Орфей не возразил. Граф воспринял его молчание как свидетельство своей правоты.

— Она не пойдет с тобой.

— Лишь в том случае, если ты силой воспрепятствуешь этому! — резко воскликнул Орфей.

— Что ты, певец. Игра, предложенная тобой, мне по вкусу. Я заронил в твое сердце сомнение. Человеку свойственно сомневаться. Сомнение — вот в чем главное зло человечества. Даже в минуты величайшего счастья человека грызет червь сомнения, твердящий одну–единственную песню — а не есть ли настоящее счастье лишь пролог к грядущим бедам. Ведя на приспущенном поводу коня, человек то и дело оглядывается, проверяя, не оставил ли тот своего хозяина. Покидая надолго дом, муж искоса смотрит на жену, а не

готовится ли она принять на супружеское ложе сладострастного соседа? Не всякий полководец рискнет выйти вперед, чтобы возглавить атаку своего войска. И не из страха перед вражеским мечом. Он опасается судьбы Антония, покинутого своими легионами. Человек сомневается и оттого несчастлив. Человек опасается признаться в любви своей возлюбленной из страха, что она посмеется над ним. Друг опасается поделиться сокровенным с другом, ибо сомневается — а существует ли дружба вообще. Недоверие и мнительность правят миром. И посему я отпущу вас, но поставлю одно условие. Ты покинешь Замок первым, Эвридика будет следовать за тобой чуть поодаль. И если вдруг ты обернешься, чтобы убедиться, а не остановилась ли она, не повернула ли обратно, мои люди немедленно разлучат вас. Эвридика вернется в Замок, а ты пойдешь своей дорогой. Это и есть мое условие.

— Оно жестоко, граф.

— Конечно. Как и все в этом мире. Смерть сомнению! Да здравствуют решимость и непреклонность! Человек не вправе всю свою жизнь оглядываться назад, проверяя, а не отбился ли он от стаи. Человек должен быть уверен в своей силе, и тогда стая никогда не отобьется от него.

Ты согласен со мной, поэт?

— Нет, это слишком жестоко.

Граф усмехнулся, образовав на щеках симпатичные ямочки.

— Ты заставляешь меня повторяться. Жестокость определяет лицо мира. Это главная его сторона. Жестокость есть первое выражение незыблемости и постоянства. Сомнение есть апокалипсис незыблемости и основа слабости и страха. Ты должен изжить в себе глупый страх перед грядущим. Ведь ты певец, ты голос тысяч и тысяч. И ты не имеешь права проповедовать сомнение и страх. У тебя есть выбор — либо ты принимаешь мои условия и получаешь право уйти с Эвридикой, либо она остается у меня.

— Я принимаю твои условия! — закричал Орфей столь громко, что голос его заглушил шквал звуков.

А пары продолжали скользить по влажному мрамору пола…

Они покинули Замок на рассвете. Рядом с шедшим впереди Орфеем шагали два закованных в доспехи стражника, сотрясавшие воздух грохотом металла. Позади должна была идти Эвридика.

Орфею позволили взглянуть на его возлюб-

ленную в последний раз в воротах Замка. На Эвридике было выцветшее льняное платье, а привыкшие к мягкому сафьяну туфель ножки осторожно ступали по усыпанной соломой и конским навозом земле. Неподалеку стояли несколько придворных, среди которых был и барон д'Эргвиль. Он пристально смотрел на Эвридику, та же бросала на своего кавалера быстрые, словно случайные, взгляды, и Орфей вновь ощутил, как медный обруч сдавливает ему сердце.

Взошло солнце. Герольд махнул рукой.

— Иди! Граф ждет тебя у подножия скалы. Там конец твоему испытанию. И помни, стоит тебе обернуться, и девушка вернется в Замок!

Орфей кивнул — он помнил — и зашагал вниз по розовеющей в сиянии первых лучей дороге.

Посвистывал ветер, впитывавший абсолютно все звуки, кроме грохота медных сапог стражников. Еще громче был стук мнительного сердца. Орфей не сделал и пятидесяти шагов, а ему уже хотелось повернуть голову и удостовериться, что Эвридика идет следом. Сжав зубы, певец подавил это желание.

Еще сто. Медные сапоги стражников грохотали раскатами весеннего грома. Они шагали, словно нарочно, не в такт, низводя паузу между очеред-

ным ударом ноги о землю до бесконечно малого мгновения.

Дорога слегка повернула вправо. Орфей скосил глаза, надеясь, что произойдет чудо и он увидит хоть край одежды Эвридики. Но поворот был слишком плавным, к тому же шедший по правую руку стражник приотстал. Орфей решил, что он сделал это нарочно, и возненавидел стражников.

Трое вышли из–за каменного утеса, прикрывавшего дорогу с запада, и попали в мощный поток ветра. Воздушные струи рвали одежду и разухабисто свистели в ушах. Вой был столь силен, что Орфей даже перестал слышать удары собственного сердца. Они утонули в этом дыхании моря, порожденном слиянием ночной прохлады и восходящего солнца.

Нога Орфея подвернулась, и он едва не упал. Стражники поспешно подхватили певца под руки, более всего заботясь о том, чтоб он ненароком не подсмотрел, что творится у него за спиной. Они были вовсе не злыми, эти стражники. Орфей чувствовал, что они желают ему добра, но он все равно ненавидел их. И еще — в этот миг он был готов отдать все добро этого мира за один–единственный звук — шелест легких девичьих ножек. Но как же сильно изменилась Эвридика!

Десять, пятнадцать, двадцать шагов. Оставалось совсем немного, но черный червь сомнения все глубже вгрызался в трепещущее сердце Орфея. Он входил тонким иззубренным буравом и рвал плоть в кровавые клочья.

Впереди возник смутный силуэт. Орфей ускорил шаг. Он шел все быстрее, потом побежал. Он мчался навстречу ухмыляющемуся графу Западного Побережья. Он уже мог разглядеть золотой узор на его камзоле. И он не выдержал и на бегу обернулся назад.

Дорога была пустынна. Ни стражников, ни Эвридики не было и в помине.

Ошеломленный, задыхающийся, Орфей приблизился к графу.

— Как же так? Ты обманул меня!

Полидем, граф Западного Побережья, с усмешкой посмотрел на Орфея. В его бархатных глазах мешались сочувствие, презрение и жестокость.

— Она поняла, что ты не выдержишь испытания. А прежде она поняла, что ей хорошо у меня. И она чувствовала, что и ты понял это. Сомнение оказалось сильнее твоей любви, Орфей. Так пой же отныне лишь грустные песни. Пой!

Граф аккуратно обогнул Орфея, словно имел дело с неодушевленным предметом, и зашагал

вверх к Замку. Орфей смотрел ему вслед до тех пор, пока крохотная фигура Поли–дема не слилась с черным месивом скалы. И тогда из глотки Орфея вырвался ужасный вой.

То был плач по утерянной любви.

То был вопль путника, вдруг осознавшего, что ему не дойти до желанной цели.

То был гимн сомнению.

А где–то далеко, на вершине скалы, танцевала легкая, словно мотылек, Эвридика.

2

Наступит миг, и Орфей обернется, ибо сила человека ничто в сравнении с волей бессмертных богов…

Фидий изобразил повелителя неба громадным базилевсообразным мужем с тяжелыми мускулами атлета и глазами, переполненными жгучей черной энергией. В гневе эти глаза сверкали, и тогда на землю летели молнии, испепеляющие все сущее. Фидий не страдал избытком идолопоклонства, каждый представлял бога примерно таким — огромным и грозным. Величие — во всеобъемлии, величие — в силе, способной подавить человеческое я. На деле бог был куда более земным, чем представлялось людям. Он ел, пил,

справлял естественные надобности, волочился за шлюхами, не оставляя вниманием ни один подол, за которым пряталась стройная ножка. У него было лицо портового менялы — острое и жуликоватое, словно лисья мордочка, объемистый животик, тоненький визгливый голос и такой запас цинизма, которому мог позавидовать сам Антисфен, бывший, впрочем, скорей философом, нежели циником. И еще у него были противные потные руки, которыми во время разговора он лапал своих собеседников. Что и говорить, это был пренеприятный субъект, и люди обращались к нему лишь в случае крайней необходимости.

У Орфея такая необходимость была.

Как и положено, человек пал на колени, воздев вверх руки.

— О великий Вседержитель!

— Немедленно поднимись! — завопил в ответ бог и прибавил, наблюдая за тем, как проситель с хрустом распрямляет ноги: — К чему это низкопоклонство!

Он выставлял себя либералом, это считалось признаком хорошего тона.

Орфей поднялся. Бог стоял на небольшом подиуме и оттого казался огромным и внушительным, но певец знал, что все это не более чем иллюзия.

Иллюзия, претендующая на величие, обманна. Под нею скрываются низменные страсти и пожелтелая ткань заношенных кальсон. Но правила игры требовали быть смиренным. И Орфей изобразил смирение. Для этого ему пришлось опустить уголки губ и наморщить лоб. Проделав подобную метаморфозу со своим лицом, певец посчитал, что формальности соблюдены, и перешел к делу.

— Великий Вседержитель, взываю к твоей справедливости!

— Я слушаю тебя, певец, — отозвался бог. — Изложи мне суть дела, с которым ты пришел ко мне, я рассмотрю его и покараю твоих обидчиков, если тебе нанесена обида, или тебя, если обиду нанес ты.

— О великий Вседержитель, ты мудр и благороден! — провозгласил Орфей. Бог милостиво кивнул, изобразив улыбку.

— Говори.

— О великий Вседержитель…

Бог начал выходить из себя.

— Я велю тебе — говори!

— Хорошо.

Орфей понизил голос сразу на два тона, поменяв восторженность на оттенок доверительности.

— Какой–то мерзавец похитил мою возлюбленную Эвридику.

При этих словах бог вздрогнул и, как показалось Орфею, стал чуть ниже. Однако лицо его осталось бесстрастным, хотя нет — оно изобразило сочувствие.

— Ай–яй–яй, какой мерзавец! Назови мне его имя, певец, и я испепелю негодяя молнией.

Глаза бога грозно сверкнули, из–за ширмы, где стоял магнитофон, донесся грохот грома, а система подсветки изобразила далекую зарницу.

— Я не знаю его имени, но люди, видевшие, как все произошло, рассказали мне, что похититель прискакал на колеснице, запряженной шестеркой белых жеребцов.

— Да? — Бог почесал плешивую голову и сошел с подиума навстречу Орфею. — Что ты говоришь, Орфей? — спросил он, понизив голос почти до шепота. — Ведь это колесница моего брата.

— Так может быть, это его рук дело?

— Думай, прежде чем говоришь! — крикнул бог. — Брат Вседержителя вне подозрений.

— Да, — послушно согласился Орфей.

— Впрочем, — бог взял просителя под локоток и увлек его из тронной залы на открытую веранду. Когда они очутились вне дворцовых стен, бог

толкнул Орфея плечом и, хитро усмехнувшись, шепнул:

— Здесь нет микрофонов. — После этого бог вернулся к прежней мысли. — Впрочем, мой папаша говаривал, что в тихом омуте черти водятся. Правда, он говорил это обо мне. И к тому же с его стороны это было всего лишь предположение, превратившееся в утверждение, лишь когда он очутился на нарах. Но Посейдон хороший семьянин, как ты считаешь?

— Если не принимать в расчет полусотню его внебрачных детей, да.

Бог захихикал.

— Кто не без греха! Так, значит, этот пират уволок твою подружку?

— Я тоже так вначале подумал, но видевшие похищение утверждают, что колесницей управлял вовсе не Посейдон.

— Кто же?

— Они не разглядели его лица, но смогли заметить, что похититель был кривоног, сутул и плешив.

Бог медленно разогнул спину и отодвинулся от Орфея с таким расчетом, чтобы тонзура, выбритая годами и сладострастием, была менее заметна.

— Тогда, может быть, это был кто–то из его

слуг?

— Я так и подумал, Вседержитель. И потому обратился за советом к всезнающему Сизифу.

— Как, этот мерзавец еще жив? — неприятно изумился бог.

— Да, и одна очень влиятельная особа выплачивает ему пансион, вполне достаточный для обеспечения сытой старости.

Бог состроил умильную гримасу.

— Я не злопамятен к поверженным врагам. И что он тебе сказал?

— Сизиф посоветовал мне искать следы у того, кто некогда похитил дочь Эсопа.

— Как? — Бог оскорбился. — Ты подозреваешь меня?

— Да, Вседержитель. Тебе же известно, что Сизиф не ошибается.

Бог рассеянно поковырял пальцем в носу.

— Ах, Сизиф, Сизиф! Каков мерзавец! И это после всего того, что я для него сделал! Неблагодарный!

— Неблагодарность простительна для человека, — заметил Орфей.

— Ты полагаешь? — Бог оживился. — А вот если, к примеру, рассмотреть неблагодарность как эманацию провидения…

Певец не дал собеседнику развернуть мысль.

— Мы не на афинской агоре!

Бог поблек и кашлянул.

— Верно. Так чего же ты хочешь?

— Верни мне мою женщину.

— Это чрезвычайно дерзкая просьба, Орфей.

— Согласен. Но ты не заслуживаешь иного обращения.

— Я могу покарать тебя!

— Перемотаешь пленку и изобразишь гром?

— Неслыханная дерзость!

Орфей не отреагировал на это замечание и принялся насвистывать мелодию неприличной песенки. Бог пребывал в легком замешательстве.

— Согласись, это даже как–то неудобно, чтоб Вседержитель исполнял требование простого смертного. Все же я бог или не бог!

— Слушай, ты, бог! — Орфей резко повернулся к собеседнику. — Будешь слишком много болтать — я сообщу о случившемся божественному совету и поставлю вопрос о твоем переизбрании.

Лицо бога покраснело от досады и ярости.

— Шантаж? — свистящим шепотом выдавил он.

— Считай это чем хочешь. Тебе мало других юбок?

— Но право сюзерена?

— Забудь о нем! Времена изменились.

Бог поднял вверх правую руку, растопырив пальцы, принял выспренную позу и провозгласил:

— О времена, о нравы!

— Компилятор несчастный! — немедленно отреагировал Орфей.

— Да что ты понимаешь! Если хочешь знать, это откровение подсказал Цицерону именно я!

— Мы отклонились от темы.

— Да–да. Знаешь, Орфей… — Бог доверительно положил потную ладонь на плечо собеседника. — Мне как–то неудобно возвращать твою Эвридику так просто без какого–либо условия. Подумают, что я уступил тебе из слабости. Согласись, это может подорвать авторитет власти. Ты, как член совета, должен об этом думать.

Орфей задумался. На его лице отразилась целая гамма чувств — брезгливость, сомнение, согласие наконец.

— Твоя правда. Что ты предлагаешь?

Бог причмокнул пухлыми губками.

— Надо сделать так, чтобы ты согласился на какое–нибудь условие. Что–то вроде небольшого испытания. Знаешь, боги часто подвергают лю-

дей испытанию.

— Что я должен сделать? Пройтись по морю или слетать на луну?

— Что ты! Что ты! — Бог замахал руками. — Меня засмеют, если я остановлю свой выбор на столь низкопробном шарлатанстве. Здесь требуется что–нибудь оригинальное. Этакое рыцарское испытание. Нечто вроде обета молчания.

Орфей хмыкнул.

— Чего удумал! Если я перестану петь, кто будет платить мне деньги?

Бог скривился, словно у него заболел коренной зуб.

— Да речь идет совсем не об этом. Пой сколько влезет.

Я сказал это так, к примеру. Ну, хочешь, возьми обет месяц ходить спиною вперед.

— Чтоб я, член божественного совета, ползал раком? Не бывать этому!

— Да, не совсем удобно, — согласился бог. — А как ты посмотришь на то, чтобы недельку попоститься?

Орфей ответил мрачным взглядом.

— Завтра начинаются Великие Мистерии. Ты хочешь, чтобы меня приняли за идиота?!

— М–да! Трудная ситуация. Может быть, ты сам

придумаешь что–нибудь?

— Я не знаю. Вот что, отдай мне ее просто так, а я сочиню за это в твою честь хвалебную оду.

— Само собой разумеется, что ты сочинишь в мою честь оду. Но вот отдать ее тебе без испытания я не могу. Подорвет авторитет власти. Как член божественного совета ты должен понимать это.

— Заладил — член, член! — рассердился Орфей. — Тогда назначай испытание!

— Ну хорошо, давай поступим таким образом. Я наложу на тебя заклятие… Формальное, конечно, — поспешил прибавить бог, видя, что Орфей намеревается возразить. — Заклятие следующего рода. Я отпускаю Эвридику, но с тем условием, что она пойдет вслед за тобой, а ты должен будешь ни разу не оглянуться. Если же ты оглянешься, она останется у меня. — Бог хихикнул. — Я давно мечтал о симпатичной пухленькой экономке. Ну как, согласен?

Орфей засомневался.

— Подозрительно все это. Какую выгоду извлечешь ты?

— Самую прямую. Если ты оглянешься, то тем самым будет подтверждена неотвратимость божественной воли. Если же ты справишься с

испытанием, все узнают о моем благородстве и добросердечии. Тоже недурная реклама.

— А ты хитер! — Орфей усмехнулся.

— Приходится быть хитрым. Жизнь такая.

— Ну ладно, допустим, я соглашусь. Когда все это произойдет?

— А когда хочешь.

— В таком случае прямо сейчас.

Бог хитровато сощурил левый глаз.

— Что, соскучился по пухлым сиськам?

— Не смей говорить о моей женщине в подобном тоне! — потребовал Орфей.

— Хорошо, хорошо…

Обернувшись к темному проему, бог закричал:

— Гермес! Гермес, собачий сын!

Появился Гермес, жирный и лениво позевывающий.

— Что тебе, пес?

— Как ты смеешь разговаривать со мной подобным тоном?!

— Ну, если я собачий сын, а ты мой отец, то следуя абсолюту, можно придти к заключению…

Бог подскочил к разговорчивому юнцу и с размаху влепил ему затрещину.

— Слышал, какой умник? — вопросил он, оборачиваясь к Орфею. — Наглец! Дешевка! Ученик

софистов!

Гермес обиделся.

— Да они тебя шутя за пояс заткнут!

— Сам заткнись! — велел бог. — И чтоб я больше от тебя подобного не слышал. Садись и пиши.

Пробурчав что–то нечленораздельное, Гермес нехотя устроился за небольшим столиком, который по собственной инициативе выскользнул из чрева дворца. Взяв в руку парке–ровское перо, юнец осведомился:

— Чего писать–то?

— Пиши! — Бог вдохновенно закатил к небу глаза и начал диктовать:

— Я, великий Вседержитель, бог неба и земли, заключаю договор с членом божественного совета…

— Не части! — перебил Гермес.

Бог поубавил тон.

— Орфеем, согласно которому, то есть договору, обязуюсь добиться возвращения жены… — бог вопросительно взглянул на певца, тот кивнул, — … жены вышеозначенного Орфея, похищенной неизвестным, при условии, что тот, то есть Орфей, пройдет следующее испытание, а именно проделает путь от моего дворца до парадных ворот, ни разу при этом не обернувшись. В противном

случае жена вышеозначенного Орфея остается у того, кто является ее владельцем в настоящий момент. Написал?

— Настоящий момент, — пробормотал Гермес и поднял голову. — Готово.

Забрав у сына перо, бог протянул его Орфею.

— Подпиши.

Тот на мгновение заколебался, но потом все же вывел свое имя. Рядом появились размашистая подпись бога и дата.

— Все формальности соблюдены. Сейчас приведут твою подружку.

Орфей издал глухое сопение, воспринятое богом в свой адрес.

— Ты не думай, что это сделал я. Ее похитил мерзавец Гадес. Сам знаешь, он мастер на подобные проделки. Я лишь отбил ее, чтобы вернуть тебе. — Орфей засопел еще громче. — Ах да, — спохватился бог, — ведь ты должен умолять меня, петь мне свои чудесные песни…

— А не пошел бы ты! — недвусмысленно предложил Орфей.

— Так не положено, Орфей. Ведь ты, как член божественного совета, должен думать об авторитете власти.

— Ну хорошо, — сдался певец. — Что петь–то?

— А хоть вот эту… — Бог прокашлялся и тоненько затянул:

— Где вы теперь, кто вам целует пальцы…

Орфей подхватил мелодию, старательно подстраиваясь под фальшивый тенорок бога. Гермес беззвучно хохотал, повернувшись к ним спиною. Жирные плечи его тряслись, словно куски свиного студня.

Была пропета еще одна песня, затем еще одна, прежде чем появился слуга, ведший за руку Эвридику. Увидев Орфея, девушка бросилась к возлюбленному и повисла на его плечах.

— Ладно, ладно, голубки, — проворчал бог, с нескрываемым вожделением поглядывая на загорелые ляжки Эвридики. — Поворковали и хватит. Певец, изложи ей суть нашего договора.

Орфей послушно объяснил возлюбленной, что она должна делать.

— И заруби у себя на носу! — встрял Зевс. — Ты, девка, не должна издавать ни звука, ни шороха, иначе я зачту твоему приятелю поражение. А ты, мой сладкоголосый соловей, ни под каким предлогом не должен оборачиваться.

— И не подумаю! — Орфей нагнулся к уху Эвридики и что–то прошептал. Девушка улыбнулась, что заставило бога нахмуриться.

— Надеюсь, хотя божественную волю не так–то легко одолеть.

Орфей расхохотался и неприличным жестом показал, что думает о божественной воле и ее обладателе.

— Хам, — процедил бог, когда Орфей направился по гаревой дорожке, ведущей к воротам. Он нежно лапнул руку Эвридики. — Красотка, может быть, тебе все же стоит подумать насчет того, чтобы остаться у меня.

— Я уже говорила тебе — женись!

— Мое солнышко, — проворковал сластолюбец. — Ведь я не турок какой–нибудь, чтобы иметь двух жен. Знаешь, сколько у меня было таких, как ты. Да послушай я каждую из вас, мне пришлось бы содержать целый гарем! Моя кошечка!

С этими словами бог ущипнул девицу за пухлую попку. В ответ она звонко шлепнула ловеласа по щеке.

— Тогда отваливай! Орфей обещал жениться на мне!

Не слушая новых увещеваний, Эвридика вырвалась из липких объятий и быстро сбежала по ступеням дворца. Гермес продолжал беззвучно хохотать, пребывая в совершенном восторге от этой сцены, пока его жирная спина не ощутила

увесистый шлепок.

— Ну что, насмеялся?

— Да… я…

— Молчи! — велел бог. — Молчи и слушай. И прими форму.

Гермес кивнул и в тот же миг исчез в облаке розового дыма. Через мгновение он появился вновь, красивый и стройный. Бог оглушительно чихал.

— Аллергия на эту пакость, — пробормотал он, разгоняя правой рукой рваные куски дыма, а левой вытирая бегущие по щекам слезы. — Теперь слушай меня! Первое, дежурный ивовый куст у ворот.

Гермес извлек из кармана штанов коробочку дистанционного передатчика и нажал на одну из кнопок. Земля возле входа в парк разверзлась, и из нее выскочил ивовый куст.

— Готово.

— Отлично! — одобрил бог. — Второе, двух киллеров к Сизифу. Наглец стал слишком болтлив. Да прикажи им работать мечами, а не ядом, как в прошлый раз. Старик напичкан противоядиями

от головы до самой задницы — прямо Митридат[2] какой–то! И, наконец, третье, выпусти универсал, в котором сообщи всем, что певец Орфей сошел с ума и помещен в клинику Менад. Там знают, что с ним делать. Все понял?

— Да, отец.

— Тогда вперед, мой милый. Отдай все соответствующие распоряжения и, будь любезен, принеси мне цейсовский бинокль.

Через миг бог, держа искомый предмет в руках, наблюдал за Орфеем.

Орфей шагал широко и уверенно, Эвридика, как и было велено, следовала за ним на должном расстоянии. Вот Орфей достиг ворот, и тогда бог нажал на одну из кнопок — третью в третьем ряду. Ивовый прут, самый близкий к тропинке, колыхнулся, словно от порыва ветра, и устремился прямо в лицо Орфею. Инстинктивно, защищая глаза, тот отвернулся и встретился взглядом с Эвридикой.

В тот же миг победно взревели динамики, спрятанные меж клумбами. Прибежавшие санитары

---

[2] Примечания: 2

Митридат 6 Евпатор, царь Понтийского государства,опасаясь быть отравленным, всю свою жизнь принимал значительные дозы ядов в качестве противоядия, обезопасив таким образом себя от покушений подобного рода.

скрутили Орфея, а выскочившие из дворца слуги потащили брыкающуюся Эвридику к ее новому господину.

— Воля бога — закон! — напыщенно продекламировал Гермес, заключив этой фразой текст уже готового универсала. Довольный своей работой Гермес беззвучно захохотал.

Бог вернулся во дворец и ласкал присмиревшую Эвридику, насвистывая при этом мелодию своей любимой песенки, которую только что столь фальшиво напевал на пару с Орфеем. Только теперь в его голосе не было слышно ни единой неверно взятой ноты.

3

Наступит миг — и Орфей обернется, ибо песня гаснущей природы преисполнена грусти и одиночества…

Люди старались реже бывать в Гефсиманском Лесу; считалось, что через него проходят пересекающиеся плоскости времени и пространства. Быть может, все это выдумал досужий мудрец, но по крайней мере здесь было в переизбытке непонятного и необъяснимого. Солнце могло вдруг раздвоиться, а день превратиться в ночь. Здесь царили таинственные шорохи, а на едва

приметных тропинках можно было повстречать вервольфа, русалку или сатира. И подобная встреча не вызывала изумления, ибо в таком месте могло случиться что угодно.

Люди не любили этот Лес. Он не вписывался в объяснимый прагматичный мирок, к которому они принадлежали. Каждый знал, что должен делать при встрече с разбойниками, но ни один не имел представления, как поступить, столкнувшись с лесной ведьмой или тенью отца царевича Гамлета. Еще поговаривали, что где–то здесь находится вход в Аид, а на одном из заросших елями холмов давным–давно был распят самозванец–маг. Это, как вы понимаете, тоже не прибавляло Лесу популярности.

Все сторонились его, и лишь один из всех считал Лес своим домом. Но что взять с поэта, ко всему прочему еще и сумасшедшего. А как иначе? Вдумайтесь сами, станет ли нормальный человек ночевать в медвежьей берлоге или сочинять песни, непривычные человеческому слуху. А уж если копнуть глубже — станет ли нормальный человек поэтом?

Вот то–то и оно. Поэтому все поэты сумасшедшие. Тихие иль буйные, любимые или нет, но сумасшедшие. И отношение к ним соответ-

ственное — как к глупым, непонятным и смутно опасным существам. В лучшем случае накормят да пустят переночевать.

Этот не просил ночлега, его домом был Лес. И не заговаривал о еде, о ней заботились лужайки и шумящие деревья. И потому он прослыл немного колдуном, неопасным, хотя и загадочным. Он был загадочен, словно Лес.

У него было имя, но никто не помнил его; все называли его просто Поэт. Он сочинял стихи и клал их на музыку. Странные слова и еще более странная мелодия. Торговцы и крестьяне не понимали его песен, но поговаривали, что если слушать их долго, то можно увидеть наяву и цветенье волшебной травы, и трепетный бег ручейка, и порханье пурпурных бабочек, услышать пение сладкоголосых птиц и тонкий гомон эльфов, можно почувствовать необычное тепло лучей, испускаемых двойным солнцем. Ясное дело — здесь не обходилось без колдовства.

Поэт являлся в деревню лишь несколько раз в год — на праздники, где развлекал толпу своими причудливыми песнями. Кто–то смеялся над ними, но находились и такие, что плакали. Но зачем говорить об этих последних, ведь в мире и без того так много печали и неустроенности. Сме-

ющиеся совали Поэту кусок пирога и гнали его обратно в Лес — водить хороводы с призрачными красавицами.

Но случилось так, что в Поэта влюбилась красавица реальная, первая красавица деревни. Ее так и звали — Красавица. Происшедшее нельзя было даже назвать романом. Роман не бывает столь стремителен, и развязка его, увы, банальна. Это была Любовь, чувство, о существовании которого подозревают немногие, ведь многим даже неведомо это слово — Любовь. Красавица решилась на неслыханную дерзость — она просто–напросто ушла вслед за Поэтом, оставив семью в печали и позоре. Был большой скандал. Обманувшиеся в своих надеждах женихи хотели отправиться в Лес и вернуть Красавицу силой, но побоялись, старухи пели нескончаемую быль о колдовстве, и лишь моряк Грей задумался — а не стал ли он свидетелем чуда, равного которому нет на свете. Но что взять с моряка! Он был новым человеком в этих краях и ко всему прочему имел скверную репутацию мечтателя.

Красавица ушла, и вскоре о ней стали забывать. Она так и не появилась больше в деревне, хотя Поэт приходил не раз. Как и прежде, он пел людям песни, но с некоторых пор эти песни стали более

понятны, и все с удовольствием слушали бесхитростные слова о стрекочущих сверчках, лошади, неохотно жующей перепрелую солому, и свиданиях на мельничном мосту, когда загорелые молодцы лапают девок, вгоняя тех в счастливую краску. И мужики стали аплодировать Поэту и даже здороваться с ним, когда он проходил по грязным улицам. Лишь Грей хмурился, а вскоре и вовсе уехал куда–то за гору, где, по слухам, плескала огромная соленая река, именуемая по недомыслию морем.

Одновременно стали поговаривать об изменениях, произошедших в Лесу. Будто бы русалки и лешие оставили Лес, а двойное солнце больше не встает над горизонтом.

А вскоре Поэт пришел в последний раз и сказал, что Красавица умерла. Он не ответил на расспросы, лишь бросил, уходя, дерзкую фразу о том, что он вырвет свою Любовь из царства мертвых.

Он был дерзок, этот сумасшедший!

Поэт ушел, дав досужим кумушкам пищу для сплетен. Сидя на завалинках, они лузгали жареные семечки и рассуждали о том, какой смертью померла Красавица. Одна утверждала, что ее душу забрали ужасные призраки, вторая, поглядывая на полную луну, шептала об оборот-

нях, третья и четвертая сходились на том, что бедняжку убил Поэт. Ведь недаром его считали сумасшедшим.

А истина была иной. Красавица просто умерла. Она была слишком красивой, чтобы не вызывать зависти Смерти. И слишком счастливой. А Смерть всегда благосклонна лишь к тем, кто во власти большого горя. Горе питает Смерть. Счастье причиняет ей боль. Старуха чувствительна к боли.

Она пришла и взмахнула косой, той самой иззубренной косой, какой размахивает костлявый всадник дюреровского Апокалипсиса. Коса прошла по шее красавицы и мигом выпила всю кровь. И тогда Смерть почувствовала себя счастливой.

Красавица ушла, и Поэт сразу почувствовал, что что–то изменилось. Нет, он не ощущал боли, его даже не слишком мучило чувство утраты. Просто ушло то, чем делилась с ним Красавица, часть мира, привнесенная ею. Солнце вновь обрело два лика, а день стал ненормально прерываться лунной темнотой. В дубраве поселилась банипи, с наступлением сумерек, как когда–то, мелькали огоньки эльфов. Все возвращалось. Поэт не знал, плохо это или хорошо. Но он чувствовал себя обязанным женщине, которая показала ему иной

мир, которая смогла изменить его мир. И потому он решил схватиться со Смертью.

Поэт знал, что Смерть не переносит дерзких и не склонна к жалости. Но даже палач, отдыхая от работы, становится сентиментальным. Никто не рассказывал об этом Поэту, но он знал это. Им двигала Любовь и в большей мере чувство долга. И еще — претензия на бунт, присущая любому Поэту.

Наполнив глиняный сосуд душистым пчелиным медом, Поэт взял свою старенькую гитару и двинулся на встречу со Смертью.

Если вы думаете, что Смерть обитает под землей, вы ошибаетесь. Под землей лишь кладовые Смерти. А дом ее стоит на высоком холме посреди елового леса, где воздух чист и вкусен, а солнца роняют на землю веселые блики.

Поэт шел по Гефсиманскому Лесу, и Лес радовал его. На просеке Поэт повстречал добрую фею, та угостила его великолепным завтраком. Леший, свивший гнездо в ветвях трехсотлетней секвойи, одарил Поэта туеском спелой малины. Русалка напоила ледяной водой, зачерпнутой с самого дна глубокого колодца.

Потом ему повстречалась женщина с кошачьей головой, украшенной литой серебряной короной.

Она сделала Поэту непристойное предложение, а когда тот отказался, не обиделась и пожелала ему счастливого пути.

Странные птицы, мало похожие на обычных, насвистывали мелодии, сочиненные Поэтом, хотя нет — скорей Поэт некогда позаимствовал мелодии у этих птиц.

На развилке Поэт повстречал говорящего медведя, задиру и болтуна… Тот считал себя самым умным в Лесу и оттого вечно говорил глупости, но сегодня он высказал мысль, поразившую Поэта своей простотой и глубиной.

— Любая игра должна быть доведена до конца! — Вот что сказал медведь.

Поэт не понял, к чему отнести эти слова, но на всякий случай запомнил их.

В березовой роще пировали зайцы, задравшие волка. Они пили волчью кровь, наливая ее в высокие граненые фужеры, и очень обиделись, когда Поэт попытался отказаться от их угощения. Поэту все же пришлось съесть кусочек волчьего мяса, изжаренного на корнях мандрагоры. В благодарность он пропел зайцам Балладу об удачной охоте. Его наградили шквалом аплодисментов.

Не столь приветливой оказалась баньши, у которой как раз случилась ссора со свояченицей,

зеленой ведьмой. Поэт помирил их и двинулся дальше.

Он пересек дубраву и углубился в подлесок. Здесь находилась нора странного существа по имени Хоббит. Этот Хоббит был большим хвастуном. Он уверял, что его создал некий Д. Р. Р. Толкин, маг из далекой параллели. Поэту, как и всем остальным, было прекрасно известно, что Хоббит всю жизнь провел в этом Лесу, а многие даже помнили его родителей, весьма почтенных и уважаемых Хоббитов, но Поэт сделал вид, что поверил. Он ушел, оставив Хоббита совершенно счастливым.

А дальше не жил никто. Здесь был дом Смерти. Высокий, в три этажа, рубленный из громадных сосновых бревен, он высился черной громадой на фоне цветущей зелени, всем своим видом предупреждая живое держаться подальше. В другой раз поэт не решился б зайти сюда, но сегодня он не был склонен внимать предостережениям. Поэт толкнул окованную прохладным серебром дверь и смело вошел внутрь.

Смерть сидела у окна. Вопреки представлениям людей, она вовсе не походила на отвратительную костлявую старуху с лицом голодающей нищенки и горящими глазами. Смерть была нестара и

недурна собой. В ее обличье было что–то от мулатки, весьма соблазнительной притом. Смерть ела творожный пудинг, политый вишневым сиропом. Когда Поэт вошел, Смерть удивленно уставилась на него.

Их взоры скрестились, и Поэт машинально отметил тот факт, что Смерть абсолютно не пугает его. Напротив, он нашел ее весьма привлекательной. Но тут Смерть потянулась к прислоненной к стене косе, и Поэт торопливо тронул струны гитары. Он знал, что Смерть не пронять мольбою, и поэтому он просто пел.

О Лесе, столь любимом Смертью, о ночи, врывающейся в течение дня, о стылой воде в жарком солнце. Он знал, о чем должен петь.

И Смерть замерла. Она не шевелилась, погрузившись в волну восторга. В этот миг она видела наяву все то, о чем грезила долгими темными ночами, влача за собою стенающие души. В этот миг она слышала волшебные звуки — они прежде были недоступны ей из–за вечного звона, издаваемого цепями, в которые были закованы ее пленники. В этот миг перестали умирать люди. И они жили все время, пока Поэт пел.

Но Поэт не в силах петь вечно. А Смерть не вправе вечно слушать. Поэт устал и умолк, умолк

еще и потому, что Смерть кивнула ему, дав знак оборвать песню.

Они поняли друг друга без слов. Красавица была в плену у Смерти, а сама Смерть оказалась пленницей Поэта. И потому Смерть решила заключить сделку. Она смотрела в глаза Поэту, и тот понимал все, что Смерть хочет ему сказать. Ведь нет ничего красноречивей безмолвия Смерти. Смерть возвращала Поэту его Красавицу, но ставила условие, обычное для тех редких сделок, которые заключала Смерть.

— Ты не должен видеть ее лица до тех пор, пока не вернешься домой.

Поэт собирался возразить, напомнив, что его дом — весь мир, весь Лес и даже этот холм, на котором обосновалась Смерть. Это было актом мелкой, неприличной даже казуистики, но Смерть не позволила себе рассердиться. В отличие от людей она умела ценить истинную красоту песни и потому была терпелива.

— Туда, где стоит твой шалаш, крытый шкурами седовласых лисиц, — прибавила Смерть, одаривая Поэта чарующей улыбкой.

А затем она велела Поэту оставить ее дом и освободила Красавицу. До Поэта донеслось легкое дыхание милой, еще носящее в себе холод

подземелий. Поэт начал спускаться по склону, и слух его ласкал шелест листьев, потревоженных быстрыми легкими ножками. Он был счастлив, словно мать, подарившая миру новую жизнь, словно творец, создавший свое лучшее творение. А верно, это и есть лучшее творение, — думал Поэт. Он думал так о песне, околдовавшей Смерть. И гордый этой мыслью, он забывал о Красавице.

Они сошли вниз — Поэт и пара быстрых ножек, неотступно бегущих по его пятам — и подошли к тому месту, где жил Хоббит. Поэту хотелось похвастать перед маленьким болтуном своей победой. Однако он не обнаружил жилища странного человечка, выдуманного Д. Р. Р. Толкином, а сидевшая на осиновой ветке сорока процокала:

— Здесь. Давно. Никто. Не живет.

Все это было странно. Но Поэт не привык удивляться. Он воспринимал странности как должное. В конце концов мир до безобразия странен.

Он поспешил дальше — к баньши и ее сварливой товарке, обещавшим наварить к его приходу свежего пива. Но баньши встретила Поэта с откровенной злобой. Позволь ей, и баньши растерзала б его. К счастью, все закончилось злобным воем и демонстрацией острых клыков, после чего баньши собрала котомку и улетела на восток

или запад.

В березовой роще Поэт наткнулся на отвратительного облезлого волка, лакомившегося зайчатиной. Такое существо не заслуживало Баллады об удачной охоте. Раздосадованный Поэт поспешил дальше.

Говорящий медведь сидел у своей берлоги, но в этот раз он предпочел молчать. Как ни старался Поэт разговорить его, медведь не вымолвил ни слова.

Птицы чирикали весело и беззаботно, но это были обычные птицы.

Женщина с кошачьей головой умерла. Она лежала, уткнувшись усатым лицом в мох, и над ней читал заупокойную молитву пузатый неопрятный кюре с постной физиономией доминиканца. Эта сцена показалась Поэту настолько отвратительной, что он невольно ускорил шаг.

Русалка торговала квасом, теплым и приторным. Рядом сидела фея, сушившая детские ползунки. Поэт едва удержался от крика.

Средь желтеющей листвы промелькнуло пятно шалаша, крытого седыми лисьими шкурами. Поэт замедлил шаг, а затем и вовсе остановился. Ножки красавицы замерли в футе за его спиной. Поэт стоял, часто дыша, и по лицу его текли

слезы.

Внезапно он вспомнил странную историю про странного человека, которую ему довелось услышать при совершенно невероятных обстоятельствах неведомо когда. Тот человек имел свой голос. Столь же чистый и непорочный, словно голос Поэта. И пел свои, только свои песни. Подобные песни поют сердцем, а не переплетением линий разума. И чем чище и невинней сердце, тем прекрасней эти песни. Но стоит кому–либо — даже нечаянно, даже с самыми наилучшими намерениями вмешаться в течение голоса, и его очарование исчезает. И тогда гибнет целый мир, ибо то изначальное, ради чего он существовал, сменилось заезженной фонограммой. Люди научили того человека петь так, как нравилось им. Они сделали его голос прекрасным, но сокровенная истина, что была сокрыта в сердце человека, ушла. А вместе с ней ушли баньши, русалка, леший и эльфы.

— Любая игра должна быть доведена до конца! — Так сказал говорящий медведь.

— Любая игра должна быть доведена до конца! — повторил Поэт и обернулся.

В этот миг ожила женщина с кошачьей головой, выскочившие из кустов зайцы напали на

пирующего волка, а говорящий медведь обрел дар речи.

Говорят, в этот миг Смерть рассмеялась.

Поэт больше никогда не появлялся в деревне.

Прошли годы. На свет появилось новое поколение, уверенное в том, что Гефсиманского Леса нет, что он существует лишь в легенде, красивой и непорочной, словно Баллада, которую сочинил, посвятив ее своей любимой, давно ушедший Поэт.

Может быть, тот лес — душа твоя,
Может быть, тот лес — любовь моя,
Или, может быть, когда умрем,
Мы в тот лес направимся вдвоем[3].

[3] Примечания: 3
Строки из стихотворения Н.Гумилева «Лес».

Пожелание смерти

Всю эту историю можно считать совершенно невероятной, я бы даже назвал ее сверхъестественной. Подобного не бывает в реальности, если, конечно, ты не живешь в Семнадцатом отражении. А я как раз жил в Семнадцатом отражении Земли или, как иначе его именовали, Земля–Семнадцать, ну а в разговоре — просто Семнадцать.

Семнадцатое отражение почти как две капли воды похоже на Первое, Восьмое и Четырнадцатое, и столь же мало отличается от остальных тринадцати. Все дело в цвете. Если капля Первого слегка мутновата от первородного хаоса, Пятого, где вечно бушуют войны, с алым оттенком, а Девятого, в котором все уверовали в универсальную цель, — розовая, то Семнадцатое отражение не имеет цвета. Оно подобно блестящему кристаллу, определенному абсолютным прагматизмом. Мы, обитатели Семнадцатого, все как один трезво мыслящи, расчетливы и уверены в собственных силах. Мы не веруем ни в Бога, ни в Дьявола, ни в Судьбу. Только в себя, все остальное не имеет значения. Колонна железных людей, шагающих по

шестеро в ряд. Кое–кто отстает, другой шагает не в ногу, но о таких не говорят, ведь мы — Семнадцатые, мы гордимся собою и своим отражением.

Семнадцатый всегда прав!

Семнадцатый всегда умен!

Семнадцатый преисполнен сил!

Эти заповеди твердит каждый, настраивая себя на ежедневный бой. Дважды утром и дважды вечером. И по многу раз днем, когда борется за место под солнцем.

— Я — Семнадцатый! Семнадцатый всегда прав!

В день, когда началась вся эта история, я повторил эту фразу по крайней мере раз двадцать. Большую часть того дня я провел в приемной у начальника Отдела Низших стандартов, который искал себе заместителя. Нас было сто двадцать восемь, и каждый мечтал получить это место. Начальник Отдела Низших стандартов, по физиономии которого блуждала сладкая иезуитская улыбочка, терпеливо выслушал всех претендентов, но так и не сделал выбора. Всем ста двадцати восьми было велено явиться на следующий день для нового, более подробного собеседования. Скрывая озлобление под сияющими, уверенными в себе улыбками, мы разошлись, твердя, словно

молитву:

— Семнадцатый преисполнен сил!

Дома меня ждали панорамный экран, жиденький чай, в котором плавали сучки неизвестного происхождения, и до смерти опротивевшие белковые капсулы. Я уже успел позабыть о том дне, когда мне удалось прилично поесть. Я был уверен лишь в одном — это было очень давно.

Проглотив три упругих маслянистых шарика, я запил их стаканом подкрашенной заваренными опилками воды и упал в виброкресло. Именно упал, потому что в этом деле требовались решительность и натиск. Как обычно, кресло приняло мое тело с неохотным возгласом. Какое–то время оно шевелилось, выбирая оптимальную форму, затем замерло, создав привычное ощущение ненадежности. Виброкресло считало меня непримиримым врагом. Когда–то давным–давно мы поссорились, и с тех пор оно мстило, пытаясь подловить своего обидчика. Я не без оснований подозревал, что в один прекрасный день оно сложится таким образом, что я не смогу выбраться из его поролоновых объятий. Это был глупый, даже идиотский страх, присущий какому–нибудь хлюпику из Седьмого отражения, но я ничего не мог поделать с собой.

Подождав немного и убедившись, что виброкресло не намеревается покуда предпринимать решительных действий, я немного успокоился. Повинуясь приказу, ожил черный восьмисекционный экран. Я быстро прогнал по нему часть того бесчисленного множества каналов, прежде чем остановился на одном, транслируемом с Четвертого отражения. Здесь крутили исторический фильм с претензией на трагедию. Я посмотрел примерно половину его, но трагедия так и осталась лишь претензией. Зевнув, я вновь принялся переключать изображения. Выбор был велик. Я был волен смотреть что угодно, начиная от лилейных проповедей с Седьмого и кончая открытой порнографией, которую передавала Земля–Пятнадцать. Я остановился на порнографии. Быть может, мой выбор и предопределил возникновение этой невероятной истории, быть может, все оказалось во власти случая, хотя, должен заметить, Семнадцатые не верят в случай.

Едва экран заполнила объемистая женская грудь, как резко тренькнул дверной звонок. Я слегка удивился, потому что не ждал посетителей. Вставать не хотелось.

— Семнадцатый преисполнен сил! — сообщил я сам себе и принялся высвобождаться из объятий

кресла. Оно чмокало и цепляло меня за бока, словно ненасытная лягушка, поймавшая неосторожного кузнечика. Звонок затрещал вновь, на этот раз нетерпеливо. Я удвоил усилия и вырвался из плена. Через мгновение я впускал гостя.

— У меня все есть, — буркнул я, не давая вошедшему раскрыть рта. Гость был облачен в неряшливый черный с блеклой полосой костюм, обычную одежду коммивояжера.

Подобное приветствие не обескуражило гостя. Он стремительно окинул глазами комнату и улыбнулся. Улыбка его была вполне располагающей, но мне она не понравилась. Дело в том, что у меня ничего не было, и только слепец мог не заметить этого. Вошедший мало походил на слепца.

— Я ничего не продаю, — сказал он, и я поразился богатству его голоса, уместившего в этой короткой фразе множество оттенков — от вытертого бархата до сплавленной с серебром меди.

— Тогда что тебе нужно?

— Я пришел переговорить по одному делу.

— Если ты от энергетической компании, тебе не повезло. Мой кредит исчерпан. — Мое положение предстало в чересчур мрачном свете, и я поспешил внести в него струю оптимизма. — Но

я должен вот–вот получить работу.

Незнакомец ответил мягкой улыбкой. Я невольно обратил внимание на то, что у него острые зубы.

— Нет, я не от энергетической компании. Я представляю собственные интересы.

Я был слегка заинтригован и в равной мере смущен. Неловко мотнув перед собою рукой, что должно было означать приглашающий жест, я предложил гостю пройти.

Он так и сделал, присев на краешек виброкресла. Могу поклясться, проклятая штука даже не попыталась вцепиться в его ногу! Мне не осталось ничего иного, как устроиться на небольшом откидном стульчике, привинченном к стене.

— Слушаю.

Гость широко улыбнулся, вновь продемонстрировав свои острые зубы.

— Меня зовут Тод[4].

— Странное имя.

— Лучше иметь такое, чем вообще не иметь.

Замечание было справедливым. Я еще не дослужился до имени и имел лишь номер — НГ–214.

Я так и представился, поймав себя на том, что

---

[4] Примечания: 4
Tod (нем.) — смерть.

самоуничижение неожиданно доставило мне удовольствие.

— НГ–214.

— Знаю. — Гость сделал паузу, совсем крохотную, после чего огорошил меня вопросом:

— НГ–214, ты веришь в существование Дьявола?

Какая глупость! — я рассердился. — Если господин Тод желает развлекаться подобными вопросами, я бы порекомендовал ему обратиться к Тринадцатым. Там он получит исчерпывающий ответ.

— Я как раз оттуда.

Услышав подобное сообщение, я позволил себе улыбнуться. Дело в том, что переместиться из шестнадцати отражений в Семнадцатое было просто невозможно по той простой причине, что обитатели Четырнадцатого, Пятнадцатого и Шестнадцатого не подозревали о существовании Семнадцатого, обитатели Восьмого, Девятого, Десятого, Одиннадцатого, Двенадцатого и Тринадцатого не имели телепортатора, а все прочие не знали даже такого понятия — телепортация.

— Чудесная сказка, — сказал я. — Как жаль, что я не верю в сказки.

— Напрасно, — Тод запустил руку в карман и

извлек длинную черную сигару с серебряным ярлычком. Точно такие же курили сатанисты с Тринадцатого отражения. Затем он щелкнул пальцами, и на его ладони вспыхнул крохотный яркий язычок. Тод прикурил сигару и принялся пускать ровные колечки, нанизывая их одно на другое.

— Ловкий номер! — сказал я, скептично улыбаясь. — Пьезоэлемент, спрятанный между пальцами.

Гость отрицательно качнул головой.

— Нет. Свободное перемещение энергии.

— Противоречит третьему закону мироздания, — подхватил я. — Ничто не может возникать из ничего.

Тод не стал спорить. Небрежно закинув ногу за ногу, он поинтересовался:

— Так значит, НГ–214 не верит в существование Дьявола?

— Я же уже сказал — нет!

— А если Дьявол сделает НГ–214 интересное предложение?

— Какое?

Тод усмехнулся.

— Так верит или нет?

— Не верю. Я спросил просто из любопытства.

— Я так и понял. Значит, иррациональное, по–твоему, не существует?

— Конечно, нет. Это же следует из самого понятия иррациональный. То, чего нельзя объяснить, не может существовать.

Тод, расхохотавшись, откинулся на спинку виброкресла, которое послушно поддалось изгибу его тела.

— Не могу понять, а следовательно, не верю! Примитивно!

— Оставь свои проповеди для Земли–Семь! — резко оборвал я.

Не выпуская изо рта сигары, Тод принялся говорить, мерно щелкая пальцами.

— Итак, что мы имеем… НГ–214, двадцать пять лет, честолюбив, умен, может быть жестоким. Ничего существенного в жизни не достиг. Три неудачные попытки подняться по служебной лестнице. Печальное финансовое положение. Неразделенная любовь.

— Точно под микроскопом! — Я попытался улыбнуться. — Да, это я. Что еще?

— Так тебя интересует мое предложение?

— Сначала ответь, кто ты?

— Дьявол. Такой ответ тебя не устраивает? — Я отрицательно покачал головой. — Ну тогда, допу-

стим, пришелец из другого мира.

— Восемнадцатое отражение?

— Почему обязательно Восемнадцатое… Предположим, я вообще не имею никакого отношения к Земле.

Бах! Задев локтем стол, я ненароком уронил на пол коробочку с канцелярскими принадлежностями.

— Этого не может быть!

— Может. И я имею предложение.

— Какое?

— Я согласен исполнить любое желание НГ–214.

— Что означает «любое»?

— То и означает. Я могу помочь ему сделать карьеру, достичь любого поста, которого он пожелает. Я могу подарить ему богатство. Я могу наделить его бессмертием. Если он захочет, я сделаю его счастливым в любви.

— Не верю.

— Рискни. Что ты теряешь?

Вопрос был логичен. Я ничего не терял.

— Какую выгоду от этой сделки получишь ты?

— Еще не знаю. Многое зависит от того, каким будет твое желание. Но я не собираюсь требовать от тебя никаких обязательств. Считай, что просто

участвуешь в эксперименте.

— Подопытный кролик, — пробормотал я.

Тод усмехнулся.

— Вроде того. Но мое предложение вполне бескорыстно.

— Конечно! — Я придал голосу весь сарказм, который только мог собрать. — Даровой сыр бывает знаешь где?

— Знаю. У меня. — Тод извлек из кармана кусок обернутого прозрачной, пленкой сыра. Сыр выглядел чрезвычайно аппетитно. — В виде бесплатного приложения. Угощайся!

Я невольно помянул черта, в которого не верил. Гость искушал, и я поддался соблазну. Сыр оказался нежирным и малосоленым — точь–в–точь таким, какой я любил. Я уже успел позабыть, когда ел сыр в последний раз.

— Спасибо.

— Не за что. Так как насчет моего предложения?

— Не знаю.

— Не знаю или не верю? — спросил Тод. Его черные глаза настырно лезли в мою душу, прожигая насквозь.

— Не верю!

— Тогда тебе тем более нечего терять. Загадай

любое, что придет в голову, ведь если Дьявола не существует, твое желание все равно не сбудется. Хочешь, я заставлю влюбиться в тебя самых прекрасных девушек твоего отражения?

— Не хочу. Что я буду с ними делать?

— Резонно, — согласился Тод. — Тогда, может быть, желаешь стать величайшим актером?

Я отрицательно помотал головой.

— Что же?

— Хорошо, я назову тебе свое желание, — сказал я после небольшой паузы.

Тод удовлетворенно потер руки.

— Весь во внимании.

Боюсь, моя речь вышла высокопарной.

— Я не верю в то, что оно сбудется, но загадываю, — начал я и резко выпалил: — Я желаю обладать абсолютным даром внушения!

Мне показалось, что Тод слегка насторожился.

— Поясни, — попросил он.

— Хочу, чтобы любое мое мысленное повеление воспринималось как абсолютный приказ.

На этот раз до Тода дошло. Он поднялся на ноги и поаплодировал.

— Браво! Лучшего невозможно придумать! Совершенная власть над человеком, человечеством, миром.

— И над собой, — прибавил я. — Я могу приказать себе стать сильнее, я могу повелеть себе жить вечно!

— Сотня желаний, заключенных в одно! — Тод зааплодировал вновь. — Подобного я не предусмотрел. Те, с которыми мне приходилось иметь дело прежде, были куда менее рассудительны. В будущем придется быть поосмотрительней.

Я отвесил шутливый поклон.

— Так скоро оно будет исполнено?

— Уже.

Тод улыбнулся мне, я возвратил ему его улыбку, сделав ее еще более щедрой.

— Тогда исчезни, тебя не существует!

И Тод испарился.

Стоит ли говорить, что я лишь посмеялся над странным происшествием. Доев сыр, я отправился спать.

Наутро я и сто двадцать семь таких же, как я, были на месте. Все мы, не сговариваясь, пришли за полчаса до назначенного срока. Все как один. Ни один не отказался, ни один не проспал. А как иначе?

Семнадцатый преисполнен сил!

Мы молча толпились в просторной приемной, с ненавистью поглядывая друг на друга. Каждый

не сомневался, что только он достоин занять вакантную должность.

Начальник Отдела Низших стандартов заявился ровно в девять. Толпа почтительно расступилась, образуя проход. Чиновник двинулся по нему с важностью русского царя, дарующего снисходительным вниманием своих подданных. На мгновение он встретился глазами со мной. Я очень хотел быть принятым первым. Мне почему–то казалось, если я попаду в начальственный кабинет раньше других, мне удастся убедить господина Рейнгрейда, что он нуждается именно во мне. Я думал об этом, когда господин Рейнгрейд скользнул безразличным взглядом по мне. Я молил его обратить на меня свое благосклонное внимание.

Рейнгрейд шел мимо, но внезапно сбил шаг и замер. Впечатление было такое, словно он со всего маху налетел на невидимую стену. Глаза чиновника принялись блуждать по рядам соискателей, на чьих лицах появились заискивающие улыбки. Я улыбался наравне со всеми, изо всех сил стараясь понравиться. И, о чудо, это удалось!

Внимательно осмотрев мою физиономию, господин Рейнгрейд поманил меня указательным пальцем. Я выступил вперед и отвесил почти-

тельный поклон.

— Ты будешь первым, — сказал господин Рейнгрейд. — Ступай за мной.

Ловя спиной ненавидящие взгляды, я двинулся вслед за господином начальником, стараясь ступать точно в его шаги.

У Рейнгрейда было великолепное кожаное кресло, не чета тем, что выпускались для широкого потребления. Очутившись в кабинете, Рейнгрейд немедленно занял его, а мне указал на стул, стоявший по другую сторону от стола.

— Слушаю тебя.

Я начал свою речь. Я говорил о том, что давно мечтал стать помощником господина Рейнгрейда, что было ложью, я узнал о его существовании всего три дня назад. Я клялся, что создан для этой работы и что господину начальнику Отдела не найти более услужливого и исполнительного работника. Я смотрел в глаза Рейнгрейда и умолял его внять моим словам. По–моему, я был достаточно убедителен.

Рейнгрейд вначале прислушивался к моим словам с долей рассеянности, но постепенно становился все внимательней, а к концу моей отрепетированной речи он буквально не отрывал взора от моего рта, ловя каждое слово. Когда

я закончил, Рейнгрейд вздрогнул, словно кто–то невидимый толкнул его ногой под столом. Мне показалось, что он колеблется.

«Ну давай же, решайся, бери меня к себе!» — с яростью подумал я.

Рейнгрейд дернулся, словно его пнули еще раз.

— Ты подходишь мне. Я беру тебя на работу, — сказал он поспешно и улыбнулся.

Я заулыбался тоже. Счастье наконец–то улыбнулось мне.

Стоит ли говорить, как были разочарованы те сто двадцать семь, что рассчитывали войти в кабинет господина Рейнгрейда после меня!

А мне судьба уготовила еще несколько приятных сюрпризов. Первое, господин начальник Рейнгрейд выдал мне аванс, что, в общем–то, не было принято. Но стоило мне заикнуться об этом, как деньги немедленно очутились в моем кулаке. Затем я подумал, что неплохо бы закончить работу пораньше, чтоб как следует отметить начало новой жизни. Господин Рейнгрейд оказался столь любезен, что сам предложил мне уйти на три часа пораньше. Очутившись в магазине, я направился не к прилавку, где торговали белковыми капсулами, а в отдел натуральной пищи. Игнорируя презрительную ухмылку продавца,

я заказал фунт ветчины и полфунта сыра. Когда настал момент расплачиваться, я внимательно посмотрел в глаза продавца, и тот, суетливо завернув покупки в хрустящую бумагу, с поклоном подал их мне. Домой я пришел не один, а с роскошной блондинкой, которую повстречал на улице. Стоило внимательно посмотреть ей в глаза, как она столь пылко объяснилась мне в любви, что не оставалось ничего иного, как ответить на ее чувства взаимностью. Мы очень неплохо провели время.

Оставшись один, я включил панорамный экран и уселся в виброкресло. Оно тоненько взвизгнуло и самым подлым образом прищемило своему хозяину часть мягкого места. Сыпля ругательствами, я не без труда выбрался на свободу. Здесь мне пришла в голову великолепная мысль. Уставив взор на потертую обивку виброкресла, я сообщил строптивому предмету меблировки, что отныне оно должно в точности исполнять все мои желания. После этого я спокойно вернулся на прежнее место и велел подлокотникам увеличиться на два дюйма, о чем давно мечтал. Кресло моментально исполнило приказание. Я хмыкнул и задумался.

Выходило, что происшедшее накануне вечером вовсе не было глупым розыгрышем. Тод и впрямь

исполнил мое желание, наделив меня даром абсолютного внушения. Теперь все зависело от того, сумею ли я воспользоваться этим подарком. Упоенный сладкими мечтами, я уснул прямо в кресле, превратившемся в мягкую удобную кровать. Давно я не спал столь спокойно и крепко.

На следующий день я начал действовать. Для начала я внушил господину Рейнгрейду свою незаменимость и очень скоро взял в свои руки бразды правления Отделом. Служащие, на долю которых также пришлось несколько внимательных взглядов, готовы были молиться на меня. Следующим шагом к успеху стал репортаж, показанный по панорамному экрану. Для этого мне пришлось нанести визит к управляющему одного из известнейших телеагентств, в результате чего он загорелся желанием снять репортаж о переменах в Отделе Низших стандартов. Само собой разумеется, главным действующим лицом этого репортажа стал я. Через день нас с Рейнгрейдом вызвал к себе Директор Департамента Стандартизации господин Мэльм. Я вышел из кабинета господина Директора начальником Отдела, а неудачник Рейнгрейд стал моим заместителем. Он был совершенно счастлив. На панорамных экранах появился еще один репортаж, на этот

раз целиком посвященный начальнику Отдела Низших стандартов Ноету. Теперь меня звали Ноет — я обрел имя! Я снял отличную квартиру, обставил ее настоящей мебелью. Теперь я мог позволить себе питаться натуральными продуктами, а время от времени даже посещать рестораны. Белковые капсулы остались дурным воспоминанием.

Вместе со многими другими открытиями меня ожидало еще одно. Я открыл, что означает убить человека. В Семнадцатом убийства редки. Из всех видов преступлений у нас преобладают безобидные кражи. Лишь самые отчаявшиеся отваживаются на что–то более дерзкое. Мне случилось столкнуться с таким отчаявшимся.

Я взял в привычку гулять по ночным улицам. Тишина и безлюдие успокаивали. Тем вечером я шел по темной аллее. Человек поджидал меня там, где росли кряжистые деревья, чья густая тень превращает сумерки в полуночную черноту. Выскочив на дорожку, он предложил мне расстаться с курткой и кошельком, если таковой у меня имеется. Однако вместо того, чтобы подчиниться, я твердо взглянул в его глаза и приказал взволнованно бьющемуся сердцу остановиться. Грабитель дважды хватанул ртом воздух, выро-

нил нож и осел на землю. Я наклонился над ним. Человек не дышал. Он был мертв. Пожав плечами, я продолжил прогулку. Убить оказалось на удивление просто. Не понимаю, почему Седьмые разыгрывают из этого целую трагедию, для меня это оказалось эпизодом, на который я почти не обратил внимания.

Стремительно летели дни, я продолжал свое восхождение наверх. Господин директор Мэльм благоволил к новому перспективному работнику. Мне ничего не стоило убедить его назначить меня своим заместителем. Чтобы как следует закрепиться в Департаменте, потребовалось чуть больше времени и еще пара репортажей, на этот раз показанных сразу по всем каналам. Директор Мэльм был в восторге от меня.

Я еще раз сменил квартиру и стал одеваться у лучших портных. Обо мне заговорили. Одна из влиятельнейших газет назвала меня человеком месяца. Несколько признанных красавиц изъявили желание познакомиться со мной с далеко идущими последствиями. Я не отказался от удовольствия залезть к каждой из них в постель, но от последствий отказался. Все эти красотки были глупее даже тех героинь, роль которых исполняли. Вместо этого я отправился к Лельне.

Мы познакомились не так давно, примерно с год назад. Одно время мне казалось, что я нравлюсь ей, а она — и это уже без всяких казалось — нравилась мне. Но тогда я ушел, терзаемый уязвленным самолюбием. Что я значил без места и без денег. Теперь же я мог с полным правом вернуться.

Когда Лельна открыла дверь, я протянул ей огромный букет роз, стоивший целое состояние. Мне он обошелся совершенно бесплатно. Букет произвел впечатление, но не совсем то, на которое я рассчитывал. Лельна была рада моему приходу, однако метаморфоза, происшедшая со мной, моя дорогая одежда, изменившиеся манеры — все это смущало ее. Натянуто улыбаясь, Лельна пригласила меня в комнату. Она жила небогато, если не сказать больше, примерно так, как совсем недавно я. Мне стало слегка не по себе при виде этой унифицированной нищеты, считавшейся нормой для большинства обитателей Семнадцатого отражения. Наш мир производил не так много благ, чтобы их хватало всем. Природные богатства были давно исчерпаны, и все большая роль отводилась искусственным суррогатам, заменявшим настоящую пищу, одежду, мебель.

Убранство комнаты составляли лишь узкая

кровать, виброкресло и стул. Последний, правда, был из настоящего дерева. Ну и, естественно, панорамный экран. Лельна робко указала на стул. Я хотел отказаться, но не сделал этого, чувствуя, что отказ поставит хозяйку в неловкое положение. Кроме того, здесь играло роль еще одно обстоятельство. Лельна была мала ростом, а согласитесь, разговаривать, глядя снизу вверх, — занятие не из приятных. Поэтому я сел. Мои глаза буквально пожирали Лельну, вгоняя ее в краску. Я успел соскучиться по этому милому живому личику. Она, конечно, была наслышана о моих успехах у красавиц и не скрывала удивления столь внезапным визитом.

— Вот уж не ожидала увидеть тебя.

— Почему? — Я изобразил улыбку. — По–твоему, я похож на человека, легко забывающего о старых знакомых?

— Нет, то есть… — Лельна запуталась и покраснела. — Но ты достиг так многого…

— Это ничего не значит. Я отношусь к тебе даже лучше, чем прежде.

— Правда? — спросила она, и ее глаза радостно заблестели.

— Совершенная правда. Ах, забыл! — Я схватился за голобу, — Вот растяпа, оставил в машине

торт!

— У тебя есть машина? — В голосе Лельны звучало нескрываемое восхищение.

— Да, — сказал я небрежно. — Третья модель. Думаю поменять ее на четвертую. Я сейчас принесу его.

— Не надо…

— Что значит не надо?! Зачем же в таком случае я его покупал? — Я солгал, торт достался мне в виде бесплатного трофея.

— Хорошо, тогда я поставлю чай. У меня есть настоящий.

Я с трудом сумел скрыть усмешку. Я уже успел позабыть о том, что существует суррогатный чай.

Торт оказался недурен — из натурального масла, сахара и сливок, пропитанный настоящим коньяком. Полагаю, Лельне не приходилось пробовать такого ни разу в жизни. Я видел восторг в ее глазах и чувствовал себя немного волшебником, отчего мне было очень хорошо. Мне было приятно наблюдать за тем, как она, словно маленькая птичка, отхватывает белыми зубками крохотные кусочки торта, деликатно запивая их чаем. Я почувствовал прилив нежности.

— Я — так рад снова увидеть тебя! — Произ-

несенная фраза прозвучала как–то казенно, и я несколько смутился.

Лельна не обратила на мое замешательство никакого внимания.

— Я тоже, — просто сказала она. — Ты так сильно изменился.

— Да? Надеюсь, в лучшую сторону?

— Не знаю. Наверно, — легко, не задумываясь, ответила Лельна.

Не скрою, я был слегка уязвлен подобным ответом.

— Неужели я нравился тебе больше, когда был неудачником?

— Ты не был неудачником. Просто тебе немного не везло.

— Разве это не одно и то же?

Лельна одарила меня таким взглядом, словно я обидел ее, и отложила недоеденный кусочек торта.

— Может быть, ты прав.

Я почувствовал себя виноватым.

— Ешь, — попросил я и прибавил: — Извини, что затеял этот глупый разговор.

Лельна пожала узенькими плечами.

— Ты не сказал ничего дурного.

— Но я же вижу, что чем–то обидел тебя.

— С чего ты взял? — упрямо стояла на своем Лельна.

— Хорошо, тогда ешь.

Лельна улыбчиво сверкнула зубами и с удовольствием прикончила торт.

— Ужасно вкусно.

— Да, — рассеянно согласился я, думая совсем о другом. — Если захочешь, будешь есть такие штуки хоть каждый день.

— Нет, каждый день нельзя. Я растолстею.

— Ты не поняла. — Я посмотрел в ее серые глаза. — Я хочу, чтобы ты была со мной.

На этот раз она действительно не поняла, а может быть, сделала вид, что не поняла.

— Ты хочешь сказать…

— Да! Да! — нетерпеливо перебил я. — Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Иметь жену — чертовски старомодно, но в случае с Лельной я был согласен быть старомодным.

— Это как–то неожиданно… — Лельна ждала, что я что–нибудь скажу, но я молчал. — Я не могу сразу вот так. Мне надо подумать.

Я почувствовал себя оскорбленным. Я не представлял, о чем здесь можно думать. Разве ей не ясно, что я люблю ее?! Я мог бы покончить с этими глупостями в один миг, мне стоило лишь

заглянуть ей в глаза. Но я не хотел этого. Я хотел настоящей любви, а не суррогата. Это был случай, помочь в котором мне не мог даже Дьявол.

— Хорошо, — сказал я, — подумай. Когда дашь ответ?

Лельна бросила на меня умоляющий взгляд.

— Не торопи меня, пожалуйста.

— Хорошо, — вновь сказал я. — Буду ждать. Ты позволишь мне время от времени навещать тебя?

— Конечно!

Я поднялся.

— Кстати, где ты сейчас работаешь?

— Почему это тебя интересует?

— Обойдемся без лишних вопросов, — сказал я строгим тоном, каким общался с подчиненными.

— Департамент Распределения. Тридцать первый класс.

— Вот что… — Я сделал вид, что размышляю, хотя все было наперед решено. — Переведу–ка я тебя к себе. У меня есть вакантная должность двадцать третьего класса.

— Спасибо, — сказала Лельна, как показалось мне, равнодушно.

— Не за что. Я приеду завтра.

Не тратя времени на лишние слова, я оставил

ее. Возле моей машины толпились люди. Когда я вышел, они расступились. В их взглядах можно было прочесть почтение и зависть. Это отчасти вернуло мне хорошее расположение духа.

Однако на следующий день я не приехал, как и через день. Я был занят делами Департамента. Старый пердун Мэльм здорово мешал мне. Уже пришло время занять его место, а я никак не мог провернуть эту небольшую операцию. Для того, чтобы сесть в кресло Директора Департамента, я должен был непременно повидаться с Кабинет–премьером, возглавлявшим Службу Департаментов. Пост Кабинет–премьера занимал некто Тройд, с завидным упорством отказывавшийся знакомиться со мной. Не помогла даже такая крайняя мера, как несколько каверзных вопросов, заданных Тройду на пресс–конференции, когда журналисты ни с того ни с сего стали назойливо интересоваться, почему господин Кабинет–премьер не обращает внимания на. талантливого молодого работника, служащего под его началом. Тройд оставался глух и нем, словно забившийся под корягу налим. Наверху шла своя игра, Тройд не хотел пускать в нее новичка.

Был еще один путь занять вожделенное место. В случае смерти Директора Департамента его

кресло автоматически переходило к заместителю. Я долго не мог решиться на крайние меры. В конце концов старик Мэльм был всего лишь безобидным олухом. Но безразличие Тройда вывело меня из себя. Во время утреннего доклада, когда мы остались наедине, я посмотрел в глаза Мэльму и приказал его сердцу остановиться. Старик посинел и рухнул на пол; его не хватило даже на пару конвульсий.

Все прошло как нельзя лучше, никто ничего не заподозрил. В тот же день я произнес прочувственную речь над телом бедняги Мэльма, а на следующее утро занял его кресло. Я не терзался угрызениями совести. Мне было чуть жаль старика, но он мешал мне. Я убил его лишь для того, чтобы устранить препятствие.

У меня было великолепное настроение, когда я вновь направился к Лельне, однако у ее дома меня ожидала небольшая неприятность.

Семнадцатые предпочитают не связываться с марами, как называют у нас людей, охраняющих спокойствие государства. Обычно высшие чиновники застрахованы от подобного рода недоразумений, но для меня было сделано исключение. Мары схватили меня у дома Лельны, насмерть перепугав всех ее соседей. Я не стал

сопротивляться, ограничившись тем, что велел своим стражникам быть со мной повежливей. В результате они внесли меня в камеру чуть ли не на руках. Дверь с лязгом захлопнулась. Я не проявлял беспокойства. Если бы меня хотели убить, я давно был бы мертв. Нет, здесь было что–то иное. Кто–то из высших заинтересовался мной. Это было мне на руку. Я спал словно новорожденный, сладко и без снов.

Все прояснилось уже на следующий день. Мне был устроен допрос, который я использовал с чрезвычайной пользой для себя. По моему беззвучному приказу следователь рассказал все, что знал сам, а затем вызвал начальника тюрьмы, который, при мне сделав пару звонков по телефону, дополнил картину событий новыми штрихами. Против меня интриговал Тройд, заподозривший, что чересчур удачливый чиновник является ставленником кого–нибудь из его соратников. Немного поразмыслив, я начал давать показания на Директора Департамента Обороны, который, как я знал, считался соперником Тройда. Удостоверившись, что Кабинет–министр заинтересовался моей персоной, я потребовал личной встречи с ним, заявив, что располагаю чрезвычайно важными сведениями, которые со-

общу не иначе как с глазу на глаз. И следователь, и начальник тюрьмы постарались убедить Кабинет–министра в искренности моих слов. Тройд попался на крючок. Он заявился в мою камеру — низенький толстячок с неприятным выражением лица. Он шел карать, а пришлось миловать. Из тюрьмы я вышел заместителем Тройда. Наутро все агентства посвятили новому заместителю Кабинет–министра массу восторженных слов, сообщив заодно, что прежний заместитель был уличен в неблаговидном поступке и понижен.

Когда я нашел свободное время и смог отправиться к Лельне, меня сопровождал эскорт из четырех мотоциклистов. На этот раз я не стал расходовать силы на душещипательные беседы. Я просто велел Лельне собираться. Квартира, в которую я ее поселил, располагалась в самом престижном районе города. По моему приказу ее обставили только настоящей мебелью. Здесь присутствовал даже шкаф с подлинными старинными книгами. Холодильники были полны натуральных продуктов.

Здесь тебе будет думаться лучше, — сказал я, не пытаясь скрыть довольной улыбки. — И хорошо, если бы ты решила поскорее.

Лельна не нашлась, что сказать. Вместо этого

она вдруг заплакала.

— Я так испугалась за тебя, когда передали, что ты — враг государства, — выдавила она сквозь рыдания.

Я почувствовал, что мне следует обнять ее, но я спешил. Меня ждали важные дела.

— Все нормально! Я буду у тебя завтра, в крайнем случае через день!

Наступили горячие деньки. Я продолжал восхождение на вершину власти. Мои соперники один за другим сходили с дистанции, уступая всепобеждающей силе взгляда. Я не стал убивать жирного Тройда, сделав его своим верным слугой. Из кресла первого заместителя Кабинет–министра я пересел в кресло вице–президента, прежний обладатель которого, как на грех, умер от сердечного приступа во время банкета, на котором присутствовал и я. Президент Эйв лично представил меня парламенту. Я произнес речь, которую, как и прежде, транслировали все агентства. После этой речи народ горячо полюбил нового вице–президента. Эйв был оттеснен в тень. Я внушил ему, что не стоит сопротивляться.

Я в очередной раз сменил дом, заняв один из дворцов. Отныне меня ежесуточно охраняли двенадцать головорезов, а моя улыбка не сходила

с панорамных экранов.

Теперь я попадал к себе домой лишь поздно вечером. Меня ждал ужин, который готовила Лельна. Как–то само собой получилось, что она стала моей женой. Мы не разговаривали с ней на эту тему. У меня не было ни времени, ни желания. Я любил ее, и этого было вполне достаточно. Просыпаясь, я неизменно касался губами ее чуть помятой сном щеки и торопливо уходил, не забывая произнести три заветные фразы:

Семнадцатый всегда прав!

Семнадцатый всегда умен!

Семнадцатый преисполнен сил!

Пресса захлебывалась от восторга. Удачливый молодой вице–президент как нельзя лучше олицетворял систему. У меня появилось множество поклонников. Немудрено, ведь недаром я уделял столько времени всевозможным интервью, которые почти ежедневно транслировались по панорамным экранам. Улыбаясь во всю ширину рта, я внушал миллионам Семнадцатых бесконечную любовь к себе. Это действовало куда более безотказно, чем щедрые обещания или жалкие подачки, на которые время от времени раскошеливались власть предержащие. Когда умер Эйв, — у старика по странному стечению

обстоятельств тоже оказалось слабое сердце, — о нем не жалела даже собственная жена. Похороны обратились в триумф нового президента. Я упивался всеобщим поклонением и лестью.

В один из вечеров, когда я отдыхал от дневных забот, меня посетил тот таинственный гость, с визита которого и началась вся эта история. Не представляю, как ему удалось проникнуть через двойное кольцо охраны, но я застал его уютно устроившимся в президентском кабинете. На этот раз Тод был облачен в безупречный черный костюм из лучшего твида, а вот сигара осталась неизменной. Собственно говоря, я и обнаружил его по табачному дыму. Как любой некурящий, я чрезвычайно чувствителен к запаху табака, который и привел меня в кабинет.

Поджидая хозяина, Тод занял мое любимое кресло, покрытое золоченой кожей. От этого кресла исходил запах власти.

— Привет, — сказал он, едва я появился в дверях.

— Какого черта ты здесь делаешь?

— Милый вопросик! — Тод рассмеялся. — Черт не знает, какого себя он здесь делает.

— Если у тебя мания величия, могу устроить тебя в более подходящее место! — резко оборвал

я веселье гостя.

— Конечно! Ты ведь теперь такой могущественный!

Тод поспешно вскочил и смахнул рукой невидимые пылинки с позолоченной кожи.

— Прошу, господин президент!

Если он полагал, что я не сяду, я его разочаровал. Я сел и заявил:

— Никакого черта или Дьявола, или чего угодно в этом роде не существует!

— А ничего вообще не существует, — философски заметил Тод, устраивая свой тощий зад на письменном столе. — Сигара, которую я курю, дом, в котором мы находимся, воздух, которым мы дышим — ничего этого нет.

Я почувствовал, что в моей груди растет раздражение. Глядя в глаза нахальному гостю, я велел его сердцу остановиться. Ничего не произошло. Я повторил приказ. Тод продолжал вальяжно восседать на разбросанных по столу бумагах, с ехидной улыбкой следя за моими потугами.

— Черта с два! — сказал он, видя, что я отступился, — Меня такой дешевкой не проймешь. Я стою над этим. Я выше смерти и уж, конечно, выше твоих незрелых хотений. Ну как, НГ–214, тебе понравился мой подарок? — Я не ответил, отчего

Тод улыбнулся. — Сам вижу, что понравился. — Из узкогубого рта играючи вылетели кольца дыма. — А ты не подумал насчет расплаты за услугу?

— Чего ты хочешь? — спросил я и удивился тому, что мой голос звучит хрипло.

— Обычная плата. Твою душу, когда ты умрешь.

— Ты глупец. — Я осклабился. — Разве ты не понимаешь, что, исполнив мое желание, ты тем самым даровал мне бессмертие? К твоему сведению, первое, что я сделал, убедившись, что действительно обладаю даром абсолютного внушения, я приказал себе жить вечно!

— Но ты можешь приказать себе умереть.

Я продолжал улыбаться.

— Договор Фауста с этим, как его, Мефистофелем? — (Пусть вас не удивляет, что я знаю об этом. В Семнадцатом немало чудаков, что смотрят по экрану лабуду, которую гонят Четвертые. Некогда я относился к их числу.)

— Нечто вроде того, — сказал Тод, не обращая внимания на прозвучавшую в моем голосе издевку.

— Не обольщайся, я не такой хлюпик, как этот твой Фауст. Я не собираюсь разбазаривать жизнь. Но ты прав, всякое может прийти в голо-

ву. И потому я предусмотрел и такой вариант, наложив мысленный запрет на саму попытку самоубийства. Теперь я даже не могу приказать себе умереть…

Послышался голос Дельны, зовущей меня на ужин.

— Убирайся! — прошипел я. — Я не хочу, чтобы моя жена застала тебя здесь!

— Почему? — Тод игриво усмехнулся. — Обычно я нравлюсь женщинам.

В коридорчике неподалеку от кабинета раздались легкие шаги.

— Проваливай!

— Ладно, ладно, не надо психовать. Я исчезаю. Но перед этим дам тебе один бесплатный совет. Хорошенько поразмысли над тем, как удержаться наверху. Взобраться на скалу не так–то сложно, а вот устоять на ней под порывами свирепого ветра… — Тод не договорил и исчез, обронив недоку–ренную сигару. Я поспешно сунул ее в аквариум с рыбками. Вошедшая Лельна подозрительно потянула носом.

— Ты курил?

Я попытался изобразить беспечную улыбку.

— Меня угостили очень хорошей сигарой. Решил попробовать.

— Дурацкая привычка. И потом, табак стоит уйму денег.

Что значили теперь для меня деньги? Но я послушно согласился.

— Ты права, дорогая. Обещаю тебе, я больше никогда не буду курить.

Ночью, перед тем как заснуть, я особенно нежно поцеловал жену. Она отстранилась и внимательно посмотрела на меня. Ее серые глаза чуть блестели в темноте.

— Что с тобой?

Я притянул мягкое податливое тело к себе.

— Я так люблю тебя!

— Я тоже, — просто сказала она.

О, если бы я был уверен в этом!

Странное дело, я добивался взаимности Лельны, прекрасно зная, что мое внезапное возвышение смущает ее. Она была из тех, кто не одобряет неравные союзы. Мне было все равно, я не задумывался над этим. Я любил ее перед тем, как обрел власть, любил позже и не переставал любить и сейчас. Но все чаще меня посещала подленькая мысль. Мне вдруг начинало казаться, что Лельна равнодушна ко мне, что она стала моей женой лишь потому, что я захотел этого. Устала противостоять моему натиску и уступила. Мне

казалось, что я просто купил ее, взял силой, так и не удостоверившись в искренности ответного чувства. Да и, если признаться, я порой ловил себя на том, что меня не очень–то волнует это ответное чувство. Точнее, прежде не волновало. Прежде мне хватало собственной любви. А сейчас я внезапно понял, что хочу быть любимым, по–настоящему любимым. Мне смертельно обрыдли счастливые вымученные улыбки сограждан, обожающих меня поневоле. Я желал настоящей любви. В ту ночь я впервые долго не мог заснуть и ворочался, размышляя. Я думал о Лельне. Я думал и о последних словах гостя. Во многом он был прав.

Я был далеко не первым, кто понял, что власть должна основываться на силе. Этим первым был пещерный вождь, вразумлявший непослушных сородичей ударами узловатой дубины по головам. Потом пришли меч и другие, еще более совершенные способы убеждения. Я имел возможность сделать власть абсолютной. И я сделал это.

Верхушку правительственного аппарата, претендовавшую на кусок пирога власти, поразила странная эпидемия. Несколько сот высших чиновников один за другим сошли в могилу.

Поползли слухи, но я своевременно положил им конец, внушив миллионам моих сограждан, что все это не более чем случайное совпадение. Отныне наиболее важные посты были заняты преданными мне людьми. Но основу моей власти по–прежнему составляло личное воздействие на массу. Мои речи стали ежедневными, нечто вроде таблетки транквилизатора перед сном. Изо дня в день я внушал согражданам, что все хорошо и что их сердца переполнены любовью к президенту.

Каково же было мое удивление, когда посреди белого дня в меня дважды стрелял какой–то сумасшедший. Он был именно сумасшедшим, ведь ни один нормальный человек не в силах противостоять абсолютному внушению. Я распорядился лечить беднягу. А через несколько дней президентский дворец потряс взрыв. Я, к счастью, не пострадал, но жертвы были. Заговорщикам удалось ускользнуть. Все это было непонятным и пугало, вызывая ночные кошмары. Какие–то безумцы находили в себе силы противостоять внушаемой им всеобщей любви. Так пусть же попробуют противостоять смерти!

Я выступил с очередным обращением к согражданам, во время которого приказал остановиться сердцам тех, кто вынашивает недобрые замыслы

против горячо любимого всеми президента. Это дало результаты, но почти неощутимые. Два десятка совершенно здоровых молодых людей умерли на работе или прямо на улицах. У двоих, чьи тела были обнаружены неподалеку от моего дворца, нашли при себе оружие. Двадцать было слишком мало. Я понимал, что подобными мерами ограничиваться нельзя.

О том же говорил и Тод. Он вновь заявился ко мне и вел себя развязней, чем прежде.

Закинув ногу за ногу, Тод дымил сигарой и поучал:

— Надо уничтожать не только тех, кто сделал, не только тех, кто собирается сделать, не только тех, кто подумал, что можно бы собраться, но и тех, кто может подумать. Только такую власть можно считать абсолютной.

Он был прав. Я распорядился передать новое выступление, в котором содержался безмолвный приказ остановиться сердцам тех, кто не испытывает искренней любви к своему президенту. По отражению, лишая маров работы, прокатилась волна смертей. Вымерло примерно пятнадцать процентов населения. Департамент Научных разработок практически обезлюдел. Мне передавали, что перед тем, как испустить дух, многие

кричали: «Смерть тирану!»

Узнав об этом, я улыбнулся. Глупцы, они не понимали, что власть тирана основывается на личной выгоде. Я же не имел ничего кроме власти, а значит, тираном не являлся. Я был Семнадцатым, обычным Семнадцатым.

Семнадцатый всегда прав!

Семнадцатый всегда умен!

Семнадцатый преисполнен сил!

Был шок, а потом все разом успокоилось. Стало спокойно, как никогда прежде. Я мог наслаждаться искренней любовью своих подданных. Тех, что уцелели, доказав свою преданность мне. Время от времени некоторые из них умирали, что мало волновало меня. Я почти не думал об этом, а когда вдруг начинал размышлять о внезапных смертях, испытывал чувство облегчения. Я радовался тому, что об этом не задумывается и Лельна, в противном случае, я опасался, что могу не найти слов для объяснения. Лишь как–то раз она спросила:

— Почему умирают люди?

— Так заведено, — ответил я, сделав вид, что не понял вопроса.

— А я могу умереть?

— Нет, ведь ты же любишь меня, а я бессмер-

тен.

Лельна кивнула головой и успокоилась, а я заглянул в ее глаза и впервые повелел. Я приказал ей жить вечно.

Но все случилось иначе. Вскоре Лельны не стало. Она умерла от разрыва сердца.

В день ее смерти Тод явился в последний раз. Впрочем, возможно, он приходил еще, но это был последний день. Тод старательно изображал сочувствие.

— Мне жаль. — Я не отреагировал, и тогда он, ухмыльнувшись, прибавил: — Не слишком убивайся по ней, Ноет. Она ненавидела тебя.

— Почему? Почему? Почему? Ведь было время, когда она любила! Я знаю это!

— От любви до ненависти всего один шаг. Вот такой коротенький. — Тод отмерил двумя пальцами. — Порой даже не замечаешь, когда делаешь его. Ничего, найдешь себе другую.

Тод говорил дружелюбно, но я видел в его глазах жадность. Он желал овладеть моей душой.

— Конечно, — согласился я. — Найду себе другую.

Едва он ушел, я вытащил из ящика письменного стола пистолет. Дуло приятно холодило разгоряченный лоб. Я трижды нажимал на курок,

и пистолет трижды давал осечку.

— Бесполезно, — сказал Тод, объявляя свою тонкую ухмылку в стеклянной дверце книжного шкафа. — Ты не можешь убить себя. Ведь ты даровал себе вечную жизнь.

Направив ствол в ухмыляющуюся физиономию, я выстрелил. Пуля вдребезги расколола стекло. Вместе с ним исчез и Тод.

И тогда я сделал единственное, что мог сделать, подведя итог этой истории.

Я подумал о президенте Семнадцатого, том самом, что пытался силой заставить любить себя. Верно, он не был хорошим человеком, раз столь многие осмеливались думать о том, чтобы его не стало. И я пожелал ему смерти…

Фонарщик

— Сегодня в двенадцать часов! — жирно кричали заголовки газет:

— Ровно в двенадцать по универсальному времени! — вторили им сообщения информационных агентств:

— В полночь! — важно поднимал указательный палец президент–председатель:

ФОНАРЩИК ЗАЖЖЕТ НАД ГОРИЗОНТОМ НОВУЮ ЗВЕЗДУ!

Не пропустите великого зрелища!

В назначенную ночь никто не спал. Люди бродили по улицам, наслаждаясь свежестью летней ночи, сидели у раскрытых окон иль на приступке у дверей, некоторые забирались на крышу, словно надеясь, что став выше, смогут соприкоснуться с неведомым. Люди ждали удивительного чуда. Ведь рождающуюся звезду суждено увидеть лишь раз в жизни, а некоторые не увидят ее никогда. И этих некоторых значительно больше.

Люди вглядывались в ночное небо и ощущали, как в душе рождается некий восторг, неосознанный, неопределенный — сознание сопричастности с великим, грандиозным, немного

таинственным, что выбивается из колеи серой обыденности. И от этого люди становились чуточку счастливее. Они улыбались друг другу, указывая рукой в фиолетовое небо.

— Смотри, это она?

— Нет–нет, это совсем далеко. Наша будет большой и такой яркой, что заболят глаза.

— Не может быть! Разве звезда бывает яркой? — Так восклицали многие. Ведь звезда, дававшая жизнь планете, была тускло–багрового цвета. Она раздарила свою энергию и медленно угасала. И потому люди позвали Фонарщика.

А теперь они ждали…

Тот, кто должен был сотворить чудо, находился в корабле за многие миллионы световых секунд от планеты. Он был один, он не любил, когда ему мешают. Творец нуждается в тишине и покое, он не выносит суеты, а из всех звуков предпочитает рокот ночного прибоя, мерный и бесконечный, словно течение времени.

Он сидел в удобном покатом кресле и, не отрываясь, смотрел в ту точку, где должна была вспыхнуть звезда. Его не раз спрашивали, как он это делает, и он вполне искренне пожимал плечами. Он и вправду не знал. Он не обладал ни колдовскими чарами, ни невероятными

способностями, ни громадным энергетическим потенциалом, свойственным созданиям, чья суть в сверхъестестве. Он был самым обычным человеком, каких миллионы. Самым обычным, отличаясь от этих миллионов лишь одним — он умел зажигать звезды.

Это было трудно и необычайно легко.

Для начала следовало выбрать место. Он выбирал его долго и придирчиво, руководствуясь одному ему известными признаками, а выбрав, замыкался в скорлупе собственного я и начинал лепить звезду, совсем так, как дети лепят песчаные куличи. Для этого он порождал в душе музыку. Она шла из самых глубин сознания и не имела четкой окраски. Музыка могла быть громкой и тихой, бурливой и плавной, звонкой и романтически приглушенной. Ее можно было заквасить на реве труб, барабанном бое или звонких гитарных аккордах. К месту был и скрипичный дуэт, и тонкое пение флейты, и капельный звон клавесина. Возникая из ничего, звуки обнимали плотной пеленой, порождавшей различные запахи и видения. Арфа создавала поляну с ароматом ландышей, орган — бездонное горное ущелье, насыщенное ветрами, скрипка — стремительный птичий полет, а в барабанах

клокотала гулкая энергия планетарного огня. Вместе с запахами и видениями приходило причудливое ощущение полета и неестественной легкости ума. Стены корабля раздвигались, впуская черноту космоса. Отталкиваясь от магнитного поля, он плыл в темноту — туда, где уже концентрировалась энергия, пока невидимая, но достаточно осязаемая. Бесчисленное множество плотных комочков, покалывающих ласковыми иголочками силовых окончаний. Здесь музыка достигала своего апогея и начиналось рождение.

Он рождал звезду не в приступах боли, а скорее в состоянии неописуемого оргазма, но как знать, не был ли этот оргазм страшнее самой ужасной боли. Все естество его раскалывалось, соединялось с тонкими нитями аккордов и невесомых ощущений, и начинало облекать неопределенное в форму.

Он мог создать любую из восемнадцати звезд по универсальной классификации. Звезду огромную, среднюю и малую, звезду розовую, белую, фиолетовую, апельсиновую, багровую, ослепительно–зеленую. Все зависело от настроения. Если в душе клокотали гнев и ярость, то возникали гигантские белые звезды, способные испепелить живое. Грусть была матерью фиоле-

товых, лимонных и нежно–салатовых. Они жили недолго, но тепло их было ровным и ласковым. Иногда приходила печаль, и тогда возникали огромные бесформенные багровые. Восторг соответствовал алому, ярче свежепролитой крови. Случалась меланхолия, и тогда точку в небе занимал черный карлик, пустой и холодный. Это был очевидный брак, и он старался не поддаваться меланхолии.

Сегодня ему предстояло создать апельсиновую звезду — посредственную, но зато долгую и надежную. Подобные не взрываются и долго не гаснут. Апельсиновая звезда требовала ровного настроя с оттенком некоторой обыденности. И потому он вызвал квартет — скрипка, фортепиано и глуховато звучащая гитара. Мерный фон, почти ничего не значащий, более ритм, нежели музыка. Полились ровные звуки. Он внимал им каждой порой своей сути, пока полностью не растаял в них. Он плавно растекся по ожерельям гамм, вызвав к жизни сочные видения — тихий небольшой городок, затерянный в глубине континента, зеленоватая речка, сонная в полдень, кукурузное поле с невызревшими початками, закусочная на обочине дороги, горячий запах хлеба с яблоками. Это был вкус апельсиновой звезды.

Музыка нарастала. Видения становились все отчетливей. К ним прибавился осенний морской пейзаж в стиле Рокуэлла Кента и кусочек увертюры Брамса, крохотный и самый безликий. Плавные звуки пронзали корабль, расслаивая его трещинами. Медленно растворилась стена с иллюминатором. Он поднялся с кресла и взмыл вверх. Вскоре уже было неясно, где верх, где низ. Он парил в пористом кружеве звезд, ощущая легкое сопротивление невесомой материи. Он сгребал космическую пыль, помогая ей с помощью звуков принять устойчивое положение. А потом он принялся лепить звезду, складывая множество огненных комочков. Он походил на пчелу, строящую соты. И эти соты медленно наполнялись сгустками энергии, поглощаемой из космоса невидимой паутиной звуков.

Творение обретало объем. Звуки превращались в грохочущий шквал, в котором уже нельзя было разобрать ни одного инструмента. Лишь ровный гул, давящий на сознание подобно абсолютной тишине. И сквозь этот гул прорастали десятки и сотни огненных щупалец, выброшенных не завершенным еще творением. Они помогали звукам черпать жизненную энергию и заполняли ею пористое тело.

А потом последовал взрыв — ослепительный, раскалывающий сознание на части. Глаза заслонило черным крепом, а когда пелена спала, он увидел, как перед ним, расплываясь во весь иллюминатор, сияет громада зажженной звезды. В такие мгновения он чувствовал огромную усталость, смешанную с долей разочарования, свойственную любому мастеру, который завершил свое творение, а теперь оценивает его. Ах, оно не идеально! Ах, оно б могло быть куда лучше! Ах, как несовершенен этот мир!

Разочарование — чувство, присущее каждому. Разочарование чувствовали и те, кто наблюдал за рождением звезды.

— Как, и это все? — восклицали обыватели. Они ждали яркого зрелища, подобного тому, что давали паяцы с приклеенной улыбкой на лице, а взамен стали свидетелями того, как на черном покрывале неба возник небольшой апельсиновый шар. Они сполна заплатили за зрелище, а что получили! Стоило ли ради этого жертвовать сном!

Обыватели расходились разочарованные и недовольные, и забывались в тяжелом сне.

А через день они забыли о случившемся и вспоминали о нем лишь изредка, когда вдруг

замечали, как пышно разрослась на окне герань. Тогда обыватели вскидывали вверх указательный палец и заявляли:

— Выходит, мы недаром потратили деньги!

При этом они чувствовали такую гордость, словно собственноручно зажгли апельсиновый шар над своею головой.

Крохотный апельсиновый шар.

* * *

Он был и почти что не был. Он был легендой. Мало кто знал, как его зовут. Люди говорили о нем как о Фонарщике, Творце и даже Шарлатане. Одни называли его Ольвусом, другие — Грантом, третьи — Денлилем. И лишь четверо знали его настоящее имя, но для каждого из четверых оно было разным.

Почти никому не доводилось видеть его, по пальцам можно было пересчитать счастливчиков, которые видели его однажды. О лавочнике из Ореола, которому довелось перекинуться с ним словом, сообщили все информационные агентства. И лишь четверо видели его не раз, и не раз говорили с ним. Они знали о нем не все, но довольно многое. Прочие же не знали о нем ничего, кроме того, чем он занимался. Для них он

был самым загадочным существом на свете — Фонарщиком, человеком, зажигающим звезды.

Фонарщик был неуловим. Он никогда не останавливался надолго на одном месте. Он зажигал очередную звезду и перебирался в другое созвездие, готовясь сотворить новое чудо.

Как он это делал? Вопрос, обращенный в никуда. Доказано, что процесс рождения звезды необычайно сложен. Необходима критическая масса межзвездного вещества, необходимо преломление измерений, необходимо, наконец, смещение временных потоков. И что–то еще, о чем не знает никто. Когда Фонарщику говорили об этом, он загадочно улыбался. Он лишь зажигал звезды, сам не понимая, как это делает. Он не знал, как ответить на этот вопрос. Зато имел ответ на другой — зачем.

Когда–то в раннем детстве он услышал случайно оброненную фразу:

— Если звезды зажигают, значит, это кому–то нужно.

Он запомнил эти слова и твердил их с тех пор по ночам.

А когда вырос, сам научился зажигать звезды. Ведь это было кому–то нужно. Нужно?..

— Дилл, мне нужна звезда между четвертым

и восьмым секторами в созвездии Лиры. М–13 гаснет, и жители Фуэнте готовы заплатить за то, чтобы иметь в достатке тепло и свет.

— Хорошо, Док, — послушно ответил Фонарщик.

Док Хармс был личным менеджером человека, зажигающего звезды, и одним из четырех, кто время от времени виделся с ним. Док был отличным менеджером, быть может, лучшим в мире. Благодаря ему Фонарщик не испытывал нужды в средствах. По первому требованию он получил новый дом, звездолет и запас би–горючего. Док решал все таможенные проблемы, разбирал судебные иски и заключал контракты. Еще он считался самым богатым человеком на свете. Поговаривали, что он нажил свое громадное состояние благодаря таланту Фонарщика, ведь люди согласны заплатить за создание звезды бешеные деньги. Фонарщик не обращал внимания на эти пересуды. Денег, что он получал от Дока, вполне хватало, а деловая хватка последнего решала все проблемы.

Док сидел в кресле из чистого золота, Фонарщик — на обшарпанном табурете, снятом со списанного звездолета. Другого возмутила б подобная несправедливость, но Фонарщик не обращал

внимания на такие мелочи.

— Когда ты можешь вылететь?

— Это срочно?

— Да. Фуэнтийцы согласны заплатить вдвойне, если ты возьмешься за это немедленно.

— Хорошо, Док, вот только…

— Что только? — Док Хармс столь изумился этому только, что даже вытащил изо рта алмазный мундштук с сигарой. — Что ты хочешь сказать этим только?

Фонарщик потупился.

— Я обещал зажечь звезду в системе Ратоборца.

— Но я не подписывал такого контракта. Кажется, не подписывал… — Док привстал в кресле, его короткие пальцы суетливо забегали по клавиатуре стоящего на столе компьютера. — Подожди, я запрошу сведения об этом деле.

— Не стоит, Док. — Фонарщик выглядел еще более смущенным. — Обитатели Герры бедны, они не в состоянии уплатить нужную сумму.

— Ах, вот, значит, как! — Лицо Дока потемнело от злости. — Ты опять принялся за свое? Ты вновь раздаешь подачки всяким побирушкам! И это несмотря на все свои обещания!

Фонарщик уступил этому напору и втянул го-

лову в плечи.

— Прости меня, Док, но это займет совсем немного времени.

Док яростно оскалился.

— А дело не только и не столько во времени. Пойми, жалкий недоумок, каждая сотворенная тобой звезда должна приносить деньги, иначе какой смысл в том, что ты делаешь! Скажи, зачем тебе и мне эта звезда?

— Она нужна людям.

— А почему ты должен думать об этих людях? Сегодня не заплатят одни, завтра откажутся платить другие. Что мы тогда будем делать? Где мы возьмем новые звездолеты, горючее, дома, которые ты привык менять чаще, чем рубашки? В этом мире все взаимосвязано. Нет, конечно же, я не спорю, наш мир далек от идеала, но мы живем в нем и вынуждены повиноваться его законам. А эти законы гласят, что любой труд, выполненный человеком добровольно, без принуждения, заслуживает вознаграждения. Нам должны заплатить за звезду!

— У них нет таких денег, как ты не понимаешь, — тихо сказал Фонарщик.

Док ответил на эти слова жестом, означающим презрение. Он не желал иметь дело с людьми, ко-

торые не в состоянии оплатить создание звезды. Он не желал в сотый раз твердить Фонарщику одни и те же слова. Он не желал тратить время на дискуссию.

— Короче, мы договоримся так. Я запрещаю тебе исполнять заказ этих людей. Пусть платят. Мы не должны раздавать звезды даром. Если ты согласен со мной, все остается по–старому, если же нет — забудь обо мне! — Док перешел на истеричный крик. — Забудь о звездолетах и новых домах. Я не желаю иметь дело с идеалистом, жаждущим осчастливить весь мир. Все стоит денег. А звезды стоят больших денег! Огромных денег! Итак, что ты решил?

Фонарщик поднял глаза. В его взгляде было упрямство.

— Док, а тебе приходилось когда–нибудь слышать о таких вещах как дружба, помощь, милосердие?

— Приходилось. Этими словами меня пичкали в начальной школе. Ты хочешь сказать еще что–нибудь?

— Эти люди нуждаются в моей помощи.

Док пожал жирными плечами.

— Как знаешь.

Через день над планетой Герра зажглась новая

звезда, прозванная геррянами Солнцем.

В тот же день Фонарщик покинул систему Ратоборца. Он летел на стареньком звездолете, снабженном крохотным запасом би–горючего, приобретенного на жалкие сбережения жителей Герры.

Прошло много лет, но герряне еще долго давали своим детям странное имя — Фонарщик. И ради этого стоило зажечь Солнце.

* * *

Ни один из живущих на свете не подозревал о существовании Эдема. Точнее, не верил в его существование. Спроси любого, что такое Эдем, и любой ответил бы:

— Сказка, придуманная варварами, пришедшими ниоткуда. Плод болезненных мечтаний, взращенный на страхе перед неизбежностью смерти.

И любой был прав — Эдема земного действительно не существовало, а вот Эдем небесный был.

Эту планету невозможно найти ни в одном звездном справочнике. Корабли, проходящие мимо, не замечают ее, скрытую от глаз и приборов взвесью невидимой пыли. А меж тем она осле-

пительно, сказочно великолепна. Нигде больше нет столь сочной зелени, чистой воды и громадных спелых плодов. Нигде не встретить столь миролюбивых зверей и нив, произрастающих без вмешательства человека.

На этой планете живет Творец.

Он сед и полон телом. Он претендует на то, что все сущее создано его руками, и требует, чтобы его называли Богом. Он грезит о том мгновении, когда родится поколение людей, чистых душой и телом, которые будут достойны Эдема. Он мечтает поселить этих людей на своей планете и даровать им вечную жизнь, а себе — блаженство. Пока же он довольствуется обществом одного–единственного человека — Танна, того самого, что зажигает звезды. Пользуясь своим умением манипулировать пространством и временем, Творец на долю секунды похищает Танна из его корабля, перебрасывая в иное измерение, которое не является ни прошлым, ни будущим, ни даже настоящим. Творец утверждает, что Вечность не подлежит временному исчислению, ибо она владычествует над временем как абсолют над относительностью. Порой он развивает на этот счет целые теории, но так и не смог привести доказательств ни одной из них. Фонарщик

воспринимал Творца как неизбежность, скорее малоприятную.

Творец не обладал обаянием Сатаны, но принимал своего гостя подчеркнуто радушно, порой даже пышно, однако в словах его и жестах проскальзывал налет фальши. Даже лицемеря, он неизменно переигрывал.

Еще он был величайшим любителем моралей. Он читал их по поводу и без него. Фонарщик подозревал, что само слово мораль выдумано Творцом. Порой Фонарщик с тоской ощущал, что является для Творца не более чем объектом для очередной морали. Другому это было бы лестно, но Фонарщик не желал менять свои звезды даже на общение с тем, кто претендовал на сотворение сущего. Он был немножко атеист, и еще — страшно признаться! — верил в человечность и любовь.

Впрочем, Эдем имел одну привлекательную сторону. Здесь произрастали необычайно вкусные плоды, а кроме того, можно было насладиться лучами малиновой звезды, зажженной много лет назад самим Фонарщиком.

Почему–то Творец всегда с завидным упрямством доставлял своего гостя на одно и то же место — на большую лужайку у лесного озера.

И требовалось проделать немалый путь, чтоб очутиться в покоях, где ждал хозяин. Фонарщик смутно догадывался, что это ритуал, призванный подчеркнуть величие Творца, и в глубине души прощал эту позволительную в общем–то слабость, но порою сердился. И потому он не очень–то спешил во дворец. Он гулял по тенистым аллеям, нежился на пушистой траве, объедался сочными грушами и яблоками, которые в изобилии росли вокруг, игрался веревочкой с мурлыкающими тиграми, питавшимися манной, что посылал им Творец. Не в силах дождаться строптивого гостя, Творец оставлял свои покои и отправлялся на поиски. О, как же он злился, обнаружив Фонарщика спящим под цветущим кустом терновника! И как ловко скрывал свою злость.

Творец собственноручно будил Фонарщика, а его невидимые слуги подавали серебряный кувшин с ключевой водой. Гость радостно плескался ею, с наслаждением фыркая и отплевываясь, а Творец с умильной улыбкой взирал на него. Затем они садились на траву и заводили неспешный разговор. Один и тот же, по раз и навсегда составленной программе. Все это походило на многократно сыгранный и успевший надоесть фарс. Однако Творец получал удовольствие от

этого фарса. Он начинал, смиренно сложив на груди руки:

— Я рад вновь видеть тебя, Танн.

— Не могу сказать того же, Творец.

Эта фраза не соответствовала первоначальному сценарию, но Фонарщик упорно твердил ее все последнее время, и Творец с присущим только ему терпением вносил в диалог коррективы.

— Зачем ты так, друг мой?

В данном месте Фонарщик имел скверную привычку зевать, но хозяин научился не обращать внимание и на это. Он продолжал допрос.

— Как твое здоровье?

— Нормально.

— Как…

— Великолепно. Нет. Не намечается. Не потому, что я не хочу. — Необходимо пояснить — чтобы сократить бессмысленный разговор, Фонарщик заранее отвечал на наперед известные ему вопросы:

— Как поживает твоя жена?

— Не обзавелся ли ты маленьким Фонарщиком?

— Не собираешься ли обзавестись?

— Почему, неужели не хочешь?

Лишенный привычного удовольствия спра-

шивать и слегка выбитый из колеи, Творец переходил к основной части.

— Ты по–прежнему зажигаешь звезды?

— По–прежнему.

— Зачем?

— Затем.

После такого ответа Творец обычно терялся. В его голосе появлялись нотки раздражения.

— Тебе известно, Танн, что я тоже умею зажигать звезды?

— Да.

— А ты хочешь узнать, почему я не занимаюсь этим?

— Нет.

Творец был терпелив.

— Я все же объясню тебе.

Фонарщик, позевывая, рассматривал мелькающих в кронах деревьев птиц, а Творец заводил свою первую мораль.

— Когда я создавал этот мир, я делал его счастливым — без боли, без горя, без страданий. В нем не было места ярости и злобе.

— А звезды? Что их взрывает, если не ярость?

— Они стали взрываться много позже, когда этот мир перестал быть исключительно моим. А до этого они горели — ровно и бесконечно. И не

было ни черных карликов, ни сверхновых. Одни лишь надежные оранжевые.

— Мир, лишенный непредсказуемости, мир, отвергающий взрыв, скучен.

— О, как ты неправ, Танн! Что может быть совершенней ровной и размеренной жизни!

— Что может быть хуже! — восклицал Фонарщик. — Не заводи этот извечный спор!

Но Творец как раз намеревался завести его.

— А потом пришли подобные тебе, и все изменилось.

— Я знаю, знаю эту историю. Их звали Адам и Ева. Сатана, принявший облик змея, сбил их с истинного пути.

— Не совсем так. У них не было имен. И Сатана не повинен в их бедах. Это они совратили Сатану, оторвав его от Бога.

Фонарщик смеялся.

— Любопытная версия! Выходит, Сатана — порождение людей?

— Конечно. Неужели ты полагаешь, что Бог способен сотворить зло?

— Еще как полагаю. Особенно, когда зло оправдывается благими намерениями. Не стоит заводить разговор о добре и зле. Он может оказаться слишком долог. Я всегда полагал, что Сатана

— один из твоих взбунтовавшихся слуг. Разве не так?

— Именно так. Но он стал таким, поддавшись на уговоры людей.

Фонарщик заулыбался еще шире.

— Каким же яблоком они его соблазнили?

— Яблоком познания. Сатана был слишком любопытен, а люди пообещали ему открыть мир.

— И, видно, исполнили свое обещание, если он столь вдохновенно воюет против тебя.

Творец не отреагировал на эти слова, а лишь вздохнул.

— Бедный грешник! Он обожествил зло!

— Он создал мир! — не согласился Фонарщик.

— Мир создан мной!

— Ты сотворил глиняный замок, который растаял бы при малейшем дожде. Но пришел Сатана, который привнес в мир огонь, придавший твоему строению прочность.

Добро, сведенное к абсолюту, перестает быть добром. Оно воспринимается превращенным в ничто. Сатана разбавил добро злом. Он создал реальный мир — сплетение относительностей.

— Танн, ты опасный еретик! — со значением воскликнул Творец.

— Так сооруди костер.

— Это дело рук Сатаны.

— Неправда, те, кто зажигали костры, искренне веровали в Бога.

— Они лишь прикрывались именем Бога. Я ненавижу насилие. И искренность этих слов подтверждает уже то обстоятельство, что я без гнева выслушиваю твои слова.

— Но признайся, тебе хотелось бы поступить иначе!

— Возможно, но тогда, содеянное мной переступило бы границы добра.

— А не считаешь ли ты, что подумав о зле, ты уже совершил его? Ведь всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. Кажется, так сказано в твоем завете людям?

Творец натянуто засмеялся. В этом месте он всегда попадал впросак, но движимый необъяснимым упрямством, ни разу не попытался обойти данный кусочек разговора.

— Ты умеешь спорить, Танн.

— Еще бы, ведь мои предки смогли соблазнить самого Сатану!

— А теперь в соблазн вводишь ты.

— Чем же, позволь узнать?

— Ты создаешь звезды.

— Что делать! Кто–то должен зажигать звезды. Раз этим не хочет заниматься Творец, значит, должен был появиться Фонарщик.

— Мой друг, а не задумывался ли ты над тем, что, зажигая звезды, ты тем самым даешь человеку опасную иллюзию всемогущества? Раз один человек смог уподобиться Творцу, почему бы этим не заняться другому, третьему?

— Что ж, я не вечен. Когда–нибудь я умру, и на смену мне придет кто–то, любующийся звездами.

— Но человек не может заменить Творца!

— Почему? Ведь человек рожден, чтобы творить.

Творец заволновался.

— Постой, постой, а как же я? Что будет со мной?

— Ничего не будет. Живи в свое удовольствие. С тех пор, как ты перестал зажигать звезды, в тебя все равно никто не верит.

— Создавать звезды? — Бог хмыкнул. — Ты полагаешь, что человечество достойно того, чтобы ради него создавать звезды?

Фонарщик ответил вопросом на вопрос:

— А быть может, создавая звезды, Творец делает человечество более достойным?

Творец на мгновение задумался, а потом решил:

— Нет, это невозможно. Зажигать звезды — акт величайшей тайны. Люди же превратили это в дешевое зрелище. Я не могу снизойти до того, чтобы потакать пошлому любопытству. А ты, делая это, опускаешься до презренного ремесленника!

Фонарщик пожал плечами.

— У меня нет выбора. Ведь кто–то должен делать это.

Творец взглянул на Фонарщика. На губах его была запечатлена умильная улыбка, но в зрачках сверкали колючие льдинки.

— Послушай, Танн, а не могли бы мы договориться? Я подарю тебе вечную жизнь и назначу моим слугой, а ты будешь зажигать звезды от моего имени.

— Ты можешь победить Вечность? — поинтересовался Фонарщик.

— Конечно. Это не столь сложно, как кажется. Ты просто будешь жить по иным временным законам. Я сожму бесконечный отрезок твоей жизни в секунду. Это в моей власти. Ну как, Танн, ты согласен?

— Нет! — решительно ответил Фонарщик. — Я не привык быть слугой. Я не переношу однооб-

разия оранжевых звезд. А кроме того, я не могу славить имя бога, в которого никто не верит.

Творец обиделся.

— Можно подумать, в тебя кто–то верит! Ты для людей не более чем сказка.

— Наверно, но когда на небе вспыхивает новая звезда, губы людей шепчут мое имя.

— В тебе говорит гордыня, — процедил Творец. — Но недолго тебе осталось. Знаешь, ведь ты скоро умрешь. Я даже могу назвать день твоей смерти. Хочешь, назову? Или ты, подобно прочим смертным, испытываешь ужас перед неизбежностью бытия? Я слышал, самый сильный страх испытывает тот, кто знает свой смертный час.

— Мне все равно, — сказал Фонарщик.

— А–а–а, ты боишься!

— Ничуть.

— Тогда знай, что это произойдет ровно через три дня. Но ты еще можешь принять мое предложение и будешь жить вечно. Посмотри, как прекрасна вечная жизнь!

Творец махнул рукой, и в небе появились ангелы. Они порхали, трепеща ажурными крыльями, сбивались в стайки. Это было красивое зрелище, похожее на игру мотыльков. Вдоволь налюбовавшись им, Творец хлопнул в ладоши. Ангелы

растворились в пустоте.

— Ты видел, как это прекрасно? Соглашайся!

Фонарщик отрицательно покачал головой.

— Я не привык появляться на чей–то окрик.

— Не чей–то, — терпеливо поправил Творец. — Окрик Бога!

— Все равно не привык.

— Напрасно. Ведь смерть — малоприятная вещь. Ты мог бы избежать ее. И всю жизнь создавать звезды — красивые, ровные, оранжевые шары.

— Прости, — улыбнулся Фонарщик, — я заговорился с тобой и совершенно забыл, что люди заказали мне новую звезду — ослепительную, белую, яростную.

Творец поежился.

— Она непременно взорвется.

— Да. Через миллиард лет. А до этого она будет исправно дарить теплом и светом целых восемь планет. Я спешу. Если ты сказал все, что хотел, будь любезен, верни меня обратно.

Творец потеребил жидкую спутанную бородку.

— Как хочешь. Но ведь три дня!

— Три звезды, — поправил Фонарщик. — Я измеряю дни звездами. Так удобней. — Он помолчал, а затем негромко промолвил: — Белую я зажгу для

восьми планет, розовую — для детей, тех, что не могут уснуть ночью, а последнюю…

— А последнюю? — вкрадчиво спросил Творец.

— А последнюю я зажгу для себя!

— Три дня! — завопил Творец и хлопнул в ладоши, возвращая Фонарщика в скорлупу звездолета.

Эдем — самое прекрасное место из существующих на свете. И люди напрасно не верят в него. Вот только попасть туда не дано никому, даже вам, читающим эти строки. Попасть на остров Эскулапа[5], прозванный кем–то Эдемом.

* * *

Этот гость всегда приходил негаданно. И всегда с подарком. Он любил делать приятное и обожал сюрпризы. Он называл Фонарщика Шером, что в переводе с одного из древнейших языков означало искаженное — дорогой.

— Шер… Ш–Шер… — именно так, чуть жестче, чем следовало бы.

Фонарщик в свою очередь именовал гостя Меф, вытащив странный, ничего не значащий слог

---

[5] Примечания: 5

Остров в Риме, посреди Тибра, куда хозяева свозили умирать больных и старых рабов.

откуда–то из глубин памяти. А быть может, это имя подсказал ему сам гость, ибо он был слегка тщеславен и любил, когда произносили самое благородное из его имен, вырванное из небытия беднягой Фаустом. Люди, никогда не видевшие гостя, дали ему имя, краткое и четкое, словно трехступенчатая пирамида — Сатана.

— Мы с тобой братья, — не раз говаривал Сатана Фонарщику. — Я такая же сказка, как и ты. Мое имя вертится у всех на языке, мной заклинают, проклинают, клянутся, но в глубине души в меня никто не верит. За исключением разве что страдающих депрессией и манией величия. Я — легенда, рожденная в хижине из тростника и умерщвленная скептицизмом, которым отделаны кабины звездолетов. Мне не везет, Шер!

Впрочем, Сатана редко жаловался. Он не имел привычки перекладывать груз своих проблем на чужие плечи, считая это дурным тоном. Напротив, он всегда старался быть веселым, порой его веселость выглядела наигранной, но Фонарщик не придавал этому значения. Сатана был на редкость приятным малым.

Он был чертовски красив. Ваятель, увидев его, непременно пожелал бы создать это лицо в бронзе или черном камне. Но Сатана не был склонен

удостаивать своим вниманием ваятелей. Они слишком суетны в стремлении осчастливить мир оберточной красотой. Мало кому дано постичь душу, и никому — душу Сатаны. Из этой бездны нет возврата.

У Сатаны было множество обличий. Он менял их с такой легкостью, с коей комедиант меняет маски. Но истинным своим лицом он считал одно — то, с каким представал перед Фонарщиком. Лицо юноши — тонкое, одухотворенное, согретое темной синевой глаз и обрамленное золотистыми кудрями. Он походил на подросшего Сикстинского младенца, некогда рожденного кистью Рафаэля. Тот же ангельский облик и те же бесконечно мудрые, доверчивые, пытливые глаза. Быть может, это было не случайно. В своих беззлобных шутках, поддразнивая Творца, Сатана нередко доходил до неосознанного кощунства.

Он вошел в рубку непринужденно, словно вернулся, отлучась на минутку. На нем был черный, с золотистым шитьем костюм и подбитый алым шелком черный же плащ. Бледное лицо, увенчанное короной желтоватых волос, сверкало бриллиантом в мрачной оправе.

— Привет, Шер!

Сатана бросил Фонарщику небольшой бле-

стящий сверток. Фонарщик ловко поймал его, развернул хрустящую бумагу и извлек квадратной формы флакон, наполненный темной влагой.

— Ты искушаешь меня, Сатана! — пропел Фонарщик, улыбаясь.

— Работа такая! — в тон ответил Сатана.

Материализовав посреди рубки кресло, Сатана уселся.

По его лицу блуждала неопределенная улыбка. Он любил общество Фонарщика, Фонарщик знал это. Однажды он спросил: за что? Сатана на мгновение задумался и ответил:

— Наверно, за то, что у меня нет иного выбора. Я могу встречаться с Творцом, но он глуп и невыносимо скучен. В его обществе меня неизменно тянет говорить пошлости. Я могу призвать своих слуг, которые мечтают о встрече со мной, но они мне неинтересны, поскольку наделены лишь тем, что вложил в них я. И, наконец, люди… Они еще более невыносимы, так как надоели мне просьбами купить их души. Все лезут в Наполеоны. Вот так–то, Шер!

— А как же я? — улыбаясь, спросил Фонарщик.

Сатана сжал тонкие пальцы в кулак, а затем принялся поочередно выбрасывать их.

— Ты умеешь делать то, что неподвластно мне. Ты ни разу не предлагал мне свою душу. И ты просто приятный собеседник. — Три изящных пальца образовали дьявольский трезубец. — И это все!

Потому–то Сатана и посещал время от времени Фонарщика. Они выпивали и разговаривали, а когда порядком набирались, Сатана принимался искушать. Без должного, однако, усердия, скорей по привычке. Должно быть, Сатана опасался, что Фонарщик когда–нибудь поддастся на уговоры, и тогда он лишится своего лучшего собеседника.

— Что это? — Фонарщик вертел сосуд в руках с таким видом, словно это бомба.

— Яд! — Сатана рассмеялся. — Самый сладкий яд с планеты Фитрон. Где у тебя бокалы?

Фонарщик беспомощно развел руки.

— Не знаю.

— Ты неисправим! — беззлобно посетовал Сатана, после чего протянул руку и извлек из пустоты два пузатых бокала и чистую тряпицу. Нежно дыша на тонкое стекло, он протирал бокалы, а Фонарщик тем временем откупорил бутылку.

— Какой запах! — восхитился он, потянув носом.

— Вкус! — Сатана закатил глаза, изобразив

крайнее блаженство. На гладких щеках его образовались ямочки.

Они сдвинули наполненные бокалы и разом пригубили.

— Да–а–а, — протянул Фонарщик. — Выпить эту бутылочку и умереть.

Сатана понимал, что это лишь шутка, но решил поддержать игру.

— Не стоит, — сказал он серьезно. — Уверен, что если как следует поискать, в мире найдутся вещи, достойные большего восхищения.

— Так поищи!

— В следующий раз.

Фонарщик не стал говорить, что следующего раза не будет. Не сговариваясь, они разом опустошили бокалы, и Фонарщик наполнил их вновь.

— Когда я осязаю этот божественный напиток, мне кажется, что в душе рождается фантастическая симфония, сплетенная из самых диковинных звуков, видений и осязаний.

Сатана с любопытством посмотрел на него.

— Какой бы получилась звезда, создай ты ее в этот миг?

— Какой? — Фонарщик задумчиво подпер рукой подбородок. — Прекрасной и в то же время ужасной. Она была бы огромна и сплошь усеяна

разноцветными языками протуберанцев. Сотни оттенков языков самых причудливых форм. Вообрази себе — оранжевые пирамиды в обрамлении сиреневых пальм, золотистые лужайки, на которых резвятся изумрудные пантеры, сверкающие пагоды, захлестываемые желтым морем. И переплетение звуков — от шепота до рева — и запахов. Она пахла бы огнем и фиалками.

— Как вкусно! — вздохнул Сатана. — Шер, создай для меня такую звезду!

— Нет… — Фонарщик погрозил Сатане пальцем. — Нельзя.

— Почему? Я хорошо расплачусь с тобой. Я дам тебе все, что ты пожелаешь.

— Мне ничего не нужно. — Фонарщик похлопал Сатану по плечу, — Если хочешь, я сотворю тебе звезду, но завтра. Звезда, зажженная сегодня, принесет миру горе. Она поглотит мир.

— Именно этого я и хочу, — признался Сатана. — Мир гнетет меня. Я устал.

— А это уже нечестно!

— Ты прав, Шер. Оставим эту тему.

Фонарщик был чуток, он понял, что гость слегка обиделся.

— Хочешь, я сотворю для тебя целое созвездие? Завтра! — быстро привесил он, видя, как у Сатаны

разгораются глаза.

Сатана поскучнел.

— Не надо. Мне вполне достаточно тех, что ты подарил мне прежде.

— Тогда хочешь, я покажу тебе карточный фокус?

— Валяй, — разрешил Сатана, скрывая легкую скуку, ведь он знал решительно все фокусы на свете.

Фонарщик стасовал колоду и ловко преломил ее с таким расчетом, чтобы внизу оказались четыре короля. Сатана подыграл ему, притворившись изумленным. В конце концов оба получили удовольствие — Фонарщик от того, что сумел развеселить гостя, а Сатана радовался тому, что не выдал своей скуки. Играя в скучную игру ради того, чтобы доставить приятное другому, порой вдруг ловишь себя на том, что действительно ощущаешь наслаждение. Подобное иногда случается.

Сатана сделал крохотное доброе дело — он вообще был склонен творить добро, по мелочи, естественно, — но ему стало скучно.

— Шер, — сказал он и терпеливо дождался, когда Фонарщик наполнит бокал и поднимет глаза, — а зачем ты все это делаешь? Ведь не ради

денег?

— Нет, — ответил Фонарщик, мотнув головой. Но Сатана не слушал. Вопрос, заданный им, был чисто риторическим.

— Я знаю. Но ради чего? Быть может, ты мечтаешь, чтобы люди помнили о тебе, как о творившем добро?

— Возможно, но я точно не знаю.

— Тогда позволь спросить: зачем? Ведь это не что иное как мелкое тщеславие. Оно стоило жизни многому и многим, и многих толкнуло на край бездны, именуемой совестью. Это так мелко!

— Я не тщеславен! — возразил Фонарщик.

— Тогда что же?

— Не знаю.

— Не знаешь, — протянул Сатана. — Все это дьявольски, прости за каламбур, скучно. Я живу в этом мире так долго, что позабыл день своего рождения. Порой мне кажется, что я жил в нем всегда. Сначала все было великолепно. Я с наслаждением творил добро, потом столь же сладострастно предавался злу. Но очень скоро понял, что этот мир определяет скука. Добро — скучно, зло — скучно, счастье и то — скучно. Смысл имеют лишь мелкие радости — вроде этого бокала хорошего вина. Но ведь звезду не

сравнишь с бокалом!

— Да, это совсем иное.

— А что это? Объясни. Я еще могу понять, если б ты сотворил одну звезду, две, пять, наконец. Но ведь ты зажег целые созвездия. Неужели тебе не наскучило? Ответь, Шер, только честно.

— Нет…

— Постой! — Сатана не дал Фонарщику договорить. — По–моему, тобой движет самое примитивное чувство — чувство надуманного долга перед твоими собратьями. Ты хочешь осчастливить мир, согреть его теплом своих звезд.

— Не так просто. Да, я хочу сделать жизнь людей светлее, в этом ты прав. Но загорающаяся звезда имеет для меня куда больший смысл, чем просто источник энергии, необходимой людям.

— Страсть творца?

— И это, отчасти. Творить — высшее наслаждение, какое только может испытывать человек.

— Это самый сильный дурман, излечиться от которого невозможно, — подхватил Сатана. — Рембо понял это, но слишком поздно.

Фонарщик не слышал имени Рембо, но угадал, о чем говорит Сатана.

— Да, и здесь ты прав. Создавая звезды, я живу. Отними у меня дар расцвечивать черное небо,

меня вмиг бы не стало.

— Ты уязвим, — меланхолично заметил Сатана. — Как хорошо, что никто кроме меня не знает, как ты уязвим! Но ведь это так скучно!

— Понимаешь, с каждой новой звездой я привношу в мир что–то новое, неизведанное, прекрасное.

— Творца.

— Нет, я нередко творю для себя.

Сатана сначала хмыкнул, а потом засмеялся.

— Можно подумать, творец создает для других! В плодах своих трудов он прежде всего ищет усладу для себя. Это не требует доказательств.

— Нет, нет и нет! — Фонарщик рассердился. — Меф, ты не хочешь понять меня. Да, я творю для людей, да, я творю для себя. Но это лишь поступательное движение в достижении великой цели.

— Любопытно, — равнодушно протянул Сатана. — В чем же твоя цель?

— Я, как и ты, живу тем, что ищу. А что ищу, я и сам не знаю. А знай, мои поиски потеряли бы смысл. Это подобно любви. Когда любишь женщину просто за то, что она есть, а если вдруг случится осознать те ее качества, что вызвали чувство, любовь безвозвратно уходит.

— Экселлент! — воскликнул Сатана. — Я обяза-

тельно должен записать эту фразу!

— Перестань шутить, Меф!

— А я и не шучу.

Сатана и впрямь был серьезен. Фонарщик понял это. Он успокоился и, сделав глоток, продолжал:

— Я живу в этом мире сам не знаю ради чего. Кто–то находит смысл в моем существовании, ведь я дарю людям свет и тепло. Другие полагают, что мной движет страсть к деньгам. Думаю, остались и такие, что подобно мне не разучились любоваться звездным небом, и им тоскливо, когда гаснут звезды. Четвертые думают как–то иначе. И все они неправы. Я и сам не знаю, ради чего делаю все это. Порой мне кажется — лишь ради того, чтоб утолить честолюбие, порой я мечтаю увидеть счастливую улыбку на лице ребенка. Но и это совсем не то. Я мечтаю создать звезду. Только не говори мне о комплексе творца! Это будет необычная звезда, совсем небольшая и неприметная, совсем некрасивая и даже уродливая, но это будет моя звезда; звезда, которую я создал только для себя. И эта звезда будет жить вечно, потому что я останусь с ней. Ты понимаешь, о чем я?

— Да, — с оттенком легкой грусти произнес Сатана. — Да, мой Маленький принц. Я понимаю

тебя. Этот мир полностью в твоей власти, ты владычествуешь над ним в большей мере, чем я или Творец, но тебе одиноко в нем. Он слишком велик для тебя, как бушующий океан безбрежен для крохотной лодки. И ты ищешь свой уголок, который принадлежал бы только тебе и никому больше. Ты хочешь спрятаться от мира, ты хочешь спрятаться от себя. И ты единственный, кто в состоянии сделать это. Я завидую тебе. — Сатана вздохнул. — Я бы мечтал поселиться на звезде, которую ты создаешь для себя, но увы…

— Хочешь, я подарю ее тебе? — воскликнул Фонарщик.

— Нет.

— Я подарю! Ведь на следующий день после того, как я создам ее, ко мне придет смерть. И тогда эта звезда твоя!

— Я не могу принять твой дар, и не потому, что это слишком много для меня. Хотя это и впрямь слишком много. Мир несовершенен. Что будет с ним, когда исчезнет зло? Абсолютное добро ведет к разрушению. Мне нельзя уходить на покой. И потому я никогда не ступлю на твою звезду. И даже не взгляну на нее!

— Почему? — В голосе Фонарщика звучала пьяная обида. — Она будет прекрасна!

— Не сомневаюсь. — Сатана хитро улыбнулся. — Я знаю тебя, Шер, и уверен, что ты не возьмешься за создание своей звезды до тех пор, пока не убедишься в том, что я буду плясать на ней огненный канкан в день твоей тризны. Я прав, Шер?

— Да. И что?

— Ничего. Просто я не любитель глазеть на звезды, пусть даже самые прекрасные. Вот так–то, Шер!

Сатана насладился недоумением на лице Фонарщика, обескураженного столь неожиданным признанием, и расхохотался.

— Шер, — выдавил он, задыхаясь от смеха, — не слушай меня, дурака, я обожаю звезды, но мне претит пить в одиночку!

Фонарщик понял, что Сатана желает ему долгой жизни, и присоединился к хохоту гостя. Ведь жить ему оставалось всего два дня.

А звездолет плыл меж сверкающих огненных цветков к созвездию Медузы.

* * *

Фонарщик уже знал, что этой встрече суждено стать последней, но он не думал, что все закончится таким Образом.

— Дирк, я устала.

Она прошептала эти слова и повернула к нему свое лицо, действительно уставшее и постаревшее. Ее глаза были подернуты тусклой пленкой, словно прятались от мира. Фонарщик помнил это лицо юным и прекрасным, а глаза в те годы светились таинственным изумрудным светом. Он безумно любил эти глаза и тосковал, когда не видел их долго. Он любил ее всю, такую нежную и желанную. Ее голос, руки, волосы, легкую походку, ее смех, немного ломкий и оттого казавшийся больным, беззащитным. Этот смех… Он и обратил на нее внимание именно из–за смеха. Они проводили время в одной компании, и Дирк окликнул девушку, совсем незнакомую тогда; окликнул по ошибке другим именем. Несмотря на это, она поняла, что неуклюжий парень с большой стриженой головой обращается именно к ней, и обернулась, а заметив смущение осознавшего свою ошибку Дирка, рассмеялась. Смех походил на звон серебряного колокольчика, расколотого крохотной трещинкой. Тонкий, чуть дребезжащий. Подобный звук издает приглушенная пальцем гитарная струна.

С тех пор они были вместе. Это вышло не сразу, но как–то само собой. Они были очень непохожи друг на друга, быть может, они были

самой неподходящей парой из всех, когда–либо существовавших, но тем не менее они удивительно легко уживались друг с другом. Они умели молчать и умели говорить, обижались и легко мирились. В отношении размолвок Дирк проявил себя гениальным прагматиком. Он предложил установить очередность в определении вины. Если размолвка случалась в нечетный день, виновником ее считался Дирк, и просить прощения надлежало ему, в нечетный с извинениями приходила Хельга.

Высшее проявление джентльменства с моей стороны! — смеясь, сказал Дирк, когда они скрепляли поцелуем этот договор. — Я беру на себя семь лишних дней!

И Дирк не бахвалился, ведь все тридцать первые дни семи длинных месяцев были отнесены на его счет.

Но так вышло, что им почти не приходилось ссориться, а если вдруг и приключалось нечто, бросавшее черную тень, то примирения искали оба. Когда Дирк научился зажигать звезды и стал Фонарщиком, Хельга безропотно приняла новую жизнь. С тех пор они больше не имели собственного дома. Точнее, их было множество, сотни и тысячи, от скромных бунгало до почти дворцов,

но ни один не стал родным. Не успевала Хельга распаковать вещи, как следовал новый переезд. И нужно было привыкать к новой обстановке, новым людям, новому небу.

За пятнадцать лет, прожитых вместе, они потеряли не одну сотню созвездий. Они растеряли всех друзей и не приобрели новых. Они так и не завели ребенка. Хотя Дирк и настаивал, Хельга не захотела этого.

— Я не хочу обрекать нашего малыша на судьбу вечного странника, — сказала она.

Впрочем, им было хорошо и вдвоем. Породив очередную звезду, Дирк возвращался домой, где его ждал ужин, если был вечер, или завтрак, если наступило утро. Уставший и счастливый, он неторопливо ел, рассказывая о новорожденной, а Хельга, подперев ладошкой подбородок, терпеливо слушала. Ладошка была маленькая, розовая и сильная. Как и сама Хельга.

Потом она убирала со стола, а Дирк занавешивал окна в спальне, если было светло. Хельга включала музыку, негромкую и плавную, и снимала халат. Она делала это неторопливо, быть может, не без тайного сладострастия, однако в ее движениях не было той пошлости, что сопровождает выступления стриптизерш. Она заводила

Дирка, но делала это тонко, не переходя грань к скотскому.

Дирк умел ценить это. Он брал возлюбленную на руки и нежно касался губами острого розового соска, венчавшего маленькую грудь. А потом начиналось таинство любви, слишком личное, чтобы говорить о нем вслух.

Еще они любили гулять по летнему лесу, особенно в солнечный день, когда яркие лучи пронзают зелень и рисуют причудливые узоры на примятой траве. Они бродили по едва приметным тропинкам, а потом Хельга непременно сплетала венок и водружала его на голову Дирка. Если попадалась река, они купались. Дирк любил плавать. Загребая горстями воду, он воображал, что рассекает безбрежную гладь космоса. Дирк набирал полную грудь воздуха и нырял — на самое дно, где били холодные ключи и начинало трезвонить в ушах. А потом он возвращался к берегу, где Хельга плескала в него водой, весело хохоча каждый раз, когда брызги попадали Дирку в лицо. Вдоволь накупавшись, они ложились на траву, подставляя тела теплым лучам. И влажная кожа чуть бесстыдно блестела на солнце.

Вот и все. Жизнь не представляла им никаких других развлечений. Время от времени, но очень

редко, они выбирались в театр или ресторан. Дирк сам предлагал это, а потом старался побыстрее ускользнуть домой. Он не хотел, чтобы люди узнали, что рядом с ними сидит фонарщик. Дирк поступал так не из–за гордыни и не потому, что боялся людей. Просто фонарщик мог нечаянно принести горе. Как–то раз люди узнали, что их город посетил загадочный фонарщик. Возле театра, в котором были Дирк и Хельга, собралась толпа, а затем началась давка, переросшая в настоящее побоище. Каждому хотелось увидеть фонарщика, коснуться рукою его одежды. Стражам пришлось пустить в ход дубинки и газ, чтобы помочь гостям выбраться из западни. Говорят, были погибшие. Дирк поспешно покинул планету и с тех пор старался не появляться в людных местах.

Док селил их в самых укромных уголках, где в переизбытке солнца и дикой природы, и совсем мало — людей. Док был большой головой.

И так прошло пятнадцать лет. Пятнадцать лет суеты и вечных переездов. Пятнадцать лет неустроенности и, может быть, тайного непонимания.

Дирк был счастлив. Он занимался своим делом и любил, и считал, что любим. Пятнадцать лет… Он вдруг осознал, что лишь сейчас задумался

над тем, что делала Хельга все эти пятнадцать лет, когда он творил звезды. Слушала музыку? Гуляла? Листала комиксы? Глазела в окно? Он никогда не расспрашивал ее об этом, а она никогда не рассказывала. И вот теперь она призналась, в том, что устала.

Любимая, — с грустной усмешкой подумал Дирк, — ты выбрала не самый удачный день для подобного признания. Хотя, возможно, это и к лучшему.

— Я устала, Дирк, — вновь повторила она, — как же я устала!

Дирк молча обнял возлюбленную и прижал ее голову к груди.

— Хочешь, мы поговорим об этом в другой день?

В какой? — мелькнула мысль. — В какой? Ведь у него остался лишь один день!

— Нет, — сказала Хельга. — Сейчас. Непременно сейчас.

Творец прав, жизнь кончается, — понял Дирк.

— Хорошо, — сказал он. — О чем ты хочешь поговорить?

— Дирк, я так больше не могу.

Хельга подняла голову. В ее потускневших глазах плескалось опасное равнодушие. Дирк крепче

сжал руки, сомкнутые вокруг хрупких плеч.

— Я тоже.

— Тогда давай останемся здесь, на этой планете! — Хельга оживилась. — Она чудесна. У нас наконец–то будет свой дом.

Дирк покачал головой.

— Это дом Дока. Он принадлежит ему. Я разорвал свой контракт с ним.

Хельга не выглядела обескураженной.

— Мы выкупим его. У меня есть деньги.

— Откуда? — удивился Дирк.

— Я понемногу откладывала из тех, что давал нам Док. За пятнадцать лет скопилась немалая сумма.

— Здорово! — восхитился фонарщик. — Я никогда не догадался бы сделать так.

Хельга, улыбнувшись, погладила его по голове, словно ребенка.

— Да уж куда тебе! Ты такой непрактичный!

То же самое постоянно твердил Док. Поэтому Дирк с готовностью мотнул головой. Он был до крайности непрактичен.

— А что будет, если вдруг люди узнают, что рядом с ними живет фонарщик?

— Ничего. Ты больше не будешь фонарщиком. Просто Дирк, капитан звездолета, ушедший на

покой.

— На покой, — как эхо повторил Дирк, и фраза приобрела зловещий смысл. — Что же я буду делать? Ведь я не умею ничего, кроме как зажигать звезды.

— Тебе ничего не нужно делать. Если не излишествовать, денег вполне хватит.

— Вот как!

Дирк разжал объятия и отступил назад. Ноги мягко тонули в ворсистом ковре.

— А ты не думала о том, что я не смогу жить без звезд? — В голосе Дирка звучали истеричные нотки.

— Думала, — тихо ответила Хельга. — Но я больше не могу жить так. Пойми, не могу!

Размахнувшись, Дирк хлестнул ее по щеке. Хельга вскрикнула и прижала к лицу ладонь.

— Перелет завтра! — грубо сказал Дирк. Впервые в жизни он позволил себе подобное.

— Я никуда не полечу! — закричала Хельга. Всхлипывая, она прибавила шепотом: — Думаю, нам лучше расстаться.

— Банальная сцена, ты не находишь? — Дирк неестественно рассмеялся. Он был бледен и прятал пальцы правой руки, которой ударил Хельгу, в левой. — Словно в дешевой книжонке. Мой

дорогой, ты был неподражаем, но нам лучше расстаться.

— Я не могу так, Дирк!

— Уже слышал! Ну, хорошо, — Дирк облизал губы. — Я подумаю над тем, что ты сказала. Я вернусь через день. Возможно, вернусь.

— Я буду ждать тебя, Дирк, — сказала Хельга, не отнимая ладони от щеки.

— Прощай.

Дирк хотел поцеловать ее, но не решился, вдруг подумав, что Хельга может отшатнуться от него в страхе перед новым ударом. Он поднял руку в прощальном жесте и ушел. Ушел на один день. Ушел навсегда.

* * *

Смеркалось. Фонарщик брел по темной аллее парка. Где–то в зарослях акации пел соловей, у куста целовались возлюбленные, а чуть дальше, на взгорке, сидела женщина с маленьким мальчиком. Они любовались звездным небом, и мальчик внезапно воскликнул:

— Мама, смотри, звезда падает!

— Да, — задумчиво подтвердила мать.

Фонарщик посмотрел в ту сторону, куда были устремлены взгляды матери и сына. По черному,

в ярких оспинах ковру неба катился крохотный серебристый шарик — отсвет уходящей звезды.

— Мама, — в голосе ребенка была слышна тревога. — Теперь на небе будет одной звездой меньше?

— Тебя это волнует? — с улыбкой спросила мать, втайне любуясь своим сыном.

— Да. Ведь оно так прекрасно, это небо.

— Прекрасно, — прошептала мать. Она потрепала мальчугана по вихрастой голове. — Не беспокойся, завтра придет фонарщик и зажжет на небе новую звезду.

Сказав это, она опустила глаза и обнаружила стоящего перед ними незнакомца. Женщина немного смутилась, словно уличенная в чем–то неприличном, но, увидев на лице незнакомца улыбку, улыбнулась ему в ответ. И мальчик улыбнулся тоже. А незнакомец помахал им рукой.

Фонарщик был счастлив. Когда рассветет, он поднимется в небо, отыщет место, где потухла звезда, и зажжет новую, свою последнюю звезду. И он будет знать, что двое людей в этом мире будут чуточку счастливей. Лишь самую чуточку, но разве этого мало?

Он ушел в звездную ночь, так и не позволив двоим догадаться о том, с кем им пришлось го-

ворить. Он ушел, а назавтра в небе вспыхнула новая звезда.

Девушка синего леса

Корабль приходит на Аманетею раз в пять лет…

Коммадор Зинчес считал Горта тронутым, и даже не слегка. Впрочем, Горт был безобидным сумасшедшим, никому не причинявшим вреда. А кроме того, он сделал открытие, доказав, что на Аманетее может расти благородный тюльпан. И все же Горт был не в себе — хотя бы потому, что являлся единственным обитателем планеты со странным и поэтическим именем Аманетея.

Аманетея — в этом слове были отзвуки седых преданий, ласковый шепот усталого ветра, легкое пощипывание восходящих солнечных лучей. В этом слове… Оно не нравилось коммадору Зинчесу, так как было слишком длинным и содержало в себе пять гласных и лишь три согласных — бессвязно и расплывчато, по мнению астронавта, любившего короткие звонкие слова. Как, к примеру, Горт.

Впервые коммадор познакомился с Гортом ровно тридцать лет назад. Тогда Горту было не более двадцати, нет, пожалуй, еще меньше. Эдакий розовощекий юнец с оттопыренными ушами

и круглыми, полными наивности глазами; на упрямом, покрытом прыщами подбородке едва–едва пробивалась первая поросль. Горт явился к коммадору Зинчесу с предписанием взять его в качестве пассажира на Аманетею.

— Парень, ты, должно быть, сошел с ума! — воскликнул коммадор. — Это же самая глухая дыра в системе Туконта! Там лишь временная исследовательская база и ни одной приличной девчонки на восемь световых лет вокруг. Ты завоешь там от скуки и через пару недель запросишься к мамочке. А я прибуду за тобой лишь через пять лет. Тебе понятно?

— Вполне, — отозвался юный Горт и поднялся на борт корабля.

Черт его знает почему, но подобное безрассудство покорило коммадора Зинчеса. В том рейсе на корабле путешествовало немало известных и влиятельных людей, но коммадор неизменно приглашал к своему столу юношу с большими наивными глазами, напоминавшими куски хмурящегося неба, и с улыбкой, подобной оторванной вершине радуги. Зинчес угощал юнца дешевым вином и без устали болтал, донимая космическими байками. Время от времени он пытался выпытать, что забыл его гость на дрян-

ной планетке с уродливым именем Аманетея.

— Алмазы? Золото? Окись кобальта? — Зинчес знал, что на Аманетее работают астрогеологи.

Горт обыкновенно отмалчивался и лишь однажды, за несколько дней до прибытия, решился заговорить на эту тему.

— Коммадору приходилось слышать о девушке синего леса?

— Какой еще девушке? — спросил коммадор Зинчес, доливая свой бокал.

— Ну, девушке синего леса с Аманетеи. О ней упоминали многие, в том числе Рандауэлл, первым высадившийся на этой планете.

Коммадор басовито расхохотался.

— Местная дива? Кто она?

— Никто не знает. — Юноша нервно хрустнул пальцами, похоже, ему пришлось не по нраву слово «дива». — Не существует даже точного описания ее внешности. Одни видели ее высокой и белокурой, другие — хрупкой и черноволосой, третьим она представала маленькой с грудой пепельных волос. Но все встречавшиеся с ней сходятся в одном — девушка синего леса самое прекрасное существо из всех существующих в этом мире.

Зинчес продолжал веселиться.

— Вот как! — пробормотал он, давясь от пьяного хохота. — Девушка синего леса! Неведомая фея Аманетеи!

Горт обиделся. Увидев, как изменилось его лицо, коммадор посерьезнел.

— И ради нее ты решил отправиться в эту дыру?

Юноша кивнул.

— Ты сумасшедший, — сказал коммадор Зинчес. — Нет никакой девушки.

— Почему ты так уверен в этом?

— Да хотя бы потому, что на Аманетее нет синего леса! — отрезал коммадор.

— Глупец! — прибавил он на прощание, когда Горт сходил по трапу на мохнатую траву Аманетеи.

Корабль ушел, чтобы вернуться через долгие пять лет. В этот раз коммадору Зинчесу не удалось переговорить с Гортом. Он принял на борт двух геологов и тут же стартовал. Корабль опаздывал. Он вез сыворотку, которую ждали в Шабрионе, где свирепствовала чума. В дороге коммадор не раз разговаривал с пассажирами с Аманетеи. Спрашивал он их и о Горте. Геологи назвали Горта странным человеком, проводившим большую часть времени в ничем не примечательном лесу

к северу от базы.

— Он, кстати, собирался лететь с нами, но ушел в свой лес и не успел вовремя вернуться, — прибавил старший.

Коммадор Зинчес молча кивнул и позабыл о Горте. Позабыл на целые пять лет.

На этот раз он не привез никакого груза. Он должен был эвакуировать сотрудников базы и свободного исследователя по имени Горт. Трое вошли в переходной шлюз, а поднимавшийся последним Горт вдруг развернулся и бросился прочь в сторону виднеющегося вдалеке леса. Коммадор ждал его три часа, а затем велел выгрузить контейнер с продуктами и стартовать.

Когда корабль поднимался в небо, прорезая облака инверсионными спиралями, коммадору Зинчесу почудилось, что безбрежный ковер леса Аманетеи отсвечивает синим цветом. Но астронавт понимал, что это лишь оптическая иллюзия.

Горт тяжело платил за минутную слабость. Он остался на планете совершенно один. В Центр приходили истеричные, полные отчаяния радиограммы, умоляющие забрать его с Аманетеи. Но Центр не мог позволить себе подобную роскошь как спецрейс на отдаленную планету. Горт был

обречен ждать еще пять лет.

И настал день, когда корабль коммадора Зинчеса приземлился на зеленой лужайке неподалеку от жилища отшельника.

Так случилось, что корабль пришел на день раньше назначенного срока. Горта у себя не оказалось. Коммадор решил дождаться его.

Горт неплохо устроился. У него был просторный и прочный дом, огород, в котором росли всевозможные овощи, и даже садик из пяти крепкоствольных яблонь, сплошь покрытых кипенью белых цветов. Коммадор обосновался на траве под одним из этих деревьев. Он слушал доносящуюся из дома музыку и любовался причудливыми красками Аманетеи. Здесь было спокойно и уютно, но коммадор Зинчес не сомневался, что умер бы от тоски, доведись ему на целых пять лет оказаться в полном одиночестве. Одиночество сводит с ума. Впрочем, уверяют, Селкирк был счастлив на своем острове.

Горт объявился лишь под вечер. Багровое солнце Аманетеи уползало за черные гребни скал, когда вдалеке со стороны леса показалась крохотная фигурка человека. Горт шел, затем, увидев корабль, побежал. Перед коммадором Зинче–сом он предстал задыхающимся от спешки и вол-

нения.

— П–прилетели!

Коммадор кивнул, с любопытством разглядывая Горта. Жизнь на свежем воздухе явно пошла тому на пользу. Из инфантильного прыщавого юнца Горт превратился в крепкого мускулистого мужчину. Кожа его была окрашена ровным естественным загаром, подбородок и щеки покрывали густые волосы, небрежно оформленные в подобие лопатообразной бороды.

— К–когда старт?

От длительного одиночества у Горта нарушились речевые функции, он слегка заикался.

— Завтра ровно в пять по местному времени. Надеюсь, ты полетишь со мной?

— К–куда угодно!

На лице Горта появилась счастливая, почти идиотская улыбка. Глядя на него, коммадор не смог удержаться от того, чтобы не засмеяться. Они так и улыбались друг другу, словно несказанно обрадованные встречей.

Затем Горт пригласил дорогого гостя в свой дом. Здесь царили неестественная чистота и порядок. Пока коммадор осматривался, Горт быстро накрыл на стол. Готовил он лучше любого кухонного процессора, да и продукты все

были естественные, а не синтезированные полуфабрикаты, которыми питались астронавты. Коммадор отдал должное и еде, и вину, которое Горт изготавливал из винограда, собственноручно выращенного на склоне неподалеку от леса. Вино было превосходным — душистым и крепким. Оно быстро развязало языки. Горт даже стал меньше заикаться, и к нему вернулась прежняя юношеская веселость. Пред коммадором Зинчесом сидел тот самый юнец, с которым он повстречался много лет назад. И он, улыбаясь, расспрашивал юнца.

— Ну, как тебе здесь живется?

— В общем, н–нормально, только одиноко.

— А что же та девушка, из синего леса?

Горт махнул рукой — не стоит, мол, говорить на эту тему. Коммадор не стал настаивать. Налив себе еще вина, он сказал:

— Собери вещи. Мы должны стартовать без опоздания.

Они просидели до самого утра, изрядно опустошив запасы вина, а на рассвете вышли из дома. Горт не взял с собой ничего. Все свое имущество он оставлял Аманетее. В последний раз взглянув на родной дом, он решительно направился к ожидавшему на поляне кораблю. Но чем дальше,

тем все медленнее и тяжелее становился его шаг. Словно невидимый камень давил на плечи Горта. Перед самым трапом он остановился, и коммадор Зинчес был вынужден подтолкнуть его. Горт как–то странно взглянул на астронавта, вздохнул и вдруг бросился бежать прочь к чернеющему вдали лесу. Коммадор было устремился вслед за ним, но вскоре, убедившись, что Горта не догнать, отстал.

Ровно в пять корабль покинул Аманетею.

Минул очередной срок, и коммадор Зинчес вновь сидел в уютном домике Горта. Как и в прошлый раз, он пил вино, еще более крепкое и вкусное. Горт научился купажировать вина. И вновь все повторилось. Едва коснувшись ногой трапа корабля, Горт развернулся, готовясь пуститься наутек. Но коммадор Зинчес был настороже. Он схватил Горта и удерживал его до тех пор, пока на помощь не подоспели другие астронавты. То, что случилось позже, не поддавалось здравому объяснению. В Горта будто вселился демон. Шесть здоровенных мужчин не смогли совладать с ним. Горт вырвался и ушел. Ушел на пять лет.

Он не обиделся и радушно принял коммадора Зинчеса, когда корабль в очередной раз опу-

стился на Аманетею. Горту было под пятьдесят и из–за временного парадокса он стал сверстником коммадора. Горт слегка пополнел, оброс мясом и раздался в плечах. Они пили крепкую водку — с некоторых пор Горт стал отдавать предпочтение ей — и мирно разговаривали, понемногу и ни о чем, до тех пор, пока коммадор не спросил:

— Скажи, Горт, почему ты каждый раз убегаешь от меня?

— Н–не от т–тебя, от к–корабля, — поправил Горт, с трудом выговаривая согласные. — Я н–не м–могу улететь. М–меня н–не отпускает д–девушка с–синего л–леса.

— Ты опять вспомнил свою старую сказку!

— П–почему с–сказку? Она с–существует.

Свое «почему» было наготове и у коммадора.

— Почему же, в таком случае, ты не приведешь ее сюда?

Горт пожал плечами.

— Н–не з–знаю. П–порой м–мне к–кажется, ч–что я в–видел ее, а п–порой — н–нет.

— Как это понимать?

— Н–не з–знаю, — вновь повторил Горт. — Я в–видел ее, и н–не р–раз. Н–но л–лишь издалека. С–стоило м–мне п–приблизиться, она исчезала, и я н–не м–мог н–найти д–даже ее с–следов.

— А какая она из себя?

— Очень красивая. — Горт мечтательно поднял кверху глаза. Заикание его совершенно исчезло, словно это было неприличным — коверкать слова, когда речь шла о девушке синего леса. Фразы, вылетавшие из уст Горта, были столь поэтичны, что если бы кому–то вздумалось положить их на музыку, могла б получиться прекрасная песня… — У нее крепкая фигура, стройные, чуть полноватые ноги, пышная грудь. На ней серебристое платье, а в агатовых волосах спрятана крохотная корона из горного хрусталя.

— Ты уверен, что это именно горный хрусталь? — с легкой усмешкой спросил коммадор Зинчес, надеясь низвести патетику Горта до нормального рассудительного разговора.

— Уверен, — ответил Горт. — Она всегда обожала хрустальные украшения.

— Ты знал ее раньше?

— Нет, я сейчас говорю не о девушке синего леса. Я говорю совсем о другой, которую когда–то знал. Она чем–то похожа на девушку синего леса. Ее звали К–кэрол, она любила серебристый цвет и заколки из хрусталя, которые прекрасно подчеркивали густую черноту ее волос.

— Занятно, — пробормотал коммадор, чувствуя,

как в его голове рождаются странные мысли. — Ты не возражаешь, если мы завтра вместе сходим в лес? Мне хочется познакомиться с твоей прекрасной незнакомкой.

Горт молча кивнул.

Они вошли в лес с первыми лучами солнца. Темнота еще не покинула своих убежищ посреди ветвей, и потому деревья отливали глубоким фиолетовым цветом — сначала скорее черным, чем синим, но по мере того, как день вступал в свои права, антрацитовые тона уступали место кобальту с приме–сью камеди, затем аквамарину и наконец бирюзе, обрамленной ожерельем из изумрудов… Стрекотали пичуги, звонко трещали насекомые, над разноцветными шляпками цветов порхали причудливые бабочки. Коммадор и Горт шли по неприметным тропинкам, спускались в овраги, пересекали лужайки. Горт петлял по лесу с вожделением охотничьей собаки, порой даже казалось, что он принюхивается к следам. Наконец он вывел своего спутника на небольшую пустошь и приглушенно воскликнул:

— Вот она!

Коммадор Зинчес приставил ко лбу ладонь, чтобы защитить глаза от слепящих лучей солнца, и присмотрелся. Вне всякого сомнения, это

не могло быть зрительным обманом. Прямо напротив них стояла женщина, самая прекрасная из всех, что когда–либо приходилось встречать коммадору. Она была высока, стройна, длинноногa, алый комбинезон, обтягивавший тело, подчеркивал соблазнительные прелести. Девушка, словно позируя, повернулась, и коммадор невольно отменил, какие у нее великолепные волосы — длинные, до самого пояса, белокурой волной распущенные по плечам. На затылке их перевивала узкая черная лента, отчетливо виднеющаяся меж светлых прядей.

— Как она прекрасна! — прошептал коммадор Зинчес, не в силах оторваться от восхитительного зрелища.

— Я же говорил тебе! — воскликнул Горт, взволнованный не меньше своего спутника. — А посмотри, как сверкает корона в ее агатовых волосах.

Коммадор кивнул, хотя видел не корону, а черную лещу, да и волосы были не черными, а белокурыми — но что это меняло! Он посмотрел на Горта, тот взглянул на астронавта, и оба, не сговариваясь, бросились к прекрасной незнакомке. Они бежали столь быстро, что обогнали даже ветерок, вознамерившийся перелететь из одной

рощицы в другую. Они мчались подобно освободившимся от планетарного притяжения ракетам. Они почти настигли девушку синего леса. Почти, потому что в последний миг она растворилась в воздухе. Словно мираж, не оставив даже следа.

Астронавт и Горт еще долго бегали меж деревьев, но не нашли ничего, что могло бы поведать о таинственной незнакомке. И они покинули синий лес.

Горт простился с коммадором у трапа. На этот раз он даже не предпринял попытку бежать с планеты. А коммадор Зинчес не уговаривал его. Любые слова были неуместны и бессмысленны.

П–прилетай ч–через п–пять л–лет, — сказал Горт, — и я с–снова с–свожу т–тебя в л–лес, г–где т–ты с–сможешь п–полюбоваться девушкой с хрустальной короной в агатовых волосах.

Коммадор кивнул и ступил на ступени трапа. Мерно гудя, сомкнулись створы переходного шлюза. Из дюз вырвались узкие сгустки пламени…

Коммадор стоял в рубке, наблюдая за тем, как исчезают дом Горта, поляна и синий лес, а цветастое полотнище планеты с загадочным названием Аманетея превращается в усеченный колеблющийся диск. Когда же корабль разорвал

узы притяжения, коммадор оставил рубку и заперся в своей каюте, где осторожно извлек из кармана черную шелковую ленту, подобранную им этим утром под одним из деревьев.

Что бы ни говорил Горт, девушка синего леса все же была блондинкой.

Корабль приходит на Аманетею всего раз в пять лет…

Невероятная и поучительная история о курице и яйце[6]

.....

244–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Скучно. Исследовал четыре звезды. Одна из них, оранжевая, весьма привлекательна. Подумал, но не решился. Вместо созидания решил подкрепиться. Подкрепился. Оранжевое стало черным, горячее — холодным. Поглазел на застывшие, изломанные грани. Красиво, но уж больно однообразно. Заныла печень. Чертовски скучно.

245–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Не так скучно. Повстречал Теурга, подобного Себе. Старикан. Существует на два периода больше. Ощутил Его присутствие издалека, звезд за шесть или восемь. Рассчитывал повеселиться.

---

[6] Примечания: 6

Примечание издателя:

Публикуемые ниже строки представляют фрагмент так называемого Дневника Творца, обнаруженного в зашифрованном виде в кристалле турмалина, поднятого астроархеологической экспедицией доктора Мангауза с мертвой планеты Терра–Н–3.

Ошибся. Отвратительный философствующий идиот, пускающий слюни восторга. Соорудил себе мирок и наслаждается, владычествуя над ним. Млеет при виде крохотных букашек, наделенных примитивным мышлением. Букашки приносят ему жертвы, Теург дарит их вниманием и покровительством. Думал повеселиться, устроив небольшой апокалипсис. С десяток пожаров и всемирный потоп этому мирку не помешали бы. Теург не позволил. Поругались, стали мериться силой. Старикан оказался не столь хил, как представлялось вначале. Изрядно потрепал Мою шкуру. …! (Идиоматическое выражение, не поддающееся расшифровке. Далее ИВНР.) Ну и драпал же Я. Мчался во весь опор целых три системы. По пути обжегся о мантию сверхновой, которую этот Подлец воспламенил на Моем пути. Ответил тем, что выбросил в сторону Его мирка несколько метеоритных потоков с сильно искривленными траекториями. Пусть помучается, оберегая свое творение от скользких камешков. Побаливает обожженная о сверхновую рука (ИВНР). Нудит печень. Скучно.

247–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Вчера ничего не записал. Было лень. Болтался

меж звездами, размышлял. Пришел к неожиданной мысли — а не попробовать ли сотворить что–нибудь этакое? Старикан, похоже, был непритворно счастлив. Выходит, счастье — в действии! Недурная мысль. Стоит подумать над нею. Нашел пульсирующую звезду. Напьюсь…

248–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Напился. Трещит голова. В желудке словно черти нагадили (ИВНР). Всю сигнацию думал. Необходимо чем–то заняться. Безделие порождает глупые мысли, от которых пухнет голова. Недурно бы опохмелиться. Ох, недурно!

249–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Решился. Настроение превосходное. Даже печень, и ту отпустило. Плотно перекусив, отправился искать подходящее место. Поражаюсь, как же замусорена наша Вселенная! Сколько хлама! После долгих поисков обнаружил приличный участок. Полсигнации трудился в поте лица, растаскивая черных карликов и сооружая противокометные заслоны. Еще полсигнации отняла сверхновая. Любопытно, какому придурку вздумалось зажечь ее именно в этом месте?

Попытался отогнать. Куда там! Не вышло. Пришлось тушить (ИВНР). Два раза обжегся, а потом вспомнил, кто устроил этот небольшой костерок. Я. Каюсь, было скучно.

250–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Участок очищен. Можно приступать к сотворению. Признаться, слегка дрожат руки. Не с похмелья, нет! Волнуюсь. Как там учили? Наиболее благоприятные условия для мирка создает желтая звезда. И непременно лимонный оттенок. Иначе может выйти слишком горячей. И максимум осторожности. Уф, устал. Насколько же проще зажечь сверхновую. Набрал пару горстей межвещества да высек искру — детская забава. И как трудно сотворить что–нибудь стоящее. Весь вечер размышлял. Внезапно осознал, сколь убогое и примитивное существование доселе влачил. Бесцельно таскался по галактикам, пьянствовал да сцеплялся с такими же Проходимцами. Спасибо тебе, Теург, что невольно наставил на истинный путь. Спасибо! Так возбужден, что не хочется спать. Но надо. Надо! Завтра будет чрезвычайно трудная сигнация.

251–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня

Моего Появления.

Великий день. Начал творение мирка. Сконцентрировав Силы, соорудил один за другим шесть шариков, но все они оказались не тем, что хотелось бы. Разбросал их по орбитам вокруг звезды. Лишь седьмая попытка оказалась успешной. Ровный, аккуратный комочек, чуть сплюснутый с полюсов. Вдохнул в него жизнь. Лежу, любуюсь игрой ослепительных красок. Всегда находил восхитительными распускающиеся планеты, теперь же понял, что проклюнувшийся из семени росток выглядит намного прекраснее. Нежный алый язычок, пробивающийся из черноты набухшего семени. Укутываю его поплотнее силовыми полями, чтобы предохранить от пагубного воздействия космических вихрей. Звезда, нареченная мною Солнце, испускает ровное мягкое сияние. Пульсация лучей в норме. Совершенно доволен Своей работой. Я — величайший мастер.

252–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Уничтожил шальную комету. (ИВНР). На всякий случай осмотрел окрестности. Не притаился ли поблизости какой–нибудь шутник? Все чисто. Потребовалось время, чтоб успокоиться. Продолжаю творение. Создал атмосферу. Приш-

лось порядком порыться в памяти, прежде чем вспомнил формулу универсального эфира. Водород раздобыл без проблем, а вот с кислородом пришлось повозиться. Хотел даже заменить его хлором, но тут же передумал. Уж больно уродливы оттенки хлористых соединений! В конце концов труд и терпение победили. Атмосфера вышла на заглядение! Ложусь отдыхать с чувством величайшего удовлетворения. Я — молодец!

253–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Создание тверди — работка не из лёгких. Требуются расчет и точное знание законов мирозданья. Ну и, конечно же, фантазия. С фантазией у Меня дела обстоят неплохо. С законами — чуть хуже. Давненько не было практики. Но все же справился. По–моему, получилось неплохо. Очень неплохо. Химический состав почвы идеален для кислородноазотистых соединений. Пришлось попотеть, творя гранитные и базальтовые платформы, составляющие основу тверди. Устал, как никогда, но очень радостно. Воистину — радость Творца! Перед тем, как уснуть, долго пел песни. Печень — в порядке.

254–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня

Моего Появления.

Занимался водой. Само по себе не очень сложное занятие, но отнимает много энергии. Вновь возникла проблема с кислородом. Разрешил ее, подогнав к мирку два астероида. Что поделать, иногда и Творцу приходится прибегать к подобным трюкам. Зато воды получилось так много, что я занял ею три четверти мирка. Появились первые краски. Что–то еще будет! Я счастлив.

255–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Сегодня было над чем поломать голову. Теург при встрече похвалился, что его мирок заселен тридцатью мириадами растений. Не мог же Я допустить, чтобы Мое творение было менее совершенным! Задумал создать пятьдесят мириадов. В поте лица корпел над бесчисленным многообразием всяких там водорослей, грибов, слизевиков и семенных. А как трудно было объединить в единое целое крохотные споры и гигантские секвойи, сухой, худосочный мох, высаженный у полюсов, и бурную растительность, заполонившую экваториальные области. Не побоюсь показаться выспренным — это была неистовая симфония живого. Творение закончилось тем, что Я запел Сам и от счастья раскрасил три левые

конечности в зеленый цвет. Сейчас, перед тем как уснуть, рассматриваю их и наслаждаюсь покоем. Почему Я не догадался сделать это раньше?

256–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Настал черед живых существ. Еще накануне Я решил, что их будет вдвое больше, чем растений. Начал с самых маленьких. Они примитивны и похожи друг на друга. Сотворение их не отняло много времени. Следом Я создал более крупных существ, нарек их рыбами и заселил ими воду. О, среди рыб есть настоящие гиганты! Чуть больше времени отняло сотворение птиц, способных парить в воздухе. И последними Я породил тварей, населивших твердь. Невольно сбиваюсь на высокопарный тон, но сотворение живого увлекло Меня, более того — даже возвысило Меня в собственных глазах. Не думал прежде, что способен на подобное. Спа–ать!

257–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Доделывал разные пустяки. В частности, создал громадных рептилий, затем уничтожил их. Раздумываю над тем, почему так поступил. Занятный вопрос! Должен сознаться, здесь имело

место бессознательное проявление альтер–эго. Грандиозное претендует на величие. А великим здесь должен быть только Я. И потому разумные существа будут совсем небольшими. Ровно посередине между самыми огромными и самыми крохотными. И слабыми. Лишь в этом случае они будут испытывать необходимость во Мне, своем покровителе. Разумное должно быть слабым. Это разумно. Так решил Я.

258–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Ответственный день. Сегодня я создавал разумное существо. По биологическим параметрам вышел, как и требовалось, достаточно примитивный организм. Наибольшие трудности вызвало формирование сенсорных и мыслительных способностей. Здесь важно было не переборщить. Вышло презанятное и неуклюжее создание. Нарек его Адамом. На этом творение мирка завершено. Отметил сие радостное событие, выпив неосторожно приблизившуюся к солнцу пульсирующую звезду. Пою песни…

259–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Болит голова. Пришел человек. Не сразу вспом-

нил его имя. Задает вопросы. Пытаюсь сосредоточиться, понять, чего он хочет. А, кажется, его интересует, кто он такой и где находится. Прыткое существо. Напустив на себя важный вид, отвечаю, что он человек по имени Адам и что создал его Я, за что он и должен быть Мне благодарен. Человек благодарит Меня, и это приятно. Допрос продолжается. Ответил еще на пару пустых вопросов. Человек ушел, а Я тайно наблюдал за ним. Естественное и очень занятное создание. Голова прошла сама собой. Мирок радует Мое воображение яркими красками.

260–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Адам продолжает задавать вопросы. Он так чист и неиспорчен, что это не может не вызывать умиления. Объяснил ему строение мирка, научил пользоваться благами, которые создал. Во время разговора ощутил вдруг приближение Подобного. Тут же оставил Адама и вышел навстречу. Принял незваного гостя грубо, хотя впоследствии выяснилось, что он вполне приличный парень. Зовут Теос. Поговорили. Теос очень интересовался моим мирком, а потом вдруг предложил свои услуги в качестве иррационального оппонента. Молод, но шустр! Я, естественно, отказался. Тогда

Теос посоветовал Мне создать этот противовес. Зачем? — спросил Я. Он ответил, что в противном случае очень скоро Мне станет скучно. Возможно, он прав. Стоит над этим поразмыслить. Расстались вполне мирно. Теос угостил Меня куском пульсирующей звезды, Я пригласил Его в гости на празднование первого цикла существования мирка. Теос обещал прийти. Вечером опять говорил с Адамом. Признаться откровенно, человек слегка поднадоел. Спел песню, но без особого воодушевления.

262–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Накануне был занят мелкими хозяйственными делами. Подправлял всяческие недоделки. Соорудил вулканы. Очень красивое зрелище, чтобы от него отказаться. Разместил их подальше от человека. По его просьбе сотворил еще несколько растений с вкусными и питательными плодами. Человек долго благодарил Меня. Сегодня размышлял над словами Теоса. Сдается, он прав. Нужно иметь кого–то, кто б время от времени возражал и мешал мне. Это развеивает скуку. Существо должно быть достаточно сильным, самым сильным в мирке, исключая, естественно, Меня. Подумал еще, взвесил все за и против, и решил,

что следует создать, чем и занялся, не откладывая дела в долгий ящик. Вышел преотвратный тип с большими амбициями, тут же заявивший, что скоро станет первым и переделает Мой мирок. Я снисходительно усмехнулся, но подумал, что отныне надо будет держать ухо востро. Да, забыл упомянуть, что своего противника нарек Сатаной — самое препротивное имя, какое только смог выдумать. Спал слегка беспокойно. Печень в норме.

263–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Адам продолжает задавать вопросы. Сатана пытается свести с ним дружбу. Я предупредил Адама, раскрыв ему глаза на истинную сущность Сатаны. Адам поблагодарил Меня. В награду за послушание сотворил для него новый плод, нареченный Мною яблоком.

266–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Сатана не перестает интриговать. Я отвечаю контрмерами. Это действительно развлекает. Адам на моей стороне. Мирок все краше и краше. Сегодня Адам впервые по собственной воле поблагодарил меня за те милости, которыми я его одарил. Чертовски приятно. Хотел опорожнить

пульсирующую звезду, но передумал. Творец должен иметь ясную голову. Пел песни.

268–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Адам изменился. Он стал не в меру любопытен. Некоторые вопросы звучат весьма странно. Сегодня утром спросил, к примеру, почему в мирке нет существа, с которым Адам мог бы совокупляться. Вопрос несколько покоробил Меня. Похоже, от непорочности Моего творения не осталось и следа. Впрочем, это вполне естественно, ведь Сатана не сидит сложа руки. Где–то я допустил промашку… Адам настойчив. Не стал переубеждать его. Сказал, что здесь имеет дело досадное недоразумение, просчет, так сказать. Пообещал исправить ситуацию, тут же начал исполнять обещание. Новый человек, женщина, вышла весьма привлекательной, хотя и неимоверно глупой. Назвал ее Евой. Призвал Адама и отдал ему Еву. Похотливые существа безмерно счастливы, по поводу чего Сатана не преминул поиздеваться надо мной. Заснул с чувством легкой досады. Не все так идеально, как хотелось бы.

269–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Сатана продолжает интриговать, и не без успеха. Адам стал менее почтителен, а порой отваживается на откровенную дерзость. Так, вчера он заявил Мне, что созданный Мной мирок несовершенен, и что он, Адам, собирается исправить его. Причем сказано это было непередаваемо наглым тоном (ИВНР). Я стерпел, а по уходу Адама осчастливил мирок болезнями. Ближе к вечеру поймал пульсирующую звезду. Не стоило б этого делать, но уж больно терзает сердце обида, нанесенная мерзким человеком. Сижу и пью. Грустно. Адам и Сатана играют в карты. Им весело.

273–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Ужасно болит голова. За предшествующие три сигнации Я поглотил пять или шесть пульсирующих звезд. Ударная доза! Адам не появляется. Он строит себе дом. Гадкое, неблагодарное существо! (ИВНР). Засек еще одну пульсирующую звезду. Спешу к ней…

275–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

У Адама и Евы родился сын. Адам пришел ко мне и попросил стать Покровителем мальчика. Вид при этом у Адама был самый что ни на есть

смиренный. Я исполнил просьбу, и Адам долго благодарил Меня. Я расчувствовался и увеличил ему содержание. Адам получил от Меня виноград, сок которого оказывает на человека примерно такое же воздействие, какое на Меня пульсирующая звезда, однако я не раскрыл Адаму тайну сока. Еще рановато. Вечером без приглашения явился Сатана. Он вел себя достаточно вежливо, и Я соизволил принять его. Поболтали о разных пустяках, после чего Сатана заявил, что готов поспорить, что он совершенно развратит Адама. Я уклонился от спора. Когда на землю спустилась ночь, Я тайком пробрался в Сад, где стоит дом Адама, но поговорить с ним не смог, так как человек был вдребезги пьян. Несолоно хлебавши вернулся к себе и сделал то, чего не стоило б делать — опустошил еще одну пульсирующую звезду.

276–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Ноет печень, дрожат конечности. Нет, с этим надо завязывать…

278–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Сатана изобрел карты и научил Адама играть в них. Ради интереса попробовал Сам. Весьма

любопытная забава. Играл в карты с Сатаной. Проиграл треть тверди. Попытался отыграться, поставив на кон обязательство: ни при каких условиях не покидать мирок и не причинять вред человеку — так потребовал Сатана. Вновь проиграл. По–моему, Сатана жульничает. Недаром он так хитро улыбался, а на прощание похлопал меня по плечу и сказал, что главные огорчения у Меня впереди.

280–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Нет, так больше продолжаться не может! Люди обнаглели совершенно. Их род расплодился. Они пользуются дарованными Мною благами, забывая при этом о самой элементарной благодарности. Адам высоко задрал нос и больше не упоминает Мое имя в молитвах. Его потомки и того хуже. Долго колебался, прежде чем решиться отказать Адаму в приюте. Вообразите Мое возмущение, когда этот наглец осмелился заявить, что не покинет Сада. Хотел примерно наказать его, но тут заявился Сатана и напомнил, что Я поклялся не причинять человеку вред. Скрипя зубами, отступился. Вдруг подумалось — а не бросить ли все это к черту и не вернуться ли к прежней жизни? Разве плохо было скитаться меж звезд! Но Сатана

словно прочитал Мои мысли.

Не успел Я подумать, как он был тут как тут. Сатана слово в слово повторил Мою клятву, в которой я обещал не оставлять мирок. (ИВНР). На душе мерзко. Сатана и Адам ухмыляются. Ну ничего, я найду способ поквитаться с ними!

281–я сигнация 16–го периода 3–го цикла со дня Моего Появления.

Хе–хе! Напустил на Сад такой холод, что едва не околел Сам. Адам ходит синий и шмыгает носом. Ева и детишки болеют. Узнав о случившемся, пришел Сатана. Пытался доказать, что Я нарушил клятву, однако безрезультатно. Я ни на йоту не отступил от Своих обещаний не причинять вред Адаму. Что поделать, если перестала греть печка? Сказал Сатане, что виной всему всемирное похолодание, от Меня совершенно не зависящее. Сатана был вынужден сделать вид, что поверил Моим словам. Чихаю. Сад совершенно вымерз. Надеюсь, Адам долго не продержится. Поймал пульсирующую звезду и тут же опустошил ее. Быть может, это спасет Меня от насморка.

282–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Не спасло. Чихаю и кашляю одновременно, в

груди и конечностях ощущается жжение. Однако чувствую себя победителем. Люди не выдержали и убрались из погибшего Сада. Они обосновались на земле. Сатана пытается научить Адама премудростям жизни, но, похоже, это у него не очень–то получается. Посмотрим, что–то еще будет дальше!

283–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Пришел Адам. Я принял его холодно. Адам жалок. Он умоляет Меня вернуть ему Мое покровительство. Горько кается, что связался с Сатаной, и клянется отречься от него. Что ж, не скрою, Мне приятно, что человек поумнел, но Я не склонен доверять ему как прежде. В конце концов Я соглашаюсь помогать ему, но на определенных условиях. Заботиться о пропитании и крове Адам теперь должен сам. Я ж буду оказывать ему самое общее покровительство. Адам рад. Оказывается, он не рассчитывал даже на это. Ощущаю легкую досаду, что запросил слишком мало. Потребовал тут же отречься от Сатаны, что Адам охотно сделал. Приятно. Чувствую себя победителем. На радостях научил Адама правильно возделывать землю. Перед тем, как отойти ко сну, спас мирок от неминуемой гибели, уничтожив комету. Уж

не Теоса ли это проделка? Спал беспокойно.

287–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Адам умер. Подозреваю, это случилось не без помощи Сатаны, разозлившегося на Адама за то, что он переметнулся ко Мне. Позаботился о достойном погребении. Все же Адам был неплохим существом, дерзким и непочтительным порой, но душа его была чистой. Принял от детей Адама клятву верности. Сатана оживился. Пытается настроить людей против меня. Пока безрезультатно.

289–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Один из сыновей Адама, Каин, убил своего брата. Я возмущен до предела. Как могло существо, порожденное Моей волей, докатиться до убийства себе подобного! Призвал к ответу Сатану. Тот и не подумал отпираться, сознавшись, что все это подстроил он, и тут же уколол Меня, спросив, а следовало ли создавать людей такими несовершенными. Я прикусил язык и воздержался от спора, но про себя подумал: умник, а что бы ты делал, если бы они были такими, как ты?! Долго размышлял над тем, как поступить с Каином. Сна-

чала хотел разложить убийцу на первовещество, но так как Каин принес обильную искупительную жертву, помиловал его. Блажен тот, кто не забывает имени Творца. Вечером играл с Сатаной в карты, он снова жульничает. Надо придумать какую–нибудь логическую игру, где мошенничество будет невозможным. Неплохо приняли. По сему поводу опасаюсь за состояние печени.

290–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Печень ничего, зато болит голова.

291–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Голова болит…

293–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Сатана воспользовался Моим бездействием и возвернул утраченное было влияние на людей. (ИВНР). Я сошел на землю и ужаснулся. Всюду разбой, грабежи, насилия, убийства. Люди — жестокие животные, нет — хуже животных! Брат не доверяет брату, сын поднимает меч на отца. Торжествуют порок и злоба. Сатана доволен. Посмотрим, что–то будет дальше.

299–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Совершил замечательную прогулку меж звезд, посетил Теурга. Старик выглядит слегка приунывшим. Его создания, потеряв стыд и совесть, пытаются третировать своего Покровителя. Я посоветовал быть с ними построже. Старик согласился, но без должной решимости. На прощание Он посоветовал Мне быть поосторожней. Я рассмеялся в ответ. У кого–кого, а у Меня все в порядке. Я более чем уверен в этом. Я не из тех, кто выпускает ситуацию из–под контроля. Едва вернулся, как ко Мне примчался Сатана. Куда только подевалась его былая спесь! Сбиваясь и путаясь, Сатана сообщил, что люди обнаглели настолько, что не признают и его. Милый мой, сказал ему Я, а чего же ты хотел?! Ты думал, так легко вершить судьбу мирка?! Надеюсь, теперь ты разуверился в своем заблуждении?! Сатана подтвердил, что разуверился, и изъявил готовность впредь прислушиваться к Моим словам. Что ж, пришло время диктовать Свою волю. В конце концов мы, Я и Сатана, пришли к согласию. Сатана признал Меня первым, а Я в Свою очередь предоставил ему право на определенную свободу действий. Обмыли наш союз, после чего стали

решать, как поступить с отбившимися от рук людьми. Сатана был за то, чтобы уничтожить их и создать других. Я выступил против. По правде говоря, не хочется ломать голову и выдумывать что–то новое. Да и где гарантия, что это новое окажется лучше старого?! В конце концов все же порешили уничтожить почти всех, но оставить немного на развод. Сатана отыскал семейство, не безгрешное, но самое приличное из всех. Я явился к главе оного, человеку по имени Ной, во сне и надоумил его соорудить большую деревянную лодку. Надеюсь, Ной понял, что все это не было плодом его пьяного воображения, в противном случае Моя затея пойдет насмарку. Ночь прошла беспокойно. Сатана остался спать у Меня. Его мучили кошмары, и он часто вскрикивал во сне.

1–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Потоп удался на славу. Смею утверждать, Я великий мастер на всякого рода апокалипсисы, в особенности огненные. Но Я не стал карать мирок огнем, ожоги долго заживают. Взбаламутив океаны, Я обрушил на твердь воду. Людишки гибли мириадами. Не скажу, что это было приятно Мне, но это было нужно. Творение обязано почитать своего Творца. Уже наступили сумерки, когда Я

спустил воду и отправился спать. Нализавшийся Сатана ужасно храпел всю ночь.

11–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Все хорошо. Все вернулось. Мирок вновь радует Мой глаз яркими красками. Он не столь совершенен, как вначале, зато вполне покорен Мне. Люди возродились и обустроили свою жизнь. Они темны и несведущи, так как ни Я, ни Сатана не даем им знаний. Слишком уж памятно, к чему все это привело. Человек по–прежнему жесток и агрессивен. Он предпочитает жену соседа своей собственной. Пусть! Главное — он восхваляет Меня и курит фимиам во славу Творца. Наконец–то я получил то, что хотел — котел с кипящим варевом. Войны, измены, любовь, предательство — есть чем занять воображение. Днем Я наблюдаю за жизнью мирка, а вечером приходит Сатана, и мы играем в игру, изобретенную Мной. Я назвал ее — шахматы. Очень странно, но сдается, Сатана научился жульничать и здесь. По крайней мере раз от разу Я проигрываю все чаще. Мерзкий ехидный жулик!

14–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Человек освоил моря и начал борьбу за них. Сегодня утром Я был свидетелем боя деревянных сооружений, именуемых триерами. Впечатляющее зрелище! Враждующие стороны усердно умоляли Меня подарить им победу. Они называли Меня разными именами, а жертвы их были одинаково обильны. Поэтому победа досталась сильнейшему. По–моему, это справедливо. Вечером поговорил с Сатаной. Попросил его заменить Меня, покуда Я проведаю старика Теурга. Ночью слегка щемило грудь. Похоже, Я начал отвыкать от дальних странствий.

16–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Вернулся к Своему мирку. Странно, очень странно. Старика Теурга я не нашел, а на месте Его мирка чернеет обугленный шар. Похоже, Старикан не рассчитал Силы и поплатился за это. Как бы подобные проблемы не возникли и у Меня. Поделился Своими опасениями с Сатаной. Он поддержал Мое предложение насчет того, чтобы усилить охрану мирка. Спали оба беспокойно.

19–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Мои опасения подтвердились. Утром Я уловил

приближение Подобного. Предупредив Сатану, Я отправился навстречу неизвестности. Это был Теос. Он завел разговор издалека, затем намекнул, что пришел отпраздновать юбилей мирка, на что Я возразил, что юбилей еще не скоро. Теос пытался вилять, но Я прямо спросил Его, знает ли Он, что случилось с Теургом. Теос сказал, что не знает, но Я уверен, что Он лгал. Это Он убил Теурга и уничтожил Его мирок, а теперь пришел, чтобы расправиться со Мной. Я не стал ждать нападения и нанес удар первым. Теос ответил. Мы метались в калейдоскопе звезд, пытаясь поразить друг друга. Силами. В конце концов я исхитрился и ударил Теоса в Его четырехмерное сердце. Перед тем, как бежать, Теос прошептал: Дурак, Твой мирок сожрет Тебя! Я рассмеялся. Я чувствовал себя великим и непобедимым. Я вернулся к Себе, и мы с Сатаной закатили роскошный пир по поводу Моей победы. И впервые за последнее время Я пел песни.

26–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Люди удивляют Меня все больше и больше. Как сильна, оказывается, у них страсть к самовозвеличиванию. Ничего не имею против того, когда они провозглашают себя императорами и

богами, но среди них встречаются безумцы, претендующие на имя Творца, Мое имя. И не всегда удается разоблачить их. Все чаще люди почитают подобных себе, возводя их в Мой ранг. В целом это не столь страшно, но порой становится обидно, когда что–то сделанное Тобой приписывается кому–то другому. Сатана полностью согласен со Мной. Играем в новую игру, которую придумал Я. Она проста и предельно логична, в ней нет места для обмана, но Сатана непостижимым образом продолжает выигрывать. Признаться честно, Меня это раздражает.

59–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Давно не наблюдал за людьми. Все размышлял над смыслом Моего существования. Сегодня спустился на землю и внезапно обнаружил, что люди здорово шагнули вперед. Они овладели науками, опасными для их слабого разума, научились использовать пар и электричество, открыли свойства нефти. Человек стал очень циничен. Хотя он пока не рискует отвергать Меня, но уже пытается обосновать Мою ирреальность рациональным путем. Надо присматривать за людьми более внимательно. Побаливает печень. Сатана ходит раздраженный.

61–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Дождались! Сегодня люди запустили в небо примитивный космический аппарат. Мало того, что Я позволил им парить в эфире, подобно птицам, теперь они захотели летать меж звезд, посягнув на право Мое и Мне Подобных. Похоже, здесь не обошлось без Сатаны. Он пытается выглядеть недовольным, но, подозреваю, ловко маскирует под личиной недовольства свои истинные чувства. Надо поговорить с ним. Поговорил. Сатана ни в чем не сознается. Напомнил ему о нашем соглашении. Сатана стоит на своем. Но человек не мог, не мог, (ИВНР), сам дойти до всего этого! Почему–то пришел на память удрученный Теург, каким Он был во время нашей последней встречи. Его явно что–то угнетало. Что же все–таки с ним произошло? Ночью почти не спал, все думал. Под утро явился пьяный в стельку Сатана. В последнее время Я редко вижу его трезвым.

64–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Человек полностью овладел тайнами атома и силовых полей. Космолеты посетили ближайшие планеты и достигли солнца. Я в затруднении. Не

знаю, что и делать. Люди усердно славят Меня, но сдается Мне, в их мольбах нет былой искренности. Я рискую превратиться в традицию, а традиции рано или поздно отмирают. Сатана бегает по земле, пытаясь возмутить недовольство. Он подбивает людей против Меня, против себя, против им подобных. Он суетится, словно предчувствуя беду. И, похоже, он волнуется не напрасно. Надо и Мне что–то делать. Спал беспокойно. Болит голова, печень, порой ноет сердце. (ИВНР).

66–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Сегодня впервые за много сигнаций ко Мне пришел человек. Он был облачен в блестящий серебристый костюм и держал в руке кожаную папку. Ну, здравствуй, Творец, — сказал человек, даже не подумав отвесить поклон. Я не ответил и грозно посмотрел на него, однако Мой разгневанный вид мало смутил человека. Мне надо поговорить с тобой, — сказал он. Так и сказал — мне **надо**, с **тобой**! Я хотел испепелить человека, но внезапно обнаружил, что не могу этого сделать. Человек был неуязвим, о чем он со смехом и поведал мне. Потом он сказал, что человечество — подумать только — человечество! — хочет, что-

бы я сделал для него то–то и то–то. Разразившись громогласным хохотом, Я велел ему убираться. Человек повиновался, но, уходя, бросил, что еще вернется и продолжит разговор. После его ухода Я вне себя от ярости хотел излить на землю огненные потоки, однако очень скоро убедился, что Силы не повинуются Мне. Сразу заныло сердце. Не обращая внимания на боль, Я бросился на поиски Сатаны. После долгих мытарств Я обнаружил его заключенным в клетку в одном из так называемых научных институтов людей (ИВНР). Обнаглевшие создания изучали «сверхъестественное», как они выразились, отвечая на Мой грозный вопрос, существо. Я обрушил на них огонь, но тот не причинил людям вреда. Я попытался освободить Сатану, но наложенные на него путы оказались слишком крепки. В конце концов Я отступил и с позором бежал. Происходит что–то ужасное! Люди совершенно отбились от рук!

67–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Вновь пришел тот же человек. Он сказал, что нам лучше договориться. Послал его на край Вселенной. Человек заявил, что это не ответ. Он играл Силами и не замедлил продемонстрировать свою мощь. Мне пришлось поступиться

гордостью и выслушать требования этого негодяя. А желал он ни много ни мало, как превратить Меня в слугу людей, чтоб иметь возможность использовать Мои Силы. Я сказал ему все, что думаю по этому поводу. Человек пригрозил Мне суровыми карами и ушел (ИВНР). Им Меня не взять! Я не Сатана. В конце концов ведь это Я породил всю эту пакость, которую они высокопарно именуют миром людей. Ладно, Я уступлю. Пусть живут как знают. Этой же ночью Я брошу мирок и растворюсь в галактиках!

68–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Ночью ничего не вышло. Люди оказались хитрее, чем Я предполагал, а их силы слишком могущественны. Эти отвратительные самоуверенные существа посадили Меня на цепь и сказали, что Я буду сидеть так до тех пор, пока не одумаюсь и не выкажу желания служить во благо человечества. Как служит ему Сатана. Они пытаются добиться от Меня согласия обращаться к Себе как к равному. Подумать только — Человек равен Творцу! (ИВНР). Человек! Какое отвратительное слово! И зачем я только нарек им тех, кто был рожден стать Моею забавой! Этот Червяк пытается равняться со Мной и подобными. Не

уступлю! Но как же ноет сердце! И когда–нибудь это добьет Меня.

70–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Все по–прежнему. Видел Сатану. Он приходил с человеком уговаривать Меня. Сдается, Сатана уже не сумеет обыграть меня ни в шахматы, ни даже в карты. Стараюсь дышать ровно, чтобы не волновать сердце. По–моему, Мне изменила одна из конечностей. (ИВНР). Все равно не сдамся!

73–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Люди подволокли к мирку новую, более яркую звезду. Это уже не лезет ни в какие рамки! Эх, нашелся бы на вас Теос!

77–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Болит голова. Меня по–прежнему держат на привязи. Приходил человек, уже другой. Прежний–хвала судьбе! — разложился. Новый человек поставил ультиматум: или Я добровольно соглашаюсь служить человечеству, или оно обращает Меня в раба. Я постарался изобразить надменность, — не знаю, правда, получилось ли это у Меня или нет, — и выгнал его. Сразу после ухода

человека явились какие–то рабочие и соорудили вокруг меня клетку. Хочется напиться, но добраться до пульсирующей звезды нет никакой возможности.

79–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Люди приволокли к мирку плененного Подобного. Глазам своим не поверил — ведь это же Теос! Но как он изменился! Какой жалкий у него вид! Как мне сказали, Теос дал согласие работать на людей. Они зовут его — Наш Теос (ИВНР). Ночью попробую разорвать путы.

80–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

(ИВНР). Ничего не вышло. (ИВНР). Пришел человек и издевался надо мной. Сказал, что если они не займутся всерьез моим сердцем и печенью, Я очень скоро исчезну. Я отказался. Вечером изменила еще одна конечность. (ИВНР). Силы почти не подчиняются Мне.

82–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Люди одели на Меня ошейник. Мне объявили, что отныне Я бесправный раб. Спросил, могу ли Я еще подумать над их предложением. Они

согласились.

83–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Делаю вид, что готов покориться. Попросил принести пульсирующую звезду. Приходивший ко мне человек кивнул головой. Уходя, он сказал, что люди собираются подтащить свой мир поближе к Альфе Центавра, где не столь сильны космические течения. Хорошенькое известие!

85–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Сегодня Мне наконец–то принесли пульсирующую звезду. Они полагают, что после этого Я приму их предложение. (ИВНР). Самоуверенные ублюдки! Да Я скорей откушу собственную голову! В последнее время стал философски относиться к жизни. Все рано или поздно исчезает. Разница лишь в способе, сроках и пути. Давным–давно Меня учили, что Сила, помноженная на Силу, дает взрыв. Да будет так! Если судьбе угодно, Я уйду (ИВНР). Да здравствуют Свободные Подобные! (ИВНР). Слава Мне! (ИВНР). Ух, как же трещит голова. Нехорошо заниматься подобными делами на больную голову…

86–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня

Моего Появления.
ИВНР!

